

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ
В ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ
СТАРОПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ

振兴东北

51 ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ XVII—XXI ВВ.

ISBN 978-5-6040734-5-2

9 785604 073452

Russian Academy of Sciences
Far Eastern Branch
Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East

THE HISTORY OF NORTHEAST CHINA XVII—XXI Century

Volume 5

Northeast China
during the Revival
of Old Industrial Base

Vladivostok
IHAE FEB RAS
2018

Российская академия наук
Дальневосточное отделение
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ XVII—XXI вв.

Книга 5

Северо-Восточный Китай
в период возрождения
старопромышленной базы

Владивосток
ИИАЭ ДВО РАН
2018

УДК 94 (510.1)

История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. — 356 с.

ISBN 978-5-6040734-5-2

Монография завершает цикл трудов по истории Северо-Восточного Китая. В книге представлены результаты комплексного изучения политического, экономического, социального и культурного развития региона в начале XXI в. В фокусе исследования вопросы эффективности государственных стратегий регионального развития и проблемы социально-экономического неравенства в период возрождения старопромышленной базы КНР. Особое внимание в исследовании уделено проблемам развития торгово-экономических и межкультурных связей северо-восточных провинций Китая с дальневосточными регионами России.

Книга предназначена для историков, специалистов-международников и всех, кто интересуется историей и современным развитием Китая.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, Маньчжурия, Дунбэй, старопромышленная база, модернизация, региональная политика, социально-экономическое неравенство, региональная идентичность, Дальний Восток России, приграничное сотрудничество.

The History of Northeast China XVII—XXI Century: in 5 vol. Vol. 5. Northeast China during the Revival of Old Industrial Base. — Vladivostok: IHAЕ FEB RAS, 2018. — 356 p.

ISBN 978-5-6040734-5-2

The book closes a series of publications on the history of Northeast China. It presents the results of comprehensive research of political, economic, social and cultural development of the region in early 21st century. The book focuses on the issues of effectiveness of state regional development strategies and socio-economic inequality during the policy of revival of Chinese old-industrial base. Special attention is paid to the study of the development of trade, economic and cultural ties between Northeast China and the Russian Far East.

The book intended for historians, professionals in international relations, teachers and anyone who is interested in the history and recent development of China.

Keywords: Northeast China, Manchuria, Dongbei, old-industrial base, modernization, regional policy, socio-economic disparity, regional identity, Russian Far East, cross-border cooperation.

Главный редактор член-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. *В.Л. Ларин*

Авторский коллектив: *С.А. Иванов, И.В. Ставров, И.Ю. Зуенко, О.Н. Рисухина, Г.В. Кондратенко*

Ответственные редакторы: канд. ист. наук *И.В. Ставров*, канд. ист. наук *С.А. Иванов*

Рецензенты: д-р ист. наук *Л.В. Забровская*, канд. экон. наук *М.В. Александрова*

Утверждено к печати Учёным советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

ISBN 978-5-6040734-5-2

© ИИАЭ ДВО РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1. Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в начале XXI в.	19
1.1. Зарождение новой региональной политики на Северо-Востоке	19
1.2. Общественно-политическая дискуссия о политике возрождения Северо-Востока	49
1.3. Ключевые меры центральных властей по развитию региона ...	56
1.4. Стратегия и планы возрождения Северо-Востока: содержание и задачи	66
Глава 2. Политическое развитие северо-восточных провинций КНР в начале XXI в.	105
2.1. Динамика политического процесса в регионе	106
2.2. Практика ротации кадров. Руководство северо-восточных провинций	117
2.3. Участие региональных властей в возрождении старопромышленной базы Северо-Востока	129
Глава 3. Экономическое развитие Северо-Восточного Китая в начале XXI в.	165
3.1. Тенденции и проблемы экономического развития	165
3.2. Внешнеэкономические связи	184
3.3. Туристическая отрасль	206
3.4. Стратегии и программы экономического сотрудничества с Россией	217
Глава 4. Трансформация системы социального обеспечения в Северо-Восточном Китае в начале XXI в.	259
4.1. Межрегиональное и внутрирегиональное социальное неравенство	259
4.2. Социальная политика	272
Глава 5. Культура в Северо-Восточном Китае в начале XXI в.	293
5.1. Преобразования в культурной сфере	293
5.2. Художественная культура	311
Заключение	349

CONTENTS

Preface	7
Introduction	9
Chapter 1. The Northeast in the Regional Policy of China's Central Government in Early 21st Century	19
1.1. The Birth of New Regional Policy toward the Northeast	19
1.2. Socio-Political Discussion about the Strategy of Reviving the Northeast	49
1.3. Central Government's Key Initiatives to Develop the Northeast ...	56
1.4. Strategy and Plans to Revive the Northeast: Contents and Goals ...	66
Chapter 2. Political Evolution of Northeast China Provinces in Early 21st Century	105
2.1. Dynamics of the Political Process in the Region	106
2.2. Key Personnel Turnover in the Northeast	117
2.3. Provincial Government's Role in Reviving the Northeastern Old Industrial Base	129
Chapter 3. Economic Development of Northeast China in Early 21st Century	165
3.1. Trends and Challenges of Economic Development	165
3.2. Foreign Economic Ties	184
3.3. Tourism Industry	206
3.4. Strategies and Programs of Economic Cooperation with Russia ...	217
Chapter 4. Evolution of the Social Welfare System in Northeast China in Early 21st Century	259
4.1. Interregional and Intra-regional Social Inequality	259
4.2. Social Policy	272
Chapter 5. Culture in Northeast China in Early 21st Century	293
5.1. Reform and Development of the Cultural Sector	293
5.2. Artistic Culture	311
Conclusion	349

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга завершает многотомное исследование истории Северо-Восточного Китая с XVII в. Этот большой научный проект зародился в начале 1970-х гг. и воплотился в пяти монографиях, последовательно описывающих историю региона: с XVII в. по 1911 г. (первая, издана в 1987 г.), с 1911 по 1949 г. (вторая, 1989 г.), с 1945 по 1978 г. (третья, 2004 г.), с 1979 г. по конец XX в. (четвёртая, в печати) и современный период (заключительный пятый том).

Изначально перед исследовательским проектом стояла чёткая государственная задача сформировать советское видение истории Северо-Востока Китая. Для СССР, как и для России, это был не только приграничный регион соседней страны, но и территория, образующая единую экосистему (Амурский бассейн) с югом Дальнего Востока, во многом имеющая общую с ним историю развития. К тому же северо-восточные провинции Китая долгие годы (с середины XIX до середины XX в.) являлись объектом особых экономических интересов Российской империи и СССР и именовались Маньчжурией. Книги 1980-х гг. рассматривали историю региона через призму марксизма-ленинизма и строились на антиколониальном дискурсе. Первый том стремился показать самобытность и важность территории, критикуя китайские и западные концепции, которые рассматривали её как малозначимую или неотъемлемую часть Китая, а аборигенов относили к ханьцам. Лейтмотивом второй монографии стало осуждение японской колониальной политики, вместе с националистическими силами Китая замедлявшей переход страны к коммунизму.

Ещё одна особенность советских изданий заключалась в авторском составе. Они были подготовлены в тесном сотрудничестве с московскими китаеводами — сотрудниками Института Дальнего Востока АН СССР В.С. Мясниковым и Б.Г. Сапожниковым.

С распадом Советского Союза государственная идеология перестала определять исследовательский фокус, и в трёх последних томах авторы отказались от опоры на марксизм-ленинизм. Но возникла другая проблема: какую парадигму выбрать для комплексного изучения

истории региона? Решением третьей монографии формально был цивилизационный подход, но всё же стержнем издания стала не теоретическая, а вполне прикладная идея — показать значимую роль СССР в модернизации Северо-Востока Китая в 50—70-е гг. XX в. В четвёртой и пятой книгах к такому приёму уже нельзя было прибегнуть: СССР и Россия перестали определять судьбу региона, государственная задача сформировать внутри страны чёткий образ Китая и его отдельных территорий больше не ставилась. Последние два тома написаны без единой теоретической парадигмы, акцент сделан на анализе нескольких базовых проблем, характерных для социально-экономической и культурной жизни в конкретный исторический период.

С 1990-х гг. исследование по проекту проводили китаеведы Владивостока, что связано с объективными причинами кризиса науки в России, разрушением горизонтальных связей и сокращением финансирования. Исключение составляет четвёртый том: в состав коллектива, который над ним работал, вошёл научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Д.А. Смирнов.

За все годы в многотомном исследовании приняли участие В.С. Мясников, Б.Г. Сапожников, Г.П. Белоглазов, Н.П. Гридина, Г.Ф. Захарова, Г.С. Каретина, М.А. Патрушева, Г.Н. Романова, Г.А. Сухачёва, Г.И. Ткаченко, Ф.В. Соловьёв, В.М. Нам, А.И. Петров, В.А. Гайкин, В.Л. Ларин, Н.В. Кочешков, Л.И. Головачёва, И.В. Ставров, Н.П. Рябченко, Н.А. Лебедева, О.Н. Рисухина, Г.В. Кондратенко, Л.В. Забровская, Д.А. Смирнов, И.Ю. Зуенко, С.А. Иванов.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей монографии представлены результаты комплексного исследования развития Северо-Востока Китая в начале XXI в. В 1950—1970-е гг. территория находилась в авангарде индустриализации страны. Но бывшее преимущество периода командно-распределительной системы превратилось в недостаток при переходе национального хозяйства к рынку. К концу XX в. регион стал местом концентрации крупных заводов тяжёлой промышленности, которые либо устарели и требовали больших вложений для своей модернизации, либо оказались убыточными в процессе преобразования экономики страны. Такие районы есть во многих промышленно развитых государствах, включая Россию. В западном общественно-политическом и научном языке они чаще всего именуется «ржавым поясом» (rust belt), в китайском — «старопромышленной базой».

Северо-восточная старопромышленная база интересна особыми характеристиками: большими размерами моногородов ресурсного типа (несколько миллионников); широким географическим охватом и высокой концентрацией устаревшей промышленной инфраструктуры; своей принадлежностью государству и — соответственно — опасностью политизации любых радикальных реформ старых заводов; зависимостью благосостояния миллионов людей от индустрий «ржавого пояса»; особой экономической культурой; символическими ассоциациями с быстрым экономическим взлётом прошлых лет и притязаниями с мест на государственную опеку убыточных предприятий с отсылкой к прежним заслугам.

В 2003 г. Пекин официально объявил о политике возрождения старопромышленной базы Китая с акцентом на северо-восточные провинции. И в КНР, и за рубежом не сомневались в успехе данного начинания. Наиболее либеральная точка

зрения сводилась к тому, что новая политика — это стремление окончательно сломить наследие планово-распределительной системы с её неэффективностью, коррупцией и патримониальной бюрократией. Но старый фундамент оказался слишком крепким, и к концу 2010-х гг. задачи политики возрождения не утратили актуальности.

Особый интерес к процессам развития Северо-Востока КНР в начале XXI в. возник в России. Её политики рассматривали их как пример успешного регионального управления. В 2005 г. губернатор Амурской области Л. Коротков заявил, что «в Китае развитие Северо-Востока и, в частности, провинции Хэйлунцзян, объявлено приоритетным. Разработан план строительства и реконструкции нескольких сотен предприятий. А у них, если план принят, он сразу начинает воплощаться»¹. В 2011 г. видный дальневосточный политик В. Ишаев, полномочный представитель Президента РФ, заявил: «Есть программа развития Северо-Востока Китая, по которой на этой территории создаются определённые условия и вкладываются сотни миллиардов долларов... Они делают то, о чём мы говорим уже не один десяток лет»². Можно привести и другое его высказывание в июне 2013 г.: «Как можно развивать территорию? Можно или выделять много денег на развитие территории — например, китайцы на развитие Северо-Востока Китая выделяют ежегодно по 500 миллиардов долларов, — или создавать условия, чтобы привлечь деньги инвестора»³. Концепция развития приграничной зоны Дальнего Востока России в 2015 г. также подтвердила успешность преобразований, осуществляемых в Дунбэе при благотворном влиянии политики Пекина⁴. Конечной целью данных утверждений являлось не восхваление успехов региона, а оправдание запроса на особое внимание Москвы к восточным районам России, которое, по мнению политиков этих территорий, имелось в Китае по отношению к его Северо-Востоку.

Представления отечественных чиновников обнажают необходимость чётко показать, в чём заключалась политика возрождения старопромышленной базы, были ли «миллиарды», и как развивался регион в последние полтора десятилетия.

Развитие старопромышленной базы и политика возрождения Северо-Востока Китая задали проблемное поле представленного исследования. Во-первых, мы стремились изучить, какие интервенции государство осуществляло для изменения привычной жизни региона. Не в меньшей степени нас интересовала реакция местного сообщества на предлагаемую Пекином повестку реформ. Соответственно, проблема отношений регионов и Центра и способности государства менять социально-экономический и социально-культурный ландшафт отдельной территории поднимается во многих разделах книги. Во-вторых, сквозной темой стали вопросы неравенства, понимаемого нами широко. Оно существует в политическом поле и информационном пространстве, когда Центр формулирует проблемы и меры по их решению на местах. Неравенство может иметь территориальное измерение, проявляясь в разном уровне развития регионов, провинций или уездов. Оно прослеживается в стратификации общества, социально-экономическом разрыве между городом и деревней. В целом на примере Северо-Востока мы пытались показать, как неравенство обнаруживало себя в политических, экономических и социальных процессах в КНР, как оно воспроизводилось, как с его проявлениями боролось государство.

Ещё одна затрагиваемая нами проблема является традиционной для исследований Северо-Востока Китая в России (включая четыре предыдущие книги по истории Дунбэя) и связана не со старопромышленной базой, а с фактором соседства с Дальним Востоком РФ. На рубеже XX—XXI вв. в нашей стране усилились представления о существовании в Китае особой

политики в отношении приграничных российских регионов. Это, в частности, порождало уверенность, что развитие северо-восточных провинций будет осуществлено с использованием дальневосточных и сибирских ресурсов. Например, в официальной стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области до 2020 г. говорится: «...в Плане возрождения Северо-Востока КНР сформулированы интересы в отношении восточных районов России. Это привлечение возможных ресурсов для реализации программы возрождения старой промышленной базы региона. Это согласуется с активной пропагандой в КНР идеи координации программы с российскими планами по развитию Дальнего Востока. Получение доступа к природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока Китай рассматривает как стратегическую задачу...»⁵. Соответственно, выяснение, насколько развитие северо-восточных провинций КНР связано с её экономическими отношениями с Россией, также стало важной задачей монографии.

«Российская» составляющая исследования обуславливает прикладную значимость издания. Но не только этим определяется его ценность. По вопросам развития Дунбэя в XXI в. в самом Китае написано несколько десятков книг и сотни статей. Но в них принципиально отсутствует анализ проблем политического развития и центр-региональных отношений, которые изучены в настоящей работе. Отечественная и западная историография представлены статьями, но их пик пришёлся на вторую половину 2000-х гг., затем научный интерес к развитию Северо-Востока КНР пропал. Наше исследование предлагает комплексный взгляд на развитие региона с начала 2000-х гг. и до второй половины 2010-х гг.

Стоит прояснить два важных момента, которые необходимо учитывать при работе с книгой. Во-первых, в ней географически охвачены три провинции — Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин.

С 2007 г. политика возрождения Северо-Востока официально распространилась на восточную часть Внутренней Монголии. Однако в силу отсутствия многих данных по развитию этого района мы в основном не включали его в исследование. Изучаемый регион мы будем называть Северо-Восточным Китаем, Северо-Востоком Китая (в таблицах и диаграммах сокращённо — СВК), Дунбэем и лишь в случае отсылок к истории региона до середины XX в. — Маньчжурией. Во-вторых, требует пояснения термин «старопромышленная база». Под ним мы понимаем не компактно размещённые и образующие промышленный комплекс предприятия, а социально-экономическое явление. Поэтому для нас северо-восточная старопромышленная база Китая — это не регион, где располагаются старые заводы, а прежде всего территория со специфическим набором социальных норм и принципов экономических отношений, сложившихся исторически и направленных не столько на поддержание работы устаревших предприятий, сколько на воспроизводство всего общественного уклада, сформированного на базе крупных промышленных объектов.

Книгу нельзя назвать сугубо исторической. Чёткое ретроспективное видение региона в начале XXI в. объективно не могло сформироваться. Поэтому в издании доминирует не хронологический (хотя он, безусловно, используется), а проблемный подход, и ключевыми источниками информации стали опубликованные данные, а не архивные материалы.

Монография привлекает широкий круг источников. В первую очередь, это программные документы партийных и правительственных организаций, формирующие общий посыл новой политики в регионе и ставящие задачи его развития. Наиболее значимые документы стратегии возрождения старопромышленных баз Северо-Востока КНР принимались совместно ЦК КПК и Госсоветом КНР (на более низких административных уровнях — местным парткомом и народным правительством соответственно).

К отдельной группе источников следует отнести плановые и отчётные документы правительственных органов. Среди них особое место занимают пятилетние планы возрождения Северо-Востока, которые задавали индикаторы социально-экономического развития, определяли приоритетные направления, предлагали методы реализации политики. Важная информация о проблемах и результатах регионального развития содержится в докладах о работе центрального, провинциальных и городских правительств.

Большой массив первичной информации содержится в нормативных документах государственных органов власти. Именно в различных решениях, предложениях, резолюциях и правилах указывались конкретные мероприятия политики возрождения старопромышленной базы.

Четвёртая группа источников — многочисленные статистические материалы. Привлекались данные из статистических сборников КНР и провинций, специализированных отраслевых статистических ежегодников, статистические коммюнике по социально-экономическому развитию Китая и аналогичные коммюнике по провинциям Северо-Востока. Эти материалы позволили выявить успешные направления деятельности региональных правительств, а также нерешённые проблемы территории.

Официальные ежегодники по провинциям и городам Дунбэя позволили обнаружить большой объём информации о его культурной жизни: о деятельности творческих коллективов, о состоянии библиотечной сети и распространённости домов культуры и кинотеатров (особенно актуально для сельской местности и малых городов), музеев и выставочных залов.

При подготовке отдельных разделов использовались китайские, российские и англоязычные газеты: «Жэньминь жибао», «Хэйлунцзян жибао», «Коммерсант», «The Financial Times» и др.

В этих изданиях представлены оперативная информация и аналитика по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, оценки политической ситуации, новостные материалы.

Все перечисленные источники позволяют обобщить данные и охарактеризовать исторические процессы, которые протекают на Северо-Востоке КНР, выявить проблемы социально-экономического, политического и культурного развития Дунбэя.

Представленная книга стала продолжением серии монографий и справочников, подготовленных в разное время сотрудниками Отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН⁶. По теме настоящего издания вышло не так много научных публикаций, ниже отметим наиболее значимые.

Среди отечественных работ видное место занимает серия публикаций, написанная М.В. Александровой, изучавшей политику возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая, а также ситуацию в его провинциях. Итогом её исследований в данной сфере стала глава в коллективной монографии Института Дальнего Востока РАН «КНР: экономика регионов»⁷. Общий анализ политики возрождения Дунбэя и её влияния на приграничное и межрегиональное сотрудничество России и Китая можно найти в трудах хабаровских экономистов.

В западной историографии политике возрождения старопромышленной базы Дунбэя посвящено совсем немного работ. Наибольший интерес для нашего исследования представляет статья коллектива авторов в журнале «The China Quarterly» (2009), исследующая причины принятия программы, содержащая её анализ и сравнение с другими программами регионального развития КНР в 2000-е гг., а также труды Ху Сяохуэя и Р. Хассинка по отдельным проблемам развития депрессивных районов КНР⁸.

Китайская историография обсуждается в различных разделах представленной книги, поэтому здесь укажем лишь ключевые издания по изучаемой проблеме. Прежде всего это ежегодная серия «синих» книг («Доклад о развитии северо-восточного района Китая»), которую публикуют совместно академии общественных наук трёх северо-восточных провинций (к ним в дальнейшем присоединилась партийная школа Внутренней Монголии) с 2006 г. В ней подробно анализируются мероприятия по развитию региона за конкретный год, а также ключевые проблемы, которые необходимо устранить в дальнейшем. Помимо этого, стоит отметить монографии, вышедшие под редакцией Цзинь Фэнцзюна⁹, Ли Сянпина¹⁰ и Чжао Чуаньцзюня¹¹.

Монография состоит из пяти глав. В первой освещаются проблемы региональной политики возрождения Северо-Восточного Китая, даются её основные характеристики, а также рассматривается формирование диалога Центра и местных элит по поводу её содержания и реализации. Вторая глава раскрывает основные политические процессы в КНР и северо-восточных провинциях в начале XXI в., а также показывает влияние этих процессов на возрождение старопромышленной базы. В третьей представлен анализ экономической ситуации региона, описаны особенности и проблемы сотрудничества его провинций с Россией. Четвёртая глава посвящена социальной политике и проблеме социального неравенства на Северо-Востоке Китая. В пятой исследованы особенности развития культурной сферы Дунбэя.

Авторами разделов книги являются: **глава 1** — С.А. Иванов (1.1, 1.2, 1.3), И.В. Ставров (1.4); **глава 2** — И.Ю. Зуенко; **глава 3** — И.В. Ставров (3.1, 3.3), С.А. Иванов (3.2, 3.4); **глава 4** — Г.В. Кондратенко; **глава 5** — О.Н. Рисухина. Главный редактор — член-корреспондент РАН В.Л. Ларин; ответственные редакторы — И.В. Ставров, С.А. Иванов.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Львов Ю. Амурские волны. 03.04.2005. URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2005-04/19866-amurskie-volny> (дата обращения: 13.10.2018).
- ² Виктор Ишаев, полномочный представитель Президента РФ: «Можно сделать значительно больше...». 17.11.2011. URL: https://toz.su/newspaper/ot_pervogo_litsa/viktor_ishaev_polnomochnyu_predstavitel_prezidenta_mozhno_sdelat_znachitelno_bolshe_/ (дата обращения: 13.10.2018).
- ³ Стенограмма заседания 14 июня 2013 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3881/> (дата обращения: 13.10.2018).
- ⁴ Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/60d/распоряжение_ПРФ_2193-р_от_28.10.15.doc (дата обращения: 13.10.2018).
- ⁵ Постановление Правительства Еврейской автономной области от 20 марта 2012 г. № 118-ПП «О стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2020 года». URL: <http://npa.eao.ru/law?hdoc&nd=642222066&nh=1&spack=110listid%3D01000000100%26listpos%3D6%26lsz%3D206%26nd%3D642201985%26nh%3D0%26> (дата обращения: 13.10.2018).
- ⁶ Белоглазов Г.П., Головачёва Л.И. Китайская Народная Республика: Провинция Хэйлунцзян (современное состояние). Препр. / ДВНЦ АН СССР, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1987. 64 с.; Головачёва Л.И. Китайская Народная Республика: Провинция Цзилинь. Препр. / ДВНЦ АН СССР, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 36 с.; Головачёва Л.И., Каретина Г.С., Ткаченко Г.И. Китайская Народная Республика: Провинция Ляонин (современное состояние). Препр. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР. Владивосток, 1987. 80 с.; Город Харбин: справочник / отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 1995. 100 с.; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 1: Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.) / отв. ред. Ф.В. Соловьёв.

- Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1987. 424 с.; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 2: Северо-Восточный Китай. 1917—1949 гг. / отв. ред. Е.Ф. Ковалев. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1989. 350 с.; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 3: Северо-Восточный Китай в 1945—1978 гг. / отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 2003. 344 с.; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 4: Северо-Восточный Китай в 1979—1999 гг. / отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019 (в печати); Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.: справочник / отв. ред. Ф.В. Соловьёв, Г.П. Белоглазов. Владивосток: ДВО РАН СССР, 1989. 320 с.; Северо-Восточный Китай на рубеже XX—XXI вв.: науч. справочное изд-е / отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 2005. 240 с.
- ⁷ Александрова М.В. Северо-Восток Китая // КНР: экономика регионов. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 145—237.
- ⁸ Chung Jae Ho et al. Assessing the “Revive the Northeast” (zhengxing dongbei) Programme: Origins, Policies and Implementation / Chung Jae Ho, Lai Hongyi, Joo Jang-Hwan // *The China Quarterly*. 2009. Vol. 197. P. 108—125; Hu Xiaohui. State-led Path Creation in China’s Rustbelt: the Case of Fuxin // *Regional Studies, Regional Science*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 294—300; Hu Xiaohui, Hassink R. New Perspectives on Restructuring of Old Industrial Areas in China: a Critical Review and Research Agenda // *Chinese Geographical Science*. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 110—122.
- ⁹ 金凤君. 东北地区振兴与可持续发展战略研究 = Цзинь Фэнцзюнь. Исследование стратегии устойчивого развития и возрождения Северо-Восточного региона. Пекин: 商务印书馆, 2006. 416 с.
- ¹⁰ 李向平. 振兴东北老工业基地路径探析 = Ли Сянпин. Анализ подходов к возрождению старопромышленной базы Северо-Востока. Пекин: 社会科学文献出版社, 2012. 478 с.
- ¹¹ 东北经济振兴与东北亚经贸合作 = Возрождение экономики Северо-Востока и торгово-экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии / под ред. Чжао Чуаньцзюня. Пекин: 社会科学文献出版社, 2006. 335 с.

СЕВЕРО-ВОСТОК В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI в.

1.1. ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

В 1950-е гг. северо-восточные провинции являлись центром индустриализации в КНР. Северо-Восток оставался промышленным лидером страны и во второй половине 1970-х гг., когда весь Китай «учился у Дацина». Но уже во второй половине 1980-х гг. и особенно к началу XXI в. регион потребовалось «возродить».

Центральные власти диагностировали «недуг» региона однозначно: «низкая степень развития рыночных отношений с ограниченными возможностями экономического роста, достаточно однобокая структура собственности с чрезмерным преобладанием госсектора, медленное изменение структуры производства, устаревшие технологии и оборудование на предприятиях, тяжёлое историческое бремя социальных обязательств, значительные проблемы в сфере социального обеспечения и трудоустройства»¹. Диагноз очень похож на тот, что ставили международные эксперты и либеральная общественность странам социалистического блока во время и после их крушения². Он также напоминает феномен «ржавого пояса» США и других развитых стран, но в последних предприятия, ставшие жертвами деиндустриализации, не были настолько перегружены социальными обязательствами, как на Северо-Востоке КНР.

Официальный взгляд и простые исторические сравнения скрывают многие важные детали экономического упадка Дунбэя. Как и страны постсоветского пространства, Северо-Восточный Китай попал в ловушку зависимости от прежнего пути развития (*path-dependence*). В 1980—1990-е гг.³ в Дунбэе обострилось противоречие между прорыночными экономическими реформами Пекина и местными особенностями социально-экономической системы. Государство в лице центрального и местных правительств сократило капиталовложения в госпредприятия, которые являлись основой всей региональной экономики. Последние были вынуждены проводить модернизацию за счёт банковских кредитов. Значительная часть экономики региона специализировалась на производстве стратегически важной продукции (нефтегазовая и угольная отрасли, сельское хозяйство и т.д.), на которую государство продолжало устанавливать плановые цены. Поэтому вплоть до середины 1990-х гг. госпредприятия Северо-Востока продавали восточным регионам сырьевую продукцию по заниженной стоимости, покупая потребительские товары по высокой рыночной цене. Сырьевые товары в 1980-е гг. также составляли основу экспорта Китая. Это приводило, с одной стороны, к неизбежной консервации Дунбэя в качестве сырьевой базы страны, а с другой — к тому, что вся валютная выручка от продажи энергоресурсов и сельскохозяйственной продукции шла не в регион, а в общегосударственный «валютный котёл». Географическая удалённость от мировых рынков снижала возможность ускоренного развития негосударственного сектора Северо-Востока, представленного экспортоориентированными производствами. Избыточное население либо покидало регион, либо устраивалось в разбухающий штат госпредприятий и создаваемых ими кооперативов. Устаревшие технологии и социальные обязательства⁴ также препятствовали успешному экономическому

развитию. К середине 1990-х гг. кризис в промышленном секторе Дунбэя перекинулся на банковский, который в силу административного давления со стороны местных правительств был вынужден выдавать ссуды госпредприятиям, увеличивая свой портфель «плохих» кредитов. Этот клубок проблем не дал хозяйству региона расти так же быстро, как в восточных провинциях в 1980—1990-е гг.

В октябре 2003 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) и Государственный совет (Госсовет) объявили о реализации стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока КНР (далее — Стратегия⁵). Для пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин⁶ это было уникальное событие: партийное и государственное руководство впервые анонсировало там отдельную региональную политику. В 2009 г. Госсовет обновил принятые ранее положения, в 2014 г. выделил ключевые мероприятия по модернизации региона, в апреле 2016 г. совместно с ЦК КПК предложил «всесторонне возродить» Северо-Восток Китая, а в ноябре 2016 г. — начать «новый цикл стратегии возрождения»⁷ (подробнее см. параграф 1.2). Были изданы десятки специализированных ведомственных документов, в которых подчёркивалось стремление центральной власти устранить проблемы регионального развития. В 2008 г. ведущий экономический журнал Китая «Чжунго цзинци чжоу-кань» назвал принятие Стратегии в числе 30 самых значимых событий КНР за 30 лет реформ⁸.

Казалось бы, такое внимание Центра должно было положительно сказаться на экономике Северо-Востока. В действительности результат оказался другим. При реализации Стратегии доля региона в ВВП страны ни разу не превысила уровень 2003 г. (9,5%), а в 2016 г. вследствие «технической»⁹ рецессии в пров. Ляонин упала до 7%¹⁰.

Пытаться найти разгадку этого казуса исключительно в Стратегии невозможно. Её эффективность сложно оценить экономически. В отличие от российских программ развития макрорегионов (например, в отношении Дальнего Востока), китайские не изобилуют подробностями¹¹ о целях, источниках и объёмах капиталовложений. В лучшем случае в них можно найти базовые целевые показатели и общее описание заявленных проектов. Обязательства Центра в данных программах всегда оставались размытыми.

Если рост конкретных показателей не являлся целью центральной власти на Северо-Востоке, если специальная региональная политика не смогла остановить замедление темпов развития экономики, то что пекинские чиновники делали в регионе на протяжении 15 лет? Этот простой вопрос будет ключевым в данном параграфе.

Фокус исследований региональной политики на Северо-Востоке

По вопросу политики центральной власти в Дунбэе написаны десятки книг и сотни статей, прежде всего в Китае. Большинство материалов сложно назвать исследовательскими, так как изначально их цель заключалась в научной легитимации или интерпретации новой политики. Количество таких публикаций сильно зависело от политической конъюнктуры. По данным базы научной периодики Китая CNKI, более трети всего объёма работ по проблемам Стратегии (на конец 2017 г.) было опубликовано в 2004—2005 гг., т.е. в первые два года реализации особой политики Пекина в Дунбэе (рис. 1). Заметный всплеск публикационной активности наблюдался в 2016 г., когда ЦК КПК принял новую редакцию Стратегии, и менее заметный — в 2007 г., когда появилась первая Программа возрождения

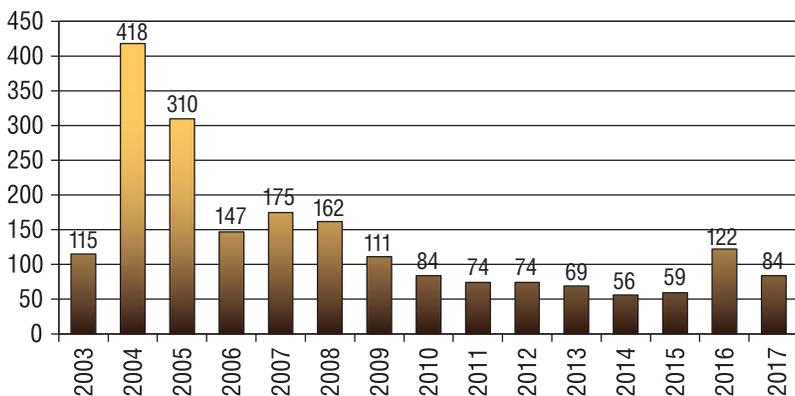

Рис. 1. Индексируемые базой CNKI научные статьи, в аннотациях которых упоминаются фразы «возрождение Северо-Востока» (振兴东北) и «стратегия» (战略), шт. (на 29.12.2017)¹³

Северо-Востока (правительственный документ). Подавляющее большинство статей было написано научно-образовательными учреждениями северо-восточных провинций¹². Их предназначение не анализ различных аспектов политики Центра, а адаптация установок к местным условиям.

До 2015 г. в этом массиве китайязычных публикаций дискуссия о региональной политике в Дунбэе имела исключительно прикладной характер и концентрировалась вокруг способов решения проблем социально-экономического развития Северо-Востока. В ней отсутствовали центральные власти как объект исследования. Их ключевая роль в развитии Дунбэя с 2003 г. была аксиомой. Все положительные тенденции в развитии региона напрямую связывались с региональной политикой Центра.

Сложность с такими репрезентациями возникла в 2014 г., когда в регионе значительно замедлился рост экономики в сравнении с общенациональными значениями. Прямая связь возникших экономических трудностей с деятельностью центральной

власти неизбежно привела бы к критике Пекина. Такой критики не последовало, что вполне естественно для государства с достаточно жёсткой системой контроля информационных ресурсов. Но, видимо, сомнения в адекватности региональной политики всё же возникли в непубличном пространстве, так как в августе 2015 г. представитель Госкомитета по развитию и реформам на пресс-конференции не согласился с тезисом анонимных оппонентов о «провале стратегии возрождения Северо-Востока». По его мнению, «как раз наоборот, за десять с лишним лет проведения стратегии возрождения социально-экономическое развитие, структурная перестройка, политика реформ и открытости получили значительные результаты...»¹⁴. Коллегу поддержал начальник Управления по вопросам возрождения северо-восточных и других старых промышленных баз Госкомитета по развитию и реформе Чжоу Цзяньжун, который отметил значительный вклад политики Центра в решение существовавших проблем и необходимость принятия адекватных мер для устранения новых препятствий, вызвавших экономический спад¹⁵.

С 2015 г. в государственных СМИ и затем в науке начала происходить корректировка оценок эффективности региональной политики. СМИ продолжали настаивать на огромном вкладе Центра в развитие Дунбэя. Как заявил один из экспертов, «с самого начала политики возрождения Северо-Востока до сегодняшних дней государство¹⁶ дало региону слишком много мер поддержки»¹⁷. Виноватых определили однозначно: политику Пекина плохо реализовывали на местах¹⁸. Немного позже схожие мнения стали высказывать китайские учёные. Профессор Института экономики промышленности Китайской академии общественных наук (КАОН) Чэнь Яо в статье 2017 г. утверждал, что Центр приложил максимум усилий для возрождения региона. Но с 2003 по 2013 г. — период «золотого десятилетия» для

северо-восточных провинций — помимо поддержки центральной власти существовали благоприятные рыночные условия, связанные с высоким спросом на традиционную продукцию Северо-Востока (энергоресурсы, продукцию металлургии, сельскохозяйственное сырьё). Сочетание этих факторов «обеспечило заметный рост экономики, но мы (учёные. — прим. авт.), как правило, объясняли весь успех „золотого десятилетия“ наличием стратегии»¹⁹. Как и в случае с центральными СМИ, Чэнь Яо винил в неудачах региональной политики местные власти, игнорировавшие указания из Пекина. Другими словами, китайские учёные продолжали подчёркивать ключевую роль Центра в развитии Дунбэя, но признавали границы такого влияния.

Русскоязычные исследования в основном концентрировались на изучении официальных текстов Стратегии²⁰ и оценке её эффективности посредством анализа экономического развития региона²¹. Тезис о значительной роли Центра в развитии Северо-Востока с начала 2000-х гг. также переключался в работы российских авторов из китайского научного и медиадискурсов. В 2009 г. Д.А. Изотов и В.Е. Кучерявенко утверждали, что «предпринимаемые в отношении провинций Северо-Востока Китая меры ещё никогда не были столь масштабными»²². В самой статье перечислены ключевые меры поддержки центральных властей, но не уточнены ни её объёмы, ни качественные характеристики.

На самом ли деле Стратегия была столь значима для Дунбэя? Немногие китайские экономисты, которые пытались эффективно ответить на этот вопрос, так и не пришли к консенсусу²³. Проблемной областью в исследовательской методологии являются способы оценки эффективности мер, принимаемых государством. В большинстве работ за основу брался описательный анализ динамики макроэкономических показателей северо-восточных провинций. Однако такой подход слишком

груб и в реальности ничего не говорит об эффективности региональной политики, так как не учитывает множество других факторов, оказывающих влияние на развитие территории. Ряд других (зачастую противоречащих друг другу) исследований основан на более изощрённой методологии²⁴. Так, Ван Цюань и Чжэн Хаоюань через эконометрический анализ ВРП различных округов Китая, в которых проводилась или не проводилась Стратегия, пришли к выводу о её значительном влиянии на ускоренное развитие Северо-Востока в 2003—2008 гг. и о спаде её эффективности в последующие годы²⁵. Проблема данного исследования заключается в том, что оно не учитывало, во-первых, благоприятную мировую конъюнктуру на товары старопромышленных баз, существовавшую до международного финансового кризиса 2008 г. (есть большая вероятность, что именно она определяла ускоренный рост Дунбэя), а во-вторых — множество факторов, которые могли повлиять на развитие того или иного городского округа. Чжао Юн и др. провели схожий анализ данных за 1994—2015 гг. и в результате не обнаружили влияния Стратегии на изменение структуры экономики Северо-Востока²⁶. Ван Цзяньлинь изучил показатели производительности труда в городах северо-восточных и северных провинций и также не выявил положительного воздействия Стратегии²⁷. В свою очередь, Хэ Чунь, используя те же статистические методы, но сравнения не округа или города, а макро-регионы, пришёл к выводу, что «политика в области привлечения инвестиций, кадров и повышения технологического уровня была эффективной»²⁸. При этом анализ данных 1998—2007 гг. по пространственному размещению промышленности, проведённый Хун Цюньцзе и др., показал, что Стратегия не привела к усилению индустриального сектора на Северо-Востоке относительно других регионов²⁹. Конечно, можно предположить, что под воздействием политики Центра капитал, кадры

и технологии перетекали в третичный сектор Дунбэя, поэтому здесь и не случилось промышленного роста. Однако вторичный сектор в регионе рос быстрее третичного³⁰.

В целом результаты исследований, основанных на детальном анализе статистики, оставляют больше вопросов, чем ответов. Проблема не только в технических особенностях такого подхода. Сомнение вызывает допущение, что все действия Центра сводились к публично декларируемой цели, т.е. ускорению социально-экономического развития северо-восточных провинций. Разумеется, власти чаще всего объявляют, что проводимые ими преобразования осуществляются во имя развития³¹. Стратегия возрождения Дунбэя — не исключение. Однако пути достижения этой цели определялись под воздействием целого ряда политических процессов, личностных или корпоративных убеждений и промежуточных задач, которые можно с большой натяжкой соотнести с публичной целью. К изучению этих факторов обращались разные учёные, но особый вклад внесли западные исследователи, работы которых мы будем упоминать в следующих разделах.

Внутренние факторы возникновения и развития Стратегии

Как уже было отмечено выше, первый документ ЦК КПК, инициировавший Стратегию, объяснял её необходимость социально-экономическими проблемами региона. Все они носили качественный характер и напрямую не могли свидетельствовать о неэффективности регионального хозяйства на момент принятия решений. Формулировки вроде «низкая степень развития рыночных отношений», «медленное изменение структуры производства» или «устаревшие технологии» вполне ясны, если проводить качественные сравнения, например, с приморскими

провинциями Китая. Но они не отвечают на вопрос, почему государство допустило возникновение такой ситуации и почему Стратегию нельзя было принять раньше. Поэтому учёные стремились количественно доказать, что именно к началу 2000-х гг. экономическая ситуация достигла критического предела или имелись весомые неэкономические причины принятия Стратегии. Поисками данных причин занялись сначала китайские, а затем и зарубежные исследователи.

Экономический упадок

Исходно высокий уровень развития Северо-Востока позволил ему до начала 2000-х гг. оставаться в лидерах по большинству качественных социально-экономических показателей в стране, вследствие чего в научном дискурсе Китая в этот период экономические проблемы развития региона поднимались редко. Несколько исследовательских работ, посвящённых упадку хозяйства Северо-Востока, появилось в середине 90-х гг. XX в.³², когда основные макроэкономические показатели за 1988—1996 гг. обнажили устойчивую тенденцию его отставания от развитых восточных провинций (см. рис. 2). Старение индустриальной базы региона даже получило своё название — «северо-восточный феномен»³³. Однако с улучшением данных официальной статистики учёные перестали бить в набат. В 2003 г., накануне принятия Стратегии, некоторые исследователи, наоборот, заявляли об оздоровлении экономики северо-восточного макрорегиона: по прогнозам, выше общенационального уровня должны были стать ВРП, бюджетные доходы, внешняя торговля, объёмы привлекаемых инвестиций и другие показатели³⁴.

Уверенность в сохранении за Дунбэем его позиций в национальной экономике придавали и данные Государственного

Рис. 2. Доля ВРП Дунбэя в ВВП Китая, в %³⁶

статистического управления Китая. Вплоть до 2006 г. официальная статистика недооценивала рост третичного сектора национального хозяйства в восточных районах страны, поэтому с 1995 г. доля северо-восточных провинций в ВВП КНР по официальным отчётам имела тенденцию к увеличению (см. рис. 2). Лишь с 2006 г., после коррекции статистических данных, стало очевидно замедление темпов роста экономики региона по сравнению с общенациональными показателями.

Другими словами, центральные власти на момент разработки и принятия Стратегии (2002—2003 гг.) не могли руководствоваться тем, что регион стабильно показывает плохие экономические результаты³⁵.

В научной литературе Китая проблема экономического увядания Северо-Востока начала подниматься только с принятием Стратегии. После 2004 г., когда появился ряд комплексных работ (но ещё отсутствовала откорректированная статистика),

китайские учёные, объясняя экономическую необходимость реализации Стратегии, оперировали достаточно сомнительными данными. Например, в монографии «Исследование стратегии устойчивого развития и возрождения северо-восточного региона» были использованы выборочные результаты статистики, отражающие лишь отставание Дунбэя в сравнении с другими территориями: для сопоставления с приморской зоной использовались абсолютные показатели, с западными и центральными районами — относительные, а также данные о предполагаемом доходе городского населения³⁷ — один из немногих показателей, по которому Северо-Восток уступал другим регионам страны. Таким образом, учёные уже постфактум пытались доказать экономическую необходимость проведения специальной политики в Дунбэе.

Социальные противоречия

К моменту принятия Стратегии в экономике Дунбэя безраздельно доминировал государственный сектор. В 2002 г. доля государственных предприятий в промышленном производстве пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин составляла соответственно 79,6, 77,9 и 62,4%, значительно превышая общенациональный показатель в 40,7%³⁸. Огромное количество населения на Северо-Востоке оставалось занятым в государственном секторе. Если в целом по стране в 2002 г. на госпредприятиях работало 28,9% городского населения, то в Хэйлунцзяне — 53%, в Цзилини — 50%, в Ляонине — 40%³⁹.

Государственные предприятия являлись важным элементом системы социального обеспечения в городах. Организация оплачивала своим работникам лечение и расходы, связанные с рождением детей, назначала пенсию достигшим старости, выделяла деньги на похороны⁴⁰. В условиях рынка, где главнейшей

задачей хозяйствующего субъекта стало получение прибыли, госпредприятия оказались в безвыходной ситуации: выполнять социальные обязательства при сокращении экономических ресурсов было невозможно. Им пришлось де-факто извлекаться от неподъёмной ноши социальной ответственности. Происходило это с достаточно широким размахом. Согласно результатам исследования, проведённого Центром изучения проблем развития при Госсовете КНР, к середине 1990-х гг. в промышленно развитом г. Бэньси пров. Ляонин из полутора-миллионного населения «в отпуске»⁴¹ находилось 110 тыс. чел., 1/3 всех официально трудоустроенных ожидали сокращения, у 40 тыс. работников задержка по зарплате составляла 6 месяцев⁴². Вышеуказанные проблемы наблюдались во многих других городах северо-восточных провинций, особенно в тех, которые когда-то выросли благодаря разработке месторождений и впоследствии оказались неспособны обеспечить население работой и средствами к существованию после истощения ресурсов. Более того, в Дунбэе располагались самые неблагоприятные с точки зрения условий труда и социального обеспечения отрасли: угольная индустрия, металлургия, строительство, машиностроение, ВПК и т.д.⁴³

В отличие от остальной части Китая, в пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин на улицы выходили не крестьяне, а более организованные работники промышленности, вследствие чего местные демонстрации отличались массовостью, открытостью действий, чёткостью целей, агрессивностью и регулярностью ввиду системности проблем, которые требовали решить демонстранты⁴⁴. В марте 2002 г., накануне начала активной подготовки Стратегии, свыше 30 тыс. уволенных работников из г. Ляоян организовали демонстрацию, требуя невыплаченную заработную плату и обвиняя местные власти в казнокрадстве. Чуть позже в г. Дацин на нефтяных месторождениях 50 тыс. чел. устроили

протесты в знак несогласия с их выходным пособием⁴⁵. Социальная напряжённость способствовала появлению антиправительственных организаций. Запрещённая впоследствии организация Фалуньгун зародилась на Северо-Востоке Китая, там проходили её первые семинары, а в провинции Ляонин располагалось больше всего центральных станций секты⁴⁶.

Но всё же нельзя проводить линейную причинно-следственную связь между социальной напряжённостью в стране и реализацией Стратегии. В противном случае мы должны связывать инициативу возрождения Дунбэя со слабостью китайского государства, что не соответствует истине. Реформы государственных предприятий, начатые в 1990-е гг., вызвали недовольство общества, так как неизбежно ухудшали положение работников и пенсионеров в городах. Государство, безусловно, опасалось массовых протестов, но в целом успешно контролировало ситуацию и даже упрочило свои позиции в борьбе с социальными движениями⁴⁷. Главное, протесты были бессильны остановить либеральные реформы⁴⁸ — источник невыгодных для рабочих изменений. Ключевой задачей Стратегии было не снижение напряжённости, а продолжение реформ в госсекторе.

К тому же непонятно, зачем для снижения социальной напряжённости надо было выделять северо-восточные провинции как отдельный объект региональной политики. Протест рабочих мог разрастись в масштабах небольшого города или охватить ряд предприятий одного сектора в нескольких уездах или даже провинциях. Он мог продолжаться несколько недель, но при этом неизбежно оставался локальным (и узкоотраслевым), не распространялся на большие территории, и власти быстро подавляли его методами «кнута и пряника»⁴⁹. К тому же Северо-Восток не был лидером по количеству и масштабам массовых протестов. Первые позиции здесь уверенно держали бывшие провинции «третьего фронта»: Сычуань, Хунань, Шэньси и Хэнань⁵⁰.

Политический фактор

В 2009 г. Чжа Хо Чун и др. предположили, что Ху Цзиньтао инициировал Стратегию, чтобы сделать её своей визитной карточкой⁵¹. Российские исследователи увидели в ней желание политика перераспределить ресурсы в «регион, не входящий в орбиту шанхайской группировки»⁵². Первая гипотеза нелогична, так как через три года после появления Стратегии центральные власти приняли ещё одну в отношении центральных районов. Фактически с 1999 по 2006 г. вся территория Китая, кроме самой развитой восточной части, оказалась охвачена особыми региональными программами. Версия российских исследователей не подтверждается данными о финансовых вливаниях в Дунбэй (см. ниже).

Почему Северо-Восток?

Принимая Стратегию, Центр акцентировал внимание на ключевой проблеме региона — модернизации старопромышленных баз. Это было закреплено и в названии, и в содержании первого документа о возрождении Северо-Востока. Однако убыточные промышленные комплексы находились не только в северо-восточных провинциях. Когда в марте 2000 г. инспекционная группа шести общественных и научных ведомств⁵³ делала заключение по итогам рассмотрения вопросов старопромышленных баз, она выделила особую остроту соответствующих проблем в северо-восточном районе⁵⁴. Но одновременно группа предлагала решать трудности развития баз на уровне конкретных городов, а не выделять для этого макрорегион.

Может показаться, что в начале XXI в. Северо-Восток как отдельный макрорегион возник случайно. В марте 2003 г. в докладе

о работе правительства формулировка «поддержать старые промышленные базы в ускорении преобразований и реконструкции» была изменена на «принять действенные меры и поддержать северо-восточный регион и другие старопромышленные базы в ускорении преобразований и реконструкции» буквально в течение нескольких дней сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП)⁵⁵. Но Дунбэй не был искусственной региональной конструкцией. Наоборот, во второй половине 2000-х гг., когда окончательно утвердилось разделение Китая на четыре макрорегиона (западный, центральный, восточный и северо-восточный), к границам и функциональной целостности Северо-Востока у китайских учёных и экспертов было меньше всего претензий⁵⁶. Помимо общих проблем с развитием государственного сектора экономики, Северо-Восток обладал уникальным прошлым и единой инфраструктурой, для координации работы которой были необходимы специальные административные органы. Как показывает практика других стран, история (и, по-видимому, единство инфраструктуры) не являются обязательным условием выделения региона в качестве объекта особой экономической политики⁵⁷, но, безусловно, могут быть мобилизованы политическими силами, чтобы оправдать новые подходы в экономическом районировании.

Общность истории освоения и региональная идентичность

Северо-восточные провинции имеют общую историю освоения. До середины XVII в. этот регион либо не входил в сферу прямого управления Поднебесной, либо контролировался частично. С воцарением маньчжурской династии Цин в 1644 г. территории современного Дунбэя (Маньчжурии) стали неотъемлемой частью Китая. Но цинские власти целенаправленно

не осваивали колыбель своей народности, ввели здесь особый режим военного управления и ограничивали миграцию в регион⁵⁸. Западная экспансия в Китай скорректировала эту политику: центральные власти Китая в XIX в. постепенно смягчили и в начале XX в. полностью сняли ограничения на переселение, а также отказались от специального административного статуса региона⁵⁹. Это не остановило переход Дунбэя в сферу влияния западных держав и Японии, которое продолжалось до конца Второй мировой войны. При всех негативных последствиях полуколониального положения Китая иностранное хозяйствование в Дунбэе усилило экономику региона: к моменту образования КНР здесь сформировалась одна из крупнейших в стране индустриальных баз⁶⁰.

Особенности освоения Дунбэя наложили свой отпечаток на то, как идентифицировали регион центральные власти Китая и иностранные государства. Цинская династия в период своего правления пыталась сформировать у местного населения маньчжурскую идентичность, отличную от китайской (ханьской), и позиционировала Северо-Восток в качестве отдельного культурного пространства⁶¹. Такой взгляд в дальнейшем поддерживали иностранные державы (в том числе Российская империя и СССР до конца 1940-х гг.⁶²) в период борьбы за влияние в Китае, так как он давал основания проводить более активную политику в регионе⁶³. К 1930-м гг. в западном и японском дискурсе за территорией, включающей три северо-восточные провинции (Фэнтянь, Гири и Хэйлунцзян) и восточную часть Внутренней Монголии⁶⁴, закрепилось название «Маньчжурия», не характерное для китайского или маньчжурского языков⁶⁵. Апогеем реализации особой идентичности Северо-Востока стало создание маньчжурского государства Маньчжоу-го, которое фактически контролировалось Японией. При этом республиканские и затем коммунистические власти Китая не называли

регион Маньчжурией и всегда репрезентовали его как неотъемлемую часть национального пространства страны⁶⁶.

Попав с середины 1940-х гг. под контроль КПК, Северо-Восток оказался в авангарде масштабных коммунистических преобразований, включая земельную реформу и создание плановой экономики. Поэтому в 1950—1960-е гг. руководство КНР позиционировало регион в качестве образца коммунистической перестройки хозяйства и общества⁶⁷, а также рассматривало его как опору⁶⁸ индустриализации всей страны⁶⁹. Но маоистский режим не связывал эти успехи с региональной идентичностью. Наоборот, государственная идеология утверждала, что северо-восточный опыт можно воспроизвести на любой территории страны.

Общая история освоения была во многом обусловлена нетипичными для других районов страны природно-климатическими характеристиками, включая обширные леса, богатые энергетические ресурсы и обилие пахотных земель под зерновые. По этой причине Северо-Восток был привлекателен для внешних держав. Базовые физические характеристики способствовали формированию в регионе мощной угольной, нефтехимической, лесной и сельскохозяйственной баз. Поэтому в официальных речах и документах всего периода КНР Северо-Восток нередко репрезентовали в качестве важной ресурсной базы всей страны.

Северо-Восток в региональной политике КНР до Стратегии

До начала 2000-х гг. Дунбэй нередко упоминался в официальных текстах, но это не формировало особое отношение к нему (кроме первой половины 1950-х гг., в период помощи СССР). Публичная региональная политика расставляла другие приоритеты.

В 1950—1970-е гг. власти «делили» страну на районы так: два (приморский и внутренний, с начала 50-х гг. и до первой поло-

вины 1980-х гг., кроме 1964—1978 гг.) или три (первый, второй, третий фронты, с 1964 по 1978 г.). Мао Цзэдун был верен социалистическим идеалам равенства и, в отличие от последующих поколений руководителей КНР, использовал массовые мобилизационные кампании для быстрого и радикального решения социально-экономических задач. Лейтмотивом его региональной политики стало равномерное развитие национального пространства, а главной задачей — устранить «исторически сложившуюся нерациональную ситуацию»⁷⁰ сверхвысокой концентрации промышленности. Центральная власть в приоритетном порядке развивала малоосвоенные внутренние районы⁷¹. С конца 1950-х гг. этот выбор также имел геополитические основания: новые предприятия размещались вдалеке от морских и сухопутных границ, в труднодоступных местах⁷². Экономически такая региональная политика являлась нецелесообразной⁷³, но задача пространственного выравнивания народного хозяйства имела успех: с 1952 по 1978 г. доля внутренних районов в ВВП страны выросла на 10%, составив 40,8%⁷⁴. Но не все они развивались одинаково ускоренно, как и не все приморские — относительно медленно⁷⁵.

В региональной политике Мао Цзэдуна положение северо-восточных провинций менялось. В 1950-е гг. на их территории было размещено больше всего промышленных объектов, построенных при содействии СССР⁷⁶. Доля Хэйлунцзяна и Ляонина в национальной экономике выросла, а Цзилини — уменьшилась (доля Дунбэя в целом увеличилась с 12,4% в 1952 г. до 13,9% в 1957 г.). Последовавший советско-китайский раскол сместил приоритеты в размещении новых индустриальных проектов на внутренние районы КНР, далёкие от СССР. Доля трёх северо-восточных провинций сократилась к 1978 г. до 13,4%. В тот период лишь хэйлунцзянская экономика продолжала расти быстрее общенациональных значений⁷⁷. Последнее было связано с ускоренным развитием крупнейшего в стране нефтегазового сектора.

С середины 1980-х гг. пространство Китая официально разделили на три макрорегиона: Западный, Центральный (сюда попали Цзилинь и Хэйлунцзян) и Восточный (к нему отнесли Ляонин). Данное деление до сих пор доминирует в государственной статистике КНР. Помимо этого в ключевых программах социально-экономического развития 1980—1990-х гг. по-прежнему упоминались приморский и внутренний районы, а также проводилось деление страны на десять и семь экономических районов с вычленением северо-восточных провинций в качестве отдельной единицы⁷⁸.

Мы намеренно не будем углубляться в хитросплетения экономического районирования 1980—1990-х гг. Оно не предполагало каких-либо обязательств Центра, как и не подразумевало непрерывную разработку программ развития. В эти годы региональная политика Пекина характеризовалась выдвинутой Дэн Сяопином в 1979 г. формулой: «пусть часть территорий... своими усилиями получает больший доход... а затем способствует развитию других районов»⁷⁹. Драйвером регионального развития стало геоэкономическое положение территории. Ставка делалась на приморскую зону, которая могла разбогатеть быстрее других за счёт интеграции в мировое хозяйство. Северо-Восток, кроме г. Дальяня, не являлся бенефициаром новой региональной политики.

Северо-Восток Китая в системе надпровинциальных и межпровинциальных институтов управления

Деление территории КНР на приморскую и внутреннюю, или западную, центральную и восточную зоны не оформлялось в соответствующие структуры управления. Такое районирование подходило для мобилизационных кампаний или, наоборот, сильного снижения активности центральной власти в сфере

перераспределения ресурсов между регионами. Но административное управление экономикой на уровне макрорегионов происходило не в соответствии с делением, которое предлагала публичная риторика Пекина. Оно было более дробным и преимущественно основывалось на общности истории освоения выделяемой территории.

В 1950—1970-е гг. Центр несколько раз создавал структуры координации экономической политики и/или политического управления в рамках укрупнённых районов⁸⁰. Одним из последних неизменно являлся Северо-Восток. В 1949—1952 гг. районные правительственные комитеты работали в шести макрорегионах, в которых также функционировали две структуры центральной власти — региональные бюро ЦК КПК и штаба военных округов. В трёх районах, включая Дунбэй, все три органа управления (правительственные комитеты, региональные бюро ЦК КПК и штаба военных округов) возглавлял один политик, в его руках концентрировалась значительная власть. В 1952 г. партийный и государственный аппарат подвергся централизации, районные комитеты перевели из разряда местных в структуру Госсовета⁸¹, а в 1954 г. расформировали. В 1958 г. для активизации Большого скачка были созданы районы экономического сотрудничества, включая северо-восточный, с соответствующими органами власти. В 1961 г. на их базе заработали региональные бюро ЦК КПК, чьей первостепенной задачей оставалось проведение скоординированной экономической политики⁸². Данные бюро ликвидировали в первые годы «культурной революции». В 1973 г. Чжоу Эньлай безуспешно пытался реанимировать систему управления шестью макрорегионами. Эта идея также нашла отражение в проекте «Плана развития народного хозяйства на десять лет, с 1976 по 1985 г.»⁸³. Хотя он не был реализован (ему на смену пришла политика реформ и открытости), в докладе о работе правительства в 1978 г. Хуа Гофэн заявил, что на

базе целостной промышленной и экономической системы страны сложилось шесть экономических районов, включая Дунбэй⁸⁴.

К началу периода реформ Северо-Восток не объединяла отдельная структура управления на уровне Госсовета или ЦК КПК. Но в регионе сохранился ряд территориальных отделений центральных ведомств и межпровинциальных корпоративных объединений: Северо-Восточное отделение Министерства железных дорог, Северо-Восточное управление электросетей, Шэньянское управление гражданской авиации, Компания угольной промышленности Северо-Востока и Внутренней Монголии, Шэньянская компания цветной металлургии и т.д.⁸⁵

Летом 1983 г. в рамках Госсовета была учреждена Канцелярия по планированию энергетического и транспортного развития Северо-Востока⁸⁶. В 1985 г. её переименовали в Канцелярию по планированию в северо-восточном экономическом районе⁸⁷. Данная структура имела межведомственный характер и не являлась административно-территориальной, её возглавляли бывшие провинциальные руководители⁸⁸. Она занималась координацией решения наиболее важных для Дунбэя проблем (транспортировка угля и продовольствия, энергосбережение и т.д.), а затем выполняла консультативную функцию по общим вопросам его экономического развития. Канцелярия организовывала крупные конференции, успела опубликовать три статистических ежегодника по северо-восточному экономическому району (1985—1987), готовила доклады для правительства и т.д. К 7-му пятилетнему плану (1986—1990) она разработала «Программу технологической реконструкции базовых отраслей в целях возрождения промышленности Северо-Востока (в рамках 7-го пятилетнего плана)»⁸⁹. Однако в 1988 г. организация была упразднена, а её программа не принималась официально.

Для обсуждения и решения проблем региона создавались общественные структуры, проводились научные конференции.

В 1983 г. для изучения вопросов скоординированного развития Дунбэя было основано общественное Отделение планирования экономического района Северо-Востока. В него входили представители НИИ пров. Цзилинь, Хэйлунцзян, Ляонин и автономного района Внутренняя Монголия. Отделение ежегодно выступало организатором конференций, ключевой задачей которых являлось определение перспектив региона в рамках политики четырёх модернизаций⁹⁰. К концу 1985 г. прошло три таких мероприятия. О дальнейшей судьбе организации из открытых источников ничего не известно.

В октябре 1985 г. у региона возник даже свой «рупор»: в Шэньяне была учреждена газета «Экономика Северо-Востока»⁹¹. Она, видимо, не просуществовала долго, так как о ней крайне мало упоминаний в открытых источниках.

В целом Центр имел веские основания выделить Дунбэй в отдельный макрорегион для проведения там специфической политики. Северо-Восток объединяло не только доминирование госсектора. Единое прошлое территорий позволяло легко мобилизовать региональную идентичность. Во второй половине XX в. Пекин при создании системы надпровинциальных институтов управления экономикой неизменно рассматривал Северо-Восток как отдельный регион.

Трансформация региональной политики КНР как внешний фактор возрождения Северо-Востока

Появление Стратегии было бы невозможным без серьёзной трансформации системы центр-региональных отношений в Китае. Маятник последних качнулся в сторону централизации власти с середины 1990-х гг. и значительно изменил подходы Пекина к региональной политике.

Первые два десятилетия реформ и открытости (конец 1970-х — первая половина 1990-х гг.) привели к впечатляющим успехам развития в приморских районах. ВРП восточных провинций, движимый притоком иностранных инвестиций в экспортно ориентированное производство, расширением международной торговли и просто большей либерализацией внутреннего рынка, стремительно увеличивался. Однако выбранная экономическая модель имела и негативные последствия, связанные с катастрофическим ростом региональных диспропорций. К концу 90-х гг. XX в. ВРП на душу населения в самой богатой провинции (Шанхай) превышал аналогичный показатель в самой бедной (Гуйчжоу) более чем в 12 раз⁹², создавая значительные угрозы для дальнейшей стабильности страны в виде различных социально-экономических потрясений (трудно контролируемый приток населения в восточные провинции, усиление маятниковой миграции, усугубление неконкурентоспособности экономики внутренних районов и т.д.). В 1980-е гг. Пекин обещал территориям с плохими условиями жизни всестороннюю, преимущественно материальную, государственную помощь⁹³, но он был ограничен в перераспределении ресурсов и, соответственно, сталкивался с недовольством региональных элит центральных и западных провинций⁹⁴.

В начале 1990-х гг. Пекин попытался распространить на внутренние районы Китая успешные формы регионального развития прошлого десятилетия. В 1992 г. Госсовет КНР принял решение открыть районы, расположенные вдоль внутренних рек и государственных границ, а также административные центры внутренних провинций⁹⁵. Но это имело ограниченный эффект. По расчётам сотрудников Китайской академии наук, построивших модель экономического роста территорий КНР без учёта и с учётом эффекта политики открытости, её проведение в приморской зоне давало 20% прибавку к росту ВРП этого региона,

а в центральных (включая Северо-Восток) и западных районах Китая в 90-е гг. XX в. — всего чуть более 4%⁹⁶.

Причины ограниченной эффективности такой политики во внутренних районах страны, во-первых, чисто геоэкономические. Например, в 1992 г. на границе с Россией особые экономические зоны появились в городах Суйфэньхэ, Хэйхэ, Хуньчунь и Маньчжоули, однако ввиду депрессивного состояния экономики РФ, отсутствия капитала у обеих сторон и прочих факторов результаты их развития были намного скромнее, чем в специальных экономических зонах на юго-востоке КНР⁹⁷. Также анализ Оуян Пумэна и Фу Шихэ показал, что привлечение приморской частью пров. Ляонин иностранного капитала имело негативные последствия для возрождения старых промышленных баз остальной части Дунбэя. Учёные объяснили эту особенность тем, что на большей части приморской полосы Китая зарубежные инвестиции уходили в отрасли, которые отсутствовали или были слабо развиты во внутренних районах государства, на Северо-Востоке же уже имелась мощная производственная база, которая не могла конкурировать с вновь создаваемыми или модернизируемыми предприятиями на побережье Ляонина⁹⁸.

Во-вторых, распространение на всё большее количество территорий преференциальных режимов для привлечения капитала привело к девальвации такой политики. Она постепенно становилась общепринятой нормой, чем уникальным благом⁹⁹. Например, партийные чиновники Шэньчжэня уже в 1987 г. призывали вернуть местной специальной экономической зоне (СЭЗ) особый статус¹⁰⁰. В мае 2001 г. премьер Чжу Жунцзи одним из первых китайских лидеров открыто заявил: политика, проводимая в приморских СЭЗ, больше не является «особой» и унифицирована в рамках значительного количества городов страны¹⁰¹. К середине 2003 г. в КНР насчитывалось более 5000 зон развития, две трети которых были созданы на субпровинциальном уровне¹⁰².

С начала 90-х гг. власть стала делать заявления о необходимости более сбалансированного развития территорий. С 1992 г. проблемы экономики западного и центрального районов стали доминировать в дискурсе официального Пекина о региональной политике, что можно проследить по ежегодным отчётам о работе правительства (рис. 3). На смену декларациям о создании единого рынка, поддержке восточными районами внутренних и соразвитии территорий с использованием индивидуальных преимуществ¹⁰³ пришли более чёткие формулировки об обязательствах государства оказывать бюджетную поддержку западному и центральному районам¹⁰⁴. В течение восьми лет все внутренние территории страны были охвачены региональными программами: в 1999 г. обнародован план развития

Рис. 3. Доля упоминаний о восточном/приморском, западном, центральном и северо-восточном районах страны в ежегодных докладах о работе правительства, 1990—2018 гг.¹⁰⁵

западного района, в 2003 г. появились предложения по возрождению старопромышленной базы Дунбэя, а в 2006 г. вышел документ о развитии центрального района.

Создание целостной системы региональной политики в КНР к середине 2000-х гг. стало возможным благодаря двум тенденциям, существующим в сфере её государственного управления с середины 90-х гг. XX в. Они определяли характер взаимоотношений Центра с территориями в последние полтора десятилетия, поэтому их вычленение даёт ключ к пониманию сущности действий и пределов возможностей Пекина по развитию Северо-Востока.

Первая тенденция — централизация фискальных ресурсов в стране, позволившая усилить бюджетно-финансовый механизм в выравнивании региональных диспропорций и заменить им механизм налоговых преференций, который оказался непродуктивным при осуществлении комплексной региональной политики в масштабах всего государства.

В 1994 г. после проведения фискальной реформы доля доходов центрального правительства в консолидированном бюджете страны резко выросла более чем на 30% (с 22 до 55,3%) при соответствующем падении доходов нижестоящих уровней власти. Одновременно расходы всех остались практически без изменения: субнациональный уровень должен был по-прежнему осуществлять около 75% бюджетных трат государства¹⁰⁶. Разницу в расходах, приблизительно 25% консолидированного бюджета, обязывался покрывать Центр через систему межправительственных трансфертов (примечательно, что до фискальной реформы ему, наоборот, приходилось «одалживать» деньги у провинций).

Увеличение доли доходов центрального бюджета позволило Пекину перераспределять финансы в пользу менее развитых провинций Западного, Центрального и Северо-Восточного районов: с 1994 г. в стране впервые применили основанную на специальных расчётах систему выравнивающих трансфертов. Если

в 2000 г. доля последних в общей сумме трансфертов регионам составляла 3,7%, то к 2005 г. она выросла до 15,3%¹⁰⁷, а к 2016 г. приблизилась к 40%. В результате объём выравнивающих трансфертов в совокупных расходах западного, центрального и северо-восточного районов увеличился с 1,5% в 2000 г. до 11,9% в 2008 г. и 22,3% в 2016 г. (табл. 1).

Таблица 1

Трансферты из центрального бюджета Китая, направленные на решение проблемы межпровинциальной диспропорции в развитии, 2000—2016 гг.¹⁰⁸

	2000	2004	2008	2012	2016
Общая сумма трансфертов регионам из центрального бюджета (млрд юаней)	231	602	1870	4023	5280
Выравнивающие трансферты (млрд юаней)	9	75	351	858	2064
Доля выравнивающих трансфертов в общей сумме трансфертов регионам (в %)	3,7	12,4	18,8	21,3	39,1
Доля выравнивающих трансфертов в расходной части бюджета западного, центрального и северо-восточного районов (в %)	1,5	6,7	11,9	13,2	22,3

Способность Пекина перераспределять фискальные ресурсы в пользу бедных регионов ограничивается двумя негативными факторами. Во-первых, долгое время большинство трансфертов различные уровни власти получали на договорной основе (так называемые целевые трансферты)¹⁰⁹, это явно не способствовало созданию сбалансированной региональной политики. Например, в результате факторного анализа китайские исследователи Фань Бонай и Чжан Мин выяснили, что в развитые восточные провинции КНР Центр отправлял значительно больше целевого финансирования на образование, здравоохранение и социальное обес-

печение, чем в менее развитую часть страны¹¹⁰. Лишь с 2009 г. объём трансфертов, рассчитываемых по формулам и направленных на выравнивание экономического пространства страны, превысил объём целевых выплат. В 2000—2010-е гг. Пекин неизменно ставил задачу снижения доли «договорной» поддержки и подтвердил актуальность этой цели в 2018 г. в докладе о работе правительства¹¹¹. В 2017 г. доля целевых переводов должна была упасть до 38% в общем объёме трансфертов¹¹². Во-вторых, по мнению многих западных и китайских учёных, трансферты из Центра использовались неэффективно с экономической точки зрения¹¹³. Они, как показали эмпирические исследования, направлялись в основном на содержание бюрократического аппарата и работников бюджетной сферы¹¹⁴. Та незначительная часть трансфертов, которую всё же получала местная экономика, объективно давала в развитых регионах гораздо лучший эффект, чем в отстающих. Это связано с тем, что, хотя западным и центральным провинциям направлялось больше средств, их основная часть шла в непроизводственные сферы (на развитие инфраструктуры, социальное обеспечение и т.д.) и оказывала минимальное влияние на рост местной экономики¹¹⁵.

Схожая ситуация складывалась и с финансовым механизмом выравнивания. С 90-х гг. XX в. Пекин требовал от государственных банков уделять значительное внимание кредитованию западных и центральных провинций. К середине 2000-х гг. показатели кредитования в последних примерно сравнялись с данными по восточным территориям, а западный район даже обогнал все остальные на 5%. Однако успех оказался мнимым: кредиты не оставались в местной экономике, а посредством различных каналов — товарной торговли, трудовой миграции, прямых межпровинциальных кредитов и т.д. — утекали в развитые районы страны. Это было связано с большей эффективностью экономики восточных провинций: душевой рост кредитования на

1% здесь давал 0,28% увеличения ВРП на душу населения за текущий год, в то время как в центральных, западных и северо-восточных — соответственно 0,15, 0,03 и 0,02%. Таким образом, капитал вращался по замкнутому кругу: Пекин с помощью административных механизмов через госбанки переводил его из приморской зоны во внутренние провинции, но он посредством рыночных механизмов снова оказывался в ней¹¹⁶.

Вторая тенденция государственного управления связана с централизацией административных ресурсов страны со второй половины 90-х гг. XX в. С началом политики реформ и открытости правительства на местах получили достаточно широкие полномочия по решению экономических вопросов, в том числе в области привлечения иностранных инвестиций и развития экспортоориентированных производств. Субнациональные власти имели право участвовать в совместных предприятиях с зарубежными партнёрами, принимать решения по финансовой поддержке фирм и влиять на назначение ключевых руководителей в крупных компаниях¹¹⁷. Пекин не мог даже опосредованно воздействовать на реальную экономическую ситуацию на местах, поскольку система контроля также была крайне децентрализована: проверяющие ведомства подчинялись правительствам идентичного административного уровня и не управлялись из Центра. Лишь с середины 90-х гг. XX в. основные регулирующие национальную экономику органы — системы налогообложения, контроля производимой в стране продукции, кредитных организаций и т.д. — подверглись «мягкой»¹¹⁸ рецентрализации и были трансформированы в структуры с вертикальным подчинением¹¹⁹. С конца 2006 г. для предотвращения ситуаций, когда чиновники предоставляли ложную информацию о социально-экономическом развитии, началось формирование системы вертикального подчинения Государственного статистического управления¹²⁰, но оно так и не было завершено к 2018 г.

Централизация фискальных и административных ресурсов позволила Пекину усилить макрорегулирование экономики и начать проведение программ общенационального масштаба. На III пленуме XVI созыва КПК в 2003 г. Ху Цзиньтао впервые заявил о необходимости единого планирования политики для решения пяти проблем развития, в числе которых называлась и проблема регионального развития (остальные четыре: развитие города и деревни, социально-экономическое развитие, гармоничное развитие человека и природы, внутреннее развитие и внешняя открытость)¹²¹.

1.2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О ПОЛИТИКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА

В начале 2000-х гг. высшее руководство страны стало упоминать Дунбэй в важнейших партийных речах как территорию, требующую особого отношения со стороны Центра¹²². В них она не называлась слабым местом регионального развития Китая. Более того, Пекин никогда не заявлял о приоритетности Северо-Востока в рамках национального пространства и не предполагал вкладывать в него масштабные финансовые ресурсы, как это было в случае с западным районом. Премьер Вэнь Цзябао в августе 2003 г. отмечал, что Дунбэй должен полагаться на собственные силы, на мобилизацию внутренних человеческих, финансовых и административных ресурсов, а поддержке государства следует основываться на рыночных механизмах¹²³. Тогда возникают резонные вопросы, как центральные власти видели проблемы Северо-Востока, почему захотели помочь и что именно предложили в качестве решения. Не менее важно и то, как восприняли идеологию Стратегии на местах.

На основе текстов до начала 2000-х гг. невозможно воссоздать комплексную картину представлений в Китае о проблемах

Северо-Востока. Дискуссия о судьбе региона, очевидно, велась: мы уже писали о конференциях и надпровинциальных/межпровинциальных организациях, которые не могли не оставить письменных свидетельств о своей работе. Но последние немногочисленны в открытом доступе (по крайней мере, если судить по базе данных CNKI, фондам библиотек пров. Хэйлунцзян и Цзилинь).

Тем не менее можно утверждать, что идея Стратегии возникла из реформы государственных предприятий, которую Пекин активно продвигал все 90-е гг. Поэтому изначально Центр акцентировал внимание на базовой проблеме региона — модернизации старопромышленных баз (крупных промышленных комплексов). Это было закреплено и в названии, и в содержании первого документа о развитии Дунбэя. Однако подобные базы находились не только в северо-восточных провинциях. Зачем следовало выделять именно данный регион? Ведь можно было разработать государственную программу для решения проблемы на всей территории страны, что в 2013 г. Пекин и сделал¹²⁴. Возможно, Северо-Восток выполнял роль полигона для «обкатки» реформы старых промышленных баз? Такое предположение нелогично по двум причинам. Во-первых, макрорегион — слишком большая территория для подобных экспериментов. Во-вторых, ключевые документы Стратегии до сих пор сфокусированы на старопромышленной базе Дунбэя, хотя уже есть соответствующая национальная программа.

Появлению Стратегии можно найти другое объяснение. Центр пытался мобилизовать местную и хозяйственную элиту Северо-Востока на решение политически сложной задачи снижения доли убыточного госсектора. Каждый значимый документ Пекина о возрождении Дунбэя и его обсуждение в центральной или «не северо-восточной» прессе фокусировались на необходимости изменения мышления жителей региона. В документе, инициировавшем Стратегию, говорилось: «руково-

дящие кадры всех уровней и широкие народные массы должны придерживаться политики реформ и открытости, опираться на рыночные механизмы и собственные силы для реализации идей возрождения старопромышленных баз», «на предприятиях и среди кадров необходимо развернуть воспитательную кампанию о раскрепощении сознания и базовых принципах мышления», «необходимо создать благоприятную общественную атмосферу относительно вопросов углубления реформ и открытости, проведения реструктуризации и перестройки»¹²⁵. В Пекине были уверены, что проблемы Дунбэя можно решить, если его элиты станут мыслить рыночными категориями.

С 2003 г. начали появляться публикации, атакующие ценностные основания прежней региональной идентичности. В основном они отрицали важность прошлых успехов Северо-Востока, критиковали нравственные качества его жителей и, конечно, коррупцию.

Первой общественное мнение всколыхнула статья «Чтобы возродить Северо-Восток, нужно „разбудить“ его жителей». Она была напечатана популярным в материковом Китае гонконгским изданием «Фэнхуан Чжоукань» в сентябре 2003 г., накануне утверждения первого документа, инициировавшего Стратегию. Материал, написанный Лань И, переселившимся из Дунбэя, был сначала продублирован на партийном онлайн-портале «Жэньминьван»¹²⁶, а затем появился и на других ключевых интернет-ресурсах¹²⁷. Автор, ссылаясь на личный опыт и приводя небольшие, но яркие истории, показывает Северо-Восток как место разгула криминала и коррупции, живущее и гордящееся прошлым, хотя его настоящее плачевно. Лань И также описывает дунбэйцев как грубиянов и мужланов, неспособных сделать важный шаг в жизни. По его мнению, их леность и упование на помощь извне могут низвести любую поддержку и политику Центра.

Публикация не осталась без ответа. Ляонинское издание «Шидай Шанбао» (принадлежало на тот момент региональному отделению агентства «Синьхуа») в ноябре 2003 г. отреагировало большой статьёй, состоящей из вводной части, фрагментов текста Лань И, нарезок комментариев к ним с популярного форума, эссе двух авторов¹²⁸. Газета стремилась показать, что гонконгский материал поверхностный и предвзятый, пренебрегает прошлым и его наследием. Один из авторов ответа в принципе отказался полемизировать: выразив несогласие с «большинством тезисов», он сослался на широту души и благодушие дунбэйцев, позволяющие им закрыть глаза на «предвзятость» и «поверхностность» тезисов Лань И, «прощая» ему такие взгляды¹²⁹.

Тему нашумевшей статьи подняли повторно на главной радиостанции пров. Ляонин «Ляонин жэньминь гуанбо». В 2007 г. прошла передача «Чтобы возродить Северо-Восток, нужно „разбудить“ его жителей», которая стала лауреатом всекитайского конкурса среди радиопередач в жанре «социалистическое воспитание»¹³⁰. В её рамках состоялось телефонное интервью с Лань И, а затем жители провинции могли свободно высказывать своё мнение. К сожалению, подробного текста передачи у нас нет.

Наиболее острые баталии развернулись в неофициальном информационном пространстве: в блогах и интернет-комментариях, посвящённых тексту статьи Лань И, можно увидеть либо жёсткую дискуссию¹³¹, либо продолжение одностороннего бичевания дунбэйцев с низведением их до людей второго сорта¹³².

Вопрос об устаревшем мышлении жителей Северо-Востока вызывал самую острую полемику, когда речь заходила о перспективах региональной политики. В качестве примера приведём дискуссию в 22-м номере гуандунского журнала «Наньфэнчуан» (самого популярного общественно-политического журнала в Китае) за 2003 г. Цзян Цайи, правозащитник из Шэньяна, опубликовал две статьи с критикой доминирующих в Дун-

бэе представлений о Стратегии¹³³. По его мнению, Центр не собирался усиливать финансирование региона и поднимать с колен государственные предприятия, а лишь хотел перевести северо-восточную экономику на рыночные рельсы, изменить старое мышление местных элит. Автору ответил другой шэньянский интеллеktуал, известный экономист Линь Муси, парировавший: «Некоторые считают, что для возрождения Северо-Востока в первую очередь необходимо решить вопрос с рыночными представлениями и сознанием <...> это поверхностный взгляд <...> Если мышление дунбэйцев устарело, то почему многие выходцы из Северо-Востока — политики и предприниматели — столь успешны в других районах Китая, но на Северо-Востоке не смогли себя проявить»¹³⁴.

Представления о неполноценности экономической культуры региона стали неотъемлемой частью дискурса Центра. Это хорошо показывают выступления Чжан Гобао или Чжоу Цзяньпина, представителей Госкомиссии по реформам и развитию, которые курировали Стратегию с 2003 г. В разное время они неизменно заявляли, что главная задача не конкретные проекты и финансирование, а изменение сознания¹³⁵. В марте 2017 г. Канцелярия Госсовета опубликовала «Рабочий вариант сотрудничества и партнёрства провинций и городов северо-восточного и восточного регионов». Документ позиционировался в качестве важнейшего элемента нового цикла политики возрождения Дунбэя. Его появление обосновывалось не только необходимостью рационального размещения ресурсов и факторов производства, но и важностью «поддержки последовательного изменения представлений в северо-восточном регионе, совершенствования рыночного сознания, укрепления чувства конкуренции, стимулирования внутренних сил...»¹³⁶.

Из риторики о неполноценности мышления дунбэйцев следовали два вывода. Во-первых, местным правительствам

необходимо изменить свои компетенции: нужно руководствоваться рыночными принципами управления, отказаться от ручного регулирования и повышать прозрачность деятельности. Во-вторых, власти региона должны прекратить поддерживать госпредприятия-«зомби» и дать свободу рынку¹³⁷.

Тезисы о старом мышлении, лени элит и тотальной коррупции Дунбэя стали общим местом в «не северо-восточных» медиа при обсуждении вопросов Стратегии. Центральная власть, хотя сама продвигала идею о необходимости создания рыночной культуры региона, выступила против формирования таких стереотипов. Один из последних документов Госсовета о возрождении Дунбэя обязывает профильные ведомства «предотвращать распространение сообщений, подрывающих репутацию Северо-Востока»¹³⁸. По мнению Чжоу Цзяньпина, эти сообщения повлияли на отношение инвесторов к региону¹³⁹.

На другом полюсе дискурса о северо-восточной политике Пекина находились репрезентации местных представителей бюрократии и интеллектуалов. Для них было характерно позиционирование её, во-первых, как территориальной, а не проблемно-отраслевой, во-вторых, как крайне важной в рамках национального пространства. В одной из первых статей, опубликованных после официального заявления Ху Цзиньтао о необходимости реструктуризации старопромышленной базы Дунбэя, указывалось, что Северо-Восток имеет потенциал воплотить в себе все новые направления развития КНР, поэтому надо лишь распространить на него те меры поддержки, которые осуществлялись в Шэньчжэне, Пудуне и западных провинциях, оказывать ему значительную финансовую и максимальную административную поддержку¹⁴⁰. В местном дискурсе всё чаще появлялись тезисы, что Дунбэй — это четвёртый (иногда третий, в зависимости от классификации авторов) полюс роста Китая в пореформенный период (стоит отметить: воображение бюрократов

и интеллектуалов КНР в 1990—2000-е гг. создало несколько десятков таких «четвёртых полюсов роста» в самых разных частях страны). Идеи об актуализации исторической миссии Северо-Востока и завышенные ожидания от будущих действий центрального правительства стали штампами публикаций, посвящённых программе возрождения региона в 2003—2005 гг.

Взгляды провинциальных руководителей региона — политиков, участвующих в системе ротации кадров и не сильно связанных с коренными элитами, — занимали промежуточное положение между представлениями центрального аппарата и местной бюрократии. С одной стороны, губернаторы вторили Пекину, что Дунбэй должен справляться сам, делая упор на мобилизацию всех внутренних ресурсов и привлечение иностранных инвестиций. С другой, подчёркивали важность и уникальность стратегии развития региона в рамках национального пространства¹⁴¹.

Руководители низовой бюрократии относились к Стратегии прагматично, пытаясь увидеть в ней непосредственные материальные выгоды или возможные потери. Ещё в январе 2003 г., когда обсуждались общие принципы будущей Стратегии, в интервью для центрального издания «Чжунго цзинци шибао» главы уездов и волостей Северо-Востока заявляли о необходимости поддержки со стороны Центра, но не могли конкретизировать, в чём она должна заключаться, и в конечном итоге сводили всё к тому, что «нужны деньги»¹⁴². В дальнейшем руководящая низовая бюрократия недоумевала по поводу планов Пекина провести реструктуризацию госпредприятий без предоставления значительного финансирования¹⁴³. В ходе реализации региональной стратегии Центр обнаружил: его установки на мобилизацию внутренних ресурсов Северо-Востока для ускорения процессов приватизации, банкротства и акционирования хозяйствующих единиц госсектора не всегда разделялись на местах¹⁴⁴.

О торге центральной и региональной бюрократии по поводу политики в Дунбэе известно крайне мало в силу закрытости источников. В качестве примера конфликта точек зрения можно привести случай на пресс-конференции, посвящённой принятию «Программы возрождения Северо-Востока», в августе 2007 г., когда на вопрос шанхайского журналиста, почему формулировка из первого проекта документа (который изначально готовился на местах) о необходимости «достичь регионом передового уровня развития в стране к 2020 г.» в окончательной редакции Госсовета была заменена на более скромную: «достичь относительно высокого уровня развития», Чжан Гобао, начальник канцелярии по вопросам возрождения Дунбэя при Госсовете, заявил, что новый тезис и так амбициозен¹⁴⁵.

К концу 2000-х гг. дискурс о региональной политике на Северо-Востоке стал более однороден. Местные чиновники перестали проявлять публичное недовольство Стратегией. Лишь интеллектуалы региона изредка пытались противиться морализаторству Пекина, критикуя тезисы об устаревшем мышлении дунбэйцев.

1.3. КЛЮЧЕВЫЕ МЕРЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО РАЗВИТИЮ РЕГИОНА

Базовым механизмом региональной политики Центра на Северо-Востоке стало ослабление налогового бремени госпредприятий¹⁴⁶, создание благоприятных условий для их реструктуризации и внедрение новой системы социального обеспечения¹⁴⁷ посредством законодательного регулирования. Пекин готовил вышеуказанную законодательную основу в течение двух лет после начала реализации Стратегии. С конца 2005 г. утверждались лишь узкоспециализированные программы, которые не могли оказать серьёзного влияния на тенденции развития Дунбэя и не предполагали какой-либо поддержки со стороны правительства КНР (табл. 2).

Таблица 2

Законодательные акты центральных органов власти Китая по проблемам развития Северо-Востока в 2003—2017 гг.¹⁴⁹

Основной предмет регулирования	Название программного или законодательного документа
<p>Весь комплекс проблем развития Северо-Востока</p>	<p>«Некоторые предложения ЦК КПК и Госсовета по реализации стратегии возрождения северо-восточных и других старых промышленных баз» (10.2003)</p> <p>«Программа возрождения северо-восточного региона» (08.2007)</p> <p>«Некоторые предложения по дальнейшей реализации стратегии возрождения северо-восточных и других старых промышленных баз» (09.2009)</p> <p>«Программа возрождения Северо-Востока на 12-й пятилетний план» (03.2012)</p> <p>«Предложения Госсовета по некоторым важным мерам возрождения Северо-Востока на краткосрочную перспективу» (08.2014)</p> <p>«Некоторые предложения ЦК КПК и Госсовета по всестороннему возрождению северо-восточного региона и других старых промышленных баз» (04.2016)</p> <p>«Предложения Госсовета по некоторым важным мерам по реализации нового этапа стратегии возрождения Северо-Востока, стабилизации и улучшению экономики северо-восточного региона» (11.2016)</p>
<p>Предприятия и инфраструктура промышленных баз</p>	<p>«Инструкции по проведению экспериментальной реформы крупных кооперативов при заводах Северо-Востока» (11.2005)</p> <p>«Инструкция по ускоренной реконструкции и реорганизации предприятий центрального подчинения северо-восточного региона» (02.2004)</p> <p>«Программа среднесрочного и долгосрочного развития электроэнергетической отрасли северо-восточного региона» (01.2005)</p> <p>«Некоторые меры в отношении полезных ископаемых и земельных ресурсов старых промышленных баз северо-восточного региона» (06.2005)</p>

Продолжение табл. 2

Основной предмет регулирования	Название программного или законодательного документа
То же	<p>«Уведомление об осуществлении преференциальной политики в отношении подоходного налога с предприятий в целях возрождения старых промышленных баз северо-восточного региона» (09.2004)</p> <p>«Постановление по некоторым вопросам расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость в северо-восточном регионе» (09.2004)</p> <p>«Временные правила расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость в северо-восточном регионе в 2004 г.» (09.2004)</p> <p>«Уведомление об упорядочивании ставок по налогу на природные ресурсы для предприятий некоторых нефтяных месторождений и месторождений полезных ископаемых» (09.2004)</p> <p>«Срочное уведомление о дальнейшей реализации политики расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость в северо-восточном регионе» (12.2004)</p> <p>«Уведомление по некоторым вопросам расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость с предприятий северо-восточного региона, производящих высокотехнологичную продукцию и военную продукцию» (12.2004)</p> <p>«Уведомление по некоторым вопросам расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость в северо-восточном регионе в 2005 г.» (02.2005)</p> <p>«Уведомление по некоторым вопросам освобождения предприятий северо-восточных старых промышленных баз от взывания исторически сформированной недоимки по налогам» (12.2006)</p>

Основной предмет регулирования	Название программного или законодательного документа
То же	<p>«Уведомление по временным правилам расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость» (05.2007)</p> <p>«Временные правила расширения сфер применения сниженной ставки налога на добавленную стоимость в восточной части Внутренней Монголии» (07.2008)</p> <p>«Уведомление по некоторым вопросам освобождения предприятий восточной части Внутренней Монголии от взыскания исторически сформированной недоимки по налогам» (08.2008)</p>
Социальное обеспечение	<p>«Резолюция Госсовета о согласии с проектом народного правительства пров. Цзилинь по внедрению экспериментальной системы социального обеспечения в городах и посёлках» (05.2004)</p> <p>«Резолюция Госсовета о согласии с проектом народного правительства пров. Хэйлуцзян по внедрению экспериментальной системы социального обеспечения в городах и посёлках» (05.2004)</p> <p>«Инструкции по активизации реконструкции районов с ветхим жилым фондом в северо-восточном регионе» (10.2005)</p>
Международное сотрудничество и иностранные инвестиции	<p>«Перечень приоритетных отраслей для привлечения иностранных инвестиций в центральный и западный регионы»¹⁵⁰ (07.2004)</p> <p>«Предложения по реализации политики стимулирования дальнейшего расширения внешней открытости северо-восточных старых промышленных баз» (06.2005)</p> <p>«Перечень приоритетных отраслей для привлечения иностранных инвестиций в пров. Ляонин» (09.2006)</p> <p>«Программа сотрудничества между регионами Северо-Востока КНР и Дальним Востоком и Восточной Сибирью РФ (2009—2018)» (09.2009)</p>

Окончание табл. 2

Основной предмет регулирования	Название программного или законодательного документа
Защита окружающей среды	«Резолюция Госсовета по программе противопаводочных мероприятий в бассейне р. Сунгари» (02.2008) «Резолюция Госсовета по программе противопаводочных мероприятий в бассейне р. Ляхэ» (02.2008)
Прочие	«Уведомление по понижению сельскохозяйственных налогов в 2004 г. и по проблеме экспериментального проведения реформы освобождения от сельскохозяйственных налогов в некоторых зернопроизводящих районах» (04.2004) «Программа совместного освоения района р. Туманган Китая» (11.2009) «Программа развития туристической отрасли северо-восточного региона» (02.2010) «Инструкции по ускоренной трансформации способов развития сельского хозяйства в целях создания современного сельского хозяйства» (11.2010) «Программа защиты окружающей среды и преобразования экономики лесных районов Большого и Малого Хингана» (12.2010) «Рабочий вариант сотрудничества и партнёрства провинций и городов северо-восточного и восточного регионов» (03.2017)

Прим.: В таблицу не включены общенациональные законодательные акты, которые тесно связаны с проблемами развития Северо-Востока (например, «Стратегия развития городов ресурсного типа»). Также не внесены пояснительные и вспомогательные акты к уже существующим постановлениям.

В 2007 г., после начала реализации программы возвышения центрального района в 2006 г., фискальные преференции, предоставленные Северо-Востоку, также распространились и на центральную часть страны¹⁴⁸. В дальнейшем политика развития городов

ресурсного типа и политика реструктуризации промышленных баз всего Китая были фактически выделены в самостоятельные программы, не зависящие от стратегий регионального развития.

Пекин никогда не информировал подробно о распределении субсидий по программам регионального развития, лишь изредка рапортуя о снижении налогового бремени для определённого вида предприятий и выделении ассигнований на конкретное мероприятие». Например, в 2008 г. центральный бюджет субсидировал банкротство 80 госкомпаний и трудоустройство их работников, выделив 20 млрд юаней¹⁵¹. В результате снижения налоговых ставок предприятия ограниченного спектра отраслей трёх северо-восточных провинций с июля 2004 г. по сентябрь 2007 г. были освобождены от уплаты 12 млрд юаней¹⁵². Однако ни в межрегиональном (в сравнении с другими макро-регионами), ни во временном (в сравнении с предыдущими периодами) плане невозможно оценить значимость цифр в вышеуказанных примерах.

Пекин ослабил роль механизма налоговых преференций в регулировании регионального развития. Как уже говорилось выше, серия региональных программ охватила всю страну за восемь лет, при этом на каждую программу постепенно распространялись идентичные налоговые преференции, в результате чего их эффективность постепенно падала и не могла повторить успех опыта приморских провинции¹⁵³.

С финансовой точки зрения политика Центра в отношении Дунбэя ещё в середине 2000-х гг. свелась к поддержке конкретных предприятий и проектов и к середине 2010-х гг. не предполагала масштабных, по сравнению с другими регионами, денежных вливаний. Здесь оказался прав Йон Сигурдсон, который считал, что Пекин на Северо-Востоке в основном увеличивал капитальные инвестиции¹⁵⁴. Это можно проследить по трём каналам, через которые центральная власть могла усилить финансирование

региона: межбюджетным трансфертам, банковскому кредитованию и инвестициям центральных госкорпораций и ведомств.

Трансферты. Подробный анализ роли трансфертов из центрального бюджета в реализации региональной политики затруднителен ввиду низкой транспарентности бюджетной системы КНР. В бюджете на 2004 г. и последующие годы Стратегия не фигурировала в качестве статьи целевых расходов. Вливания из Центра в северо-восточные провинции на протяжении реализации программы возрождения были больше доли этих территорий в экономике страны. В 2016 г. суммарная доля пров. Хэйлуцзян, Ляонин и Цзилинь в общей сумме трансфертов из центрального в региональные бюджеты составила около 10,9% (доля Дунбэя в экономике КНР в 2016 г. — 7%). Стратегия не имеет никакого отношения к высокому уровню этого показателя, так как ещё до неё, в 2001 г., доля перечисленных провинций в трансфертах из Центра была на 3,4% выше, чем в 2016 г., достигая 14,3%. Что касается других регионов Китая, то Пекин значительно урезал финансирование пров. Ляонин и — незначительно — пров. Цзилинь. Только Хэйлуцзян сохранил свои позиции в межбюджетных трансфертах (рис. 4).

Кредитование банков. Использование Пекином кредитно-финансового механизма также говорит не в пользу приоритетности Дунбэя в региональной политике страны. Несмотря на официальные заявления о поддержке банковским сектором программы возрождения старопромышленных баз, рост кредитования Северо-Востока относительно других регионов КНР можно было наблюдать лишь в 2004 г. После этого доля Дунбэя в общенациональном объёме выданных кредитов постепенно снижалась с 8,6% в 2004 г. до 6,6% в 2016 г. (рис. 5). Возможно, осуществилось качественное изменение направленности кредитов в зависимости от приоритетов программы, однако эмпирические данные, подтверждающие это предположение, отсутствуют.

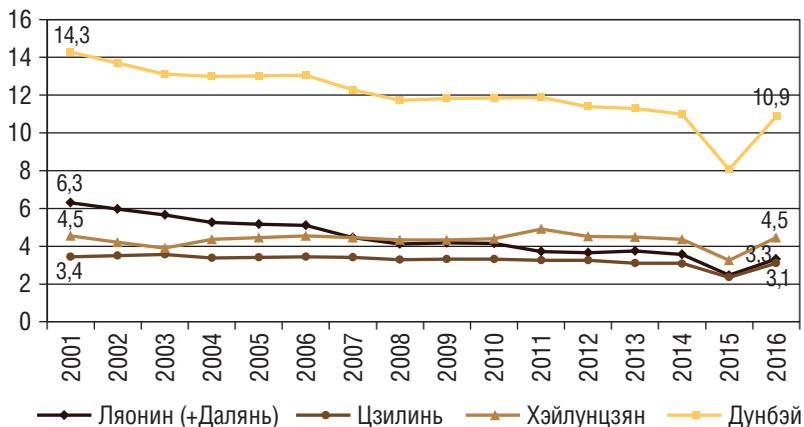

Рис. 4. Доля Северо-Востока в межправительственных трансфертах из центрального бюджета в 2001—2016 гг.¹⁵⁵

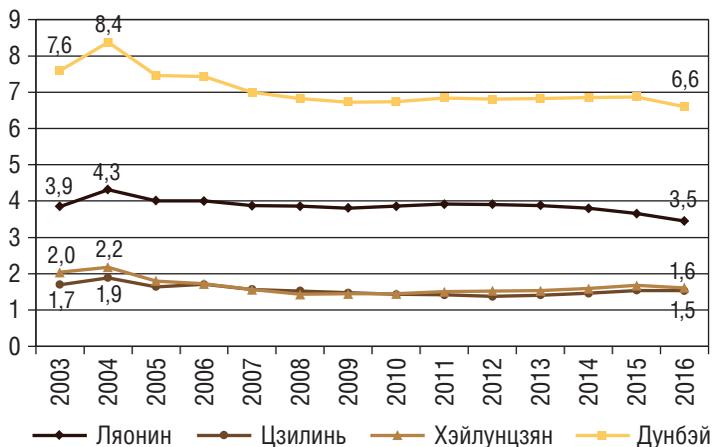

Рис. 5. Доля Северо-Востока в дебиторской задолженности банковского сектора КНР, 2003—2016 гг.¹⁵⁶

Инвестиции госкорпораций и ведомств центрального подчинения в основные фонды фактически стали единственным каналом финансирования, по которому Дунбэй выгодно выделялся среди других регионов. Эти капиталовложения стали наполнять его сразу после принятия программы развития, достигнув пика в 2007—2008 гг., когда доля Северо-Востока в проектах, финансируемых из Центра, поднялась до 17% (рис. 6). В 2010-е гг. объём перечисляемых средств по данному каналу начал снижаться.

Инвестиции госкорпораций и ведомств центрального подчинения направлялись либо на модернизацию предприятий центрального подчинения (или их региональных филиалов), либо на возведение новых инфраструктурных объектов. Но они проходили мимо местной власти и хозяйственной бюрократии. Другими словами, Центр в среднесрочной перспективе на самом деле увеличил расходы на технологическое обновление и инфраструктурное строительство в Дунбэе, но только для предприятий центрального подчинения и под своим контролем.

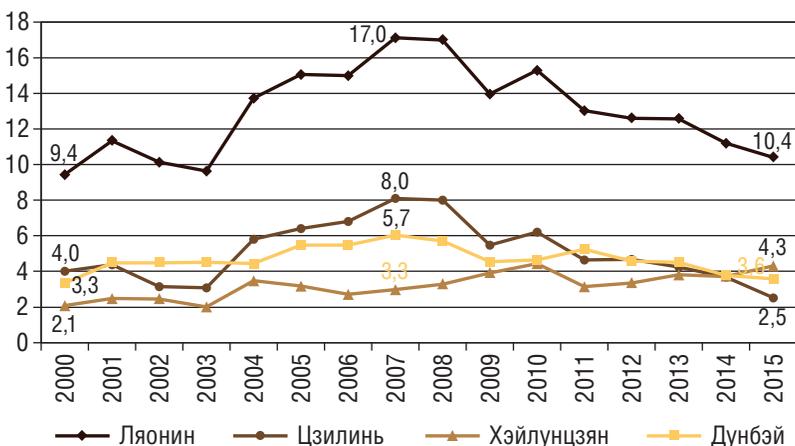

Рис. 6. Доля Северо-Востока в централизованных инвестициях в основной капитал КНР, 2000—2015 гг.¹⁵⁷

Три указанных вида финансовой поддержки сопоставимы по своим объемам. Например, в 2015 г. пров. Цзилинь получила 80 млрд юаней выравнивающих трансфертов¹⁵⁸ из центрального бюджета, 39 млрд юаней целевых трансфертов, 88 млрд юаней инвестиций центральных ведомств и госкорпораций, а также увеличила свой портфель банковских кредитов на 261 млрд юаней.

Заключение

Стратегия не стала для Пекина объектом масштабного финансирования. Увеличилось только количество денег, направляемых посредством инвестиций центральных ведомств и государственных корпораций в основные фонды региона в 2000-е гг. Эти финансы не попадали в руки местных органов власти или хозяйственной бюрократии госсектора, Стратегия никак не повлияла на потоки, распределяемые Центром в рамках государственного бюджета и банковского сектора. Налоговые преференции и административные послабления для Северо-Востока оказались недолговечными и через несколько лет после их принятия распространились на другие районы КНР.

Анализ дискурса центральных властей показывает, что последние не видели необходимости выделять регион в качестве приоритетного при распределении ресурсов. Пекинские чиновники были уверены: ключевые проблемы экономики Дунбэя лежат в плоскости мышления местных элит и достаточно навязать последним передовую систему ценностей, чтобы подстегнуть социально-экономическое развитие. Через реализацию Стратегии Центр пытался стимулировать местные власти действовать решительней в реформировании госпредприятий, а хозяйствующую бюрократию — следовать законам рынка и учиться работать в конкурентной среде.

1.4. СТРАТЕГИЯ И ПЛАНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА: СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ

Региональные диспропорции и политика скоординированного регионального развития на рубеже XX—XXI вв.

Беспрецедентные темпы экономического роста в период реформ обеспечили усиление комплексной мощи КНР, но одновременно вызвали серьёзные проблемы. Диспропорции социально-экономического развития достигли таких показателей, что дали основание в середине 2000-х гг. китайскому исследователю Ху Аньгану выделить в стране «четыре мира». К первому он отнёс регионы с высокими по мировым масштабам доходами (Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь), ко второму — со средневысокими (приморские районы), к третьему — со средненизкими (например, пров. Цзилинь и Хэйлуцзянь). И, наконец, к четвертому — территории с низким уровнем доходов (бедные районы Центрального и Западного Китая)¹⁵⁹.

Существующие региональные диспропорции неверно объяснять исключительно фактором реформ. Безусловно, последние не только ускорили развитие восточной части страны, но и обострили имеющиеся территориальные различия, сформировавшиеся в предшествующий период. Исследования показывают, что с 1952 по 1978 г. восточные провинции не просто являлись флагманом в экономике, но и укрепили своё лидерство¹⁶⁰. К 1978 г. темпы роста ВРП Северо-Востока несколько снизились, и доля его в ВВП КНР с 1952 по 1978 г. возросла лишь на 0,31%, составив 14,27%, в то время как у восточного региона ВРП увеличивался более высокими темпами: за аналогичный период — 1,81%, 44,48% ВВП к 1978 г. С 1970

по 1978 г. государственные инвестиции в северо-восточный регион сократились с 13,31 до 9,85% (38% в 1952 г.). Обратный процесс происходил на востоке КНР: в 1952 г. он получал 29,17%, в 1965 г. — 31,66%, к 1978 г. доля инвестиций возросла до 40,14%¹⁶¹. В 1980—1990-е гг. несбалансированность развития регионов лишь усиливалась (табл. 3).

Таблица 3

**Темпы роста ВВП и доля регионов
в валовой промышленной продукции, в %¹⁶²**

	Восточная зона	Центральная зона	Западная зона
Среднегодовые темпы роста ВВП, 1986—1995 гг.	18,8	14,9	13,3
Доля в ВВП:			
1985 г.	60,3	27,2	12,5
1990 г.	62,2	25,4	11,9
1995 г.	66,0	23,8	10,2
1998 г.	58,1	27,9	14,0

На первом этапе эпохи реформ власти КНР проводили региональную политику под лозунгом первоочередного развития прибрежных восточных территорий (1979—1990). Тогда основной поток государственных инвестиций шёл на Восток, поддерживались те проекты, которые имели быструю отдачу. В то же время Пекин декларировал оказание помощи наиболее бедным районам и местам проживания этнических меньшинств¹⁶³.

Дэн Сяопин, выступивший с идеей первоочередного обогащения отдельных регионов, в значительной степени отошёл от господствовавшей ранее доктрины уравнительного распределения. Это было необходимо, чтобы ускорить ход экономической реформы, ведь для развития требуется капитал, а в условиях господства уравнительного распределения ресурсов для инвестиций недостаточно. Однако, несмотря на то что неравенство

во многом является естественным состоянием общества, оно превращается в проблему, когда в глазах населения становится несправедливым¹⁶⁴.

Период с 1991 по 1998 г. можно выделить как начальный этап стратегии регионального скоординированного развития. Тогда партийно-государственное руководство КНР постепенно начало осознавать проблемы, вызванные ускоренным развитием прибрежного пояса. В планах пятилеток, в речах партруководителей делались оговорки о необходимости развития центрального и западного районов, принимались планы по борьбе с бедностью и т.п. Однако данные табл. 3 красноречиво свидетельствуют: эффективность данных программ не являлась особенно высокой¹⁶⁵. Фактически лишь на XV Всекитайском съезде КПК (сентябрь 1997 г.) была высказана руководящая идея о необходимости сбалансированного развития территорий Китая¹⁶⁶.

В 1999 г. Госсовет принял решение о развитии западного региона страны. В окончательном виде «Программу освоения Запада» сформулировал премьер Чжу Жунцзи в «Докладе о работе правительства за 2000 г.». Реализация упомянутой программы дала новый импульс региональной политике, направленной на выравнивание уровней социально-экономического развития территорий Китая.

В докладе о работе правительства, представленном на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва 5 марта 2000 г., премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи впервые упомянул Северо-Восток в контексте реформирования старопромышленных баз¹⁶⁷. Также данному региону было уделено немного внимания в 10-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР (2001—2005). Важно отметить, что в последнем документе Северо-Востоку не отведён специальный пункт, указания по развитию размещены в разделе «Продвижение структурной перестройки старопромышленных баз», что свидетельствует об отсутствии чёткой

политики в отношении Дунбэя в тот период. Указания носили общий характер и касались оптимизации производственной и организационной структуры предприятий «с региональными особенностями», создания баз станкостроения на территориях, имеющих необходимые условия. Также отмечалась необходимость «закрывать шахты с исчерпанными ресурсами, сообразуясь с местными условиями добывать руду главным образом в городах и крупных месторождениях <...> искать новую модель развития рудников»¹⁶⁸. Таким образом, документ, по сути, лишь упомянул об одной из самых непростых проблем Северо-Востока — проблеме моногородов ресурсного типа. Указания носили скорее рекомендательный, чем директивный характер.

На XVI Всекитайском съезде КПК (ноябрь 2002 г.) Цзян Цзэминь впервые с 1978 г. чётко обозначил проблему гармоничного развития региональной экономики. Он призвал «интенсивно продвигать масштабное освоение запада страны», «помогать старопромышленной базе Северо-Востока и других регионов в ускорении их урегулирования и реконструкции», обратил внимание на необходимость поддержки градообразующих ресурсных производств, немалая часть которых расположена в Дунбэе¹⁶⁹. Эти указания во многом стали лейтмотивом внутренней политики КНР в правление преемника Цзян Цзэминя Ху Цзиньтао. Именно следующий год явился важной вехой в реализации особой политики на Северо-Востоке страны.

Принятие стратегии возрождения Северо-Востока

2003 г. — этап на пути формирования стратегии возрождения Дунбэя. 5 октября были изданы «Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о реализации стратегии возрождения северо-восточного региона и других старопромышленных баз»¹⁷⁰. Этот

стратегический документ ЦК КПК определял основные направления политики по оздоровлению экономики изучаемого региона, а также некоторых других индустриальных центров КНР. Среди проблем в его тексте обозначались низкая степень маркетизации, слабость экономического развития, сравнительно однообразная система собственности, высокая доля государственной собственности, медленный процесс урегулирования производственной структуры, устаревшая производственно-техническая база, обязательства предприятий по социальному обеспечению и трудоустройству, упадок производства в городах ресурсного типа.

Документ определял основные направления возрождения старопромышленной базы. К ним были отнесены всестороннее повышение преимуществ промышленной структуры, энергичное развитие современного сельского хозяйства, активизация развития третичного сектора, активное перепрофилирование экономики городов ресурсного типа, строительство инфраструктуры, расширение внешней открытости и межрегиональных связей и некоторые другие. В целом предложения носили программный характер и не предлагали механизма решения поставленных задач, однако в дальнейшем для Стратегии была создана соответствующая нормативная основа, направленная на формирование благоприятной среды для развития региональной экономики.

После принятия Стратегии в течение нескольких лет политика возрождения Северо-Восточного Китая регулировалась документами общего характера: пятилетними планами социально-экономического развития страны и регионов. В 11-м пятилетнем плане (2006—2010) Дунбэю уделяется уже значительно большее внимание, нежели в 10-м. Во-первых, документ, в отличие от прежнего, содержит отдельный раздел «Реконструкция старой промышленной базы Северо-Восточного Китая», что свидетельствует о повышении роли данной территории в планировании регионального развития страны. Во-вторых, в разделе

присутствовала большая детализация мер в отношении оживления экономики Дунбэя. Так, помимо общих деклараций, касающихся «упорядочения производственной структуры», «реформирования, реорганизации и реконструкции государственных предприятий», в документе отмечена необходимость создания компенсационного механизма «по освоению и поддержке депрессивных производств», «экономического перепрофилирования депрессивных городов ресурсного типа, таких как Фусинь, Дацин, Ичунь и Ляоюань». В плане указывалось и на то, что нужно ускоренно развивать инфраструктуру восточной части Дунбэя, строить транзитные железные дороги и транспровинциальные шоссе¹⁷¹.

Таким образом, период с 2003 по 2007 г. — этап становления новой политики в отношении Дунбэя, проводимой тандемом Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, когда были сформулированы основные стратегические цели по возрождению экономики региона.

План возрождения Северо-Востока

Курс на решение проблемы социально-экономического неравенства регионов был закреплён на состоявшемся 15 октября 2007 г. XVII Всекитайском съезде КПК. В докладе съезду Ху Цзиньтао призывал «стимулировать гармоничное развитие регионов», «полностью возрождать северо-восточную и другие старопромышленные базы». Более чётко прозвучало указание увеличить открытость приграничных территорий¹⁷². Таким образом, закрепление региональной проблематики в решениях партийного съезда дало толчок новым законодательным инициативам по проблемам развития Северо-Востока.

В том же 2007 г. Госсовет КНР утвердил «План возрождения северо-восточного региона»¹⁷³, подготовленный Комиссией

по развитию и реформам. Этот документ стал первым нормативным актом, раскрывающим основные положения Стратегии и соотносящимся с общегосударственными пятилетними планами¹⁷⁴. Период его реализации — 10—15 лет. В качестве главных целей указаны: создание крупной базы по производству конкурентоспособного промышленного оборудования, новых материалов и энергии в стране, ключевой базы по производству сельскохозяйственной продукции. Достижение этих целей, по замыслу авторов, должно было привести к росту благосостояния населения региона. Осуществлению задуманного мешали следующие проблемы:

- институциональные препятствия, выразившиеся в сравнительно высокой доле государственного сектора и малой — частного;
- наличие структурных диспропорций: низкая доля высокотехнологичных отраслей, скромный объём третичного сектора;
- социальные проблемы (сложности с трудоустройством и слабое развитие системы социального обеспечения);
- проблемы «ресурсных» городов: медленное создание альтернативных производств, приводящее к неспособности поддерживать устойчивое развитие.

План предусматривал выполнение целевых показателей с 2006 по 2010 г. по следующим категориям: экономический рост, экономическая структура, ресурсы и окружающая среда, общественное развитие. К первой категории отнесены лишь два показателя: среднедушевой ВВП (в 2010 г. он должен был составить 21 889 юаней при 7,4% среднегодовом росте) и объём сбора зерновых (94 500 т при 1,9% росте). В отношении экономической структуры региона предполагалось увеличить долю третичного сектора в ВВП с 38 до 41% за весь период, добавленную стоимость негосударственного сектора — на 12% (до 48%),

долю расходов на исследования и экспериментальные разработки в ВРП — на 2% (рост на 0,7%). Последний пункт данной категории посвящён урбанизации: к 2010 г. 55% населения региона должны были стать жителями городов и посёлков, тогда как в 2005 г. этот показатель составлял 52%.

В экологической сфере следовало снизить энергозатраты на единицу ВРП на 20% за пятилетку, сократить использование воды на единицу добавленной стоимости в промышленности на 30% за тот же период, расширить площадь пашни на 0,2%, уменьшить объём выброса загрязняющих веществ на 10%, степень переработки промышленного мусора должна была вырасти не менее чем на 8,1%. Уделялось внимание и сохранению лесов — их площади следовало увеличиться на 4% за пять лет.

В сфере общественного развития документ предписывал следующее: удержание безработицы среди городского населения на уровне менее 5%; покрытие базовым пенсионным страхованием 32,7 млн жителей городов и посёлков (рост на 5,1% за пять лет); охват новой системой сельского кооперативного медицинского обеспечения свыше 80%; средняя продолжительность обучения — 10 лет.

При изучении плана заметен его акцент на качественные показатели развития. При отсутствии формулировок об удержании сверхвысоких темпов роста ВРП в тексте отмечается необходимость увеличения валового продукта на душу населения, что в несколько большей мере отражает качество экономического развития. Также в документ введены индикаторы социального обеспечения граждан (пенсионное и медицинское страхование, удержание безработицы) и экологические параметры. В целом «План возрождения северо-восточного региона» был направлен на реструктуризацию хозяйства, на «обогащение», а не на «смягчение бедности», что отличало его от программы освоения Запада¹⁷⁵.

Согласно последующим оценкам, реализацию плана можно считать довольно успешной. Заданные в нём показатели по большинству параметров удалось выдержать, а некоторые — заметно превысить. Например, среднедушевой ВВП рос на 13,5% в год вместо запланированных 7,4%, добавленная стоимость негосударственного сектора увеличилась на 18%, а не на 12% и др. Однако были и провалы. Так, не удалось довести долю третичного сектора до 41%. В 2010 г. он составил лишь 36,9%, ниже чем в 2005 г. Площадь лесов увеличилась на 2% вместо 4%. Запланированного уровня не достигли и некоторые показатели социального обеспечения: пенсионное страхование жителей городов и посёлков распространилось на 30,7 (а не 32,7) млн чел. (однако при этом охват новой моделью медицинского страхования на селе составил 96% при плановых 80%)¹⁷⁶.

Некоторые достижения и провалы взаимосвязаны. С одной стороны, инвестиции в государственные предприятия вызвали быстрый рост ВРП и, как следствие, увеличение среднедушевого ВВП. С другой — повышенное финансирование индустриального сектора способствовало относительному сокращению доли третичного сектора (при этом стоит иметь в виду, что в абсолютном выражении наблюдался рост сектора услуг). В последующие несколько лет инвестиции во вторичный сектор Дунбэя будут одними из самых высоких в Китае¹⁷⁷.

В 12-м плане социально-экономического развития КНР (2011—2015) Северо-Востоку опять посвящён отдельный раздел. Помимо уже обозначенных направлений развития появились и некоторые новые моменты. Во-первых, говорилось уже не просто об упорядочении производственной структуры, а о качественном изменении производства. В частности, призывалось проводить глубокую переработку сырья; не только выпускать различного рода оборудование и автомобили, а изготавливать запчасти к ним. Во-вторых, новый документ указывал

на необходимость совершенствования банковских и логистических услуг, развития туризма. В-третьих, в плане предлагалось углублять реформу госпредприятий и укреплять негосударственную экономику, малый и средний бизнес. В-четвёртых, большое внимание уделялось защите окружающей среды, охране болот и чернозёмов, больших и малых лесных массивов, таких как Чанбайшань и Хинган. В-пятых, документ призывал поддерживать развитие экономических кластеров. В пров. Ляонин это прибрежный экономический пояс и Шэньянский экономический район; в пров. Цзилинь — район Чанчуня, Цзилиня и Тумэня; в пров. Хэйлуцзян — треугольник Харбин — Дацин — Цицикар и линия Муданьцзян — Суйфэньхэ¹⁷⁸.

Таким образом, в 12-м пятилетнем плане были чётко обозначены проблемы, возникшие в ходе реализации реформ в масштабах всей страны, предложены некоторые меры по их устранению (развитие логистических услуг и третичного сектора в целом, улучшение качественной составляющей производства).

Вслед за национальным документом в марте 2012 г. появился «План возрождения Северо-Восточного Китая на 12-ю пятилетку»¹⁷⁹. В нём традиционно обращалось внимание на развитие важных для всей КНР секторов промышленности: станкостроения, изготовления высококачественной стали, современной нефтехимии, глубокой переработки продуктов сельского хозяйства и некоторых других. Отмечалась необходимость развития новых для региона отраслей: альтернативной энергетики, выпуска высокотехнологичного оборудования, создания новых материалов, производства электромобилей и др. По-прежнему большое внимание уделялось развитию третичного сектора и сельского хозяйства, повторялись положения 12-го пятилетнего плана КНР о развитии региональных кластеров.

В исследовательской литературе¹⁸⁰ отмечались и важные изменения, появившиеся в документе. Из плана были исключены

показатели роста ВРП и среднедушевого ВВП, иначе говоря, акцент делался на качественные показатели. Индикатор ВВП измеряет объём выпуска, однако его, как правило, используют в качестве универсального показателя социально-экономического развития, и это нередко вводит в заблуждение, так как рост ВВП часто может быть заметно выше, чем улучшение качества жизни людей, что довольно отчётливо проявилось и в КНР¹⁸¹.

План предусматривал опережающее увеличение доходов городского и сельского населения по отношению к динамике ВРП, рост численности самозанятых до 7,5 млн чел., охват 35,55 млн жителей городов и посёлков пенсионным страхованием (за пять лет плюс 4,85 млн чел.). Более детально в документе прописаны экологические индикаторы, а также охват дунбэйцев полным средним образованием (гаочжун — средняя школа высшей ступени). Анализ результатов показал успешное достижение поставленных целей. Если при выполнении плана на 2006—2010 гг. реальный процент охвата населения пенсионным страхованием остался ниже установленного, то теперь этот показатель был перевыполнен (38,2 вместо 35,55 млн чел.)¹⁸².

В ноябре 2012 г. в Пекине прошёл XVIII Всекитайский съезд КПК. В отчётном докладе съезду Ху Цзиньтао затронул вопросы регионального развития. Он призвал «в основных чертах создать механизм гармоничного развития регионов», «целиком развёртывать сравнительные преимущества регионов, приоритетно продвигать масштабное освоение запада страны, полностью возрождать северо-восточные и другие старые промышленные базы, интенсивно стимулировать подъём центральных районов и активно поддерживать опережающее развитие восточных»¹⁸³. В правление Ху Цзиньтао Пекин так и не смог существенно изменить ситуацию в области диспропорций регионального развития. На рубеже 2000—2010-х гг., помимо программ развития Запада и возрождения Северо-Востока,

появились программы развития Центрального региона, возрождения старопромышленных баз, устойчивого развития моногородов ресурсного типа и другие, в которых затрагивалась региональная проблематика. В результате происходило размытие преференциальной политики, которая фактически стала распространяться на всю территорию страны. Также особое внимание Центра к регионам вызывало недовольство локомотива экономики — восточных провинций Китая.

Новому лидеру КНР Си Цзиньпину в наследство досталась не только проблема сглаживания региональных диспропорций, но и всё усиливавшееся замедление экономики государства. В связи с этим Пекин постепенно начал отходить от политики Ху Цзиньтао, хотя и сохранил риторику прежнего правления. Уже на состоявшемся 9—12 ноября 2013 г. III пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ»¹⁸⁴, ставшее программным документом нового поколения руководителей. В постановлении акцент делался на стимулировании негосударственного сектора и усилении маркетизации, говорилось о создании Шанхайской зоны свободной торговли, а также выдвигалась инициатива формирования экономического пояса Шёлкового пути. Развитие Дунбэя и прочих регионов в качестве приоритетных задач не значилось.

Несмотря на переориентацию внутренней политики, Центр полностью не отошёл от реализации программ регионального развития, однако эти документы в основном повторяли задачи прежних постановлений. Так, 8 августа 2014 г. вышли «Мнения Госсовета относительно некоторых важных политических мер по поддержке возрождения Северо-Востока»¹⁸⁵, которые не внесли ничего принципиально нового в постановку задач по возрождению Дунбэя, а скорее подтвердили реализацию программы развития региона в новых политических условиях.

Возрождение Северо-Востока в условиях реализации плана 13-й пятилетки

Приход к власти Си Цзиньпина совпал с процессами торможения китайской экономики. Это было связано как с замедлением мировой экономики после кризиса 2008 г. и, как следствие, сокращением экспорта, исчерпанием возможностей старых рынков, так и с самим масштабом экономики КНР. Текущие объёмы хозяйственной сферы страны уже не позволяли сохранять двузначные темпы роста. Чтобы не началась рецессия, требовалось найти новые источники развития. В связи с этим Пекин поддерживал создание инновационных технологий, возникновение новых отраслей экономики (например, электронной коммерции), а также снижение издержек посредством реструктуризации и закрытия неэффективных производств, улучшения логистических процедур и т.п.

В новых условиях снова на первый план вышел восточный регион, в котором сосредоточено большинство инновационных производств. На сессии ВСНП 2016 г. в докладе о работе правительства Ли Кэцян чётко обозначил приоритеты внутренней политики: «стратегия „Один пояс и один путь“, скоординированное развитие региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй и развитие экономического пояса вдоль Янцзы»¹⁸⁶.

Эти приоритеты также были закреплены и в 13-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР (2016—2020). Северо-Востоку в данном документе отвели немного места, раздел о регионе вновь объединили с развитием старопромышленных баз. Были представлены самые общие рекомендации, которые с небольшими оговорками можно применить и к другим территориям страны. План акцентировал внимание на необходимости развития инновационных и новых отраслей хозяйства,

а также повышение эффективности старых предприятий, улучшения деловой среды и привлечение талантов. В логистической сфере призывалось ускорять строительство высокоскоростной железнодорожной сети. Последним пунктом стало «создание платформы для всестороннего сотрудничества с Россией, Японией, Южной Кореей и другими государствами»¹⁸⁷.

Несмотря на смену приоритетов, власти КНР полностью не отказались от инициатив Ху Цзиньтао. 27 апреля 2016 г. были опубликованы «Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о всестороннем возрождении северо-восточного региона и других старопромышленных баз»¹⁸⁸. В документе положительно оценивался процесс перестройки экономической системы Дунбэя, идущий со времени опубликования Стратегии, указывалось, что необходимо интенсивно осуществлять уже начатые преобразования. Также текст содержал положения, связанные с изменением курса Пекина. Документ требовал углублять сотрудничество между правительством и обществом, реформировать госпредприятия и повышать их эффективность, «всеми силами поддерживать развитие частного сектора экономики», активно и инициативно участвовать в строительстве «Одного пояса и одного пути». В рамках последнего указания пров. Хэйлуцзян и Внутренней Монголии предлагалось интенсивнее сотрудничать с Россией и её дальневосточным регионом в рамках экономического коридора КНР — Монголия — РФ¹⁸⁹. Следовало создать китайско-германский индустриальный парк по производству высокотехнологичного оборудования (в районе г. Шэньян) с последующим экспортом в Европу, США и другие страны. Ещё одним новым положением стал тезис о развитии интеграционных связей со столичным регионом Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй.

Несмотря на некоторые впервые появившиеся формулировки, в документе трудно найти какие-то принципиально новые направления региональной политики. Если ранее в текстах

содержались директивы по усилению региональной интеграции и международного сотрудничества, то теперь к ним добавились инициатива «Один пояс и один путь» и развитие интеграции со столичным регионом КНР.

Положения плана 13-й пятилетки КНР, а также вышеуказанные «некоторые мнения» дополнялись «Планом возрождения Северо-Востока на 13-ю пятилетку» (принят 12 ноября 2016 г.). В соответствии с новым правительственным курсом на повышение эффективности экономики появился такой индикатор, как рост производительности труда (должен составлять 6,2% в год, за пятилетие ей следует увеличиться с 96 тыс. юаней до 130 тыс. юаней на чел.) и числа патентов (с 360 до 690 на 1 тыс. чел. за весь период), наукоёмкость экономики, доступность широкополосного и мобильного интернета (особенно актуально в связи с бурным развитием электронной коммерции).

Среди социальных индикаторов привлекает внимание введение дифференцированного показателя урбанизации. Стала выделяться доля постоянно проживающих в городах и посёлках (прогнозируется увеличение с 60,5 до 65,8%) и лиц с пропиской в названных населённых пунктах (соответственно с 45,1 до 50%). Планируется, что рост доходов дунбэйцев превысит средние показатели роста ВВП (как минимум плюс 6,5% ежегодно). Также впервые появились индикаторы, направленные на борьбу с бедностью на селе (не более 27 на 1 тыс. чел.) и трущобами, способствующие росту самозанятости (на каждую 1 тыс. жителей должно появиться 62 самозанятых).

В духе времени существенно большее значение стало уделяться экологической обстановке в регионе. Помимо используемых ранее индикаторов сокращения потребления воды и энергии на единицу ВВП, впервые появилось требование уменьшить загрязнённость воздуха частицами PM 2,5, представляющими особую опасность для жизни и здоровья граждан (сокращение

должно составить 18,9% до 2020 г.), и показатели загрязнённости водных бассейнов. Среди других важнейших экологических индикаторов выделены сокращение к 2020 г. химического потребления кислорода (на 8,4%), выбросов аммиачного азота (на 7,6%), сернистого газа (на 17,3%) и окиси азота (на 16,6%).

Характеризуя документ в целом, можно сделать вывод, что всё большую роль начали играть качественные показатели, непосредственно влияющие на повседневную жизнь граждан (экология, занятость и уровень доходов), а также показатели эффективности экономики (производительность труда, наукоёмкость и т.п.). При этом полностью исключены индикаторы ВВП и его структуры, присутствующие в плане 2007 г. Особенно это актуально в условиях резкого падения роста ВРП непосредственно в северо-восточном регионе. Если до 2014 г. Дунбэй показывал темпы роста заметно выше средних по стране, то в последние годы его хозяйство развивается ниже общенациональных значений¹⁹⁰ (подробнее см. гл. 3).

Заключение

Анализ документальной базы показал, что политика возрождения Северо-Восточного Китая прошла непростой путь формирования. Удалось достаточно чётко проследить три её периода, которые отчасти совпадают с традиционными этапами социально-экономического планирования КНР. При этом данные периоды качественно отличаются друг от друга. Во время первого (2003—2007) произошло формирование стратегии новой политики, которая была оформлена в соответствующем программном документе ЦК КПК. Второй пришёлся на 2007—2015 гг. и нашёл закрепление в двух планах возрождения Дунбэя и планах 11-й и 12-й пятилеток КНР. Тогда общие положения стратегии дополнила система индикаторов

социально-экономического развития северо-восточного региона. Третий период оформляется в 2016 г., когда новый правительственный курс был определён 13-м планом и другими документами ЦК КПК и Госсовета.

В содержательном плане политика возрождения Дунбэя преследовала цель приблизить его к уровню развитых восточных провинций КНР. Правительство предполагало достичь её через комплекс мероприятий, таких как реструктуризация госпредприятий, увеличение доли третичного сектора (сферы услуг), создание высокотехнологичных производств. С осуществлением политики наблюдался постепенный отход от количественных показателей развития и увеличение качественных индикаторов, запланированных результатов по многим из которых удалось достичь. Тем не менее поддержание стабильности в регионе (особенно в период мирового кризиса 2008 г.) обеспечивалось преимущественно значительными вливаниями из Центра, а не принципиальным перепрофилированием экономики, что фактически вызвало постепенный отход от политики возрождения Северо-Востока в правление Си Цзиньпина и его команды.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 中共中央、国务院关于实施东北地区等老工业基地振兴战略的若干意见。中发〔2003〕11号 = Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о реализации стратегии возрождения северо-восточного региона и других старопромышленных баз. Документ ЦК КПК № 11, 2003 г. 22.10.2009. URL: <http://news.cctv.com/china/20091022/103699.shtml> (дата обращения: 14.11.2018).

² В статье 1994 г. Дж. Сакс, который консультировал российское правительство в проведении либеральных реформ в начале 1990-х гг., выделил большую долю государственной промышленности,

чрезмерное государственное планирование, перегруженность социальными обязательствами предприятий и отсутствие консенсуса в элите как ключевые причины неудач рыночных преобразований в странах постсоветского блока. По его мнению, успех китайских реформ обеспечило то, что в КНР эти негативные факторы либо отсутствовали, либо не являлись такими сильными (См.: Sachs J., Woo W.T. Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe, and the Former Soviet Union // *Economic Policy*. 1994. Vol. 9. No. 18. P. 101—145). Как мы видим, всё же Китай не был однороден, и Маньчжурия во многом напоминала государства постсоветского пространства, за исключением фактора неконсолидированной элиты.

³ Для того чтобы приблизиться к объективному описанию социально-экономических процессов в северо-восточном Китае в 1980—1990-е гг., мы обратимся к социологическим исследованиям аналитиков Госсовета и подробным экономическим отчётам чиновников представительства Народного банка в г. Шэньяне, а также к экономическим исследованиям. См.: 陈淮. 东北老工业基地改造与再振兴的迫切性—对辽宁省本溪市的调查 = Чэнь Хуэй. Актуальность реконструкции и возрождения старых промышленных баз Северо-Востока: на основе исследования г. Бэнси провинции Ляонин // *经济研究参考*. 1996. № 15. С. 15—26; 东北三省区域金融发展综述 = Обзор финансового развития северо-восточного района // *中国金融半月刊*. 2003. № 4. С. 23—24; 朱茂才. 关于东北三省“一五”时期57个重点项目企业技术改造情况的调查报告 = Чжу Мао-цай. Доклад об исследовании технического перевооружения предприятий 57 ведущих объектов первого пятилетнего плана трёх северо-восточных провинций Северо-Востока // *经济研究参考*. 2002. № 20. С. 27—34; 宋慧中. 东北现象:从经济到金融—兼论商业银行信贷风险防范 = Сун Хуэйчжун. Северо-восточный феномен: от экономики к финансам. О предотвращении кредитных рисков коммерческих банков // *黑龙江金融*. 1997. № 6. С. 7—9; Xiao Geng, Weiss J. Development in North East People's Republic of China: An Analysis of Enterprise Performance 1995—2002 // *China Economic Review*. 2007. Vol. 18. P. 170—189.

⁴ Приведём лишь пример пенсионной нагрузки на предприятия Северо-Востока. В середине 1990-х гг. количество бывших работников заводов, получавших пожизненную корпоративную пенсию, в среднем составляло 40% от текущего кадрового состава. См.: 李诚

固、李振泉。“东北现象”特征及形成因素 = Ли Чэнгу, Ли Чжэньцюань. Особенности «северо-восточного феномена» и факторы его формирования // *经济地理*. 1996. Т. 16. № 1. С. 38.

⁵ Далее под Стратегией мы будем понимать не документ, инициировавший политику возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая, а комплекс мер центральных властей по решению проблем развития Дунбэя. Ключевые решения Пекина о Стратегии были направлены либо на «возрождение старых промышленных баз Северо-Восточного и других районов», либо на «возрождение Северо-Востока». Второй комплекс документов сфокусирован на широком спектре проблем регионального развития, первый — на специфической проблеме Дунбэя и похожих на него (увядающей промышленностью) территорий КНР. Несмотря на эти отличия, они в целом повторяют и дополняют друг друга, поэтому мы анализируем их как элементы общей политики.

⁶ В северо-восточный регион также входит восточная часть Внутренней Монголии, однако для удобства статистического анализа и изучения дискурса в статье будет использована эмпирика только пров. Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян.

⁷ 国务院关于深入推进实施新一轮东北振兴战略加快推动东北地区经济企稳向好若干重要举措的意见 = Мнения Госсовета по некоторым важным мерам реализации нового этапа стратегии возрождения Северо-Востока, стабилизации и улучшения экономики северо-восточного региона // *中华人民共和国国务院公报*. 2016. № 33. С. 22—26.

⁸ 中国改革开放30年最具影响力的30件大事 = 30 самых влиятельных событий за 30 лет реформ и открытости в Китае // *中国经济周刊*. 2008. № 1. С. 23—60.

⁹ Рецессия в пров. Ляонин в 2016 г. произошла в результате переоценки статистических показателей развития предыдущих периодов. В начале 2017 г. её губернатор Чэнь Цюфа признал фальсификацию финансовой отчётности в 2011—2014 гг., которая искусственно «ускоряла» ВРП. Фактически рецессии в 2016 г. в провинции не было, а отрицательные данные развития экономики стали результатом вычитания накопленных приписок за несколько лет. Экономика региона продолжала расти, но более медленными темпами, чем представлялось ранее. Официально в фальсификации обвинили бывшего руководителя провинции Ван Миня, приговорённого в 2017 г. к пожизненному заключению за коррупцию и ряд других

преступлений. См.: 2017年省政府工作报告—2017年1月17日在辽宁省第十二届人民代表大会第八次会议上 = Доклад в 2017 г. о работе правительства. Заслушан 17.01.2017 на 8-м заседании Собрания народных представителей 12-го созыва пров. Ляонин. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfgzbg/szfgzbg/201701/t20170123_2732001.html (дата обращения: 05.05.2018).

¹⁰ Ляонинская экономика сократилась в 2016 г. на 2,5%, хотя в среднем в Китае наблюдался рост ВВП на уровне 6,7% (См.: 二〇一六年辽宁省国民经济和社会发展统计公报 = Статистический бюллетень социально-экономического развития пров. Ляонин в 2016 г. 01.03.2017. URL: http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/ndtjgb/201703/t20170316_2812490.html (дата обращения: 01.08.2017)). Такая ситуация возникла из-за систематического завышения властями статистических показателей провинции с 2011 по 2014 г., что официально признал губернатор Ляонина в 2017 г. Рецессии в 2016 г. была искусственной: в том году ляонинское правительство срезало сфабрикованные за предыдущие четыре года показатели (См.: 辽宁首次公开确认: 2011年至2014年经济数据造假 = Ляонин впервые открыто подтвердил: экономические данные с 2011 по 2014 г. сфальсифицированы. 18.01.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-01/18/c_1120331628.htm (дата обращения: 05.05.2018)).

¹¹ Чиновники и ведущие экономисты Китая с 1990-х гг. пришли к консенсусу, что в условиях социалистической рыночной экономики государство не должно управлять хозяйством в ручном режиме, соответственно программам развития не нужно в мелких деталях конкретизировать поставленные задачи, программам и планам следует задавать лишь общее направление реформ. См.: 王梦奎. 关于“十一五”规划和2020年远景目标的若干问题 = Ван Мэнкуй. Некоторые вопросы к одиннадцатому пятилетнему плану и долгосрочным задачам на 2020 г. // 管理世界. 2005. № 2. С. 2; 胡序威. 中国区域规划的演变与展望 = Ху Сюйвэй. Эволюция и перспективы регионального планирования в Китае // 地理学报. 2006. Т. 61. № 6. С. 590.

¹² Имеются в виду индексируемые базой CNKI научные статьи, в аннотации которых упоминаются «возрождение Северо-Востока» (振兴东北) и «стратегия» (战略). Такой запрос позволяет сформировать совокупность публикаций, максимально близких к теме стратегии возрождения Северо-Востока. Поиск 29 декабря 2017 г. показал, что с 2003 г. вышло 2060 таких статей. Среди 40 учреждений

- с наибольшим количеством опубликованных материалов в запросе (от 5 до 46 работ в научных журналах) только 5 организаций не располагались в Дунбэе.
- ¹³ Составлено по: 中国知网 = Сеть знаний Китая. URL: <http://cnki.net/> (дата обращения: 09.09.2018).
- ¹⁴ 发改委: 不同意“东北振兴战略失败”说法 = Госкомитет по развитию и реформе: не согласны с утверждением о «провале стратегии возрождения Северо-Востока». 31.08.2015. URL: <http://www.chinanews.com/cj/2015/08-31/7498206.shtml> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ «Государство» (国家) в китайской публицистике, как правило, означает центральную власть, само понятие «центральное правительство» используется редко.
- ¹⁷ 李慧敏. 心不思变“困”东北 = Ли Хуэйминь. Нет желания менять «обездоленный» Северо-Восток // 中国经营报. 17.08.2015. С. А11.
- ¹⁸ 杨红. 振兴东北老工业基地, 要勇于破困前行 = Ян Хун. Возрождение старопромышленных баз Северо-Востока требует двигаться вперёд, невзирая на препятствия // 人民论坛. 2017. № 13. С. 57; 新东北现象:经济“寒冬”中“拼”上升空间 = Новый северо-восточный феномен: как найти потенциал роста в условиях экономического спада. 10.03.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/mrdx/2015-03/10/c_134054008.htm (дата обращения: 27.05.2017); 深改关键年:转型阵痛中的东北经济如何“破茧成蝶” = Ключевой год глубоких реформ: как экономика Северо-Востока в трудностях трансформации через тернии движется к успеху. 06.01.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/2015-01/06/c_1113900371.htm (дата обращения: 03.10.2018).
- ¹⁹ 陈耀. 新一轮东北振兴战略要思考的几个关键问题 = Чэнь Яо. Несколько ключевых вопросов к новому этапу стратегии возрождения Северо-Востока // 经济纵横. 2017. № 1. С. 9.
- ²⁰ Хузиятов Т.Д. Региональная экономическая политика Китая: стратегия возрождения северо-восточных районов // Регион: экономика и социология. 2005. № 4. С. 200—207.
- ²¹ Александрова М. Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 86—94; КНР: экономика регионов / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 158—175.

- ²² Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Северо-Восток Китая в условиях реализации плана возрождения экономики // *Пространственная экономика*. 2009. № 2. С. 143.
- ²³ 王娟, 郑浩原. 东北振兴政策与东北经济增长—基于PSM—DID方法的经验分析 = Ван Цзюань, Чжэн Хаоюань. Политика возрождения и рост экономики Северо-Востока: эмпирический анализ с помощью методики PSM—DID // *东北财经大学学报*. 2017. № 5. С. 84—85; 赵勇, 刘金凤, 张倩. 东北振兴战略是否促进了经济结构调整?—基于PSM—DID方法的研究 = Чжао Юн, Лю Цзиньфэн, Чжан Цин. Способствовала ли стратегия возрождения Северо-Востока трансформации структуры экономики? Исследование с помощью методики PSM—DID // *城市与环境研究*. 2017. № 04. С. 28.
- ²⁴ В основном учёные использовали непараметрический метод отбора подобного по коэффициенту склонности и/или метод «разница-в-разнице». Они позволяют оценить эффективность каких-либо мер или политики при невозможности их прямого сравнения с результатами.
- ²⁵ 王娟, 郑浩原... = Ван Цзюань, Чжэн Хаоюань. Указ. соч. С. 84—91.
- ²⁶ 赵勇, 刘金凤, 张倩 ... = Чжао Юн, Лю Цзиньфэн, Чжан Цин. Указ. соч. С. 39—40.
- ²⁷ 王建林. 东北振兴战略提高了工业企业劳动生产率吗?—一个差分内差分模型分析 = Ван Цзяньлинь. Подняла ли стратегия возрождения Северо-Востока производительность труда на промышленных предприятиях? Анализ с помощью метода «разница-в-разнице» // *国有经济评论*. 2012. № 1. С. 90.
- ²⁸ 何春. 东北经济失速的政策性因素—基于“东北振兴”政策效果的再考察 = Хэ Чунь. Стратегические факторы экономического спада на Северо-Востоке: к пересмотру эффективности политики «возрождения Северо-Востока» // *经济体制改革*. 2017. № 1. С. 44—49.
- ²⁹ 洪俊杰, 刘志强, 黄薇. 区域振兴战略与中国工业空间结构变动—对中国工业企业调查数据的实证分析 = Хун Цзюньцзе, Лю Чжицян, Хуан Вэй. Стратегия возрождения регионов и трансформация пространственной структуры промышленности Китая: эмпирический анализ данных исследования промышленных предприятий Китая // *经济研究*. 2014. № 8. С. 30—42.
- ³⁰ С 2003 по 2016 г. средний рост вторичного сектора в пров. Ляонин, Цилинь и Хэйлуцзян составлял соответственно 111,2, 113,7 и 109,9%, третичного — 110,2, 111,6 и 110,1%. Только в пров. Хэйлуцзян сферы

услуг, логистики и торговли развивались быстрее промышленности, энергетики и строительства. См.: 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

³¹ Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed. New Haven and London: Yale University Press, 1998. P. 246.

³² 李诚固、李振泉 ... = Ли Чэнгу, Ли Чжэньцюань. Указ. соч. С. 34—38; 蹇令香. 东北经济区经济发展战略初探 = Цзянь Линсян. Предварительное исследование стратегии экономического развития северо-восточного экономического района // 改革与战略 = Реформы и стратегии. 1994. № 2. С. 30—33.

³³ 李诚固、李振泉... = Ли Чэнгу, Ли Чжэньцюань. Указ. соч. С. 34.

³⁴ 孙乃民、王守安、付诚。2003年东北经济区经济形势分析 = Сунь Найминь, Ван Шоуань, Фу Чэн. Анализ состояния и прогноз развития экономики Северо-Восточного района в 2003 г. // 社会科学战线. 2003. № 1. С. 64—66.

³⁵ С плохими экономическими показателями связывали появление Стратегии многие учёные. Например, в 2015 г. М. Александрова писала, что к 2002 г. «регион в своём развитии начал резко отставать от темпов роста в стране», и, учитывая совокупность экономических и социальных трудностей, «Госсовет обратил внимание» на проблемы Северо-Востока (См.: Александрова М. Указ. соч. С. 86). В 2008 г. Чжан Пиньюй, комбинируя статистические данные, появившиеся до и после 2006 г., делал вывод: с 1980 по 2004 г. наблюдалось снижение доли региона в ВВП и промышленном производстве КНР, но самым плачевным положение было в середине 1990-х гг., когда возникло понятие «северо-восточный феномен». Анализ данных и описание указанного феномена легли в основу заключения исследователя о причинах принятия программы (См.: Zhang Pingyu. Revitalizing Old Industrial Base of Northeast China: Process, Policy and Challenge // Chinese Geographical Science. 2008. Vol. 18. No 2. P. 112—113). Также Всемирный банк в 2006 г. утверждал, что Госсовет принял программу развития Дунбэя в силу «отстающего роста экономики северо-восточных провинций» (См.: China Facilitating Investment and Innovation: A Market-Oriented Approach to Northeast Revitalization // World Bank, 2016. Report No. 34943-CN. P. 6. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/>

- en/642741468213916190/pdf/349430ENGLISH01B01PUBLIC1001Feb2006.pdf (дата обращения: 12.08.2018)).
- ³⁶ Составлено по: 国家数据 = Государственные данные...
- ³⁷ 金凤君. 东北地区振兴与可持续发展战略研究 = Цзинь Фэнцзюнь. Исследование стратегии устойчивого развития и возрождения северо-восточного региона. Пекин: 商务印书馆, 2006. С. 7—8.
- ³⁸ Рассчитано по: 国家数据 = Государственные данные...
- ³⁹ 国家数据 = Государственные данные...
- ⁴⁰ 金凤君. ... = Цзинь Фэнцзюнь. Указ. соч. С. 305.
- ⁴¹ Выделение кавычками сохранено в соответствии с текстом оригинала, т.к. автор, очевидно, имел в виду принудительный отпуск.
- ⁴² 陈淮. 东北老工业基地改造政策体系的综合配套与重点思路 = Чэнь Хуэй. Ключевые идеи о целостном комплексе мер по реконструкции старопромышленной базы Северо-Востока // 财经问题研究. 1997. № 5. С. 10.
- ⁴³ 杜玉林. 充分认识和正确处理新形势下的人民内部矛盾 = Ду Юйлин. Полное понимание и правильное решение внутренних народных противоречий в новых условиях // 理论参考. 2005. № 3. С. 41.
- ⁴⁴ 盖凌顺. 东北老工业基地群体性上访事件的诱因特点及处置 = Гай Линшунь. Специфика причин возникновения коллективных жалоб в старопромышленных базах Северо-Востока и их регулирование // 才智. 2008. № 4. С. 205.
- ⁴⁵ Chung Jae Ho, Lai Hongyi, Joo Jang-Hwang. Assessing the “Revive the Northeast” (zhenxing dongbei) Programme: Origins, Policies and Implementation // The China Quarterly. 2009. Vol. 197. P. 111—112.
- ⁴⁶ Tong J. An Organizational Analysis of the Falun Gong: Structure, Communications, Financing // The China Quarterly. 2002. Vol. 171. P. 642—643.
- ⁴⁷ Chen X. Social Protest and Contentious Authoritarianism in China. Cambridge University Press, 2012. P. 202.
- ⁴⁸ Cai Yongshun. The Resistance of Chinese Laid-off Workers in the Reform Period // The China Quarterly. 2002. Vol. 170. P. 327—344.
- ⁴⁹ Lee Ching Kwan. Pathways of labor activism // Chinese Society: Change, Conflict and Resistance / ed. by Elizabeth J. Perry and Mark Selden. London: Routledge, 2010. P. 70—71.
- ⁵⁰ Lee Ching Kwan. Op. cit. P. 71.
- ⁵¹ Chung Jae Ho, Lai Hongyi, Joo Jang-Hwang. Op. cit. P. 112—113.
- ⁵² Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева; Моск. Центр Карнеги. М., 2005. С. 60—61.

- ⁵³ Инспекционная группа была представлена специалистами Китайской федерации промышленных экономик, Института макроэкономических исследований Государственного планового комитета, Центра экономических исследований Государственного комитета по экономике и торговле, Отдела промышленности Центра исследований развития при Госсовете, Института экономики промышленности Китайской академии общественных наук, Института комплексного освоения (Шэньчжэнь). Группа проводила выезды в города со старопромышленными базами (Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин, Шэньян, Чэнду, Сиань, Тайюань, Лоян) для сбора материалов и обмена мнениями с местными чиновниками, учёными и общественными деятелями. 27—29 марта 2003 г. прошла завершающая конференция по вопросам старопромышленных баз, где был представлен итоговый доклад инспекционной группы.
- ⁵⁴ «*Возрождение старых промышленных баз*»课题组。中国老工业基地振兴之路 = Проектная группа «Исследование вопросов возрождения старых промышленных баз». Путь возрождения старых промышленных баз Китая // *改革*. 2000. № 5. С. 7.
- ⁵⁵ 孙杰, 贺劲松, 赵承. 《政府工作报告》诞生记 = Сунь Цзе, Хэ Цзиньсун, Чжао Чэн. Очерк о создании «Доклада о работе правительства». 18.03.2003. URL: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/252/10307/10317/20030318/946391.html> (дата обращения: 05.06.2017).
- ⁵⁶ *中国经济改革30年. 区域经济卷 (1978—2008) = 30 лет экономических реформ в Китае. Региональная экономика (1978—2008) / под ред. Гао Синьцай. Чунцин: 重庆大学出版社, 2008. С. 275—323.*
- ⁵⁷ Paasi A. Regional Planning and the Mobilization of 'Regional Identity': From Bounded Spaces to Relational Complexity // *Regional Studies*. 2013. Vol. 47. No. 8. P. 1208—1209.
- ⁵⁸ *The Cambridge History of China / ed. John K. Fairbank. Cambridge University Press, 1978. Vol. 10. Late Ch'ing 1800—1911. Part 1. P. 39—40.*
- ⁵⁹ С конца XVIII по начало XX в. население пров. Ляонин (Фэньтянь) выросло в 13 раз, пров. Цзилинь — в 25 раз, пров. Хэйлуунцзян — в 40 раз. См.: *The Cambridge History of China / eds. John K. Fairbank, Kwang-Ching Liu. Cambridge University Press, 1980. Vol. 11. Late Ch'ing 1800—1911. Part 2. P. 395, 583.*
- ⁶⁰ Отсутствие адекватной статистики не позволяет представить точные цифры о размещении промышленного производства в стране к концу 1940-х гг. По информации С. Пэйн, в 1948 г. на крупнейшие

- города Восточного и Северного Китая приходилось около 4/5 данного производства. В 1941 г. на Северо-Востоке была сосредоточена 1/3 национальной промышленности. Однако после Второй мировой войны СССР вывез значительную часть японского оборудования, и в 1949 г. на Северо-Восток Китая приходилось 18% промышленного производства. См.: Paine S. Spatial Aspects of Chinese Development: Issues, Outcomes and Policies 1949—79 // *The Journal of Development Studies*. 1981. Vol. 17. No. 2. P. 151—152.
- ⁶¹ The Cambridge History of China... Vol. 10. P. 39—40; Li Narangoa. The Power of Imagination: Whose Northeast and Whose Manchuria? // *Inner Asia*. 2002. Vol. 4. No. 1. P. 4—5.
- ⁶² Ялтинское секретное соглашение 1945 г. показывает, что ещё в середине 1940-х гг. СССР рассматривал Маньчжурию как территорию своих особых экономических интересов, но соглашался, что Китай «сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет». См.: *Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2002. С. 572—573.*
- ⁶³ Li Narangoa. *Op. cit.* P. 5—14.
- ⁶⁴ The Cambridge History of China... Vol. 10. P. 42; Li Narangoa. *Op. cit.* P. 5—6.
- ⁶⁵ К началу XX в. в Китае регион общепринято именовался 东北 (дословно «Северо-Восток») или 东三省 (дословно «Три восточные провинции»), термины же, обозначающие маньчжурские земли, называли не конкретную территорию, а родину маньчжуров. См.: Li Narangoa. *Op. cit.* P. 5.
- ⁶⁶ Li Narangoa. *Op. cit.* P. 5—6.
- ⁶⁷ 毛泽东选集 = Мао Цзэдун. Избранное. Пекин:人民出版社, 1999. Т. 5. С. 16—17.
- ⁶⁸ В официальной риторике Северо-Восток нередко называют «колыбелью» промышленности Китая.
- ⁶⁹ 1955年国务院政府工作报告 = Доклад Госсовета в 1955 г. о работе правительства. URL: http://www.gov.cn/test/2006-02/23/content_208705.htm (дата обращения: 19.05.2018).
- ⁷⁰ Так охарактеризовал региональные диспропорции в размещении промышленного производства Мао Цзэдун в 1956 г. в исторически важной речи «О десяти вопросах». См.: 毛泽东. 毛泽东文集 = Мао Цзэдун. Собр. соч. Мао Цзэдуна. Пекин:人民出版社, 1999. Т. 7. С. 36.

- ⁷¹ Задача ускоренного освоения внутренних районов прозвучала в мае 1955 г. в докладе вице-преьера Ли Фучуня о первом пятилетнем плане. См.: 关于发展国民经济的第一个五年计划的报告 = Доклад о первом пятилетнем плане развития национальной экономики. URL: http://www.gov.cn/test/2006-02/23/content_208705.htm (дата обращения: 07.09.2017).
- ⁷² Yang Dali. *Beyond Beijing: Liberalization and the Regions in China*. London; New York: Routledge, 1997. P. 16—20.
- ⁷³ Naughton B. *The Third Front: Defence Industrialization in the Chinese Interior* // *The China Quarterly*. 1988. Vol. 115. P. 351—386.
- ⁷⁴ 新中国60年 = 60-летие нового Китая. Пекин: 中国统计出版社, 2009. С. 7.
- ⁷⁵ Pannell W.C. *Regional Shifts in China's Industrial Output* // *Professional Geographer*. 1988. Vol. 40. No. 1. P. 19—32.
- ⁷⁶ Александрова М.В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь 50-х годов XX века // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* / отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. Вып. XVIII. С. 331—332.
- ⁷⁷ Рассчитано по: 新中国60年 = 60-летие нового Китая... С. 697—701.
- ⁷⁸ 中国经济改革30年 = 30 лет экономических реформ в Китае... С. 12—25.
- ⁷⁹ 邓小平文选 = Дэн Сяопин. Избранное. Пекин: 人民出版社, 1994. Т. 2. С. 152.
- ⁸⁰ Paine S. *Op. cit.* P. 191—192.
- ⁸¹ 吕春子. 建国初期六大行政区政府的建立与撤销 = Люй Чуньцзы. Учреждение и упразднение правительств шести больших административных районов в начальный период после образования КНР // *中国档案报*. 08.08.2003. С. 3.
- ⁸² 李红梅, 王宝琴. 论毛泽东的大区建制思想 = Ли Хунмэй, Ван Баоцинь. Идеи Мао Цзэдуна о создании больших районов // *社会科学辑刊*. 2007. № 4. С. 175.
- ⁸³ 刘世庆. 中国改革开放三十年的区域政策转型与演进 = Лю Шицин. Трансформация и эволюция региональной политики за тридцать лет политики реформ и открытости Китая // *经济体制改革*. 2009. № 4. С. 131.
- ⁸⁴ 1978年国务院政府工作报告 = Доклад Госсовета в 1978 г. о работе правительства. URL: http://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_200704.htm (дата обращения: 15.11.2018).

- ⁸⁵ 宋则行. 试论设置东北统一经济区的依据和途径 = Сун Цзэсин. Основания и варианты учреждения единого северо-восточного экономического района // 辽宁大学学报. 1984. № 3. С. 8.
- ⁸⁶ В 1982—1983 гг. схожие канцелярии были учреждены для шанхайского экономического района, шаньсийского и центрального районов Китая (включали в свой состав несколько провинций); 袁朱. 新中国区域协调发展管理体制变迁 = Юань Чжу. История изменений системы управления, развития и координации регионов нового Китая // 宏观经济管理. 2009. № 1. С. 42.
- ⁸⁷ 国务院关于将东北能源交通规划办公室改为东北经济区规划办公室的批复. 国函〔1985〕145号 = Резолюция Госсовета по вопросу преобразования Канцелярии по планированию в транспортной и энергетических отраслях Северо-Востока в Канцелярию по планированию в северо-восточном экономическом районе. Резолюция Госсовета № 145, 1985 г. URL: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/201207/t20120705_65293.html (дата обращения: 27.10.2018).
- ⁸⁸ В том числе Шэнь Юэ, бывший секретарь парткома пров. Ляонин, в 1960-е гг. являлся членом Северо-Восточного комитета КПК.
- ⁸⁹ 中共党史人物传 = Биографии исторических деятелей Коммунистической партии Китая. Пекин: 中国人民大学出版社, 2017. Т. 84. С. 383—393.
- ⁹⁰ 杜少先. 东北经济区经济社会发展战略三次讨论会情况概述 = Ду Шаосянь. Третья конференция по вопросам стратегии социально-экономического развития северо-восточного экономического района // 经济纵横. 1985. № 00. С. 21.
- ⁹¹ 东北经济区统计年鉴1986 = Статистический ежегодник северо-восточного экономического района — 1986. Пекин: 中国统计出版社, 1986. С. 471.
- ⁹² Рассчитано по: 新中国50年统计资料汇编 = Сб. статистических материалов к 50-летию нового Китая. Пекин: 中国统计出版社, 1999. С. 114—117.
- ⁹³ 邓小平文选 = Дэн Сяопин. Указ. соч. С. 152.
- ⁹⁴ 趙紫陽. 改革歷程 = Чжао Цзыян. Путь реформ. Гонконг: 新世紀出版社, 2009. С. 173.
- ⁹⁵ 中国经济改革30年 (1978—2008) = 30 лет экономических реформ в Китае. Политика внешней открытости / под ред. Тан Жэнью, Ма Цзи. Чунцин: 重庆大学出版社, 2008. С. 63—67.

- ⁹⁶ 郭腾云, 陆大道, 甘国辉. 近20年来我国区域发展政策及其效果的对比研究 = Го Тэнъюнь, Лу Дадао, Гань Гохуэй. Сравнительное исследование политики регионального развития Китая и её результатов за последние 20 лет // 地理研究. 2002. Т. 21. № 4. С. 507—508.
- ⁹⁷ Рыжова Н.П. Развитие окраинных регионов КНР: роль «приграничного пояса открытости» // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 56—57.
- ⁹⁸ Ouyang P., Fu S. Economic Growth, Local Industrial Development and Inter-regional Spillovers from Foreign Direct Investment: Evidence from China // China Economic Review. 2012. Vol. 23. No. 2. P. 455.
- ⁹⁹ 区域政策是否遭遇“边际困境”? = Достигла ли региональная политика своего предела? // 新经济导刊. 2009. № 12. С. 46—48.
- ¹⁰⁰ 廖月晖. 深圳特区进一步拓展对外开放若干问题的思考 = Ляо Юэжуэй. Исследование некоторых вопросов дальнейшего расширения внешней открытости специальной экономической зоны Шэньчжэнь // 特区经济. 1987. № 6. С. 15.
- ¹⁰¹ 朱镕基答记者问 = Чжу Жунцзи отвечает на вопросы журналистов. Пекин:人民出版社, 2009. С. 397.
- ¹⁰² Chien Shuih-Shen, Gordon I. Territorial Competition in China and the West // Regional Studies. 2008. Vol. 42. No. 1. P. 39—40.
- ¹⁰³ 中华人民共和国国民经济和社会发展十年规划和第八个五年计划纲要 = 8-й пятилетний план и программа социально-экономического развития на 10 лет КНР // 中华人民共和国国务院公报. 1991. № 12. С. 400—402.
- ¹⁰⁴ 中华人民共和国国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要 = 9-й пятилетний план социально-экономического развития КНР и долгосрочная целевая программа до 2010 г. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-01/02/content_5003506.htm (дата обращения: 17.09.2016).
- ¹⁰⁵ Составлено по: 历年国务院政府工作报告 (1954年至2017年) = Доклады Госсовета о работе правительства за разные годы (1954—2017). URL: http://www.gov.cn/guoqing/2006-02/16/content_2616810.htm (дата обращения: 01.09.2018); 2018年政府工作报告全文 = Полный текст доклада о работе правительства — 2018. URL: <http://www.gov.cn/zhuanti/2018lh/2018zfgzbg/zfgzbg.htm> (дата обращения: 01.08.2018).
- ¹⁰⁶ Whiting S.H. Central-Local Fiscal Relations in China // China Policy Series. 2007. No. XXII. P. 7.

- ¹⁰⁷ 中国财政年鉴2007 = Финансовый ежегодник Китая 2007. Пекин: 中国财政杂志社, 2007. С. 21.
- ¹⁰⁸ Таблица составлена на основе: 中国财政年鉴2002 = Финансовый ежегодник Китая 2002. Пекин: 中国财政杂志社, 2002. С. 58; 中国财政年鉴2005 = Финансовый ежегодник Китая 2005. Пекин: 中国财政杂志社, 2005. С. 68; 税收返还和转移支付制度 = Система возврата налоговых поступлений и трансфертных платежей. URL: http://www.mof.gov.cn/zhuantihuigu/zhongguocaizhengjibenqingkuang/caizhengtizhi/200905/t20090505_139525.html (дата обращения: 14.07.2018); 2012年中央对地方税收返还和转移支付决算表 = Бюджетная таблица налоговых возвратов и трансфертов из центрального в местные бюджеты в 2012 г. URL: http://yss.mof.gov.cn/2012qhcjzs/201307/t20130715_966184.html (дата обращения: 12.04.2018); 2017年中央对地方税收返还和转移支付预算表 = Бюджетная таблица налоговых возвратов и трансфертов из центрального в местные бюджеты в 2017 г. URL: http://yss.mof.gov.cn/2017zyys/201703/t20170324_2565746.html (дата обращения: 12.04.2018); 国家数据 = Государственные данные...
- ¹⁰⁹ Martinez-Vazquez J., Qiao Baoyun, Zhang Li. The Role of Provincial Policies in Fiscal Equalization Outcomes in China // *The China Review*. 2008. Vol. 8. No. 2. P. 135–167.
- ¹¹⁰ 范柏乃, 张鸣. 基于面板分析的中国省级行政区域获取中央财政转移支付的实证研究 = Фань Бонай, Чжан Мин. Эмпирическое исследование трансфертных выплат из центрального бюджета, получаемых административно-территориальными единицами провинциального уровня. Анализ панельных данных // *浙江大学学报 (人文社会科学版)*. 2001. Т. 41. № 1. С. 41.
- ¹¹¹ 2018年政府工作报告全文 = Полный текст доклада о работе правительства — 2018...
- ¹¹² 2017年中央对地方税收返还和转移支付预算表 = Бюджетная таблица налоговых возвратов и трансфертов из центрального в местные бюджеты в 2017 г...
- ¹¹³ China National Development and Sub-National Finance. A Review of Provincial Expenditures // Document of the World Bank. Report No. 22951-CHA. 2002. P. 15–26.
- ¹¹⁴ 范柏乃, 张鸣... = Фань Бонай, Чжан Мин. Указ. соч. С. 41.
- ¹¹⁵ 刘玉, 刘毅. 区域政策的调控效应分析—以我国财政转移支付制度为例 = Лю Юй, Лю И. Анализ регулирующих эффектов

- региональной политики: на примере системы трансфертов финансовой системы Китая // *地理研究*. 2003. № 2. С. 195—196.
- ¹¹⁶ 顾铭德, 吴培新. 我国区域间贷款效率、资金配置和经济增长比较: 1978~2007 = Гу Миндэ, У Пэйсинь. Сравнение экономического роста, размещения капитала и эффективности кредитования в разных районах Китая в 1978—2007 гг. // *科学发展*. 2009. № 8. С. 19—20.
- ¹¹⁷ Montinola G., Qian Yingyi, Weingast B.R. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China // *World Politics*. 1995. Vol. 48. No. 1. P. 55; Thun E. Changing Lanes in China: Foreign Direct Investment, Local Governments, and Auto Sector Development. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. P. 15—16.
- ¹¹⁸ Понятие «мягкой» централизации ввёл Эндрю Мерта, описывая ситуацию, когда власть над вертикально управляемыми государственными структурами концентрируется не в Центре, а в провинции.
- ¹¹⁹ Mertha A.C. China's "Soft" Centralization: Shifting Tiao/Kuai Authority Relations // *The China Quarterly*. 2005. Vol. 184. P. 795—798.
- ¹²⁰ 垂直管理引注我国统计体系 = Вертикальное управление внедряется в систему статистики Китая. URL: <http://finance.sina.com.cn/g/20061006/10552965078.shtml> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²¹ 中共中央关于完善社会主义市场经济体制若干问题的决定(全文) = Решение ЦК КПК по некоторым вопросам совершенствования социалистической рыночной экономической системы (полный текст). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65411/4429165.html> (дата обращения: 18.09.2018).
- ¹²² 江泽民文选北京 = Цзянь Цзэминь. Избранное. Пекин:人民出版社, 2006. Т. 3. С. 30, 528.
- ¹²³ 温家宝: 加快东北老工业基地振兴 = Вэнь Цзябао: ускорить возрождение старопромышленной базы Северо-Востока. 05.08.2003. URL: <http://unn.people.com.cn/GB/14748/2000335.html> (дата обращения: 11.11.2013).
- ¹²⁴ 全国老工业基地调整改造规划 (2013—2022年) = Программа реконструкции и реструктуризации старопромышленных баз Китая (2013—2022). URL: <http://www.miit.gov.cn/n1146295/n1146562/n1146650/c3074444/part/3074445.pdf> (дата обращения: 16.12.2016).
- ¹²⁵ 中共中央、国务院关于实施东北地区等老工业基地振兴战略的若干意见. 中发〔2003〕11号 = Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о реализации стратегии возрождения северо-восточного региона и других старопромышленных баз. Документ ЦК КПК № 11, 2003 г. 22.10.2009...

- ¹²⁶ 蓝艺。一个游子对东北的反思：振兴东北先震东北人 = Лань И. Рефлексия странника о Северо-Востоке: чтобы возродить Северо-Восток, нужно «разбудить» его жителей. 22.09.2003. URL: <http://news.sohu.com/37/48/news213494837.shtml> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ 经济大变革前夜论战：振兴东北先震东北人 = Дискуссия накануне крупных экономических перемен: чтобы возродить Северо-Восток, нужно «разбудить» его жителей. 24.11.2001. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/EC-c/447783.htm> (дата обращения: 14.07.2018).
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ 侯晓宁。精心选材精心策划—获奖作品 《振兴东北先“震”东北人》的启示 = Хоу Сяонин. Тщательный отбор и планирование: уроки призового произведения «Чтобы возродить Северо-Восток, нужно „разбудить“ его жителей» // 记者摇篮. 2008. № 6. С. 77.
- ¹³¹ 读蓝艺的“振兴东北，先震东北人”有感 = Впечатления от статьи Лань И «Чтобы возродить Северо-Восток, нужно „разбудить“ его жителей». 28.09.2003. URL: <http://post.blogchina.com/p/14129> (дата обращения: 07.09.2018); 到底是哪个瘪犊子让东北经济报屁了 = Чья бездарность утянула экономику Северо-Востока на дно. URL: <http://tieba.baidu.com/p/4698881186> (дата обращения: 07.09.2018).
- ¹³² 《凤凰周刊》：振兴东北，先震东北人 = «Еженедельник Фэнхуан»: для возрождения Северо-Востока сначала необходимо встряхнуть дунбэйцев. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-73-603051-1.shtml> (дата обращения: 07.09.2018).
- ¹³³ 姜彩熠。欲兴东北,法治先行 = Цзян Цайи. Возрождение Северо-Востока в первую очередь зависит от правовой системы // 南风窗. 2003. № 22. С. 32—34; 姜彩熠。振兴东北的四个不等式 = Цзян Цайи. Четыре нетождества возрождения Северо-Востока // 南风窗. 2003. № 22. С. 38.
- ¹³⁴ 刘阳。东北复兴三大隐忧 = Лю Ян. Три причины беспокойства за возрождение Северо-Востока // 南风窗. 2003. № 22. С. 38—39.
- ¹³⁵ 发改委官员：振兴东北解放思想、转变观念至关重要 = Чиновник Госкомитета по развитию и реформе: изменение мышления и раскрепощение сознания имеют первостепенное значение в деле возрождения Северо-Востока. 22.11.2016. URL: <http://www.chinanews.com/cj/2016/11-22/8070871.shtml> (дата обращения: 27.05.2017); 张国宝认为体制机制是影响东北发展最重要问题 = Чжан Гобао: институциональные механизмы — ключевая проблема

- развития Северо-Востока. 03.02.2010. URL: <http://www.dl-library.net.cn/wenxian/dongbei/content.php?id=46209> (дата обращения: 15.11.2018); 振兴东北要跳出“项目依赖”的怪圈 = Для возрождения Северо-Востока необходимо выйти из порочного круга «погони за проектами». 23.07.2004. URL: http://www.cas.cn/xw/zjsd/200906/t20090608_645247.shtml (дата обращения: 27.05.2017).
- ¹³⁶ 东北地区与东部地区部分省市对口合作工作方案 = Рабочий вариант сотрудничества и партнёрства провинций и городов северо-восточного и восточного регионов // 中国对外经济贸易文告. 2017. № 20 (1137). С. 6—10.
- ¹³⁷ 张茂荣. 制约东北经济发展的主要问题是体制机制问题 = Чжан Мао-жун. Главное препятствие для развития экономики Северо-Востока — институциональные проблемы // 人民周刊. 2017. № 5. С. 15.
- ¹³⁸ 国务院关于深入推进实施新一轮东北振兴战略加快推动东北地区经济企稳向好若干重要举措的意见 = Мнения Госсовета по некоторым важным мерам реализации нового этапа стратегии возрождения Северо-Востока, стабилизации и улучшения экономики северо-восточного региона...
- ¹³⁹ 高文生, 石妍. 推动辽宁在新一轮东北振兴中更好发挥关键作用 = Гао Вэньшэн, Ши Янь. Как Ляонину эффективно играть ключевую роль на новом этапе реализации стратегии возрождения Северо-Востока // 共产党员. 2017. № 2. С. 20.
- ¹⁴⁰ 刘庶明、李巍. 东北再造 = Лю Шумин, Ли Вэй. Воссоздавая Дунбэй. URL: <http://www.ccdrc.gov.cn/a/fgyw/2005/0822/1621.html> (дата обращения: 21.02.2018).
- ¹⁴¹ 黑、吉、辽三省领导谈东北振兴 = Руководители Хэйлунцзяна, Цзилини и Ляонина говорят о возрождении Северо-Востока // 中国经贸导刊. 2004. № 2. С. 15—17.
- ¹⁴² 东北：到底被谁“抛弃”了？ = Северо-Восток: кто всё-таки отказался от него? // 中国经济时报. 24.01.2003. С. A01.
- ¹⁴³ 孙铭. 调查：东北不良贷款核销的喧哗与骚动 = Сунь Мин. Исследование: списание плохих долгов Северо-Востока вызвало шум и беспокойство. 13.08.2003. URL: <http://unn.people.com.cn/GB/22220/29090/29092/2015015.html> (дата обращения: 11.11.2013).
- ¹⁴⁴ 东北老工业基地国企改革重组进展情况及建议 = Анализ развития реформы реорганизации государственных предприятий старопромышленной базы Северо-Востока // 财经界. 2009. № 5. С. 111;

详解东北全面振兴新政。专访国家发展改革委东北振兴司巡视员王树年 = Пояснения к новой политике всестороннего возрождения Северо-Востока. Интервью с инспектором Управления по делам возрождения Северо-Востока Госкомиссии по реформам и развитию КНР Ван Шунянем // 中国投资. 2009. № 12. С. 18.

¹⁴⁵ 2007年8月20日国新办新闻发布会 = Пресс-конференция Информационного бюро Госсовета 20.08.2007. URL: http://live.people.com.cn/note.php?id=532070817172500_ctdzb_006 (дата обращения: 15.05.2015).

¹⁴⁶ 财政部国家税务总局关于落实振兴东北老工业基地企业所得税优惠政策的通知。财税[2004]153号 = Уведомление Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР о реализации политики предоставления льгот по подоходному налогу для предприятий старопромышленных баз Северо-Востока. Документ Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР № 153, 2004 г. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810765/n812193/n812978/c1202111/content.html> (дата обращения: 05.06.2017); 关于调整东北老工业基地部分矿山油田企业资源税税额的通知。财税[2004]146号 = Уведомление о корректировке налоговой ставки по налогу на использование природных ресурсов для предприятий некоторых горнорудных и нефтяных месторождений. Документ Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР № 146, 2004 г. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810765/n812193/n812983/c1202255/content.html> (дата обращения: 05.06.2017); 财政部国家税务总局关于东北地区军品和高新技术产品生产企业实施扩大增值税抵扣范围有关问题的通知。财税[2004]227号 = Уведомление Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР по вопросам расширения размеров вычета НДС на предприятиях Северо-Востока, производящих высокотехнологичную продукцию и продукцию военного назначения. Документ Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР № 227, 2004 г. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810765/n812193/n812968/c1201778/content.html> (дата обращения: 05.06.2017); 财政部国家税务总局关于豁免东北老工业基地企业历史欠税有关问题的通知。财税[2006]167号 = Уведомление Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР по некоторым вопросам освобождения предприятий старопромышленных баз Северо-Востока от исторически

накопившейся налоговой задолженности. Документ Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР № 167, 2006 г. URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/2006zcfb/200805/t20080524_34861.htm (дата обращения: 05.06.2017).

- ¹⁴⁷ 国务院关于同意东北地区厂办大集体改革试点工作指导意见的批复。国函〔2005〕88号 = Резолюция Госсовета о согласии с руководящими рекомендациями по проведению эксперимента реформы кооперативов при заводах северо-восточного региона. Резолюция Госсовета № 8, 2005 г. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_151581.htm (дата обращения: 10.11.2018); 财政部农业部国家税务总局关于2004年降低农业税税率和在部分粮食主产区进行免征农业税改革试点有关问题的通知。财税[2004]77号 = Уведомление Министерства финансов, Министерства сельского хозяйства и Главного государственного налогового управления КНР по вопросам снижения ставки сельскохозяйственного налога в 2004 г. и проведения экспериментальной реформы по отмене сельскохозяйственного налога в отдельных зерновых районах. Документ Министерства финансов и Главного государственного налогового управления КНР № 77, 2004 г. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810765/n812193/n813008/c1203749/content.html> (дата обращения: 05.06.2017); 关于印发加快东北地区中央企业调整改造指导意见的通知。国资发规划〔2004〕172号 = Уведомление об опубликовании Мнения по проведению ускоренной перестройки и реструктуризации предприятий центрального подчинения в северо-восточном регионе. Документ комитета по контролю и управлению государственным имуществом Госсовета № 172, 2004 г. URL: <http://www.sasac.gov.cn/n2588035/n2588320/n2588335/c4259553/content.html> (дата обращения: 05.06.2017).
- ¹⁴⁸ 关于印发《扩大增值税抵扣范围暂行管理办法》的通知。国税发〔2007〕62号 = Уведомление об опубликовании «Временных правил расширения сфер применения вычетов по налогу на добавленную стоимость». Документ Главного государственного налогового управления № 62, 2007 г. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810765/n812176/n812783/c1194596/content.html> (дата обращения: 05.06.2017).
- ¹⁴⁹ 重要文件 = Важные документы. URL: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/index_1.html (дата обращения: 05.05.2018).

- ¹⁵⁰ Включает перечень приоритетных отраслей для пров. Хэйлуунцзян и Цзилинь.
- ¹⁵¹ 中国财政年鉴2009 = Финансовый ежегодник Китая 2009. Пекин: 中国财政杂志社, 2009. С. 23.
- ¹⁵² 中国财政年鉴2008 = Финансовый ежегодник Китая 2008. Пекин: 中国财政杂志社, 2008. С. 139.
- ¹⁵³ 姜欣. 试论我国区域性税收政策效应问题 = Цзян Синь. К вопросу об эффектах региональной фискальной политики Китая // 财经问题研究. 2008. № 4. С. 88.
- ¹⁵⁴ 西古尔德森•乔恩. 中国东北: 变革的摇篮—简述技术与产业结构变革 = Сигурдсон Й. Северо-Восток Китая: колыбель преобразований. Очерк о преобразовании технологической и производственной структуры // 中国技术管理与战略. 2009. Т. 2. № 1. С. 45.
- ¹⁵⁵ Составлено по: 财政数据 = Финансовая отчётность. URL: <http://yss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengshuju/> (дата обращения: 22.07.2017).
- ¹⁵⁶ 区域金融运行报告 = Отчёт о финансовых операциях в регионах. URL: <http://www.pbc.gov.cn/zhengcehuobisi/125207/125227/125960/126049/index.html> (дата обращения: 22.07.2017).
- ¹⁵⁷ 国家数据 = Государственные данные...
- ¹⁵⁸ Рассчитываются на основе специальных формул и направляются для сглаживания диспропорций в региональном развитии страны. Выгодно отличаются от целевых трансфертов, которые не имеют функции выравнивания пространственного развития.
- ¹⁵⁹ 徐 安 颖 甘 . 中 国 经 济 发 展 速 度 的 高 速 增 长 与 原 因 分 析 // 中 国 经 济 研 究 . 2005. № 1. С. 43.
- ¹⁶⁰ Кондрашева Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. С. 20—29.
- ¹⁶¹ 唐文睿. 中国区域经济战略的政治分析 = Тань Вэньжуй. Политический анализ стратегии регионального развития экономики Китая. Пекин: 社会科学文献出版社, 2011. С. 105—107.
- ¹⁶² Китайская Народная Республика в 2000 г.: политика, экономика, культура. М.: Вост. лит., 2001. С. 100.
- ¹⁶³ 魏后凯. 中国国家区域政策的调整与展望 = Вэй Хоукай. Регулирование и перспективы региональной политики Китая // 发展研究. 2009. № 5. С. 22.
- ¹⁶⁴ Вальвиц Г. фон. Мистер Смит и рай земной. Изобретение благосостояния. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 72—75.

- ¹⁶⁵ 魏后凯。... = Вэй Хоукай. Указ. соч. С. 22. В этой статье по указанному периоду нет никаких конкретных данных, свидетельствующих об успехах в развитии региональной экономики.
- ¹⁶⁶ Цзян Цзэминь. Избранное. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2011. Т. II. С. 35.
- ¹⁶⁷ 朱镕基。2000 年政府工作报告 = Чжу Жунци. Доклад о работе правительства за 2000 г. URL: http://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_201153.htm (дата обращения: 05.09.2017). Интересно отметить, что само слово «Дунбэй» («Северо-Восток») в тексте упомянуто лишь однажды. В 2001 и 2003 гг. этот регион называется по 1 разу, в 2004 и 2005 гг. — уже по 6 раз, в 2012 г. — 3 раза. Для сравнения, частота упоминания западного региона в докладах за те же годы существенно выше: 2000 г. — 4 раза, 2001 и 2003 гг. — по 15 раз, 2004 г. — 10 раз, 2005 г. — 11 раз, 2012 г. — 9 раз. Это в определённой степени может свидетельствовать о важности подобных программ для центрального правительства. См.: Глава 1.1, рис. 3.
- ¹⁶⁸ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十个五年规划纲要 = 10-й пятилетний план социального и экономического развития КНР. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-03/19/content_5134505.htm (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁶⁹ Цзян Цзэминь. Указ. Соч. Т. III. С. 637.
- ¹⁷⁰ 中共中央、国务院关于实施东北地区等老工业基地振兴战略的若干意见。中发〔2003〕11号 = Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о реализации стратегии возрождения северо-восточного региона и других старопромышленных баз. Документ ЦК КПК № 11, 2003 г. 22.10.2009...
- ¹⁷¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要 = 11-й пятилетний план экономического и социального развития КНР. URL: http://www.gov.cn/ztlz/2006-03/16/content_228841.htm (дата обращения: 05.09.2017)
- ¹⁷² XVII съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и Устав партии. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 28.
- ¹⁷³ 东北地区振兴规划 = План возрождения северо-восточного региона. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content_721632.htm (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁷⁴ Современные пятилетние планы в КНР не носят директивного характера.
- ¹⁷⁵ Chung Jae Ho, Lai Hongyi, Joo Jang-Hwang. Op. cit. P. 115.

- ¹⁷⁶ 东北地区振兴”十二五”规划 = План возрождения северо-восточного региона на 12-ю пятилетку. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbghwb/201203/W020140221371253088569.pdf> (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁷⁷ Ставров И.В. Основные результаты социально-экономического развития Северо-Восточного Китая в 2012 г. // Ойкумена. 2013. № 2. С. 137–148.
- ¹⁷⁸ 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 = 12-й пятилетний план экономического и социального развития КНР. URL: http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838.htm (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁷⁹ 东北地区振兴”十二五”规划 = План возрождения Северо-Восточного Китая на 12-ю пятилетку. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbghwb/201203/W020140221371253088569.pdf> (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁸⁰ Иванов С.А. Северо-Восточные провинции в региональной политике центрального правительства // У карты Тихого океана. Информ.-аналит. бюл. № 30 (228): Северо-Восток Китая в 2012 г.: политика, экономика и социально-демографическое развитие. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2013. С. 5.
- ¹⁸¹ В научной литературе всё чаще звучит критика в отношении индикатора ВВП ввиду того, что он не учитывает показатели качества жизни: состояние окружающей среды, среднюю продолжительность жизни и собственно уровень благосостояния населения, а только измеряет объём выпуска. См., например: Койл Д. ВВП: краткая история, рассказанная с пиететом. М.: ИД ВШЭ, 2016; Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
- ¹⁸² 东北地区振兴”十三五”规划 = План возрождения Северо-Восточного Китая на 13-ю пятилетку. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbghwb/201612/W020161219594214175674.pdf> (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁸³ Ху Цзиньтао. Твёрдо продвигаться вперёд по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК (8 ноября 2012 г.). URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204_12.htm (дата обращения: 05.09.2017).

- ¹⁸⁴ 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 = Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1116/c64094-23561785.html> (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁸⁵ 国务院关于近期支持东北振兴若干重大政策举措的意见. 国法[2014]28号 = Мнения Госсовета относительно некоторых важных политических мер по поддержке возрождения Северо-Востока. Документ Госсовета № 28, 2014 г. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-08/19/content_8996.htm (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁸⁶ 李 凱 賢. Доклад о работе правительства. URL: http://russian.news.cn/2016-03/17/c_135198801.htm (дата обращения: 05.09.2017).
- ¹⁸⁷ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 = 13-й пятилетний план социально-экономического развития КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (дата обращения: 05.09.2017)
- ¹⁸⁸ 中共中央国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见. 中发〔2016〕7号 = Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о всестороннем возрождении северо-восточного региона и других старопромышленных баз. Документ ЦК КПК № 7, 2016 г. 26.04.2016. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm (дата обращения: 13.11.2018).
- ¹⁸⁹ Ставров И.В. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 39—50.
- ¹⁹⁰ 中国东北地区发展报告 (2012). 东北蓝皮书 = Доклад о развитии Северо-Восточного Китая (2012 г.). Синяя книга по Северо-Востоку. Пекин:社会科学文献出版社, 2012. С. 2, 5, 17, 27—29; 中国东北地区发展报告 (2016). 东北蓝皮书 = Доклад о развитии Северо-Восточного Китая (2016 г.). Синяя книга по Северо-Востоку. Пекин:社会科学文献出版社, 2016. С. 6—10.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ КНР В НАЧАЛЕ ХХІ в.

Говоря о политическом развитии китайских регионов, необходимо заметить, что региональные различия в нём не столь выражены, поскольку в рамках унитарного государства реализуются единые принципы устройства и функционирования местных органов власти и управления, которые интегрированы в общегосударственную политическую систему. Описываемая нами практика политического процесса в общих чертах аналогична и в других регионах страны¹. Учитывая слабую проработку данной темы в отечественной литературе², мы нередко вынуждены затрагивать ряд вопросов общего характера, выходящих за географические рамки тематики монографии.

Местная специфика, тем не менее, вносила свои коррективы в политический процесс в Северо-Восточном Китае. Региональные элиты неизбежно стали участниками стратегии возрождения региона, инициированной Пекином в 2003 г., Центр осуществлял управление через партийную и государственную иерархию, а также владел важным инструментом контроля — ротацией руководящих кадров, но всё же бóльшая часть местной бюрократии, особенно низового уровня, не попадала в ротационную систему и сохраняла значительную самостоятельность при реализации указаний сверху.

Анализ данных об уровне социально-политического развития региона в середине 2010-х гг. позволяет сделать вывод о неудаче стратегии возрождения старопромышленной базы

(далее — Стратегия) с точки зрения выполнения задач по переводу хозяйства Северо-Восточного Китая на рыночные рельсы и выравниванию региональных диспропорций развития (см. главу 1). Важной причиной этого являются системные условия, в которых действовали местные власти вследствие проводимого Пекином с середины 1990-х гг. курса на «рецентрализацию». Анализ этих условий займёт центральное место в настоящем разделе. Кроме того, мы обозначим актуальные проблемы, с которыми столкнулось новое руководство Северо-Восточного Китая во второй половине 2010-х гг.

2.1. ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕГИОНЕ

Для политической динамики современного Китая характерна цикличность, определяемая проведением общенациональных съездов правящей Коммунистической партии раз в пять лет.

Первый пятилетний цикл, относящийся к изучаемому нами периоду, начался в ноябре 2002 г., когда был проведён XVI съезд КПК, ознаменованный приходом к власти нового, «четвёртого поколения руководителей»³ (функционеры 1940-х гг. рождения, окончившие вузы и начавшие трудовую деятельность до начала «культурной революции»). Его ядром стали Ху Цзиньтао, занявший пост генерального секретаря ЦК КПК, а через полгода избранный председателем КНР, а также Вэнь Цзябао, назначенный премьером Госсовета. В руководстве высших органов КПК осталось сильное влияние занимавшего пост генсека ЦК КПК в 1989—2002 гг. Цзян Цзэминя, а сам он до 2004 г. сохранял за собой ключевую должность председателя Военного совета ЦК КПК.

Несмотря на то, что серьёзное влияние ставленников Цзян Цзэминя, объединённых в условную «шанхайскую клику»⁴,

сохранялось и впредь, в целом десятилетие 2002—2012 гг. можно определить как период правления Ху Цзиньтао и «четвёртого поколения руководителей». Данное время характеризуется существованием двух тенденций. С одной стороны, Китай пожинал плоды активного экономического развития 1990-х гг. и осуществил целый ряд успешных проектов, укрепивших его статус одного из мировых лидеров (запуск в космос первого тайкунавта в 2003 г., Олимпиада в Пекине в 2008 г., Всемирная выставка в Шанхае в 2010 г., Азиатские игры в Гуанчжоу в 2010 г.). С другой стороны, руководство партии и страны избегало острых действий при решении назревших вопросов социально-экономического и политического развития страны, что в отдельных сферах (неэффективность госсектора, рост долгов местных правительств и корпоративного сектора, экология, коррупция) привело к серьёзному кризису⁵.

Для политического процесса⁶ рассматриваемого периода характерна консервация существовавших практик (как официальных, так и негласных). Благодаря этому к 2012 г. система выглядела достаточно предсказуемо для наблюдателя, особенно в части подходов к трансферу власти, иерархии номенклатуры, ротации кадров. При этом анализ данных о реализации стратегических установок Чжуннаньхая позволял характеризовать систему политической власти и управления в КНР как громоздкую, не всегда эффективную бюрократическую машину, в которой партийный аппарат сращён с административным, существует дублирование функций и целый ряд номинальных, не обладающих реальными полномочиями или административными функциями ведомств⁷.

Эпоха, начавшаяся в Китае в 2012 г. с XVIII съезда КПК, ознаменована приходом к власти представителей так называемого «пятого поколения руководителей» (лица 1950-х гг. рождения, юность которых пришлась на период «культурной революции»).

Ключевыми событиями трансферта власти в 2012—2013 гг. стало избрание Си Цзиньпина на должности генерального секретаря ЦК КПК и председателя Военного совета ЦК КПК, а спустя полгода — избрание его председателем КНР. Занявший пост премьер-министра Госсовета Ли Кэцян, как считается, являлся ставленником Ху Цзиньтао и возглавляемой им «комсомольской группировки»⁸. Таким образом, в отличие от тандема Ху — Вэнь, где оба руководителя являлись партнёрами и единомышленниками, лидеры «пятого поколения руководителей» Си и Ли оказались в состоянии соперничества. В этих условиях ключевыми фигурами в команде Си Цзиньпина стали председатель Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК Ван Цишань (1948 г.р.), Ли Чжаньшу (1950 г.р., глава Канцелярии ЦК КПК) и Чжао Лэцзи (1957 г.р., глава Орготдела и секретарь ЦК КПК)⁹.

Приход к власти новых руководителей состоялся на волне ряда коррупционных скандалов, в которых оказались замешаны представители высшей партийной номенклатуры, а также снижения темпов роста экономики и нарастания внутреннего долга. Желание стабилизировать положение в стране и укрепить режим власти Коммунистической партии привело к появлению новых тенденций в политическом развитии Китая, на момент написания данной книги не вполне ясных по причине почти полного отсутствия информации о реальном положении дел в верхушке КПК¹⁰. Наиболее яркими проявлениями этих тенденций стали: 1) централизация власти и усиление роли генерального секретаря, 2) поляризация внутривнутрифракционной борьбы вокруг группировки сторонников консервативной линии Си Цзиньпина и «комсомольской группировки» Ху Цзиньтао и Ли Кэцяна, 3) укрепление «партийной дисциплины» и активное применение антикоррупционной кампании для повышения лояльности населения к партии, а также устранения политических оппонентов Си Цзиньпина.

С точки зрения политической практики важные изменения произошли только в центральном аппарате, где появилась тенденция к росту влияния различных «малых руководящих групп» во главе с Си Цзиньпином¹¹. В то же время на региональном уровне продолжились осуществляться практики, утвердившиеся в предыдущий период.

Важнейшие изменения произошли в кадровом вопросе. В рамках антикоррупционной кампании был устранён из политики целый ряд текущих и бывших руководителей Северо-Восточного Китая. На смену провинциальным руководителям, близким к предыдущему лидеру страны, по указанию Секретариата ЦК КПК назначались функционеры, близкие к нынешнему генсеку. К моменту XIX съезда КПК в октябре 2017 г. ставленники Си Цзиньпина находились во главе парткома и народного правительства Ляонина и Цзилини, парткома Хэйлунцзяна. Из числа лиц, близких к «комсомольской группировке», лишь Лу Хао оставался на посту губернатора пров. Хэйлунцзян — после съезда он был переведён на должность министра природных ресурсов (см. табл. 1). Таким образом, именно централизация власти Си Цзиньпина в условиях негласной фракционной борьбы является главным фактором политического развития в северо-восточных провинциях КНР в 2012—2016 гг.

Динамика политического процесса в китайских регионах подчинена всё тому же пятилетнему циклу съездов правящей партии, о котором говорилось выше. На провинциальном уровне данные съезды проводятся за определённое время — от года до полугода — до всекитайских. Заметим, что съезды КПК в разных провинциях традиционно проходят в разное время, причём в Ляонине — примерно на полгода раньше, чем в Хэйлунцзяне и Цзилини (см. табл. 1).

В ходе провинциальных съездов избираются провинциальный партийный комитет и делегаты на Всекитайский съезд КПК.

Провинциальные съезды КПК

Провинция	1-й цикл		2-й цикл	
	№ съезда	время проведения	№ съезда	время проведения
Ляонин	IX	октябрь 2001	X	октябрь 2006
Хэйлунцзян	IX	апрель 2002	X	апрель 2007
Цзилинь	VIII	май 2002	IX	май 2007

Пленумы провинциальных парткомов в составе 45—50 человек проводятся около двух—трёх раз в год, при этом реальным центром принятия властных решений внутри провинции является постоянный комитет провинциального парткома в составе 12—15 человек¹³. Его руководителем является секретарь провинциального парткома¹⁴, неформально считающийся первым лицом в провинции. Один из заместителей секретаря провинциального парткома в обязательном порядке является губернатором и возглавляет местное правительство. Так на практике обеспечивается руководящая роль партийных органов в системе политической власти в КНР.

Параллельно с партийной системой существует система органов государственной власти — собрания народных представителей (СНП)¹⁵. Цикл работы СНП тоже привязан к пятилетнему циклу партийных съездов, причём новые составы СНП всех уровней формируются позже, чем партийные органы соответствующих ступеней. Параллельно с сессиями ВСНП (как правило, в марте) проводятся сессии Всекитайского комитета Народно-политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) — совещательного органа, формируемого при участии различных политических и общественных движений, этнических меньшинств и социальных групп. Это даёт основание наблюдателям называть эти два события «две сессии» (*лян хуй*).

Таблица 1

в СВК в 2001—2017 гг.¹²

3-й цикл		4-й цикл	
№ съезда	время проведения	№ съезда	время проведения
XI	октябрь 2011	XII	декабрь 2016
XI	апрель 2012	XII	29 апреля — 3 мая 2017
X	май 2012	XI	май 2017

Именно они являются главным политическим событием первой половины года, на котором обнародуются стратегические решения, касающиеся социально-экономического развития страны.

По аналогии строится работа органов государственной власти на местах. Процесс формирования института СНП нового созыва начинается за полгода до созыва ВСНП — как правило, в октябре. В течение этого времени ведутся выборы в собрания народных представителей окружного (городского) уровня, срок полномочий которых также составляет пять лет (ст. 98 Конституции). На провинциальном уровне первые съезды СНП новых созывов проводятся в январе того же года, что и съезд ВСНП¹⁶. Именно сессии провинциальных СНП, проходящие не менее одного раза в год, ответственны за утверждение главных кадровых назначений. Ими утверждается кандидатура губернатора провинции — по сложившейся практике эту позицию занимает назначенный Центром функционер, по партийной линии направляемый на должность заместителя секретаря провинциального парткома.

Реальным административным управлением территорией занимаются возглавляемые губернаторами «народные правительства» (НП), формально считающиеся «всего лишь» исполнительными органами местных органов государственной власти, т.е. СНП¹⁷.

Система политической власти и управления в регионах, подвергшаяся коренной трансформации после окончания «культурной революции» и в целом сложившаяся ко второй половине 1990-х гг., развивалась в рамках двух направлений — стимулирования экономического роста и консервации монополии КПК на власть. При этом с точки зрения институционального развития изучаемый период был ознаменован наличием двух основных тенденций. Во-первых, продолжился курс на укрупнение единиц внутрипровинциального административно-территориального деления вокруг городов. Во-вторых, проводились кампании по оптимизации административного аппарата с целью ликвидации дублирования полномочий, сокращения издержек на его содержание и укрепление вертикальных связей внутри системы управления.

Первая тенденция отсчитывается с 1980-х гг., когда в соответствии с концепцией Чжао Цзыяна «соединения округа и уезда» («пусть город руководит уездами») началась так называемая «городская реформа»¹⁸. На месте округов¹⁹ создавались обширные по территории «города окружного значения» (*дициши*), в подчинении которых оказывались все единицы уездного значения. Одновременно протекал процесс «административной урбанизации», в рамках которого уезды переводились в районы городского подчинения (*шисяцюй*), а волости переводились в посёлки (*чжэнь*) или кварталы (*цзедао*)²⁰. Таким образом, число городских единиц различных уровней увеличивалось, а число сельских единиц уменьшалось.

К началу 2000-х гг. результаты этих процессов в основном были уже сформированы, однако они наблюдались и в период 2003—2016 гг., свидетельством чего является динамика изменений административно-территориального устройства провинций (см. табл. 2).

Сравнение числа городов в указанных провинциях в 2003 и 2016 гг., казалось бы, не даёт никаких результатов. Однако это

не так. Необходимо учитывать, что в пров. Хэйлунцзян в 2015 г. статус города получил Дуннин (находится в подчинении г. Муданьцзян)²³, а в 2016 г. — уезд Фуюань (находится в подчинении г. Цзямусы)²⁴. В то же время в 2006 г. город уездного значения Ачэн стал районом г. Харбин²⁵, а в 2013 г. то же самое произошло с городом уездного значения Шуанчэн²⁶. То есть, несмотря на видимое сохранение общего количества городов уездного значения (19), фактически происходил двойной процесс «административной урбанизации»: небольшие города присоединялись к более крупным, а уезды превращались в небольшие города.

Таблица 2

Динамика изменений административно-территориального устройства СВК в 2003—2016 гг.²¹

Уровни АТУ ²²	Единицы АТД	Ляонин		Хэйлунцзян		Цзилинь	
		2003	2016	2003	2016	2003	2016
II	Города окружного значения	14	14	12	12	8	8
	Округа	—	—	1	1	—	—
	Автономные округа	—	—	—	—	1	1
III	Города уездного значения	17	16	19	19	20	20
	Районы городского подчинения	55	59	64	65	19	21
	Уезды	19	17	46	43	18	16
	Автономные уезды	8	8	1	1	3	3
IV	Посёлки	614	648	475	512	454	429
	Кварталы	539	671	381	348	241	290
	Волости	302	157	400	332	283	154
	Национальные волости	77	56	58	52	28	28

Аналогичная ситуация наблюдалась в пров. Ляонин, где в 2015 г. город уездного значения Пуланьдянь (относится к г. Дальянь) получил статус городского района. (Ранее, в июне 2014 г., он стал на тот момент десятым «новым районом государственного уровня»²⁷.)

Говоря о второй тенденции, следует отметить, что китайскими авторами выделяется три кампании по проведению «административной реформы», стартовавшие в 2003, 2008 и 2013 гг.²⁸ Во всех трёх случаях кампании осуществлялись в начале пятилетних циклов, связанных с проведением Всекитайского съезда партии, и были ответом как на неэффективность предыдущих попыток, так и на социально-экономические вызовы современности. При этом каждая последующая повторяла ошибки предыдущих, которые заключались в том, что власти фокусировались исключительно на ликвидации, учреждении и слиянии ведомств. На практике же естественное в этом случае сопротивление бюрократии приводило к тому, что ведомства и персонал понижались в статусе, но не исчезали полностью²⁹. Кроме того, все реформы проводились исключительно по инициативе сверху, и их имплементация на местах, как правило, носила формальный, «декоративный» характер. Также практика показывает, что степень имплементации существенно варьировалась от региона к региону³⁰.

Прологом для административных реформ на местах во всех случаях служили решения по реструктуризации Госсовета, принимаемые на сессиях ВСНП и подкреплённые соответствующими постановлениями и коммюнике пленумов ЦК КПК³¹ в 2003, 2008 и 2013 гг. Решения по реструктуризации местных органов отдавались на откуп СНП провинций и принимались в ходе рабочих конференций по реформе структуры, проведённых в начале 2004, 2009 и 2014 гг. Отдельные изменения могли вноситься в структуру НП и в дальнейшем (например, в пров. Ляонин

в 2016 г. был воссоздан Департамент коммерции, образовавшийся в результате слияния провинциального Комитета сферы услуг и Департамента внешней торговли³²).

Изменения на уровне центральных ведомств (структура Госсовета) влекли за собой и изменения в профильных ведомствах на местах. Например, в соответствии с решениями 1-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.) путём слияния ведомств были образованы Госкомитет по здравоохранению и планированию рождаемости, Госуправление по контролю за пищевой и лекарственной продукцией, Главное госуправление по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения, Госуправление по морским делам (все — в статусе министерств)³³. Соответственно, в структуре народного правительства, к примеру, пров. Ляонин появились Комитет по здравоохранению и планированию рождаемости³⁴, Управление по контролю за пищевой и лекарственной продукцией, Управление по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения³⁵, а также Департамент по морским делам и рыболовству³⁶ (все — в статусе департаментов)³⁷.

Кампании по реструктуризации госаппарата в Центре и на местах приводили к появлению аналогичных ведомств по всей территории КНР. Так, в соответствии с планом реформы 2007—2009 гг. в структуре провинциальных администраций были учреждены канцелярии и ряд других ведомств³⁸ (см. табл. 3).

Как мы видим, изменения в рамках сложившейся ранее (к середине 1990-х гг.) системы носят скорее количественный, нежели качественный характер. Целый ряд проблем, поднимавшихся ещё в 1980-е гг.³⁹, так и не был решён, например: демократизация режима, разделение функций партийных и государственных структур, совершенствование представительных органов власти, преодоление злоупотреблений со стороны номенклатуры. Несмотря на то, что все эти вопросы сохраняются

Таблица 3

**Основные изменения в структуре провинциальных народных правительств
в ходе административных реформ 2003—2013 гг.⁴⁰**

№ и время проведения реформы	Заявленные цели	Достигнутые цели		
		Ляонин	Хэйлуцзян	Цзилинь
5-я реформа (2002—2004)	Привести госаппарат в соответствие с реалиями рыночной экономики, в том числе из-за вступления Китая в ВТО, путём оптимизации системы управления госимуществом, совершенствования системы макроэкономического контроля ⁴¹	В структуре народных правительств учреждены комитеты управления государственным имуществом, комитеты по развитию и реформе, департаменты коммерции		
6-я реформа (2007—2009)	Оптимизировать госаппарат с целью сокращения штата и числа согласований путём создания «суперведомств», концентрирующих функции, ранее распылённые между несколькими организациями. В итоге — к 2020 г. создать усовершенствованную социалистическую административную систему с китайской спецификой ⁴²	Количество ведомств провинции сокращено до 42 единиц ⁴³	Количество ведомств провинции сокращено до 42 единиц	Количество ведомств провинции сокращено на 9 единиц. Численность персонала уменьшена на 16% ⁴⁴
7-я реформа (2012—2014)	Реструктурировать полномочия ведомств, сократить штат, упростить разрешительные процедуры для углубления рыночных реформ, искоренить бюрократизм и неповоротливость аппарата	Количество ведомств провинции увеличилось до 50 единиц ⁴⁵	Количество ведомств провинции увеличилось до 50 единиц ⁴⁶	Количество ведомств провинции увеличилось до 56 единиц ⁴⁷

в повестке дня, на практике они решаются с помощью формальных методов (механическое сокращение числа ведомств и штатных единиц, «административная урбанизация»).

Учитывая ряд негативных тенденций в развитии периферийных территорий, логичным представляется вывод об *ограниченной эффективности* системы региональной власти и управления в КНР. Возложенная руководством страны задача по преодолению региональных диспропорций развития оказалась ей не по плечу. Однако сложно не заметить, что даже в этих условиях отдельные территории добивались больших успехов, чем другие. Попытка ответить на вопрос, почему так происходило, оказывается тесно связанной с рассмотрением такой практики, как ротация руководящих кадров. Остановимся на этом вопросе подробнее.

2.2. ПРАКТИКА РОТАЦИИ КАДРОВ. РУКОВОДСТВО СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ

Практика ротации руководящих кадров (контроля политической мобильности) осуществляется властями КНР для решения нескольких задач. Во-первых, Центр препятствует складыванию региональных элит, фракций, стремится повысить лояльность регионов, т.е. препятствует появлению центробежных и сепаратистских тенденций. Особенно ярко данная тенденция проявилась после перехода к «рецентрализации» в отношениях центра и регионов в первой половине 1990-х гг., хотя сама практика ротации *ганьбу* (номенклатурных работников) применяется с первых лет существования КНР⁴⁸.

Во-вторых, постоянные перемещения между регионами и направлениями работы имеют целью отбор и воспитание будущих лидеров страны. Вес такого пункта резюме, как опыт

работы в регионах, постоянно растёт. Для сравнения, в 2007 г. среди 25 членов Политбюро ЦК КПК 17-го созыва было 19 человек с подобным опытом работы (76%), тогда как в начале политики реформ и открытости, в 1982 г., эти показатели составляли 9 человек из 25 (только 36%)⁴⁹.

В-третьих, с помощью данной практики Центр хочет обеспечить более эффективное выполнение стратегических установок, поощряя через карьерное повышение тех региональных лидеров, которые добиваются успехов. Критерии успешности являются предметом «тонкой настройки» со стороны идеологов КПК, однако в течение периода политики реформ и открытости они, как правило, сводились к достижению высоких количественных показателей развития экономики. В Северо-Восточном Китае, учитывая его приграничное положение, акцент мог делаться на развитии международного сотрудничества⁵⁰. При этом именно ориентация на карьерное повышение является определяющей в мотивации региональных властей, что имеет как позитивные, так и негативные побочные эффекты.

Каким же образом осуществляется ротация руководящих кадров? Начиная с окружного (городского) уровня, во главе как партийных, так и государственных органов, как правило, стоят выходцы из других регионов, назначенные на свой пост в рамках данной практики. Их подчинённые — вплоть до уровня вице-губернаторов — в своей массе являются местными жителями. На окружном уровне процент местных кадров в руководстве составляет 54,5%, тогда как уже на провинциальном уровне он значительно меньше — 27%⁵¹. Кадровый состав органов, находящихся в подчинении народного правительства, может не меняться годами. Административная карьера делается по партийной, а не по управленческой линии⁵². При этом желательным условием на определённом этапе этой карьеры является направление на руководящую должность в регионы.

Функционеры, назначаемые в руководство регионов в рамках ротации, обозначаются сленговым термином «летающие ганьбу»⁵³ и являются основой кадрового резерва. Ротация «летающих ганьбу» только на первый взгляд кажется непредсказуемой и нелогичной. На самом деле в её основе лежит ряд структурированных практик.

Во-первых, существует иерархия должностей внутри сращённого партийно-административного аппарата. Так, на каждом из уровней административно-территориального устройства (АТУ) должность секретаря местного парткома выше должности председателя народного правительства (мэра, губернатора). Должность министра или председателя госканцелярии (т.е. члена Госсовета) находится между должностями губернатора и секретаря провинциального парткома. Движение вверх по ступеням АТУ является признаком карьерного повышения. Например, перевод с должности мэра города уездного значения на должность вице-мэра города окружного значения — повышение⁵⁴. Средний срок нахождения на должности при оптимальном развитии карьеры составляет 3—5 лет. Задержка на одной позиции свидетельствует о стагнации карьеры чиновника. Во-вторых, существует негласная иерархия территорий, согласно которой назначение в одни регионы является более ответственным и почётным, чем в другие. В рамках ротации определённый чиновник может переводиться на аналогичную должность в другом регионе, и это будет являться не «горизонтальным перемещением», а повышением⁵⁵. В-третьих, движение по карьерной лестнице коррелируется с возрастом чиновника и пятилетним циклом партийных съездов. Так, к пику карьеры ганьбу подходят в возрасте около 60 лет. Наивысшее назначение приходится на жизненный отрезок 60—65 лет⁵⁶, после чего функционер, если не занимает высших партийных должностей, получает почётную «предпенсионную» должность

(чаще всего в структуре СНП или НПКС) и после 68 лет уходит на пенсию⁵⁷. Конституционно возраст нахождения на руководящих должностях не закреплён⁵⁸; чисто технически чиновники просто не получают новых назначений⁵⁹. Государственные служащие, достигающие к своему карьерному пику (60 лет) должности руководителя провинциального уровня, не двигаются дальше. Те же, кто получил подобное назначение в более молодом возрасте (45—55 лет), имеют высокие шансы по итогам последующих партийных съездов получить руководящую должность в центральных органах КПК.

Анализ политической динамики в Северо-Восточном Китае даёт нам несколько характерных примеров карьерной траектории. Ниже представлены сведения, иллюстрирующие динамику назначений на высшие должности в руководстве для каждой из трёх провинций. (Стрелками (см. табл. 4—6) обозначено повышение или понижение по карьерной лестнице по итогам работы.)

Примечательно, что именно в Ляонине отметились два видных политических деятеля последних десятилетий, в той или иной степени оппозиционных к нынешнему лидеру Китая Си Цзиньпину. Бо Силай, сын первого министра экономики КНР,

Руководство пров. Ляонин

Период	Секретарь провинциального парткома		
	имя	год рождения	срок пребывания в должности
1-й цикл (2002—2007)	Ван Шичжэнь	1940	1997—2004 ↗
	Ли Кэцян	1955	2004—2007 ↗
2-й цикл (2007—2012)	Чжан Вэньюэ	1944	2007—2009 ↘
	Ван Минь	1950	2009—2015 ↘
3-й цикл (2012—2017)	Ли Си	1955	2015—2017 ↗

сделал карьеру в Дальяне, где ещё в 1986 г. в возрасте 37 лет возглавил зону экономического развития (*кайфацюй*), а затем дорос до должности мэра этого города субпровинциального значения⁶¹. Переезд в Шэньян и трёхлетнее губернаторство казались только эпизодом в карьере одного из наиболее видных представителей своего поколения. С губернаторского кресла он пересел в кресло министра финансов, а далее возглавил в качестве секретаря парткома 20-миллионный город Чунцин. Многообещающая карьера прервалась в год проведения XVIII съезда партии, когда, как считается, Бо Силай «бросил вызов» Си Цзиньпину как будущему лидеру Китая⁶². В сентябре 2012 г. он был исключён из партии и потерял депутатский мандат в ВСНП, после чего обвинён в коррупции, причём за период, когда он руководил Ляонином. В сентябре 2013 г. приговорён к пожизненному заключению и причислен политическими наблюдателями к «Новой банде четырёх»⁶³.

Ли Кэцян на руководящий партийный пост в провинции был назначен в 49 лет, причём до этого он несколько лет руководил менее значимой пров. Хэнань в качестве губернатора и партийного секретаря. Подобное назначение свидетельствовало о многообещающей карьере, и уже по итогам XVII съезда

Таблица 4

в 2003—2016 гг.⁶⁰

Губернатор		
имя	год рождения	срок пребывания в должности
Бо Силай	1949	2001—2004 ↗
Чжан Вэньюэ	1944	2004—2007 ↗
Чжан Чжэнгао	1952	2007—2014 ↗
Ли Си	1955	и.о. 2014—2015 ↗
Чэнь Цюфа	1954	2015—2017 ↗

функционер был переведён в центральные органы КПК и Госсовета (стал вице-премьером), а через пять лет занял пост премьера Госсовета.

Карьерные траектории Бо и Ли, развивавшиеся в соответствии с вышеописанными практиками, иллюстрируют прежнее положение Ляонина как важной для Центра развитой провинции, куда назначались наиболее многообещающие кадры. Действительно, в начале 2000-х гг. темпы роста экономики региона превышали средние по стране, а Далянь в период правления там Бо Силая стал одной из «витрин успехов китайского государственного капитализма»⁶⁴. Однако к середине 2010-х гг. ситуация кардинально поменялась. В 2015 г. Ляонин имел самые низкие в стране темпы развития (3%)⁶⁵, а в 2016 г. и вовсе перешёл к рецессии (-2,5%)⁶⁶.

В середине 2000-х гг. Ляонин, по мнению экспертов, придерживающихся концепции фракционного дуализма, превратился в оплот «комсомольской группировки», к которой, в частности, относились Ли Кэцян, Ван Минь, Чэнь Чжэнгао⁶⁷. Данное обстоятельство не могло устраивать Си Цзиньпина. Поэтому по итогам XVIII съезда ни партийный секретарь, ни губернатор, несмотря на ожидания⁶⁸, не получили новых назначений и в целом оставались на своих постах шесть и семь лет соответственно. Ван Минь в возрасте 65 лет был назначен на «почётную» должность заместителя председателя Комитета по образованию, науке, культуре и здравоохранению ВСНП, но не задержался на ней и в марте 2016 г., за день до начала очередной сессии, стал объектом громкого антикоррупционного разбирательства. Был обвинён в получении взяток на посту партсекретаря Ляонина и нарушении кодекса поведения члена партии⁶⁹.

Карьера Чэнь Чжэнгао, бывшего заместителя Бо Силая в мэрии Даляня, сложилась по-другому. После затянувшегося губернаторства он получил портфель министра сельского

и городского развития, что формально является повышением. Однако динамика развития его карьеры была нарушена, поскольку министерский пост он получил в 62 года и впоследствии мог рассчитывать только на почётную предпенсионную должность вместо возможного назначения в высшие органы КПК.

Для разгрома предыдущего руководства провинции Пекин пошёл на экстраординарные меры. Помимо расследования деятельности Ван Миня, в сентябре 2016 г. государственными СМИ (ЦТК и «Синьхуа») были обнародованы факты о покупке депутатами ВСНП от пров. Ляонин своих мандатов⁷⁰. Окончательная дискредитация ляонинских «комсомольцев» произошла, когда в январе 2017 г. нынешний губернатор Чэнь Цюфа объявил о системных фальсификациях показателей социально-экономического развития в 2011—2014 гг.⁷¹ Примечательно, что таким образом руководство провинции как бы сняло с себя ответственность за катастрофически низкие показатели ВРП в 2015—2016 гг.

И коррупция, и фальсификация статистики, по мнению ряда экспертов, представляются типичными для нынешней системы власти в КНР⁷². То, что они были раскрыты именно на примере Ляонина, свидетельствует, прежде всего, о желании Си Цзиньпина зачистить политическое пространство провинции от своих возможных оппонентов. Им на смену в 2015 г. были поставлены «люди Си Цзиньпина»: Ли Си, сделавший карьеру в пров. Шэньси, родной для клана Си; а также Чэнь Цюфа, мяо по национальности, до направления в регион возглавлявший китайскую аэрокосмическую программу и близкий к «аэрокосмической фракции» в руководстве КПК, активно продвигаемой Си Цзиньпином⁷³. В 2017 г. оба получили повышение: Ли Си стал партийным «шефом» наиболее экономически развитой китайской провинции Гуандун, а ему на смену пришёл Чэнь Цюфа, ранее бывший его заместителем в провинциальном парткоме.

Руководство пров. Хэйлунцзян

Период	Секретарь провинциального парткома		
	имя	год рождения	срок пребывания в должности
1-й цикл (2002—2007)	Сюй Юфан	1939	1997—2003 ↘
	Сун Фатан	1940	2003—2005 ↘
	Цянь Юньлу	1944	2005—2008 ↘
2-й цикл (2007—2012)	Цзи Бинсюань	1951	2008—2013 ↘
3-й цикл (2012—2017)	Ван Сянькуй	1952	2013—2017 ↘
	Чжан Цинвэй	1961	2017 — наст. вр.

Циклы нахождения на высших должностях в пров. Хэйлунцзян сдвинуты на год по сравнению с партийными циклами, так как здешние секретари парткомов в исследуемый период не получали назначений в центральных органах КПК и соответственно находились на своих местах вплоть до очередных съездов ВСНП, по итогам которых они получали почётные предпенсионные должности в этой структуре.

Так, в качестве заместителя председателя ПК ВСНП продолжали деятельность Цянь Юньлу и Цзи Бинсюань. В качестве заместителя председателя комиссии ВСНП по образованию, науке, культуре и здравоохранению работали Сун Фатан и Ван Сянькуй. Сюй Юфан был переведён в ЦК КПК, где являлся заместителем председателя Малой руководящей группы по делам сельского хозяйства (министерский уровень), что также является понижением в иерархии руководящих кадров.

Среди провинциальных руководителей Хэйлунцзяна карьерного пика достиг только Ли Чжаньшу, который провёл здесь

Таблица 5

в 2003—2016 гг.

Губернатор		
имя	год рождения	срок пребывания в должности
Сун Фатан	1940	2000—2003 ↗
Чжан Цзоцзи	1945	2003—2007 ↘
Ли Чжаньшу	1950	2007—2010 ↗
Ван Сянькуй	1952	2010—2013 ↗
Лу Хао	1967	2013—2018 →

шесть лет: с 2004 по 2010 гг. Сюда он был переведён с поста секретаря горкома Сианя (административный центр родной для Си Цзиньпина пров. Шэньси). После трёх лет в качестве вице-губернатора ещё три года являлся губернатором. Далее пошёл на повышение (секретарь парткома пров. Гуйчжоу), по итогам XVIII съезда КПК стал главой Канцелярии ЦК КПК⁷⁴.

Карьера другого многообещающего чиновника в Хэйлунцзяне, напротив, затормозилась. Ставленник «комсомольской группировки»⁷⁵ Лу Хао возглавил народное правительство провинции в 46 лет, будучи на 15 лет моложе, чем Ван Сянькуй, его предшественник в кресле губернатора и шеф по партийной линии. Имея подобные преимущества, он мог ожидать, что к XIX съезду КПК (2017 г.) успеет пройти сразу две ступени иерархии (губернатор и партсекретарь провинции) и по итогам съезда войдёт в Политбюро ЦК КПК, с тем чтобы к очередному трансферу власти (XX съезд, 2022 г.) быть в числе первых лиц партии и государства. Однако губернаторство Лу Хао сложно

назвать удачным. Темпы роста ВРП провинции постоянно падали, а в марте 2016 г., в разгар сессии ВСНП, губернатор оказался втянутым в скандал. В шахтёрском городе Шуанъяшань прошли демонстрации, участники которых критиковали Лу Хао, заявившего на заседании «депутатской группы» пров. Хэйлунцзян в Пекине об отсутствии долгов по зарплате перед сотрудниками угледобывающей компании «Лунмэй»⁷⁶. В 2018 г. Лу Хао покинул Хэйлунцзян и возглавил Министерство природных ресурсов, что знаменовало собой завершение «эпохи комсомольцев» в руководстве провинции. За год до этого, в апреле 2017 г., вместо «комсомольца» Ван Сянькуя партком Хэйлунцзяна возглавил 56-летний Чжан Цинвэй, выходец из «военно-космической фракции»⁷⁷, близкой к Си Цзиньпину.

Невысокое место пров. Цзилинь в негласной иерархии регионов страны объясняется относительно низкими показателями как с точки зрения населённости (21-е место), так и с точки зрения ВРП (22-е место⁷⁸). В исследуемый период провинция

Руководство пров. Цзилинь

Период	Секретарь провинциального парткома		
	имя	год рождения	срок пребывания в должности
1-й цикл (2002—2007)	Ван Юнькунь	1942	1998—2006 ↘
	Ван Минь	1950	2006—2009 ↗
2-й цикл (2007—2012)	Сунь Чжэнцай	1963	2009—2012 ↗
	Ван Жуйлинь	1953	2012—2014 ↗
3-й цикл (2012—2017)	Баянкол	1955	2014 — наст. вр.

чаще всего выступала как площадка для «молодых» (по меркам китайской номенклатуры) и перспективных руководителей. Так, Ван Минь получил должность секретаря провинциального парткома в 56 лет, нынешний секретарь, монгол по национальности Баянкол — в 57 лет (оба до этого по два года находились во главе провинциального народного правительства).

Показателен с точки зрения практики ротации руководящих кадров пример назначения в провинциальный партком Сунь Чжэнцай в 2009 г. до своего исключения из партии в октябре 2017 г. в связи с обвинениями в коррупции Сунь считался одним из наиболее перспективных руководителей будущего «шестого поколения» и стал секретарём парткома в 46 лет — т.е. примерно за 15 лет до выхода на пик своей карьеры. Его сменившим на этом посту стал Ван Жуйлинь — бывший губернатор провинции. А предыдущий секретарь — Ван Минь — был назначен на аналогичный пост, но в более значимую пров. Ляонин⁷⁹. Точно так же сам Сунь Чжэнцай, приобретя опыт руководителя

Таблица 6

в 2003—2016 гг.

Губернатор		
имя	год рождения	срок пребывания в должности
Хун Ху	1940	1998—2004 ↘
Ван Минь	1950	2004—2006 ↗
Хань Чанфу	1954	2006—2009 ↗
Ван Жуйлинь	1953	2009—2012 ↗
Баянкол	1955	2012—2014 ↗
Цзян Чаолян	1957	2014—2016 ↗
Лю Гочжун	1962	2016—2018 →

провинции, по итогам XVIII съезда КПК получил должность секретаря парткома уже на более ответственном участке — в г. Чунцине, где проработал пять лет вплоть до своего скандального разжалования⁸⁰.

В середине 2010-х гг. в руководстве пров. Цзилинь, как и в других регионах Северо-Востока, появились лица, лояльные Си Цзиньпину. Секретарь парткома в 2012—2014 гг. Ван Жуйлинь впоследствии был переведён на более престижный участок работы — в пров. Шаньси, где запомнился активным проведением антикоррупционных чисток. Занимавший в 2014—2016 гг. пост губернатора Цзян Чаолян, — выходец из банковской сферы, считающийся одним из доверенных лиц Ван Цишаня,⁸¹ — также пошёл на повышение, став партийным секретарём пров. Хубэй. Что касается Баянкола, то он связан с Си Цзиньпином благодаря совместной работе в пров. Чжэцзян⁸². Всё это даёт основания записывать Цзилинь в сферу влияния сторонников нынешнего лидера Китая⁸³.

Как видно из представленных сведений, основным содержанием политического процесса в изучаемый период стала замена руководства северо-восточных провинций кадрами, лояльными Си Цзиньпину. К окончанию очередного пятилетнего цикла (2012—2017) эта задача была практически решена. С одной стороны, «кадровая революция» стала результатом желания Си Цзиньпина иметь региональную поддержку в условиях межфракционного соперничества и возможного саботажа спускаемых из Центра установок. С другой стороны, к середине 2010-х гг. кризис социально-экономического развития Северо-Восточного Китая стал очевиден, и это наталкивает на вывод о неспособности прежнего руководства решить задачи по реструктуризации местной экономики и выравниванию региональных диспропорций развития, которые провозглашал Пекин.

2.3. УЧАСТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В ВОЗРОЖДЕНИИ СТАРОПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА

Важной составляющей политического процесса в изучаемый период стало участие региональных властей в реализации стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока КНР, о предпосылках и обстоятельствах появления которой подробно рассказывалось в главе 1.

С точки зрения деятельности политических институтов, началом реализации Стратегии следует считать декабрь 2003 г., когда на центральном уровне был создан координирующий орган — Руководящая группа по регулированию и возрождению северо-восточной и других старых промышленных баз Северо-Востока при Госсовете КНР и канцелярия при ней⁸⁴. В данную группу, помимо премьера и вице-преьера Госсовета, вошло от 29 до 35 руководителей ведомств Госсовета, а также глав подразделений ЦК КПК (включая заместителя орготдела), Банка развития КНР и Федерации профсоюзов⁸⁵. Руководителем был назначен премьер Госсовета Вэнь Цзябао (после 2013 г. — Ли Кэцян), а его заместителями — вице-премьеры Хуан Цзюй и Цзэн Пэйян (после 2008 г. — Ли Кэцян, после 2013 г. — Чжан Гаоли). До 2009 г. данная структура провела всего пять заседаний⁸⁶, а основным результатом её работы стала разработка концептуального документа, принятого в августе 2007 г. Госкомитетом КНР по развитию и реформе — «Плана возрождения Северо-Востока».

Также в реализации Стратегии было занято Бюро по возрождению северо-восточной и других старопромышленных баз при Госкомитете КНР по развитию и реформам⁸⁷ (его председатель является одним из членов соответствующей руководящей группы). Примечательно, что обе структуры не включали в себя представителей региональной власти и были расположены в Пекине.

Взяв на себя ответственность по формулированию концепции развития, Центр в то же время отдавал полномочия по её конкретному наполнению на откуп местным властям, перед которыми встала задача координации усилий⁸⁸. Для того чтобы улучшить взаимодействие между провинциальными правительствами, в 2010 г. была создана межрегиональная организация, получившая название «Северо-Восточный саммит»⁸⁹. Итогом её первого совещания, прошедшего 16 апреля в Шэньяне, стало Рамочное соглашение о сотрудничестве четырёх северо-восточных провинций⁹⁰. Согласно этому документу задачи по координации сотрудничества регионов, так же как и по контролю над выполнением стратегии возрождения старопромышленной базы, были возложены на провинциальные комитеты по развитию и реформам⁹¹.

Заседания Северо-Восточного саммита проходили ещё трижды: 2011 г. — в Чанчуне, 2012 г. — на китайской части острова Большой Уссурийский (г. Цзямусы пров. Хэйлунцзян), 2013 г. — в Ордосе (Внутренняя Монголия)⁹². Результатами мероприятий являлись соглашения о сотрудничестве в различных отраслях экономики. Последнее заседание организации совпало с десятилетием самой программы возрождения северо-восточной старопромышленной базы. Неудача местных властей в её реализации к тому моменту была очевидной уже и для центрального руководства, что привело к кадровым решениям, описанным в предыдущем параграфе. Эффективного механизма из Северо-Восточного саммита также не получилось. Межрегиональная конкуренция за внимание и ресурсы Центра, к чему в конце концов была сведена активность местных властей, не ослабевала ни в период существования Северо-Восточного саммита, ни позже. К тому же размыты оказались цели и задачи структуры, а также её полномочия. После 2013 г. навязанная решением Центра организация исчезла из официальных документов и материалов СМИ.

Основной формой участия региональных властей в политике возрождения старой промышленной базы стала интеграция в эту программу местных проектов с целью получения налоговых и иных преференций, а также непосредственно финансовых вливаний со стороны Центра. Основные усилия местных властей были сконцентрированы на развитии инфраструктурных проектов, требующих значительных затрат трудовых ресурсов и задействования производственных мощностей. При этом в качестве отдельного направления работы реализация Стратегии не выделялась. Даже на уровне местных народных правительств не создавались отдельные структуры для этого. Вся соответствующая работа велась в рамках комитетов по развитию и реформам.

Степень участия местной политической элиты в выработке и реализации Стратегии является предметом дискуссии. Для западных авторов характерно мнение, что в авторитарных системах инициатива с мест ограничена, соответственно, цели, задачи и формы программы возрождения Северо-Восточного Китая тоже шли из Центра по принципу «сверху — вниз»⁹³. Специалисты, хорошо знакомые с китайским материалом⁹⁴, напротив, утверждают, что роль местных властей не следует преуменьшать. Ху Сяохуй пишет, что после 1998 г., когда вследствие финансового кризиса и реформы госсектора возникло множество социальных проблем, ударивших прежде всего по моногородам и регионам с сырьевой экономикой, власти таких регионов (Северо-Восточный Китай в том числе) активизировали контакты с Центром. Опираясь на тезис, что местные проблемы вызваны ошибками в политике Центра, они адаптировались к новой ситуации, когда Центр готов был вкладывать значительные средства в регионы⁹⁵. Следствием этого стал навык «привлечения внимания Пекина», воплощённый в «политике ждать, обсуждать, требовать»⁹⁶.

Например, в г. Фусинь пров. Ляонин, который к 2000-м гг. начал испытывать острые социально-экономические проблемы

вследствие кризиса угледобывающей промышленности, местные власти добились его включения в программу устойчивого развития городов ресурсного типа (её основным содержанием является преференциальное право оставлять у себя местные налоги), а также контрактов на создание ветряных электростанций с крупными госкомпаниями. В результате Фусинь стал одним из центров ветряной энергетики в стране и относительно легко преодолел сложности переходного периода, связанного с трансформацией экономики⁹⁷.

Таким образом, изменение модели развития старых промышленных регионов — результат сложного взаимодействия местных и внешних игроков, в котором внешние игроки (Центр) определяют концепцию развития и выражают готовность ему способствовать (путём предоставления преференций или направления трансфертов), однако наполнение этой концепции конкретными шагами зависит от местных властей. Их активность и успешность варьируется от территории к территории и определяется рядом показателей, в том числе субъективных — таких, как роль конкретного руководителя и др.

Хороший пример этого приводит исследование Ху Сяохуя и Роберта Хассинка, посвящённое трансформации экономики моногорода Цзаочжуан в пров. Шаньдун (несмотря на то, что территориально он находится вне Северо-Восточного Китая, проблемы, с которыми столкнулись власти данного города, представляются типичными и для рассматриваемого нами региона). В 2009—2015 гг. Цзаочжуан осуществил успешную переориентацию фокуса экономического развития с добычи угля на туризм. Как доказывают учёные, во многом это произошло благодаря действиям местного руководителя Чэнь Вэя⁹⁸. Для успеха своей территории он использовал существующие политические практики (например, в структуре народного правительства создал департамент по развитию туризма,

использовал горизонтальные связи между городскими администрациями для привлечения туристов по профсоюзной линии). В то же время Чэнь Вэй активно задействовал свои связи с чиновниками в Центре (например, способствовал прохождению через Цзаочжуан высокоскоростной железной дороги «Шанхай — Пекин») и, обладая личной харизмой и даром убеждения, смог продвинуть среди своих подчинённых инновационную модель развития вместо традиционных способов развития местной экономики (например, вместо планов строительства крупного девелоперского проекта в историческом центре города настоял на создании туристического кластера)⁹⁹.

Из сказанного можно заключить, что даже в авторитарном контексте инициативность, харизматичность и наличие связей местных руководителей имеет большое значение, не менее важное, чем формальные (институциональные) механизмы, которые при этом всё равно активно используются. Трансформация моногородов и старых промышленных районов — это прежде всего антропогенная деятельность (*human agent-based relational action*)¹⁰⁰. Она определяет, во-первых, зависимость развития территории от настроений, носителями которых являются представители политической элиты, во-вторых, нацеленность развития территорий в первую очередь на обеспечение карьерного роста руководителей.

Так, в качестве одной из причин неспособности индустриальных регионов, сложившихся в XIX—XX вв., перейти к инновационной, постиндустриальной модели развития исследователи называют «зависимость от пути» (*path-dependence*)¹⁰¹, т.е. зависимость от прежней модели, ранее успешной, до сих пор существующей и тесно связанной с плановой экономикой и дотациями из Центра. В случае с Китаем важным аспектом этого служит стереотип о крупном госпредприятии как о привлекательном работодателе. Корни данного явления уходят в период

индустриализации первых десятилетий существования КНР, когда именно крупные госпредприятия, работающие в стратегически важных отраслях (ВПК, производство стали, нефти, угля), получали наилучшее финансирование и могли дать своим работникам достойное социальное обеспечение¹⁰². Заводское производство и добыча природных ресурсов (нефте- и угледобыча, лесоповал), воспеваемые коммунистической пропагандой, являлись предметом гордости местных жителей. Сформировалась «местная индустриальная культура», ставшая важной составляющей региональной идентичности¹⁰³. В контексте данной главы важно, что носителями её являются не только местные жители, но и региональная элита. Следствием этого, вероятно, и стало сопротивление местных элит изменениям модели развития, не артикулируемое (и, следовательно, трудно фиксируемое с помощью исследовательских средств), но выражаемое через фактический саботаж стратегических установок Центра. С местной индустриальной культурой оказывается связанным и сильный региональный протекционизм, основанный в том числе на тесных связях местной политической и деловой элит и заставляющий власти тратить большие ресурсы на поддержание производства на старой производственной базе, несмотря на его неконкурентоспособность и убыточность. Иными словами, сформировался комплекс характеристик местной элиты, определяемых Центром как «недостаточно рыночное мышление» (см. главу 1), на преодоление которого и была главным образом направлена стратегия возрождения северо-восточной старопромышленной базы.

В то же время местным властям приходится имитировать «включённость» с помощью соответствующей риторики и генерации различных проектов, зачастую чисто декоративных или заведомо нереализуемых. Стремление местных руководителей получить дальнейшее карьерное повышение, особенно

в проблемных регионах, приводило к тому, что их деятельность трансформировалась в гонку за результатами, соответствующими запросам Центра¹⁰⁴. В эту гонку оказывались втянутыми не только сами «летающие ганьбу», но и их подчинённые, рассчитывающие на своеобразный мультипликативный эффект: повышение одного руководителя приводило к продвижкам среди его заместителей; кроме того, полученные связи с перспективными чиновниками облегчали карьеру в дальнейшем. Таким образом, местные власти стали стремиться не столько эффективно управлять территорией, сколько производить соответствующее впечатление.

Одним из главных следствий этого стала систематическая фальсификация показателей социально-экономического развития, являвшихся ключевым индикатором эффективности на протяжении всех последних десятилетий. На примере Северо-Восточного Китая видно, насколько далеко зашли власти депрессивных районов в своём желании предстать перед Центром в «лучшем свете».

В январе 2017 г. губернатор Ляонина Чэнь Цюфа признал, что согласно данным Государственной ревизионной комиссии, в 2011—2014 гг. многие города и уезды провинции фальсифицировали статистику, включая данные фискальных документов: в некоторых случаях они завышались на 23%¹⁰⁵. Обозреватели отмечали, что фальсификация показателей социально-экономического развития (данные по ВРП, привлечённым инвестициям и фискальным сборам¹⁰⁶) применяется в Китае повсеместно, особенно там, где проблемные тенденции в местной экономике не позволяют региональному руководству получить желаемые показатели в реальности¹⁰⁷. Подтверждением этого стали аналогичные скандалы, в июне 2017 г. вскрывшиеся в других регионах Северо-Восточного Китая: пров. Цзилинь и Внутренней Монголии¹⁰⁸.

Другим «методом», который применялся властями Северо-Восточного Китая, является включение в отчётность только позитивных результатов¹⁰⁹. Это создавало картину успехов, несмотря на то, что проблемы не решались, а трансформация экономики региона, завязанной на крупных ресурсных предприятиях, так и не была осуществлена. Своими решительными действиями по смене и компрометации бывших властей (а «утечку» данных о фальсификации статистики и коррупционных преступлениях нельзя считать случайной) Си Цзиньпин показал, что вся вина за это возлагается на предыдущее руководство провинций¹¹⁰, тесно связанное с «комсомольской

Таблица 7

Частота упоминания концепции возрождения старопромышленной базы в отчётах народных правительств пров. Ляонин и г. Фусинь в 2003—2017 гг.¹¹²

Год	пров. Ляонин	г. Фусинь
2003 ¹¹³	55	5
2004	18	5
2005	6	2
2006	5	0
2007	5	1
2008	5	0
2009	3	1
2010	5	0
2011	3	0
2012	3	0
2013	2	0
2014	5	4
2015	5	2
2016	3	1

группировкой». Отчасти оказалась скомпрометированной и сама стратегия возрождения старопромышленной базы.

На местном уровне активное использование риторики, связанной со Стратегией, наблюдалось только в 2003—2005 гг. (см. табл. 7), тогда как позднее на провинциальном уровне о возрождении старопромышленной базы говорили реже, а на окружном и вовсе практически перестали после 2005 г.¹¹¹ Вместо этого чиновники городов окружного уровня концентрировались на специфических

местных задачах (например, в Фусине — на «трансформации экономики»¹¹⁴). Некоторое оживление риторики относительно комплексного регионального развития наблюдалось с 2014 г. и оказалось связанным с появлением концепции «Один пояс, один путь». В годовых отчётах местных правительств данная концепция сосуществовала с дискурсом возрождения старопромышленной базы, а, например, в Фусине в 2015 г. упоминалась в два раза чаще, чем более старая программа¹¹⁵. С того же времени власти Северо-Восточного Китая активно подхватили новую повестку Пекина и выдвинули целый ряд региональных проектов международного сотрудничества¹¹⁶.

Таким образом, период активного участия региональных властей в стратегии возрождения старопромышленной базы подошёл к концу. Подведение его итогов требует глубокого анализа действий руководства, с использованием документов, в настоящий момент недоступных для исследователя. Сейчас лишь можно сделать вывод, что изначально инициатива в проведении Стратегии определялась Центром и соответствовала его задачам (выравнивание региональных диспропорций развития, оздоровление экономики путём реструктуризации госсектора). Местные власти были заинтересованы прежде всего в получении преференций и финансовых вливаний, причём желательно без резких действий, чреватых острыми социальными проблемами. На определённом этапе интеграция в повестку Центра давала им возможность получить искомое. На некоторых территориях за счёт действий отдельных чиновников удавалось эффективно осуществить реновацию экономики, и достигаемые результаты соответствовали ожиданиям Пекина.

В то же время неудача Стратегии в масштабах региона с политической точки зрения может быть объяснена целым рядом причин. Это и ограниченность эффективности существующих политических программ, и побочные эффекты практики

ротации руководящих кадров (нацеленность на создание видимости результатов, а не проведение болезненных преобразований), и региональный протекционизм, и сопротивление местной элиты смене модели экономического развития региона, основанное на локальной идентичности. Все эти проблемы актуальны и для нового руководства региона. К ним следует прибавить и ещё ряд факторов, заметных на фоне замедления темпов экономического роста в Китае. О них речь пойдёт ниже.

Актуальные проблемы, стоящие перед региональными властями Северо-Восточного Китая

В настоящий момент власти периферийных регионов КНР оказались в непростой ситуации. С одной стороны, от руководства провинций ожидают выправления темпов социально-экономического развития, заметно просевших даже по сравнению с общенациональными. С другой стороны, учитывая кризис лояльности населения по отношению к правящей партии и сложную ситуацию в межфракционной борьбе¹¹⁷, особое внимание начало уделяться социальной стабильности и недопущению массовых беспорядков. Наконец, изменение запросов общества привело к тому, что общественное мнение стало чувствительно к вопросам загрязнения окружающей среды и коррупции, которые сопровождали успешное развитие Китая в 1990—2000-х гг. и которые в каком-то смысле являются его неотъемлемыми составляющими. Бурная информатизация (мобильный интернет, мессенджеры, микроблоги) сделала возможным молниеносное распространение информации о любых просчётах власти, что ещё более осложнило положение чиновников.

В результате регионы находятся под прессом завышенных ожиданий со стороны Центра, но не имеют достаточно финансовых ресурсов для их выполнения¹¹⁸. По итогам фискальной реформы 1994 г. (об основных тенденциях в центр-региональных отношениях и предпосылках изменения фискальной политики Пекина см. главу 1) поступления от налогов в центральный бюджет возросли, а в региональные — сократились. Между тем бремя социальных расходов на подведомственных территориях, включая содержание обширной социальной инфраструктуры, созданной при ныне убыточных госпредприятиях, легло на местные власти¹¹⁹. Уменьшить объём трат региональные бюджеты не могут, так как только постоянные расходы способны обеспечить выполнение ключевых показателей эффективности руководства провинций, о которых говорилось выше. Для пополнения регионального бюджета стали использоваться три категории финансовых поступлений: местные налоги; субсидирование со стороны государственного бюджета в виде трансфертов под осуществление конкретных программ регионального развития; кредитование со стороны государственных финансовых институтов, а также LGFV (local government financial vehicles) — специальных компаний, которые принадлежат местным правительствам, кредитуются госбанками и могут издавать облигации¹²⁰.

Заемствования направлены на продолжение «большой стройки» (расширение сети автомобильных и железных дорог, системы внутренней авиации, увеличение площади городской застройки). Это позволяет загрузить избыточные производственные мощности и обеспечить работой имеющиеся трудовые ресурсы, т.е. обеспечить социальную стабильность, сохранение которой и является приоритетной задачей правящего режима. Злоупотребление «плохими долгами», возникшими вследствие использования инструментов LGFV, привело

к нарастанию долгов местных правительств¹²¹. Наиболее тяжёлая ситуация в абсолютном исчислении сложилась в Ляонине: на конец 2016 г. долг здесь составлял 852,5 млрд юаней¹²² (287% от годовых фискальных доходов¹²³). Впрочем, в относительном исчислении процент долга к провинциальным доходам выше в Цзилини, а в целом показатели Северо-Восточного Китая по соотношению долгов к доходам лучше, чем в самых бедных провинциях КНР: Цинхае и Гуйчжоу¹²⁴.

Для того чтобы избавиться от бремени госсектора, Центр требовал от регионов жёстких мер. Так, в ходе «двух сессий» 2016 г. китайское руководство заявило о том, что в течение двух лет должно быть уволено 6 млн работников убыточных производств, из них 1,8 млн — в угледобыче и производстве стали¹²⁵. В конце 1990-х гг. в рамках предыдущей реформы госсектора работу потеряли около 40 млн человек¹²⁶, причём 28 млн из них приходилось на производство и добычу ресурсов¹²⁷. Тогда негативные последствия удалось преодолеть за счёт феноменально быстрого роста экономики. Сейчас ситуация изменилась, однако Центр требует от регионов держать безработицу на уровне 4,5%¹²⁸. Решению данной проблемы должна способствовать экспансия китайского капитала вовне и связанные с этим инфраструктурные проекты — основное экономическое содержание инициативы «Пояса и Пути»¹²⁹.

Чего же ещё требует Центр от местных властей? Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, ключевое значение для регионов имеет интеграция в магистральную стратегию развития, которая декларируется на уровне высшего руководства страны. Требования к регионам корректируются в ходе высших партийных и государственных форумов. Так, в ходе «двух сессий» в марте 2016 г. было объявлено, что ради повышения эффективности региональной экономики придётся идти на жёсткие меры, которых так старательно избегало предыдущее

поколение китайских руководителей. Работу местных властей больше не будут оценивать по ежегодным показателям роста ВВП. Вместо этого в рамках 13-й пятилетки поставлена задача достичь до 2020 г. средних темпов роста ВВП не менее 6,5% в год¹³⁰. Это позволит руководству провинций отвлечься от гонки за статистическими показателями «здесь и сейчас» и заняться нужной, хотя и болезненной, реструктуризацией экономики. Прежде всего — госсектора, что также является одной из приоритетных задач пятилетки, за выполнение которой будут спрашивать с местных властей¹³¹. На более низких уровнях управления местными руководителями и раньше могли применяться новаторские подходы: например, в уже упоминавшемся исследовании Р. Хассинка и Ху Сяохуя отмечается, что мэр г. Цзаочжуан Чэнь Вэй ориентировал своих подчинённых на смену фокуса с ВРП (GDP-ism) на инновативность и экологичность экономического развития (greenism)¹³².

Ещё более важным критерием становится сохранение общественной стабильности. 23 марта 2016 г. канцелярии ЦК КПК и Госсовета опубликовали регламент, устанавливающий личную ответственность чиновников за протестные акции на подведомственной им территории¹³³. Теперь чиновники должны не допускать народных волнений, в противном случае им грозит увольнение.

После прихода к власти Си Цзиньпина важным фактором в деятельности местных властей стала антикоррупционная кампания. Учитывая, что одной из её основных негласных целей является борьба с политическими оппонентами, логично, что Северо-Восточный Китай, с которым были связаны карьеры Бо Силая, Сунь Чжэнцзя и ряда видных представителей «комсомольской группировки», стал одним из главных объектов внимания со стороны партийной Центральной комиссии по проверке дисциплины¹³⁴.

О наиболее громких расследованиях, связанных с коррупцией, уже говорилось выше. Общая картина проведения кампании в 2012—2016 гг. представлена в табл. 8—10. Отметим, что кампания приобретает широкий масштаб начиная с 2014 г., при этом пров. Ляонин является единственной, где пик числа расследований пришёлся на 2015 г. (что связано с началом «разгрома» прежнего руководства провинции). Также именно в Ляонине вплоть до 2016—2017 гг. кампания сохраняла свой накал, притом что в двух других северных провинциях уже к 2016 г. наблюдался его заметный спад.

Пров. Хэйлунцзян заметно выделяется по масштабу хищений, однако из 805 млн юаней более 800 приходится на долю всего одного человека — председателя харбинского филиала Банка Китая Гао Шаня¹³⁵. В 2014 г. он был осуждён и приговорён к 15 годам тюремного заключения¹³⁶. Вопреки расхожему стереотипу, смертная казнь в отношении коррупционеров не применяется. Согласно китайскому законодательству смертная казнь может быть отложена на срок до двух лет. Как правило,

Таблица 8

Общее число антикоррупционных расследований в Северо-Восточном Китае (2012—2016)¹³⁷ и сумма средств, полученных посредством взяток и злоупотребления служебным положением¹³⁸

Провинция	Кол-во расследований в год				Итого кол-во расследований по провинции за 6 лет	Сумма средств, полученных посредством взяток и злоупотребления служебным положением, в юанях
	2012—2013	2014	2015	2016		
Ляонин	13	21	25	19	78	23 657 600
Хэйлунцзян	5	25	19	5	49	805 412 500
Цзилинь	3	13	24	7	37	63 417 590

Таблица 9

Результаты антикоррупционной кампании в СВК (2012–2016). Чиновники уровня выше вице-министерского и военные званием выше генерал-майора, в отношении которых велось расследование или были предприняты дисциплинарные меры

Провинция	Имя	Должность	Дата начала расследования	Итого (чел. по провинции)
Ляонин	Чэнь Тесинь	зам. пред. НПКС	24.07.14	6
	Ван Айго	нач. деп. логистики Шэнь-янского военного округа	01.01.15	
	Су Хунчжан	глава политико-правового комитета парткома	04.06.16	
	Ван Минь	член ВСНП, бывший секретарь парткома	04.03.16	
	Ван Ян	зам. пред. ПК СНП	16.03.16	
	Инь Лян	член ПК СНП	23.09.16	
Хэйлунцзян	Коу Те	бывш. командующий пров. воен. округом	01.11.14	7
	Суй Фэнфу	зам. пред. ПК СНП	27.11.14	
	Чжан Дайсин	зам. ком. пров. воен. округа	01.12.14	
	Хань Сюэцзянь	секретарь парткома г. Дацин	22.12.14	
	Гао Шань	директор харбинского филиала Банка Китая	13.02.15	
	Гао Жуйинь	зам. пред. ПК СНП	08.12.15	
	Чжан Цзинчуань	член ПК СНП	18.11.16	
Цзилинь	Гу Чуньли	вице-губернатор	08.01.15	2
	Сюй Цзянь	председатель корпорации «Первый автозавод»	15.03.15	

по экономическим статьям, к которым относится и коррупция, даётся отсрочка. При этом, если преступник за время отсрочки не совершил «умышленных преступлений» (сидя в тюрьме!), высшая мера заменяется на пожизненное заключение. Среди чиновников Северо-Восточного Китая ни один фигурант указанных расследований не был осуждён на смертную казнь. И только 10 человек из 164, рассмотренных нами, были приговорены к тюремному заключению. Остальные же «отделались» исключением из партии, понижением по службе или денежными штрафами (см. табл. 10).

Как видно из представленных сведений, масштаб и характер антикоррупционной кампании не стоит преувеличивать, однако значимым фактором политического процесса она остаётся. Её инициаторы решают две задачи: устранение препятствий на пути централизации власти со стороны Си Цзиньпина¹³⁹, а также создание медийного эффекта, направленного на восстановление доверия общества к правящему режиму.

Для региональной элиты призывы к «оздоровлению политической экологии» являются фактором, затрудняющим эффективную работу из-за повышенного внимания со стороны партийных структур по проверке дисциплины и правоохранительных органов. Власти Северо-Восточного Китая к середине второй половины 2010-х гг. оказались практически в патовой ситуации. Им одновременно нужно обеспечить достойный уровень роста макроэкономических показателей, провести болезненную реструктуризацию госсектора и долгов местных правительств, и при этом не допустить осложнения социальной стабильности и нарушений «политической экологии».

Таким образом, если 1980—1990-е гг. стали временем трансформации и становления системы власти и управления на местах, то в 2003—2016 гг. в работе данной системы проявился целый ряд кризисных явлений. Это коррупция, фальсификация

Таблица 10

**Результаты антикоррупционной кампании в СВК (2012—2016).
Чиновники и крупные бизнесмены, приговорённые к тюремному заключению**

Провинция	Статус	Имя	Должность	Итого (чел. по провинции)
Ляонин	ганьбу	Ши Ляньвэнь	директор Ляонинской телерадиокомпании	4
		Чжан Сяопу	зам. пред. ПК СНП	
		Чжан Дунъян	глава прокуратуры	
	бизнес	Сюй Мин	руководитель компании «Шидэ»	
Хэйлунцзян	ганьбу	Чжан Дайсин	зам. ком. пров. воен. округа	4
		Чжан Шубинь	секретарь парткома города Цзямусы	
	бизнес	Гао Шань	директор харбинского филиала Банка Китая	
		Ли Дунчжэ	руководитель харбинского филиала компании «Beijing Century»	
Цзилинь	ганьбу	Тянь Юйлинь	мэр г. Тунхуа	2
	бизнес	Тянь Сюэжэнь	пред. Банка Цзилини	

отчётности, саботаж директив Центра, рост долгов местных правительств. При реализации стратегии возрождения старопромышленной базы проявилась неэффективность всей системы регионального управления. Нынешнее руководство КНР намерено выйти из кризиса путём замены местных лидеров на лояльные кадры, «закручивания гаек» в плане дисциплины

и усиления вертикали власти. Представляется, что такой подход вполне может решить задачу стабильности существующего режима, но не способен обеспечить опережающее социально-экономическое развитие отстающего периферийного региона.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С некоторыми оговорками для районов национальной автономии. См.: Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК в северо-восточных провинциях КНР (1978—2002 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 198 с.

² Наиболее полное исследование существующей политической системы КНР — монография, выполненная коллективом ИДВ РАН в 2004 г. (Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI в. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 477 с.), во-первых, выпущена более 10 лет назад, во-вторых, сфокусирована в основном на устройстве центральных органов власти и поэтому раскрывает тему устройства региональной системы управления по остаточному принципу.

³ Подробнее о концепции «поколений руководителей КНР» см.: Li Cheng. Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership. Washington: Brookings Institution Press, 2016. 528 p.; China's Changing Political Landscape: Prospects for Democracy / ed. by Li Cheng. Washington: Brookings Institution Press, 2016. 342 p.

⁴ К их числу относят являвшихся членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Цзэн Цинхуна, Цзя Цинлина, Хуан Цзюя, Ло Ганя и др. См.: Lampton D. Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping. Berkely: University of California Press, 2014. P. 173; Li Cheng. Chinese Politics... P. 258—261.

⁵ Подобной точки зрения придерживаются, например, посол России в КНР А. Денисов (У России не было той же возможности, что и у Китая. Интервью посла России в КНР А.И. Денисова. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/10/24/ambassador> (дата обращения: 15.11.2018)), вице-президент Фонда Карнеги «За международный мир» Д. Паал (К концу правления Ху Цзиньтао коррупция достигла ужасных размеров.

Интервью Дугласа Паала. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3096246> (дата обращения: 15.11.2018)), глава Азиатской программы Московского центра Карнеги А. Габуев (Вперёд к застою. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2235270> (дата обращения: 15.11.2018)).

⁶ Под политическим процессом мы понимаем сложный, комплексный процесс функционирования политической власти, осуществления управления обществом. Понятие динамики политического процесса характеризует деятельность средств политической власти (государственных институтов, политических партий и т.д.), учитывает действие различных факторов, оказывающих влияние на формирование политики. Практика политического процесса (политическая практика) — это методы управления обществом, определяемые политическими институтами (Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы). М.: Наука: Восточная литература, 1993. С. 7).

⁷ См., например: Bergsten C.F. et al. Rise of China: Challenges and Opportunities. Washington: Petersen Institute, 2008. P. 121.

⁸ «Комсомольская группировка» («туаньпай» 团派) — предполагаемая фракция внутри КНР, объединяющая номенклатуру, имеющую опыт работы в китайском комсомоле, в том числе под руководством Ху Цзиньтао, когда тот был первым секретарём этой организации. Как считается, «комсомольцы» составляют «популистскую фракцию» и отражают интересы регионов страны, в том числе отстающих в экономическом развитии. Среди иностранных учёных наиболее авторитетным последователем данной концепции является Ли Чэн (см.: Li Cheng. Chinese Politics...; China's Changing Political Landscape...; Li Cheng, Balin Z. Xi All Power? What Trump Needs to Know about Chinese Politics. URL: <http://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2085000/xi-all-powerful-what-trump-needs-know-about-chinese-politics> (дата обращения: 15.11.2018)). Если говорить о работах российских авторов, то данная концепция лежит в основе компилятивного текста Николая Вавилова (см.: Вавилов Н. Некороннованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР. СПб.: Карпе Дием, 2016. 207 с.), также она использовалась в научно-популярном проекте Александра Габуева «Масти китайской власти» (Габуев А. Масти китайской власти. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2047342> (дата обращения: 15.11.2018)). В официальных китайских документах эта концепция не употребляется.

- ⁹ China's Core Executive: Leadership Styles, Structures and Processes under Xi Jinping / ed. by S. Heilmann and M. Stepan // MERICS Papers on China. 2016. No. 1. P. 20.
- ¹⁰ Критике методов анализа процессов в китайской элите посвящены работы Зуенко И.Ю. Фракционная борьба в КПК на современном этапе. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/32215/> (дата обращения: 15.11.2018); Зуенко И.Ю. Китайская политика в эпоху Си Цзиньпина: переоценка принципа коллективного руководства // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 231—236.
- ¹¹ China's Core Executive... P. 17.
- ¹² Составлено по: 中国共产党新闻网 = Новостная сеть Коммунистической партии Китая. URL: <http://cpc.people.com.cn/> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹³ По состоянию на май 2015 г. в постоянном комитете парткома Ляонина 12 членов, Хэйлунцзяна — 13, Цзилини — 13. Однако в пров. Цинхай, например, 15 членов. См.: 中国共产党新闻网 = Новостная сеть Коммунистической партии Китая...
- ¹⁴ В русскоязычной литературе также распространён термин «первый секретарь», восходящий к практике КПСС, однако, учитывая, что в китайском языке однозначно употребляется термин 书记 *шуйцзи* — «секретарь», без какого-либо указания на его «очерёдность», корректным представляется использование термина «секретарь» и на русском языке. При этом название должности, стоящей на уровень ниже в организационной иерархии — 副书记 *фушуйцзи*, — следует переводить как «заместитель секретаря». Как правило, в провинциальных парткомах у секретаря два заместителя: один занимает этот пост автоматически, будучи главой местного народного правительства, второй работает только в парткоме и при этом обозначается термином 专职书记 *чжуйаньчжи шуйцзи* — «специальный секретарь».
- ¹⁵ Согласно ст. 97 Конституции КНР собрания народных представителей формируются на всех уровнях административно-территориального деления (волостной — уездный — окружной — провинциальный — национальный), причём только на низовых уровнях их формирование проводится в виде прямых общенародных выборов. В дальнейшем вышестоящие СНП избираются из числа депутатов нижестоящих собраний. С 2013 г. депутаты от сельских и городских районов избираются на равных условиях, тогда как раньше

горожане имели преференции. 中华人民共和国宪法全文 = Полный текст Конституции КНР. URL: <http://news.newsxc.com/folder696/2014-12-04/200429.html> (дата обращения: 15.11.2018).

- ¹⁶ Съезды СНП и ВСНП начали проводиться в 1954 г. в соответствии с положениями первой Конституции КНР. При этом в годы «культурной революции» работа СНП—ВСНП была прекращена. Начиная с первого съезда после окончания «культурной революции» — в марте 1978 г. (5-й созыв) — съезды всегда проводились строго раз в пять лет. Таким образом, общее правило заключается в том, что съезды ВСНП проводятся в годы, которые оканчиваются на цифры «3» и «8»: 2003 г. — 10-й созыв, 2008 г. — 11-й созыв, 2013 г. — 12-й созыв, 2018 г. — 13-й созыв. Соответственно, партийные съезды проводятся в годы, которые оканчиваются на цифры «2» и «7», при этом месяц может варьироваться.
- ¹⁷ Местные народные правительства находятся в двойном подчинении: они подотчетны как вышестоящим НП (в случае с провинциальными НП это Госсовет), так и СНП соответствующих ступеней (ст. 105 Конституции). Фактически же деятельность НП контролируется парткомами не только из-за того, что глава правительства подчиняется секретарю парткома, но и потому, что членами партии является большая часть руководителей местного уровня, и формально ротация региональных руководителей осуществляется именно по партийной, а не административной линии. В каждом китайском ведомстве, не исключая и департаментов народного правительства, существуют месткомы, секретари которых (чаще всего это руководители этих ведомств) отвечают за работу своих организаций перед своим руководством по партийной линии.
- ¹⁸ Кондрашова Л.И. Реформа административно-территориального устройства КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 76.
- ¹⁹ Округа (地区) — единицы внутривинциального деления, в которых не создавались органы госвласти, а действовали делегированные провинциальной администрацией «уполномоченные управления» (专员公署 *чжуаньяоань гуншу*).
- ²⁰ При этом и сами посёлки могли ликвидироваться с присоединением их территорий к городам в качестве кварталов (эта тенденция видна на примере пров. Цзилинь — см. табл. 2).
- ²¹ Составлено по: 行政区划 = Административно-территориальное деление. URL: www.xzqh.org (дата обращения: 15.11.2018).

- ²² Первый уровень административно-территориального деления — провинциальный (провинции, города центрального подчинения, автономные районы, особые административные районы). При этом де-факто существующий второй уровень (окружной) формально не закреплён в действующей Конституции КНР (ст. 30).
- ²³ 民政部关于同意黑龙江省撤销东宁县设立县级东宁市的批复。民函〔2015〕361号 = Резолюция Министерства гражданской администрации КНР о согласии на ликвидацию в пров. Хэйлуунцзян уезда Дуннин и учреждение г. Дуннин. Резолюция Министерства гражданской администрации КНР № 361, 2015 г. URL: <http://www.xzqh.org/html/show/hl/37665.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ²⁴ 民政部关于同意黑龙江省撤销抚远县设立县级抚远市的批复。民函〔2016〕14号 = Резолюция Министерства гражданской администрации КНР о согласии на ликвидацию в пров. Хэйлуунцзян уезда Фуюань и учреждение г. Фуюань. Резолюция Министерства гражданской администрации КНР № 14, 2016 г. URL: <http://www.xzqh.org/html/show/hl/37722.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ²⁵ 国务院关于同意黑龙江省调整哈尔滨市部分行政区划的批复。国函(2006)73号 = Резолюция Госсовета КНР о согласии на реструктуризацию административно-территориального устройства г. Харбин пров. Хэйлуунцзян. Резолюция Госсовета № 73, 2006 г. URL: <http://www.xzqh.org/html/show/hl/24089.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ²⁶ 2013年黑龙江省行政区划 = Административно-территориальное устройство пров. Хэйлуунцзян в 2013 г. URL: <http://www.xzqh.org/html/show/hl/34660.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ²⁷ Данный статус (国家级新区 *гоцзяцзи синьцюй*) впервые получен новым районом Пудун в Шанхае в 1992 г., что означало выведение администрации района из-под подчинения городским властям и замыкание её напрямую на вышестоящий уровень. С 2010 г. эксперимент по внедрению аналогичной практики управления для наиболее перспективных с точки зрения развития экономики районов применяется по Китаю повсеместно. К 2018 г. было создано 19 «новых районов государственного уровня», в том числе район Цзиньпу (Пуляндянь) в Даляне и районы Синьцюй (Новый) в Харбине и Чанчуне. См.: 关于促进国家级新区健康发展的指导意见 = Руководящее мнение о стимулировании создания и развития новых районов государственного значения. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbtz/201504/>

t20150423_689064.html (дата обращения: 15.11.2018); 国家级新区 = Новые районы государственного значения. URL: <http://baike.baidu.com/item/国家级新区> (дата обращения: 15.11.2018).

²⁸ Очередная подобная кампания была начата после сессии ВСНП в марте 2018 г., она находится вне фокуса нашего внимания. В целом же, согласно выводам Ван Цюня и Цяо Яочжана, административные реформы предпринимались в КНР неоднократно: трижды в период до начала экономических реформ (1954—1956, 1959—1961 и 1968—1970) и после начала экономических реформ: в 1982, 1988, 1993, 1998 и в указанные в тексте годы. Wang Qun. Administrative Reform in China: Past, Present, and Future. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=25406706812602200012700008701708910502201403802100200510812507502802007300012507712003303601803412200006002911500300409401000702508502807706010408909511002307902307101404208512307010406611412108503100311111512711910807612601707910907701119125101068029&EXT=pdf> (дата обращения: 05.03.2019).

²⁹ Ibid. P. 113.

³⁰ Bulman D. Incentivized Development in China. Leaders, Governance, and Growth in China's Counties. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 216; Guo Baogang. New Trends in China's Administrative Reforms. URL: http://www.chinacenter.net/2014/china_currents/13-2/new-trends-in-chinas-administrative-reform (дата обращения: 15.11.2018).

³¹ Анализ см., например: Трощинский П.В. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты // Управленческое право. 2014. № 12. С. 1267.

³² 辽宁组建省商务厅 = Ляонин создаёт провинциальный Департамент коммерции. URL: http://www.sohu.com/a/554445930_161351 (дата обращения: 15.11.2018).

³³ Бородич Б.Ф., Виноградов А.В., Трощинский П.В. 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 5—65.

³⁴ 辽宁省卫生和计划生育委员会主要职责内设机构和人员编制规定 = Функциональное и организационно-штатное расписание Ляонинского провинциального комитета по здравоохранению и планированию рождаемости. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfjg/szfzcbm/201702/t20170206_2783011.html (дата обращения: 15.12.2018).

- ³⁵ 辽宁省新闻出版广电局主要职责内设机构和人员编制规定 = Функциональное и организационно-штатное расписание Ляонинского провинциального управления по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfjg/zsjg/201702/t20170206_2783019.html (дата обращения: 15.11.2018).
- ³⁶ 辽宁省海洋与渔业厅主要职责内设机构和人员编制规定 = Функциональное и организационно-штатное расписание Ляонинского провинциального департамента по морским делам и рыболовству. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfjg/szfzcbm/201702/t20170206_2783008.html (дата обращения: 15.11.2018).
- ³⁷ Согласно положениям «Закона о государственной службе» от 1 января 2006 г. в КНР используется система иерархии административных должностей. Фактически она была установлена в 1993 г. Временным положением о государственных служащих. В соответствии с этой системой выделяется пять категорий административных должностей, каждая из которых подразделяется ещё на две: полноценную 正 чжэн, и вице-должность 副 фу. Эти категории соответствуют рангам государственной службы: от 1-го (председатель КНР и премьер Госсовета) до 27-го (клерк). Первые четыре ранга соответствуют высшим категориям государственных должностей (до уровня вице-премьеров Госсовета). Далее по значимости — должности в руководстве министерств и провинций («уровень министерств и провинций»). Ниже — должности в руководстве ведомств, образующих провинциальное народное правительство или подчиняющихся ему (они обычно называются «департамент» (厅 тин) или «управление» (局 цзюй), но могут иметь и другое наименование: комитет, канцелярия и т.д.). Ещё более низкий статус имеют должности в руководстве ведомств уездного уровня, которые чаще всего называются «отдел» (处 чу). Далее — должности в руководстве ведомств волостного и поселкового уровня, которые в основном называются «отделение» (科 кэ). Данная система используется при проведении ротации руководящих кадров, а также при определении заработной платы чиновников. Административно-территориальные единицы, которым был присвоен особый статус с целью стимулирования в них социально-экономического развития, повышаются в данной иерархии на одну ступень (города субпровинциального значения, города субокружного значения, «новые районы

субуездного значения», города, отдельно указываемые в Госплане — «цзихуа даньлеши»). Подробнее см.: Гудошников Л.М. *Метаморфозы государственной службы в Китае*. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/metamorfozy-gosudarstvennoy-sluzhby-v-kitae> (дата обращения: 15.11.2018); Зуенко И.Ю. *Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 5. С. 30—46; Burns J. *Civil Service Reform in China*. URL: <http://www.oecd.org/governance/budgeting/44526166.pdf> (дата обращения: 15.11.2018); Liang Qiao. *Performance, Preference, Promotion: Political Mobility of Chinese Regional Leaders: doctoral dissertation*. Baton Rouge: Louisiana State University, 2012. 277 p.; 最新《中华人民共和国公务员法》全文 = Новейший полный текст «Закона КНР о государственной службе». URL: <http://www.yjbys.com/gongwuyuan/show-537141.html> (дата обращения: 15.11.2018).

³⁸ 黑龙江省逐步推进机构改革 多部门撤并 = Пров. Хэйлунцзян постепенно реформирует административный аппарат, несколько ведомств подверглось слиянию. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/8198/157649/157655/9442322.html> (дата обращения: 15.11.2018).

³⁹ Егоров К.А. Указ. соч. С. 9.

⁴⁰ Составлено по: Трощинский П.В. Указ. соч. С. 1264—1270; 辽宁省人民政府 = Официальный сайт народного правительства пров. Ляонин. URL: <http://www.ln.gov.cn> (дата обращения: 15.11.2018); 黑龙江省人民政府 = Официальный сайт народного правительства пров. Хэйлунцзян. URL: <http://www.hlj.gov.cn> (дата обращения: 15.11.2018); 吉林省人民政府 = Официальный сайт народного правительства пров. Цзилинь. URL: <http://www.jl.gov.cn> (дата обращения: 15.11.2018); 2003年国务院组织机构 = Организационная структура Госсовета КНР в 2003 г. URL: http://www.china.com.cn/guoqing/2013-03/10/content_28191119.htm (дата обращения: 15.11.2018); 辽宁省人民政府机构改革方案 = План реформы структуры народного правительства пров. Ляонин. URL: <https://wenku.baidu.com/view/d3fd15fa770bf78a652954df.html> (дата обращения: 15.11.2018); 辽宁启动大部门体制改革 设置42个工作部门 = Ляонин начал структурную реформу административной

системы, образовано 42 ведомства. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/14562/9039424.html> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴¹ Wang Qun. *Op. cit.* P. 109.

⁴² *Ibid.* P. 111.

⁴³ 辽宁启动市县一级政府的机构改革 = Ляонин продвигает административную реформу на уровне городов и уездов. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/14562/9196061.html> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴⁴ 吉林省政府机构改革: 精简机构16%全面推动职能转变 = Административная реформа народного правительства пров. Цзилинь: аппарат сокращён на 16%, изменены его функции. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/8682613.html> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴⁵ Новая структура народного правительства пров. Ляонин была утверждена в 2014 г.: 25 ведомств, образующих народное правительство, 1 особое ведомство, подчиняющееся народному правительству (комитет по управлению госимуществом), 13 ведомств, находящихся в подчинении народному правительству, и 11 иных ведомств в статусе «вице-департаментов» (副厅级), итого 50 ведомств. 辽宁省人民政府 = Официальный сайт народного правительства пров. Ляонин. URL: <http://www.ln.gov.cn> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴⁶ Структура народного правительства пров. Хэйлуцзян: 26 ведомств, образующих народное правительство, 1 особое ведомство (комитет по управлению госимуществом), 14 ведомств, находящихся в подчинении НП, и 9 иных ведомств в статусе «вице-департаментов» (副厅级), итого 50 ведомств. 黑龙江省人民政府 = Официальный сайт народного правительства пров. Хэйлуцзян. URL: <http://www.hlj.gov.cn> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴⁷ Структура народного правительства пров. Цзилинь: 23 ведомства, образующих народное правительство, 1 особое ведомство, 16 ведомств, находящихся в подчинении НП, и 14 иных ведомств в статусе «вице-департаментов» (副厅级), итого 56 ведомств. 辽宁省人民政府 = Официальный сайт народного правительства пров. Цзилинь. URL: <http://www.jl.gov.cn> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴⁸ Liang Qiao. *Op. cit.* P. 54.

⁴⁹ *Ibid.* P. 38.

⁵⁰ Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 150.

- ⁵¹ Liang Qiao. Op. cit. P. 93.
- ⁵² Ibid. P. 44.
- ⁵³ «Кунцзян ганьбу» (空降干部), что можно также перевести как «ганьбу-десантники», поскольку назначения чиновников в руководство провинций производятся из Пекина. Вообще «ганьбу» — это термин для обозначения партийно-административной номенклатуры, который сейчас, по сравнению с 1950—1990-ми гг., стал значительно менее популярен, однако не исчез полностью. См.: Hu Xiaohui, Hassink R. Place Leadership with Chinese Characteristics? A Case Study of the Zaozhuang Coal-Mining Region in Transition // *Regional studies*. 2017. No. 2 (51). P. 10.
- ⁵⁴ Liang Qiao. Op. cit. P. 46.
- ⁵⁵ Ibid. P. 44.
- ⁵⁶ Так, среди 25 членов Политбюро ЦК КПК 17-го созыва наибольшее число человек находилось в возрасте 65 лет (6 человек), старше 68 лет никого не было, самые младшие члены Политбюро были включены в его состав для полноценной подготовки к передаче им власти по итогам XVIII съезда КПК (53 года — 1 человек, Си Цзиньпин; 52 года — 2 человека, Ли Кэцян и Ван Ян).
- ⁵⁷ Так называемое правило «67 — да, 68 — нет» (七上八下). В 2017—2018 гг. 69-летний Ван Цишань, с одной стороны, не был избран в Политбюро ЦК КПК, с другой стороны, получил важный пост заместителя председателя КНР.
- ⁵⁸ Существует ограничение на число сроков для административных, но не партийных должностей, а в марте 2018 г. было снято конституционное ограничение на пребывание более двух сроков в должности председателя КНР. При этом, согласно существующим негласным практикам, Си Цзиньпин, занимающий этот пост с 2002 г., не будет переизбран XX съездом КПК на пост генсека ЦК КПК, поскольку в 2022 г. достигнет «пенсионного возраста» (69 лет).
- ⁵⁹ Liang Qiao. Op. cit. P. 75.
- ⁶⁰ Здесь, а также в табл. 5 и 6 данные приведены по материалам справочного ресурса 中国名人录 = Кто есть кто в Китае. URL: <http://chinavitae.com> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁶¹ Подробнее см.: Зуенко И.Ю. О статусе городов субпровинциального значения в КНР // *Россия и АТР*. 2012. № 2. С. 145—153.
- ⁶² Данные о высоком уровне коррупции в местах работы Бо Силая в пров. Ляонин и его личной причастности к ней появились ещё в 2002 г.,

однако расследование в отношении него началось только десять лет спустя, в преддверии XVIII съезда КПК. См.: Pomfret J. One Corrupt City Reflects Scourge Plaguening China. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/03/06/one-corrupt-city-reflects-scourge-plaguening-china/88e8f10e-e7af-4b4d-9d03-0d3fc481d326/?utm_term=.119320ba3959 (дата обращения: 15.11.2018).

- ⁶³ «Новая банда четырёх» (по аналогии с «Бандой четырёх», разгромленной в 1976 г.) — группа высокопоставленных функционеров КПК, осуждённых в 2012—2015 гг. К ней относятся Бо Силай (секретарь Чунцина), Чжоу Юнкан (секретарь Политико-юридической комиссии ЦК КПК), Лин Цихуа (заместитель председателя НПКСК, ранее — руководитель Канцелярии КПК), Сюй Цайхоу (заместитель председателя ЦБС КНР).
- ⁶⁴ 薄熙来时代：造就北方的香港大连 = Эпоха Бо Силая: создание северного Гонконга — Даляня. URL: <http://news.163.com/10/0307/17/616KVRPS000145TH.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁶⁵ 辽宁2015年GDP增速为3% 创23年以来最低值 = По итогам 2015 г. темпы роста ВВП в Ляонине достигли 3%, это самые низкие показатели за 23 года. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/1092939.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁶⁶ 2016年GDP增速排行：重庆居首达10.7% 辽宁负增长 = Темпы роста ВВП в 2016 году: Чунцин достиг 10,7%, Ляонин перешёл к рецессии. URL: <http://economy.caijing.com.cn/20170207/4230994.shtml> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁶⁷ Ван Миню оказывал поддержку Ли Юаньчао — один из ключевых лидеров фракции «туаньпай», в прошлом руководитель Орготдела ЦК КПК, знакомый ему по работе в провинции Цзянсу. См.: Li Cheng. Chinese Politics... P. 294.
- ⁶⁸ Jing Li. Liaoning's Communist Party Secretary Wang Min Eyes His Politburo Prize. URL: <http://www.scmp.com/news/china/article/1053911/liaonings-communist-party-secretary-wang-min-eyes-his-politburo-prize> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁶⁹ China Launches Probe of Politician Who Helped Set Policy in Rust Belt. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-launches-probe-of-politician-who-helped-set-policy-in-rust-belt-1457089399> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁷⁰ Choi Chi-Yuk. Behind the NPC Vote-buying Scandal: How Beijing Went on the Warpath after Its Preferred Candidates Lost. URL: <http://www.>

scmp.com/news/china/policies-politics/article/2024604/behind-npc-vote-buying-scandal-how-beijing-went-warpath (дата обращения: 15.11.2018).

⁷¹ Tang F. Chinese Province Admits to Cooking its Books. URL: <http://www.scmp.com/news/china/economy/article/2063125/liaoning-governor-confirms-economic-data-faked-2011-2014> (дата обращения: 15.11.2018).

⁷² Choi Chi-Yuk. Op. cit.

⁷³ Lam W. The Rise of the Military-space Faction // The Jamestown Foundation China Brief. 2014. No. 18. P. 4—7.

⁷⁴ По итогам XIX съезда в 2017 г. Ли Чжаньшу вошёл в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, а спустя полгода стал председателем Постоянного комитета ВСНП.

⁷⁵ Близость Лу Хао к «гуаньпай» и Ху Цзиньтао не вызывает сомнений даже у критиков фракционного подхода к изучению верхушки КПК. До своего назначения на пост губернатора пров. Хэйлунцзян Лу Хао являлся руководителем пекинской зоны развития высших технологий «Чжунгуаньцунь», в качестве вице-мэра Пекина курировал проведение пекинской Олимпиады и руководил китайским комсомолом. С Ли Кэцяном его объединяет не только альма-матер (Пекинский университет), но и научный руководитель. К «туаньпай» относился и его партийный шеф в Хэйлунцзяне Ван Сянькуй в 2013—2017 гг. Li Cheng. Chinese Politics... P. 286—287.

⁷⁶ Buckley C. Official Admits He Gave Misleading Account of Chinese Miners' Plight // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2016/03/14/world/asia/china-heilongjiang-governor-mine-protest.html?_r=1 (дата обращения: 15.11.2018); 黑龙江煤矿工人讨薪 省长陆昊出面“灭火” = Шахтёры Хэйлунцзяна требуют зарплату, у губернатора Лу Хао большие проблемы. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/china/2016/03/160313_china_miner_protest (дата обращения: 15.11.2018).

⁷⁷ Lam W. The Rise of the Military-space Faction... P. 4—7.

⁷⁸ National Bureau of Statistics of China. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 15.11.2018).

⁷⁹ Существует мнение, что перевод Ван Миня вызван не повышением, а попыткой его покровителей в Орготделе ЦК КПК (прежде всего, Ли Юаньчао) вывести Ван Миня из-под критики в связи с протестными выступлениями работников сталелитейного завода в 2009 г. См.: Jing Li. Op. cit.

- ⁸⁰ В мае 2018 г. Сунь Чжэнцай был приговорён к пожизненному заключению за получение взятки размером 170 млн юаней.
- ⁸¹ Lam W. A Threat to Xi? The Emergence of China's Wang Qishan Faction. URL: <https://international.thenewslens.com/article/57577> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸² В 2003—2010 гг. Баянкол возглавлял партком г. Нинбо и находился в подчинении Си Цзиньпина, который руководил парткомом пров. Чжэцзян. Это даёт основания относить чиновника к группе сослуживцев Си по пров. Чжэцзян (так называемая «новая чжэцзянская армия»).
- ⁸³ Следует заметить, что наиболее авторитетный в мире специалист по китайской политической элите Ли Чэн записал Баянкола в число сторонников «туаньпай». При этом он придерживается мнения, что «популисты» (туаньпай) и «элитисты» (группировка Цзян-Си) внутри КПК находятся в состоянии не противоборства, а сложного взаимодействия, предполагающего в том числе сотрудничество и взаимодополнение. См.: Li Cheng. Chinese Politics... P. 286; Li Cheng. Xi Jinping's Inner Circle. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Xi-Jinpings-Inner-Circle-Political-Protoges-from-the-Provinces.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸⁴ Dong Lisheng. China's Drive to Revitalize the Northeast. URL: <https://chinaperspectives.revues.org/462> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸⁵ 国务院关于成立国务院振兴东北地区等老工业基地领导小组的决定。国发(2003)28号 = Решение Госсовета о создании Руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз СВК при Госсовете КНР. Документ Госсовета № 28, 2003 г. URL: http://www.gov.cn/zwgk/2005-08/13/content_22275.htm (дата обращения: 15.11.2018); 李克强任国务院振兴东北地区等老工业基地领导小组组长 = Ли Кэцян возглавил Руководящую группу по регулированию и возрождению северо-восточной и других старых промышленных баз при Госсовете КНР. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0708/c1001-22121436.html> (дата обращения: 15.11.2018); 李克强任振兴东北地区等老工业基地领导小组 = Ли Кэцян возглавил Руководящую группу по возрождению северо-восточной и других старопромышленных баз. URL: http://finance.ifeng.com/a/20161117/15014808_0.shtml (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸⁶ Александрова М.В. Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 86—94.

- ⁸⁷ 国家发展改革委东北等老工业基地振兴机构设置 = Устройств-
во Бюро по возрождению северо-восточной и других старых про-
мышленных баз при Госкомитете КНР по развитию и реформе. URL:
<http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zyznjnsjg/> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸⁸ П. 3 гл. 9 Плана возрождения Северо-Востока. См.: 东北地区振兴规
划 = План возрождения Северо-Востока. URL: [http://www.gov.cn/
gzdt/2007-08/20/content_721632.htm](http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content_721632.htm) (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸⁹ Дословно «Совместная конференция глав административных орга-
нов четырёх северо-восточных провинций». Помимо представите-
лей Ляонина, Хэйлунцзяна и Цзилини в ней приняли участие пред-
ставители Автономного района Внутренняя Монголия.
- ⁹⁰ 东北四省区: 在四大领域先行推进一体化发展格局 = Четыре северо-
восточных провинции: продвигать и стимулировать развитие инте-
грации в четырёх областях. URL: [http://www.gov.cn/jrzq/2010-04/16/
content_1583875.htm](http://www.gov.cn/jrzq/2010-04/16/content_1583875.htm) (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁹¹ 东北四省区合作框架协议 = Рамочное соглашение о сотрудничестве
четырёх северо-восточных провинций. URL: [http://www.chinaneast.
gov.cn/2010-04/28/c_13271078.htm](http://www.chinaneast.gov.cn/2010-04/28/c_13271078.htm) (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁹² 2012年东北四省区合作行政首长联席会议在黑瞎子岛召开 = Совме-
стная конференция глав административных органов четырёх северо-
восточных провинций 2012 г. открылась на острове Хэсяцзыдао.
URL: [http://heilongjiang.dbw.cn/system/2012/08/10/054140263_01.
shtml](http://heilongjiang.dbw.cn/system/2012/08/10/054140263_01.shtml) (дата обращения: 15.11.2018); 2013年东北四省区合作行政首
长联席会议在鄂尔多斯召开 = Совместная конференция глав адми-
нистративных органов четырёх северо-восточных провинций 2013 г.
открылась в Ордосе. URL: [http://nm.people.com.cn/n/2013/0818/
c196667-19334153.html](http://nm.people.com.cn/n/2013/0818/c196667-19334153.html) (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁹³ Hu Xiaohui, Hassink R. New Perspectives on Restructuring of Old Indus-
trial Areas in China: A Critical Review and Research Agenda // *Chinese
geographical science*. 2017. No. 1 (27). P. 110—122.
- ⁹⁴ См.: Hu Xiaohui. State-led Path Creation in China's Rustbelt: the Case of Fux-
in // *Regional Studies, Regional Science*. 2014. No. 1. P. 294—300; Hu Xiao-
hui, Hassink R. New Perspectives...; Hu Xiaohui, Hassink R. Place Leader-
ship...; Cai Xuanwei, Xi Youmin. A Social Psychological Perspective on the
Forming of Path Dependence in Old Industrial Regions: the Case of Shanxi
Province in China // *Canadian social science*. 2007. No. 3. P. 21—28; Zhang
Pingyu. Revitalizing Old Industrial Base of Northeast China: Process, Policy
and Challenge // *Chinese geographical science*. 2008. No. 1. P. 109—118.

⁹⁵ Hu Xiaohui. Op. cit. P. 299.

⁹⁶ Ibid. P. 298.

⁹⁷ Ibid; 2005年阜新市政府工作报告 = Годовой отчёт народного правительства г. Фусинь за 2005 г. URL: <http://www.fuxin.gov.cn/fx/zwgk/gzbg/content/99657.html> (дата обращения: 15.11.2018); 2006年阜新市政府工作报告 = Годовой отчёт народного правительства г. Фусинь за 2006 г. URL: <http://www.fuxin.gov.cn/fx/zwgk/gzbg/content/99650.html> (дата обращения: 15.11.2018).

⁹⁸ Чэнь Вэй — мэр Цзаочжуана и заместитель секретаря парткома в 2006—2011 гг. и секретарь парткома в 2011—2015 гг. Примечательно, что, несмотря на явные успехи на посту главы города, Чэнь Вэй в 2015 г. был смещён с должности и исключён из Коммунистической партии Китая в ходе антикоррупционной кампании. Основанием для этого послужили тесные связи Чэня с Лин Цзихуа, руководителем Канцелярии ЦК КПК в 2007—2012 гг. и членом «Новой банды четырёх». См.: Shandong City's Former Party Chief had Ties to Ling Jihua. URL: <http://english.sina.com/china/2015/0209/781780.html> (дата обращения: 15.11.2018).

⁹⁹ Hu Xiaohui, Nassink R. Place Leadership... P. 10.

¹⁰⁰ Ibid. P. 9.

¹⁰¹ Наравне с этой концепцией исследователями реструктуризации «старых промышленных районов» также используются концепции: 1) «создание пути» (path-creation) — формирование новой (или смена прежней) модели развития региона и 2) «лок-ин» (lock-in) — предполагает замкнутость на одной модели развития, когда из всех вариантов выбирается тот, который наиболее соответствует прежней модели. См.: Grabher G. The Weakness of Strong Ties: The Lock-in of Regional Development in the Ruhr Area. London: Routledge, 1993. P. 253—277; Heffernan G.M. Path Dependence, Behavioral Rules, and the Role of Entrepreneurship in Economic Change: the Case of the Automobile Industry // Review of Austrian Economics. 2003. No. 16. P. 45—62; Tödtling F., Trippel M. Like Phoenix from the Ashes? The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas // Urban Studies. 2004. No. 41. P. 1175—1195.

¹⁰² Характерные примеры приводятся в документальном фильме режиссёра Цзя Чжанкэ «Город-24», в котором показывается история авиастроительного завода, в прошлом существовавшего в г. Шэньян. Опрошенные режиссёром рабочие говорят о том, что «раньше

- они были обеспечены всем необходимым, вплоть до того, что один из цехов выпускал свою собственную газированную воду», «родители, работавшие на заводе, были настроены критически по отношению к горожанам не с их предприятия и не хотели, чтобы их сын общался с девушкой со стороны», «сотрудники завода не заметили „культурную революцию“, потому что руководство страны обеспечило бесперебойную работу предприятия и безопасность его сотрудников, проживавших в отдельном квартале». См.: Rosenbaum J. Chinese Displacement. URL: http://cinemaguild.com/homevideo/ess_24city.htm (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁰³ Cai Xuanwei, Xi Youmin. Op. cit. P. 25.
- ¹⁰⁴ Bergsten C.F. et al. Op. cit. P. 79—80.
- ¹⁰⁵ 重磅! 辽宁首次公开确认经济数据造假 = Важно! Ляонин впервые открыто признал фальсификацию статистики. URL: http://share.iclient.ifeng.com/sharenews.f?forward=1&aid=cmp_030010050589578&forward=1&from=timeline&isappinstalled=0&forward=1#backhead (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁰⁶ Huang Zheping. The Chinese Government Finally Admitted that Its Economic Data was Made up. URL: <https://qz.com/887709/chinas-liaoning-province-admitted-that-it-inflated-gdp-figures-from-2011-to-2014/> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁰⁷ Tang F. Op. cit.
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ Иванов С.А. Указ. соч. С. 149.
- ¹¹⁰ Lau M. Xi Tells Liaoning Officials to Clean up Their Political Act and Stop Faking Data. URL: <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2076840/xi-tells-liaoning-officials-clean-their-political-act> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹¹¹ Кроме Фусиня, такие же тенденции были отмечены в Дацине (Хэйлуницзян) и Сыпине (Цзилинь).
- ¹¹² Составлено по: 辽宁省人民政府政府工作 = Отчёты о работе народного правительства пров. Ляонин. URL: <http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfgzbg/> (дата обращения: 15.11.2018); 阜新市人民政府政府工作 = Отчёты о работе народного правительства г. Фусинь. URL: <http://www.fuxin.gov.cn/fx/zwgk/gzbg/list.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹¹³ Начиная с 2004 г. народное правительство пров. Ляонин публиковало годовые отчёты в январе — феврале, таким образом, отчёт, сделанный в 2004 г., фактически является отчётом за 2003 г. и т.д.

- ¹¹⁴ 21 упоминание в годовом отчёте народного правительства в 2006 г. и 16 в 2005 г. на фоне отсутствия упоминаний возрождения старой промышленной базы с последующим снижением до 1—2 упоминаний. См.: 2005年阜新市政府工作报告= Годовой отчёт правительства г. Фусинь за 2005 г. URL: <http://www.fuxin.gov.cn/fx/zwgk/gzbg/content/99657.html> (дата обращения: 15.11.2018); 2006年阜新市政府工作报告= Годовой отчёт правительства г. Фусинь за 2006 г. URL: <http://www.fuxin.gov.cn/fx/zwgk/gzbg/content/99650.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹¹⁵ 2015年阜新市政府工作报告= Годовой отчёт правительства г. Фусинь за 2015 г. URL: <http://www.fuxin.gov.cn/fx/zwgk/gzbg/content/ff80808151c7772d01527b96d964737a.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹¹⁶ Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2016. № 2. С. 4—12.
- ¹¹⁷ На этот счёт существуют различные мнения, включая радикальные оценки американского сиолога Дэвида Шэмбо, называющего КПК «склеротическим и хрупким институтом», а период после 2008 г. — началом крушения КПК, в том числе по причине отсутствия поддержки в обществе. См.: Shambaugh D. The Illusion of Chinese Power. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/the-illusion-of-chinese-power> (дата обращения: 15.11.2018). Более подробно взгляды Шэмбо, получившие даже полуофициальное название «шэмбоизм» (shambaughism), изложены в его книге «Будущее Китая» (Shambaugh D. China's Future. Cambridge: Cambridge, 2016. 196 p.).
- ¹¹⁸ Bergsten C.F. et al. Op. cit. P. 121.
- ¹¹⁹ Ibid. P. 79.
- ¹²⁰ Согласно закону от 1994 г. регионы не только не могли самостоятельно регулировать ставки местных налогов, но и потеряли возможность кредитоваться у банков, а также выпускать облигации. Для обхода законодательства местные правительства стали создавать специальные компании, которые могли и кредитоваться, и выпускать облигации (LGFV). Изначально LGFV активно использовались для получения кредитов под залог земли в ожидании роста цен на недвижимость после завершения масштабных девелоперских проектов. Бум использования этого инструмента связан с финансовым кризисом 2008 г., вернее, с тем, как правительство

- решило с ним бороться. Для оживления экономики регионам было разрешено финансировать инфраструктурные проекты с помощью банковских займов и доходов от облигаций, получаемых с помощью LGFV. В результате к концу 2015 г. совокупный долг местных правительств составил 28 трлн юаней. Wildaw G. China Local Governments Revive Off-budget Fiscal Stimulus. URL: <https://www.ft.com/content/b303f280-7f14-11e6-8e50-8ec15fb462f4> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²¹ Ibid.
- ¹²² 关于辽宁省 2016 年预算执行情况和 2017 年预算草案的报告 = Доклад Министерства финансов КНР о результатах исполнения бюджета пров. Ляонин на 2016 г. и проекте бюджета на 2017 г. URL: <http://www.mof.gov.cn/zhuantihuigu/2017ysbghb/201703/P020170306618994577314.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²³ Stanway D. How One Chinese Region Shows Risks of Relying on Heavy Borrowing. URL: <http://in.reuters.com/article/us-china-debt-liaoning-analysis-idINKBN16102P> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²⁴ Hun Wu. An Introduction to Chinese Local Governments Debts. URL: <http://gcfp.mit.edu/wp-content/uploads/2013/08/Policy-Report-of-Chinese-Local-Government-Debt-final.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²⁵ Цит. по: Makinen J. Staring Down an Economic Reckoning in the Detroit of China. URL: <http://graphics.latimes.com/china-economy/> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²⁶ Frazier M. State-sector Shrinkage and Workforce Reduction in China // European Journal of Political Economy. 2006. No. 22. P. 435.
- ¹²⁷ Tiezzi S. China's Coming Mass Layoffs: Past as Prologue? URL: <http://thediplomat.com/2016/03/chinas-coming-mass-layoffs-past-as-prologue/> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²⁸ Shao Xiaoyi, Spring J. China Aims to Maintain Growth Pace, Fend off Unemployment in Five-year Plan. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-parliament-economy-targets-idUSKCN0W7000> (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹²⁹ Ларин А.Г. К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21. С. 140.
- ¹³⁰ Aglietta M., Guo Bai. China's 13th Five-Year Plan. In Pursuit of a "Moderately Prosperous Society" // CEPII Policy Brief. 2016. P. 11.

¹³¹ Ibid.

¹³² Hu Xiaohui, Hassink R. Place Leadership... P. 10.

¹³³ 中共中央办公厅 国务院办公厅印发健全落实社会治安综合治理领导责任制规定 = Канцелярии ЦК КПК и Госсовета совместно опубликовали «Постановление об ответственности руководителей за комплексный контроль над общественной безопасностью». URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/23/content_5056967.htm (дата обращения: 15.11.2018).

¹³⁴ Catchart A. Targeting Northeastern Tigers: The Anti-Corruption Campaign in Liaoning. URL: <https://cpianalysis.org/2017/02/23/targeting-northeastern-tigers-the-anti-corruption-campaign-in-liaoning/> (дата обращения: 15.11.2018).

¹³⁵ Необходимо уточнить, что преступления Гао Шаня относятся к периоду 2000—2004 гг. В 2004 г. он бежал в Канаду, где проживала его семья, и только в 2012 г. его удалось вернуть на родину. Таким образом, его случай хотя и должен быть учтён в общей картине (преступник относился к региональной элите, являлся членом партии, возглавлял местком), всё же является нетипичным для антикоррупционной кампании Си Цзиньпина — Ван Цишаня.

¹³⁶ China Sentences Former BOC Banker to 15 Years in Jail. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-09/12/content_18591527.htm (дата обращения: 15.11.2018).

¹³⁷ Фиксируется дата принятия дисциплинарного решения (исключение из партии, передача дела в суд, вынесение судебного приговора).

¹³⁸ Таблицы 8—10 составлены по: Visualizing China's Anti-Corruption Campaign. URL: <http://www.chinafile.com/infographics/visualizing-chinas-anti-corruption-campaign> (дата обращения: 15.11.2018).

¹³⁹ Li Cheng. Chinese Politics... P. 34.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

3.1. ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Экономическое развитие северо-восточного региона КНР после начала политики реформ постепенно отставало от провинций приморского пояса. Однако проблемы проявились не сразу, а лишь с 1990-х гг., когда всё большую роль начинают играть рыночные факторы экономического регулирования, а роль государства и госсектора постепенно сокращается. Тем не менее реформы не превратили Северо-Восточный Китай в депрессивный регион с чрезвычайно отсталой производственной базой и низким уровнем жизни — напротив, они привели к усложнению хозяйственной сферы и в целом способствовали росту качества жизни населения.

В начале XXI в. особенно актуальными для региона стали следующие экономические проблемы: территориальное неравенство, несбалансированность производственной структуры, недостаточно высокий уровень открытости и др. Под несбалансированностью производственной структуры китайские политики и экономисты понимают соотношение основных секторов народного хозяйства, которое при дисбалансе приводит к кризисным явлениям. Ниже будут рассмотрены основные характеристики и проблемы экономики Дунбэя, а также выявлены тренды хозяйственного развития.

Структура и динамика ВРП

В изучаемый период существенно вырос объём ВРП Северо-Восточного Китая: с 2003 по 2015 г. он увеличился в 4,5 раза и в абсолютных величинах составил 5791 млрд юаней (с 1272 млрд юаней в 2003 г.). При этом очевидна тенденция к замедлению прироста: если с 2003 по 2010 г. он вырос в 2,9 раза (с 2005 по 2010 г. — в 2,2 раза), то с 2010 по 2015 г. — лишь в 1,5 раза. Замедление экономики во многом вызвано не кризисными явлениями, а эффектом низкой базы, в связи с чем в более ранние периоды рост ВРП шёл интенсивнее, чем в настоящее время.

С начала XXI в. произошли изменения в динамике ВРП. Согласно данным, представленным на рис. 1, валовой продукт трёх северо-восточных провинций в 2000-е гг. изменялся в соответствии с экономическими трендами КНР². Однако заметны расхождения в 2008—2010 гг., на которые пришёлся мировой

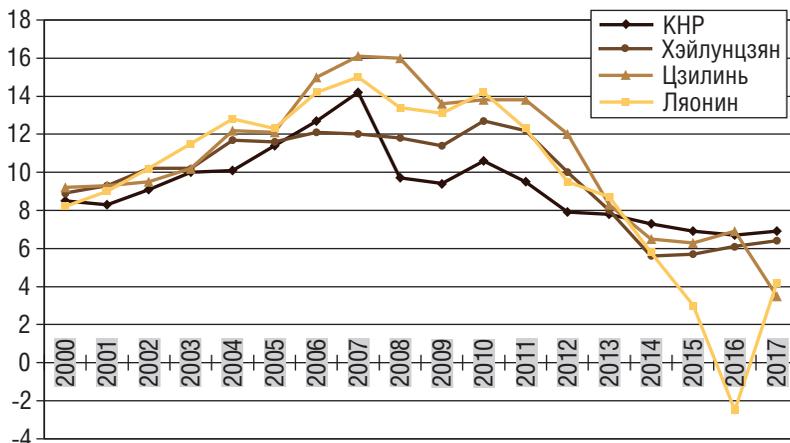

Рис. 1. Динамика ВРП северо-восточных провинций КНР (2000—2017 гг.), в %¹

финансовый кризис, когда среднестрановые показатели экономического развития росли заметно медленнее показателей Дунбэя. Такая ситуация сложилась ввиду большей зависимости восточных провинций от экспорта товаров, что привело к существенному падению темпов роста. И наоборот, показатели провинций Северо-Восточного Китая, в большей степени ориентированных на внутренний рынок, увеличивались быстрее других. Также росту ВРП в этот период способствовали государственные инвестиции в инфраструктуру и госпредприятия.

Следующий период расхождения кривых роста ВРП наблюдался с 2014 по 2017 г., причём пров. Ляонин на короткий срок вообще ушла в рецессию³ (в 2016 г. зафиксирован отрицательный рост на –2,5 п.п.), а Цзилинь приблизилась к ней (в 2017 г. динамика ВРП упала с 6,9 до 3,5 п.п.). В целом такая тенденция является локальной вариацией тренда на замедление экономики КНР. Но на этот раз регион столкнулся с новыми вызовами. Во-первых, произошло падение мировых цен на природные ресурсы, которые являются заметной частью экономики Дунбэя⁴. Во-вторых, наблюдалось снижение инвестиций в госпредприятия региона (см. параграф 1.3). В-третьих, вскрылись факты фальсификации статистики, что привело к пересчёту данных в пров. Ляонин и выразилось в падении показателей роста до отрицательных величин⁵.

Важнейшей тенденцией экономического развития региона в начале XXI в. стало быстрое изменение хозяйственной структуры. Традиционно в Дунбэе был развит вторичный сектор (промышленность), а также сельское хозяйство. К 1990 г. доля первичного сектора (аграрное производство) превышала 20%, вторичный составлял около 50%. До конца 1980-х гг. третичный сектор не учитывался в национальном доходе.

К началу XXI в. правительство КНР стало уделять больше внимания совершенствованию третичного сектора экономики. Это стало особенно актуально для северо-восточного региона страны, так как в результате закрытия и реструктуризации

госпредприятий высвобождались значительные трудовые ресурсы, которым требовалось обеспечить занятость. Рис. 2—4 показывают, что Дунбэй так и не достиг среднего по стране уровня развития третичного сектора. Его доля в 2003 г. составляла 39,6% (в 2010 г. даже снизилась до 37,3%), но к 2015 г. возросла

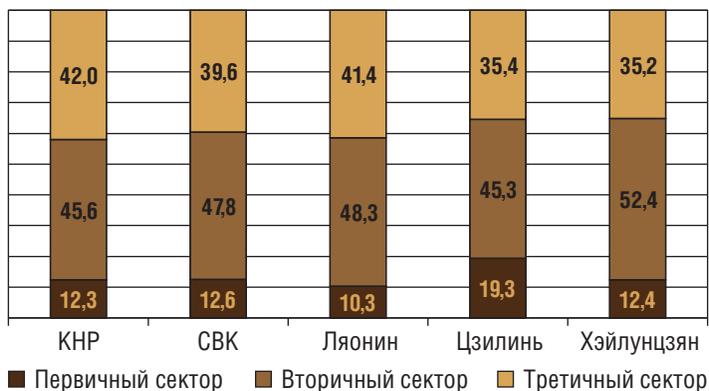

Рис. 2. Распределение ВРП северо-восточных провинций по трём секторам экономики в 2003 г., в %⁶

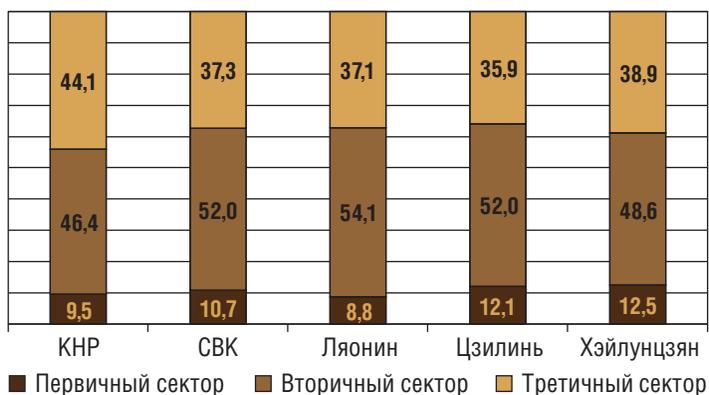

Рис. 3. Распределение ВРП северо-восточных провинций по трём секторам экономики в 2010 г., в %

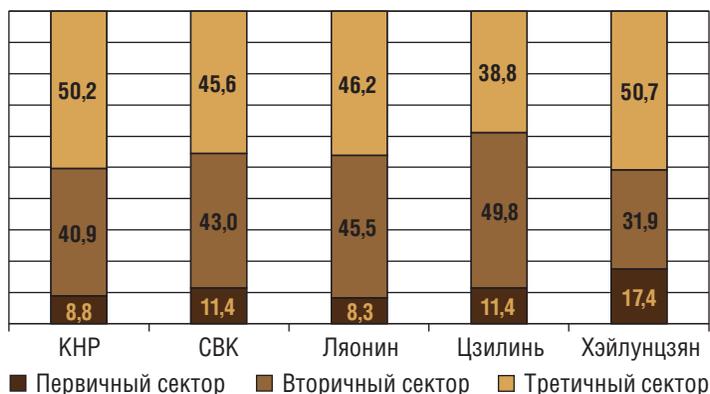

Рис. 4. Распределение ВРП северо-восточных провинций по трём секторам экономики в 2015 г., в %

до 45,6%, тогда как в среднем по КНР этот показатель составлял 42, 44,1 и 50,2% за соответствующие годы. В провинциальном разрезе ситуация несколько иная: к 2015 г. Хэйлунцзян — единственная из трёх провинций региона — смогла нарастить долю третичного сектора до 50,7%, что даже немного выше средних значений по стране. Вероятно, такая ситуация сложилась ввиду значительного падения темпов роста индустриального сектора (добывающей и обрабатывающей промышленности), а также сравнительно большого туристического (внутреннего и внешнего) и рекреационного потенциала провинции.

К проблеме внутрирегионального неравенства (на примере провинции Ляонин)

Проблема регионального неравенства неотделима от экономического развития. В мировом масштабе выделяются развитые и развивающиеся страны, на уровне государств — успешные и отстающие территории. Проблема неравенства обусловлена

несколькими факторами: природно-географической спецификой, наличием человеческого капитала, участием в межрегиональном и международном сотрудничестве и т.п. Подобное явление можно наблюдать в любой стране мира, однако если такие различия становятся слишком большими, это может повлечь масштабные социально-экономические кризисы вплоть до дезинтеграции государства.

КНР — страна с серьёзным дисбалансом регионального развития. Согласно высказыванию профессора Ху Аньгана, «в одном Китае существуют четыре мира» с высокими, средневысокими, средне-низкими и низкими доходами соответственно⁷. Так, в 2010 г. доля Восточного, Центрального, Западного и Северо-Восточного Китая в ВВП страны составляла 53, 19,7, 18,7 и 8,6%⁸. С течением времени наблюдается тенденция к сокращению доли приморских провинций (в 1995 г. она составляла 66%)⁹, однако большой разрыв по-прежнему сохраняется. Подобные явления приводят к росту миграции в развитые провинции, что усугубляет социальную ситуацию. Дифференциация между названными регионами образует макроуровень территориального неравенства в стране.

К мезоуровню относятся диспропорции внутри макрорегиона, такого как Северо-Восточный Китай. Экономический разрыв между пров. Хэйлунцзян и Цзилинь по отношению к Ляонину составил в 2012 г. 1,81 и 2,07 раза. По показателю ВРП на душу населения за тот же период Ляонин лидирует (56 547 юаней), затем следует Цзилинь (43 412 юаней) и замыкает тройку Хэйлунцзян (35 711 юаней)¹⁰. В результате в регионе усилилась миграция из менее развитых территорий в более развитую пров. Ляонин (по данным А.С. Веремейчика, в 2010 г. миграционный прирост составил здесь 772 502 чел., тогда как в других провинциях Северо-Восточного Китая миграционное сальдо было отрицательным)¹¹.

Подобные диспропорции наблюдаются и на микроуровне. В пров. Ляонин, по аналогии с моделью страны, можно выделить высокоразвитый центр (Шэньянский экономический район), развитый восток (приморский пояс с центром в г. Даляне) и слабо-развитый северо-запад (г. Фусинь, Чаоян, Телин и др.). Шэньян — один из крупнейших центров тяжёлой промышленности КНР. Здесь сосредоточены крупные сталелитейные, станкостроительные, нефтехимические производства. С рубежа XX—XXI вв. в данном экономическом районе активно развивается финансовый сектор, производство высоких технологий и т.п.

Приморский экономический пояс провинции включает цепь морских портов с центром в г. Даляне. Сюда также входят порты Паньцзинь, Инкоу, Цзиньчжоу и др., которые были включены в стратегию «пяти точек на одной линии»¹². Эти «пять точек» представляют собой крупный транспортно-логистический центр всекитайского значения. Помимо перевозки грузов, в приморском поясе развито судостроение, нефтехимическая, металлургическая промышленность, станкостроение, разведение аквакультуры и др. Высокие показатели промышленного производства и торговли привели к существенному росту благосостояния местного населения.

Северо-запад пров. Ляонин — слаборазвитая территория, на которой расположены моногорода с исчерпывающимися ресурсами, такие как Фусинь, Фушунь, специализирующиеся на угледобыче, Бэньси (металлургический центр) и др.¹³ На этот район в 2008 г. приходилось лишь 7,9% ВРП провинции, 1,5% экспорта и 1,7% импорта¹⁴. Периферийный характер региона является сдерживающим фактором для его экономического роста, и с течением времени разрыв между ним и развитыми частями провинции может лишь возрастать.

Как видно из материалов табл. 1, в 2005 г. по показателям ВРП северо-запад провинции отставал от Шэньянского

Таблица 1

**Основные показатели хозяйственного развития трёх районов
пров. Ляонин (2005—2010 гг.), в млрд юаней¹⁵**

	Шэньянский экономичес- кий р-н		Приморский экономичес- кий пояс		Северо-запад- ный экономи- ческий р-н	
	2005	2010	2005	2010	2005	2010
ВРП	490,8	1173,7	391,5	926,0	62,00	175,7 ¹⁶
Объём инвестиций в основные произ- водственные фонды	247,9	913,1	182,3	734,9	26,60	181,0
Объём розничного товарооборота	176,2	394,1	128,0	29,2	22,70	59,3
Объём прямых на- копленных иностран- ных инвестиций, млрд долл. США	2,4	8,3	1,3	13,2	0,03	0,5
Объём экспорта, млрд долл. США	6,1	11,3	18,1	33,5	0,30	1,0
Доходы бюджета	29,0	109,0	23,2	89,9	4,00	17,6

экономического района почти в 8 раз. В 2008 г. правительство Ляонина приняло стратегию «Прорыва на Северо-Запад»¹⁷. Документом предписывалось активнее развивать особые для региона отрасли (сельскохозяйственное производство, заготовка и переработка древесины, производство комплектующих для автомобильной промышленности и др.), проводить геологоразведку новых месторождений полезных ископаемых, ускорять строительство объектов инфраструктуры, проводить институциональные преобразования, способствовать урбанизации. Реализация стратегии способствовала увеличению основных экономических показателей: к 2010 г. в 6,7 раза сократился разрыв с шэньянским районом, более чем в 2 раза возрос объём розничного товарооборота, в 16 раз увеличился

объём прямых накопленных иностранных инвестиций и др. В 2015 г. стратегия была продолжена¹⁸.

Проблема неравенства регионов, как и вообще социально-го неравенства, не имеет полного решения. По этой причине мероприятия региональной политики в основном направлены на сглаживание различий. На северо-западе Ляонина выделяется пример г. Фусиня, руководство которого ещё с середины 2000-х гг. инициировало выпуск ветроэнергетических установок и выработку на их основе электроэнергии. Так, с 2005 по 2011 г. производство энергии ветра возросло с нуля до более 2000 МВт, тогда как во всей провинции этот показатель составил немногим более 5000 МВт¹⁹. Из этого можно заключить, что появление новых производств способствует снижению социальной напряжённости, а выход на внешние (в данном случае по отношению к региону) рынки повышает доходы бюджета и местного населения²⁰.

Таким образом, проблема регионального неравенства в КНР имеет макро-, мезо- и микроуровни. Северо-Восток Китая характеризуется заметными отличиями в экономическом развитии территорий, что приводит к росту социальной напряжённости. Несмотря на принципиальную невозможность полностью преодолеть эту дифференциацию, в регионе фиксируются положительные примеры по выравниванию диспропорций развития.

Отраслевая структура экономики Северо-Восточного Китая

Сельское хозяйство. Территория Северо-Восточного Китая относится к умеренному климатическому поясу. Здесь расположены зоны, благоприятные для ведения интенсивного сельского хозяйства (Маньчжурская равнина), лесозаготовок (район Большого и Малого Хингана). В регионе выращивают кукурузу,

пшеницу, сою, рис и другие культуры. Дунбэй также один из крупных центров животноводства в КНР.

Несмотря на небольшую долю аграрного комплекса в ВВП, данный сектор по-прежнему является стратегически важной отраслью народного хозяйства, обеспечивая продовольственную безопасность страны. Правительство Китая регулярно обращается к аграрному вопросу, способствует развитию села. Традиционно ежегодный документ № 1 ЦК КПК посвящён деревне. Для стимулирования производства в рассматриваемом секторе экономики центральными и местными властями вводятся различные меры поддержки: прямые капиталовложения (например, выделяются средства на приобретение сортовых семян и сельскохозяйственной техники), налоговые льготы. В 2005 г. народные правительства пяти регионов КНР, среди которых две северо-восточные провинции — Хэйлуунцзян и Цзилинь, отменили сельскохозяйственный налог²¹.

В изучаемый период валовая стоимость продукции сельского хозяйства Северо-Восточного Китая увеличилась в 4,3 раза: с 291 млрд до 1261 млрд юаней (табл. 2). Доля региона в валовой стоимости аграрного производства КНР с 2003 по 2015 г. поднялась почти на 2 п.п.: с 9,8 до 11,8%, что повысило роль Дунбэя в обеспечении продовольственной безопасности страны.

Аграрное производство имеет большее значение для экономики отдельных уездов, чем для экономики целого региона. Так, в пров. Цзилинь в 2007 г. соотношение трёх секторов экономики составляло 14,8% : 46,9% : 38,3%, а на уездном уровне указанного региона — 26,6% : 38,4% : 35,4%, что вполне закономерно. Однако такая структура хозяйства приводит к росту неравенства, которое китайские власти пытаются сгладить²².

В период 2003—2015 гг. в сельскохозяйственной структуре наблюдались ежегодные колебания. В 2003 г. доля растениеводства составляла 49,4%, животноводства — 34,8%, остав-

Таблица 2

**Структура сельского хозяйства Северо-Восточного Китая
(2003—2015 гг.), в млрд юаней²³**

Регион	Валовая стоимость с/х	Растение- водство	Лесо- водство	Животно- водство	Рыбо- ловство
2003 г.					
Хэйлунцзян	90,3	50,3	5,9	29,4	2,3
Цзилинь	79,2	43,8	3,4	29,8	1,4
Ляонин	121,5	49,7	3,8	42,2	22,4
СВК	291,1	143,9	13,1	101,5	26,1
Доля СВК в с/х КНР, в %	9,8	9,7	10,6	10,6	8,3
2010 г.					
Хэйлунцзян	253,6	136,9	9,6	96,6	5,4
Цзилинь	185	86,7	6,8	83,1	2,5
Ляонин	310,7	114,0	8,3	127,1	49,1
СВК	749,3	337,6	24,6	306,8	57
Доля СВК в с/х КНР, в %	10,8	9,1	9,5	14,7	8,9
2015 г.					
Хэйлунцзян	504,5	291,2	20,4	170,5	11,8
Цзилинь	288,1	140,0	11,0	124,5	4,0
Ляонин	468,7	206,9	16,6	156,1	70,0
СВК	1261,2	638,1	48	451,1	85,7
Доля СВК в с/х КНР, в %	11,8	11,1	10,8	15,1	7,9

шиеся 15,8% пришлось на лесоводство и рыболовство. В 2010 г. объём растениеводства в валовой стоимости сельского хозяйства сократился до 45%, в то время как объём животноводства вырос до 40,9%. Однако данные изменения были вызваны не целенаправленными преобразованиями структуры аграрного

сектора, а природными явлениями (продукция растениеводства в большей мере подвержена воздействиям погодных циклов) и конъюнктурными соображениями. Показатели 2015 г. вернулись к прежним значениям: 50,6% составило производство земледельческой продукции и 35,7% — животноводческой.

Дунбэй — крупный центр производства зерновых (пшеница, кукуруза, соя), мясомолочной продукции. В табл. 3 приведены данные о динамике основных показателей сельскохозяйственного производства с 2003 по 2015 г.

За 12 лет (с 2003 по 2015 г.) доля Северо-Восточного Китая в выпуске сельскохозяйственной продукции КНР возросла в производстве зерновых (с 9,3 до 10,1%), яиц (с 13,7 до 17,8%), продукции водных промыслов (с 8,3 до 8,5%), в поголовье свиней (с 7,8 до 8,2%) и в поголовье крупного рогатого скота (с 11,3 до 12,3%). Как видно из данных табл. 3, в абсолютном отношении увеличился объём производства мясомолочной продукции (молока и молочных продуктов — более чем в 2 раза), фруктов (в 1,8 раза). Небольшое сокращение произошло в производстве масличных культур, овечьей шерсти, выращивании крупного рогатого скота (что характерно и для страны в целом).

С начала XXI в. сельскохозяйственный комплекс северо-восточного региона КНР вступил в период устойчивого развития. Согласно основным показателям, наблюдается рост производства в ключевых отраслях аграрного сектора. Заметно возрастание доли третичного сектора в среднем по Северо-Востоку и существенное его увеличение в пров. Хэйлунцзян. Как отмечалось выше, отчасти это вызвано снижением стоимости добывающих отраслей промышленности. Однако остальные данные свидетельствуют о поступательном развитии села, что благоприятно сказывается на социально-экономической обстановке в регионе и продовольственной безопасности Китая в целом.

Таблица 3

Основные показатели сельскохозяйственного производства (2003—2015 гг.)²⁴

Показатель	Хэйлунцзян		Цзилинь		Ляонин		СВК		КНР		Доля СВК в с/х КНР, в %	
	2003	2015	2003	2015	2003	2015	2003	2015	2003	2015	2003	2015
Зерновые, млн т	2,5	6,3	22,6	36,5	15,0	20,0	40,1	62,8	430,7	621,4	9,3	10,1
Масличные культуры, млн т	0,4	0,2	0,6	0,8	0,6	0,5	1,6	1,4	28,1	35,4	5,8	4,0
Сахарная свёкла, млн т	0,1	0,1	0,1	—	—	0,1	0,2	0,2	6,2	8,0	2,8	2,1
Табачный лист, млн т	—	0,1	0,1	—	—	—	0,1	0,1	2,3	2,8	4,9	4,2
Фрукты, млн т	0,4	0,5	0,6	0,5	2,7	5,7	3,7	6,7	145,2	273,8	2,5	2,5
Крупный рогатый скот, млн голов	6,9	5,4	6,0	5,0	4,6	4,6	17,4	15,1	155,0	122,0	11,3	12,3
Свины, млн голов	13,3	13,1	9,3	9,7	13,7	14,1	36,2	36,9	466,0	451,1	7,8	8,2
Производство мяса, млн т	2,2	2,3	2,8	2,6	2,9	4,3	7,8	9,2	69,3	86,3	11,3	10,6
Молоко и молочные продукты, млн т	3,0	5,6	0,2	0,5	0,5	1,4	3,7	7,6	18,5	38,7	20,2	19,5
Овечья шерсть, тыс. т	20,6	29,0	24,4	15,1	10,6	9,3	55,6	53,3	338,1	427,5	16,4	12,5
Яйца, млн т	1,0	1,4	0,9	1,1	1,7	2,9	3,6	5,3	26,1	30	13,7	17,8
Производство водного промысла, млн т	—	—	0,1	0,2	3,8	5,5	3,9	5,7	47	67	8,3	8,5

Промышленность. Северо-Восточный Китай нередко называют «колыбелью» промышленного производства КНР. С начала индустриализации здесь размещались многие объекты тяжёлой и добывающей промышленности, в частности металлургические, нефтехимические, автомобилестроительные, станкостроительные и другие заводы. В XXI в. распределение ключевых отраслей выглядит следующим образом. В пров. Ляонин сосредоточены предприятия по выпуску промышленного оборудования, переработке сельскохозяйственного сырья, металлургические и нефтехимические комплексы. Получило развитие судостроение (в порту Далянь). В пров. Цилинь ключевую роль играют автомобилестроение, пищевая и химическая промышленность, производство металлоконструкций, фармацевтика. В приграничной с Россией пров. Хэйлунцзян налажен выпуск промышленного оборудования, активно развиваются нефтехимическая, добывающая и пищевая отрасли²⁵.

Промышленный сектор длительное время доминировал в экономике региона. Лишь в последние годы его роль в соответствии с общекитайской тенденцией начала снижаться. Индустриальный комплекс Дунбэя испытывает «давление» прошлого, что принято называть «зависимостью от пути». Территориальные структуры хозяйства имеют значительную инерцию, в результате чего переход страны к политике реформ и открытости, начавшийся ещё в конце 1970-х гг., до сих пор до конца не изменил традиционную специализацию региона на тяжёлой индустрии. Однако постепенные преобразования всё же происходят, что выражается в укрупнении производства, изменении форм собственности, а в некоторых случаях и ликвидации хронически убыточных предприятий.

В рамках настоящего раздела мы сосредоточим внимание не на характеристике промышленного производства (что весьма обстоятельно изучила М.В. Александрова²⁶), а на основных

тенденциях развития предприятий вторичного сектора хозяйства. Такой акцент важен для оценки эффективности политики возрождения Дунбэя.

Одной из основных проблем индустриального развития власти Китая называют большую долю госсектора с преобладанием тяжёлой промышленности, наличие депрессивных, нерентабельных производств. В качестве мер по выправлению ситуации предлагается постепенно изменять производственную структуру, активнее привлекать частный бизнес, репрофилировать предприятия, менять их организацию с тем, чтобы разделять риски с потенциальными инвесторами. В табл. 4 приведены сводные данные по численности и стоимости активов, а также численности персонала государственных компаний.

В соответствии с курсом на сокращение числа госпредприятий²⁷ снижалось количество юридических лиц: если в 2003 г. их насчитывалось 3273, то к 2016 г. осталось 1406 (сокращение в 2,3 раза), при этом в Дунбэе понижательная динамика проявлялась активнее, чем в среднем по КНР (сокращение в 1,8 раза). Однако сам по себе этот показатель не может в полной мере отражать тенденцию на уменьшение доли государственного сектора в экономике региона. В этот период происходило не только закрытие, но и слияние и укрупнение производств, что привело к сокращению общего числа юридических лиц. В относительных показателях доля госсектора по количеству предприятий пока ещё остаётся выше средних значений по стране (28 и 17,4% в 2003 г., 7,8 и 5% в 2016 г.). Такая ситуация вполне объяснима эффектом большей базы, что приводит к более медленному удельному снижению соотношения форм собственности в регионе по сравнению с КНР в целом.

Следующий показатель более репрезентативен: он демонстрирует стоимость активов. Здесь также наблюдается относительное

**Численность предприятий, работников и стоимость активов
Северо-Восточного Китая**

Показатель	Хэйлуцзян		Цзилинь	
	2003	2016	2003	2016
Численность предприятий всех форм собственности, ед.	2 567	3 946	2 284	6 003
Численность госпредприятий, ед.	970	447	969	370
Доля госпредприятий, в %	37,7	11,3	42,4	6,1
Стоимость активов предприятий всех форм собственности, млрд юаней	449,9	1 495,1	367,4	1 896,9
Стоимость активов госпредприятий, млрд юаней	370,3	900,7	293,1	966,8
Доля госпредприятий, в %	82,3	60,2	79,7	50,9
Численность персонала предприятий всех форм собственности, млн чел.	1,3	1,1	1	1,4
Численность персонала госпредприятий, млн чел.	0,9	0,6	0,7	0,5
Доля госпредприятий, в %	69,2	54,5	70	35,7

снижение доли индустриального сектора, принадлежащего государству. В абсолютных величинах стоимость активов предприятий госсектора возросла с 1291,1 млрд юаней в 2003 г. до 3726,3 млрд юаней в 2016 г. (рост в 2,8 раза). В относительных величинах в среднем по Северо-Восточному Китаю их доля упала с 74,4 до 53,2% (в среднем по КНР — с 56 до 38,4%). Такое соотношение во многом интерпретируется инерционными причинами, когда давление старой базы преодолевается в течение длительного периода.

До сих пор государственные предприятия привлекают значительные трудовые ресурсы. В среднем по Дунбэю с 2003 по 2016 г. доля занятых в госсекторе сократилась с 59,7 до 42,5%

Таблица 4

**государственных и негосударственных учреждений
(2003—2016 гг.)**

Ляонин		СВК		КНР		Доля СВК, в %	
2003	2016	2003	2016	2003	2016	2003	2016
6 842	8 025	11 693	17 974	196 222	378 599	5,9	4,7
1 334	589	3 273	1 406	34 240	19 022	9,5	7,3
19,5	7,3	28,0	7,8	17,4	5,0	9,5	7,3
918	3 610,6	1 735,3	7 002,6	16 880,7	108 587	10,2	6,4
627,7	1 858,8	1 291,1	3 726,3	9 451,9	41 770	13,6	8,9
68,3	51,4	74,4	53,2	56	38,4	13,6	8,9
2,4	2,2	4,7	4,7	54,4	94,7	8,6	4,9
1,2	0,9	2,8	2	21,6	16,9	12,9	11,8
50	40,9	59,7	42,5	39,7	17,8	12,9	11,8

(в среднем по стране — с 39,7 до 17,8%), однако в пров. Хэйлунцзян всё ещё более половины рабочих трудятся на госпредприятиях, а в Цзилини — провинции с наименьшей долей занятых в госсекторе Северо-Восточного Китая — объём трудовых ресурсов госпредприятий в 2 раза превышает соответствующий ему средний показатель по стране.

Интересно сравнить показатели развития лёгкой и тяжёлой промышленности (табл. 5). Валовая стоимость предприятий лёгкой промышленности в пров. Хэйлунцзян и Ляонин возросла в 7 и 4,7 раза, тяжёлой индустрии — в 2,4 и 3,7 раза. Соотношение валовой стоимости предприятий тяжёлой и лёгкой промышленности показывает сокращение доли первой и рост доли второй.

Так, в пров. Хэйлунцзян в 2004 г. на тяжёлую индустрию приходилось 80,7% валовой стоимости, а на лёгкую — 19,3%. В пров. Ляонин в том же году данное соотношение было ещё больше: 83,5 к 16,5%. За 11 лет указанная пропорция несколько сократилась: в Хэйлунцзяне — до 59,3 к 40,7%, в Ляонине — до 79,9 к 20,1%. Таким образом, очевидна тенденция к ослаблению традиционных для региона отраслей производства. Особенно сильное сокращение объёма тяжёлой промышленности наблюдается в пров. Хэйлунцзян, где произошло уменьшение показателей на 21,4%. В пров. Ляонин это снижение гораздо меньше — 3,6%. Подобное соотношение объясняется двумя факторами: во-первых, производственная база, а соответственно и инерционные силы в Ляонине существенно выше, чем в Хэйлунцзяне. Во-вторых, на валовую стоимость предприятий пров. Хэйлунцзян повлияло падение цен на ресурсы, что сказалось на капитализации её ресурсодобывающих предприятий в большей мере, чем в Ляонине.

Таблица 5

Валовая стоимость продукции предприятий различных категорий и форм собственности пров. Хэйлунцзян и Ляонин (2004—2015 гг.), млрд юаней²⁸

Вид предприятия	Хэйлунцзян		Ляонин	
	2004	2015	2004	2015
Лёгкая промышленность	66,84	472,95	141,79	673,14
Тяжёлая промышленность	279,56	687,84	718,59	2676,70
Крупные	234,83	457,02	404,02	1135,04
Средние	58,38	228,18	228,06	656,32
Малые	53,19	459,54	228,29	1424,97

Таким образом, одной из основных тенденций развития индустриального сектора региона стало постепенное сокращение тяжёлой промышленности. Кроме того, многие предприятия Северо-Восточного Китая изменили форму собственности, что отчасти было связано с необходимостью адаптации к политике центральной власти, ориентированной на сокращение госсектора в экономике.

Заключение

Экономическое развитие Северо-Восточного Китая в период возрождения старопромышленных баз сохраняло свою индустриальную специализацию, характеризуясь при этом несбалансированностью производственной структуры, а также значительными межрегиональными и внутрирегиональными диспропорциями. В течение последних 15 лет наблюдается некоторое сокращение вторичного сектора и существенное усиление сферы услуг. Дунбэй не избежал общекитайской тенденции к замедлению темпов роста экономики, что весьма негативно сказалось на пров. Ляонин — наиболее развитой в регионе. Заметное развитие получил аграрный сектор, в пров. Хэйлуцзян произошло даже увеличение доли сельского хозяйства в экономике. Регион по-прежнему занимает ведущие позиции в производстве зерновых, мясомолочной продукции.

Политика возрождения старопромышленных баз Северо-Восточного Китая не оказала существенного влияния на индустриальный сектор. В настоящее время доля госпредприятий в регионе по-прежнему велика, хотя очевидна тенденция к постепенному сокращению их количества. С начала XXI в. немного уменьшилось значение тяжёлой промышленности, но тем не менее данный сектор до сих пор занимает доминирующую позицию в экономике региона.

3.2. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Положение Северо-Востока в системе внешнеэкономических связей Китая

До образования КНР Дунбэй был встроен в мировую экономику как сырьевая база японской промышленности. В маоистский период регион сначала стал форпостом сотрудничества с СССР (1950-е гг.) и при его поддержке провёл ускоренную индустриализацию, а затем, в период политики опоры на собственные силы (1960-е — первая половина 1970-х гг.), играл роль крупнейшей базы тяжёлой промышленности страны и одновременно поставщика стратегического сырья.

Экономические реформы 1980-х гг. обнажили уязвимость экономики Дунбэя. Преобладание тяжёлой промышленности и государственного сектора, ориентированных на внутренний рынок, предопределило проблемы с встраиванием макрорегиона в международное разделение труда. Доля Северо-Востока во внешней торговле страны упала с 11,2% в 1980 г. до 3,3% в 2016 г. (см. рис. 5). Причиной стало снижение объёмов экспорта региона. В период реформ основные экспортноориентированные производства создавались в приморской зоне юго-восточного Китая. Продукция северо-восточных регионов, кроме сырья, не пользовалась спросом на мировом рынке. С развитием собственной промышленной базы северо-восточное сырьё (прежде всего нефть и уголь) пошло на внутренний рынок. В результате доля макрорегиона в китайском экспорте сократилась с 22,6% в 1980 г. до 3,2% в 2016 г.²⁹

В начальный период реформ три провинции включились в мировое разделение посредством экспорта сырьевых товаров или трудоёмкой продукции. Пров. Хэйлуцзян стала экс-

Рис. 5. Абсолютные стоимостные объёмы и доля Северо-Востока во внешней торговле Китая, 1980—2016 гг.³⁰

портёром продукции сельского хозяйства, одежды, обуви и текстиля. Пров. Ляонин — сырой нефти, сельскохозяйственной продукции и текстиля (см. рис. 6). В 1990-е гг. и особенно с начала 2000-х гг. обеим провинциям удалось нарастить ускоренными темпами экспорт изделий машиностроения и электроники, а также высокотехнологичных секторов. Данная тенденция характерна для всего Китая (в 2016 г. на эти группы товаров приходилось около 60% китайского экспорта³¹) и началась ещё до принятия программы возрождения Дунбэя. За годы реформ обе провинции смогли значительно увеличить добавленную стоимость вывозимой продукции, но, во-первых, это происходило в меньшем масштабе, чем в целом по стране, во-вторых, официальная статистика не отражает посредническую торговлю, которая была характерна, например, для пров. Хэйлуцзян³², и соответственно не всегда даёт оценить, насколько региональная промышленность была успешна в создании конкурентоспособных производств.

Рис. 6. Структура экспорта пров. Хэйлунцзян и Ляонин, в %³⁵

Сложнее составить представление о структуре экспорта пров. Цзилинь, где только с 2007 г. стали публиковать соответствующую статистику³³. Но и она мало помогает: официальные данные раскрывают только около половины стоимости вывозимых товаров. В 2016 г. самыми крупными статьями экспорта провинции были одежда и текстиль, продукция сельского хозяйства, лекарственные препараты³⁴.

Иностранный капитал также не баловал северо-восточные провинции. Доля пров. Цзилинь и Хэйлунцзян в зарегистрированном иностранном капитале в Китае падала до и после начала программы возрождения Северо-Востока, снизившись с 2,3 до 0,8%. В пров. Ляонин в 1990-е гг. и начале 2000-х гг. зарубежные партнёры вложили больше денег, чем в среднем по стране, но с 2003 г. (7,4%) этот показатель упал до 5,2% (см. табл. 6).

Таблица 6

**Зарегистрированный на конец 2016 г.
иностраннный капитал в предприятиях,
млрд долл. США**

	1993	2003	2016
Китай	150,1	465,8	2391,8
Хэйлунцзян	2,3	2,9	11,0
Цзилинь	1,2	3,6	7,6
Ляонин	5,5	28,0	105,7

**Стратегия возрождения старых промышленных баз
и международное сотрудничество**

В документе, инициировавшем стратегию возрождения Дунбэя, внешнеэкономическая деятельность рассматривалась в качестве «важного средства» реконструкции старопромышленной базы³⁶. В этом же документе Пекин заявлял о поощрении использования зарубежного капитала для реструктуризации госсектора и одновременно призывал создавать в соседних государствах «энергетические, ресурсные и производственные базы, которые будут способствовать экспорту продукции, технологий и трудовых ресурсов»³⁷.

В 2005 г. центральное правительство конкретизировало своё видение роли внешнеэкономических связей в возрождении Дунбэя, опубликовав «Предложения Канцелярии Госсовета по ускорению дальнейшего расширения политики внешней открытости промышленной базы Северо-Востока»³⁸. Документ состоял из пяти разделов. В первом подчёркивалась необходимость участия иностранного капитала в реструктуризации государственных предприятий. Для этого центральное правительство

было готово списать задолженность госкомпаний, долю в которых приобретал иностранный инвестор, и в целом облегчить процедуру слияния, поглощения или приобретения акций. Во втором разделе говорилось о важности привлечения зарубежных инвестиций в технологическое обновление предприятий. Для этого региону предоставлялись льготы по налогам на импорт и при открытии научно-исследовательских лабораторий. В трёх оставшихся разделах Пекин предлагал укреплять международные контакты, использовать географические преимущества Северо-Востока (развивать приграничную торговлю, использовать богатство природных ресурсов соседних стран и расширять сотрудничество в районе р. Туманган), увеличить вложения в инфраструктуру и улучшить инвестиционный климат.

Безусловно, можно привести десятки историй успешного участия транснациональных компаний в финансовом оздоровлении и технологическом обновлении северо-восточных провинций. Но вряд ли это происходило благодаря новой региональной политике Пекина, проводимой с конца 2003 г. По крайней мере, самые крупные сделки между транснациональными компаниями и госпредприятиями Северо-Востока были заключены до начала реализации Стратегии. Например, ещё с 2002 г. Аньшаньский металлургический комбинат стал сотрудничать с немецким промышленным концерном «Тюссен-Крупп АГ». Ими были созданы две линии горячего цинкования, а в 2012 г. компания из Германии купила долю в чунцинском дочернем предприятии комбината³⁹. Другой пример — Первый автомобильный завод в г. Чанчуне, который в разные годы успел создать совместные производства с Фольксвагеном (с 1991 г. в Чанчуне), Тойотой (с 2000 г. в Тяньцзине), Маздой (с 2005 г. в Чанчуне). Шэньянский и Харбинский авиационные заводы

долгие годы являлись эксклюзивными поставщиками комплектов для самолётов корпораций «Боинг» и «Бомбардье»⁴⁰.

Оставив в стороне истории успеха, можно отметить недостаточность сведений о масштабах участия зарубежных инвесторов в реструктуризации северо-восточных предприятий. Каких-либо комплексных научных исследований или хотя бы экспертных заключений по этому вопросу не существует. Выше мы указывали, что в Дунбэе в период действия Стратегии иностранные инвесторы вкладывали меньше денег в регион, чем в среднем по Китаю. С другой стороны, они проявляли активность именно в тех отраслях, которые были развиты в северо-восточных провинциях, а главным направлением инвестирования стала производственная сфера. В пров. Хэйлунцзян компании с иностранным капиталом были наиболее активны в переработке продукции сельского хозяйства, пищевой, автомобильной и фармацевтической промышленности⁴¹. В пров. Ляонин — в автомобильной и химической промышленности, металлургии⁴². В пров. Цзилинь — в автомобильной, пищевой, химической, фармацевтической и лесоперерабатывающей отраслях⁴³.

В 2010-е гг. Пекин уже не питал иллюзий по поводу активного участия иностранного капитала в реструктуризации госпредприятий. В последних комплексных документах по вопросам возрождения Северо-Востока говорится лишь о необходимости привлечения высококвалифицированных специалистов из других стран и создания сельскохозяйственных баз за рубежом⁴⁴. В рабочей программе по ускорению реформы государственных предприятий Дунбэя, принятой в январе 2018 г., правительство делало ставку на частный капитал и поддержку крупного бизнеса из других регионов КНР⁴⁵.

В 2012 г. центральное правительство Китая утвердило два документа, направленных на стимулирование международных

экономических связей северо-восточных провинций с зарубежными партнёрами, включая Россию: «Программу реализации в северо-восточном регионе Китая политики открытости в отношении Северо-Восточной Азии (2012—2020 гг.)» и «Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в бассейне р. Туманган Китая». В обоих документах сотрудничеству с Россией отводится одна из ключевых ролей.

Первая программа поставила общие цели и задачи международной экономической деятельности Дунбэя на период до 2020 г. и фактически вобрала в себя все те идеи, которые формировались в северо-восточных провинциях на протяжении последних 25 лет⁴⁶. Для активизации сотрудничества с Россией в документе предлагалось развивать сеть транспортных магистралей, не только связывающих внутренние районы Китая с пограничными пунктами пропуска, но и обеспечивающих трансрегиональные перевозки: железные дороги Суйфэньхэ — Харбин — Маньчжоули и Эрляньхот — Улан-Батор с выходом на Транссибирскую магистраль, речные (р. Амур и р. Туманная) и сухопутные трансграничные коридоры с выходом к Тихому океану, аэропорты местного значения в Суйфэньхэ и Фуюане. Приграничные города — Суйфэньхэ, Хэйхэ, Хуньчунь, Маньчжоули, Тунцзян, Фуюань (включая китайскую часть о. Большой Уссурийский) — должны сохранять роль узловых пунктов в российско-китайском сотрудничестве. Упор в программе сделан не на развитии отраслей, перерабатывающих импортируемые из России сырьё и ресурсы, а на усилении традиционных экспортноориентированных производств (автомобилестроение, нефтехимия, металлургия, производство оборудования и пищевой промышленности) и высокотехнологического сектора (биохимия, отрасли новых материалов и источников энергии,

информационные технологии). В отличие от предыдущих документов по внешнеэкономической деятельности Дунбэя в программе большое внимание уделено необходимости инвестировать в сельское хозяйство, обрабатывающие производства, добычу природных ресурсов России и сопредельных стран.

В целях реализации вышеуказанного документа центральное правительство гарантировало поддержку внешнеэкономической деятельности северо-восточных провинций. Во-первых, Пекин обещал увеличить трансферты и инвестиции из центрального бюджета в приграничные уезды и города. Во-вторых, в документе предлагалось пересмотреть фискальную политику в отношении импортируемого сырья в сторону предоставления бóльших преференций. В-третьих, банковскому сектору рекомендовалось усилить поддержку внешнеэкономических предприятий региона.

Второй документ, принятый в апреле 2012 г., имел локальный характер и оговаривал создание зоны экономического сотрудничества на территории китайской части бассейна р. Туманной (Туманган)⁴⁷. Целью данного проекта было превращение Хуньчуня и близлежащих районов в платформу сотрудничества Китая со странами Северо-Восточной Азии. Зона была учреждена на территории особых экономических районов, утверждённых ещё в 1990—2000-х гг., и фактически наследовала их преференциальные режимы, включая беспошлинный ввоз уникального для Китая оборудования, упрощённую процедуру получения паспортов в рамках приграничного туризма и т.д. Центральное правительство также пообещало выделить средства из центрального бюджета для разработки целевых программ развития бассейна р. Туманной и реализации крупных инфраструктурных проектов как в Хуньчуне, так и на приграничных территориях России и Северной Кореи.

Географические особенности внешнеэкономических связей Северо-Востока

Северо-Восток никогда не был единым регионом с точки зрения внешнеэкономических связей. В первую очередь это связано с географическими характеристиками — только у пров. Ляонин есть выход к морю, в то время как Цзилинь и Хэйлунцзян — континентальные территории. Сухопутная граница не могла компенсировать изолированность от морских путей: социалистические и постсоциалистические страны (Россия, Монголия, КНДР) не могли предложить те же условия для развития экспортно ориентированной экономики, как и в приморских районах. Соответственно, у регионов были совершенно разные возможности и стратегии развития и в отношении возрождения старых промышленных баз.

География задала разный набор институтов внешнеэкономической деятельности, которые предоставил центр в 1980—1990-е гг. В период реформ на территории Дунбэя налоговые и административные преференции в области внешнеэкономической деятельности распределялись неравномерно. В середине 1980-х гг. они были предоставлены г. Далянь пров. Ляонин, в начале 1990-х гг. — внутренним и приграничным территориям. Это, а также особенности сложившейся структуры экономики каждой территории привели к выделению в северо-восточном макрорегионе трёх функциональных районов со специфическими институтами внешнеэкономической деятельности (табл. 7). При этом в регионе наблюдается достаточно высокий уровень концентрации внешнеэкономической деятельности: на протяжении реализации стратегии возрождения Северо-Востока на 16—17 городов и уездов приходилось около 90% всего товарооборота региона (рис. 7).

Таблица 7

**Институты и функции, определяющие специфику
международных экономических связей районов Дунбэя**

Район	Города и округа (уезды) с внешнеторговым оборотом более 1 млрд долл. США	Институциональная основа	Функции
Приграничный пояс	Муданьцзян (Суйфэньхэ, Дуннин), Цзямусы (Тунцзян), Хэйхэ, Фукоань	Институт приграничной торговли	Распределение импортно-экспортных потоков в торговле Китая с Россией и РДВ. Налаживание производственной кооперации с Россией (до сих пор не получила чёткого закрепления)
Приморский пояс пров. Ляонин	Далянь, Инкоу, Цзиньчжоу, Дандун, Хулудао, Паньцзинь	Институт приморской открытости	Распределение импортно-экспортных потоков в торговле Китая с развитыми странами. Создание за счёт иностранного капитала и технологий экспортно ориентированных и высокотехнологичных производств, а также третичного сектора экономики
Внутренние районы пров. Ляонин и Хэйлунцзян, пров. Цзилинь	Чанчунь, Шэньян, Харбин, Аньшань, Бэньси, Дацин, Ляоян	Стандартные формы организации внешней открытости Китая	Осуществление внешнеэкономической деятельности, связанной с традиционной региональной специализацией

Рис. 7. Города и округа Северо-Востока Китая с крупнейшими объёмами внешней торговли в 2016 г.

Благодаря функционированию институтов внешней открытости приморская зона пров. Ляонин добилась наиболее значимых результатов. На протяжении всего периода возрождения Северо-Востока на неё приходилось около половины товарооборота макрорегиона (рис. 8). Более того, в 2016 г. даляньские компании осуществили более 43% внешнеторговых операций Дунбэя⁴⁸. При этом доля города в северо-восточном ВРП не превышала 13%⁴⁹.

В 2000-е гг. значительные позиции во внешнеторговом обороте занимал пояс приграничной открытости⁵⁰, представленный уездами и городами, соседствующими с Россией. В 2008 г. их доля во внешнем товарообороте Дунбэя составляла 13%, при этом доля этих территорий в ВРП макрорегиона едва достигала 2%⁵¹. Но уже в 2010-е гг. доля уездов и городов во внешней торговле стала постепенно уменьшаться. В 2016 г. она составила всего 5,4%.

Внутренние города — территории, которые во внешнеторговой деятельности опирались полностью на свой промышленный потенциал.

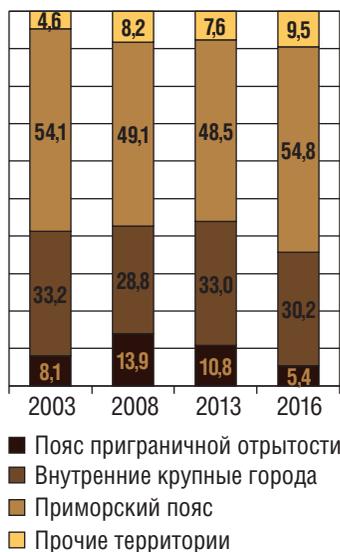

Рис. 8. Внешнеторговый оборот функциональных внешнеэкономических зон Дунбэя, в %⁵²

Приморский пояс Северо-Востока

В 80-е гг. XX в. для центральных властей Китая первоочередной задачей было накопление капитала, которого катастрофически не хватало для развития экономики⁵³. На её выполнение была ориентирована вся внешнеэкономическая политика государства, что выражалось в поддержке правительством экспорта и привлечения иностранных инвестиций для получения валюты. Политика внешней открытости первоначально распространилась на приморскую зону, которая в силу своего географического положения могла развивать прямые торговые

и кооперационные связи с западными странами. В результате этого прибрежная полоса пров. Ляонин⁵⁴ начала формировать внешнеэкономические связи намного раньше и активней остальной части Дунбэя.

Экономическим центром приморской зоны Дунбэя стал г. Далянь. Поскольку он являлся одним из первых приморских открытых городов с независимым планированием⁵⁵, к концу 2000-х гг. на него было распространено большинство преференциальных режимов международного сотрудничества, существующих в стране, были созданы: зона технико-экономического освоения, бондовая зона, экспортная промышленная зона, индустриальный парк высоких технологий⁵⁶. В сочетании с выгодным географическим положением они позволили Даляню занять ведущее положение в международном экономическом сотрудничестве Северо-Востока. С 2005 г. город стал привлекать огромное количество иностранных инвестиций. В 2010 г. Далянь освоил инвестиции в объёме 10 млрд долл. США и по этому показателю вышел на одно из первых мест в Китае, незначительно уступив только Шанхаю и Тяньцзиню⁵⁷.

Приморская зона пров. Ляонин стала флагманом привлечения крупнейших транснациональных корпораций мира: «Групп Суэз», «Митсубиси», «БоргВарнер», «STX», «Интел», «Джонсон Контролс» и т.д. В 2016 г. объём внешней торговли и полученных прямых иностранных инвестиций приморской зоны пров. Ляонин составил соответственно 66,7 млрд долл. США (54,8% в пределах всего Дунбэя) и 1,94 млрд долл. США (65% в пределах пров. Ляонин⁵⁸)⁵⁹.

В 2010-е гг. Далянь остался в авангарде политики внешней открытости Северо-Востока. В 2014 г. здесь на базе бондовой зоны и ряда промышленных парков открылась первая в макро-регионе новая государственная зона Цзиньпу (десятая в Китае). В резолюции Госсовета говорилось, что «...создание новой зоны

Цзиньпу Даляня будет способствовать дальнейшему углублению политики реформ и открытости, задаст ориентиры ускоренного развития приморской экономической зоны Ляонина, даст импульс развитию и возрождению северо-восточного региона, углубит многостороннее сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии»⁶⁰. Зона предлагала новую модель взаимодействия властей с бизнесом, позволявшую максимально упростить и ускорить административные процедуры⁶¹.

В 2017 г. на базе Даляня (а также части Шэньяня и Инкоу) была создана экспериментальная зона свободной торговли. Её стратегическое позиционирование предполагало, что в зоне необходимо, «основываясь на институциональных инновациях и отвечая требованиям повторного воспроизведения и внедрения, ускорить ориентацию рынка на реформу механизмов и организационных основ, дать стимулы для структурной перестройки», чтобы её создание «стало новым двигателем повышения комплексной конкурентоспособности старых промышленных баз Северо-Востока и уровня внешней открытости»⁶². Другими словами, Далянь с приморским поясом Ляонина должен был стать образцом развития для всего Северо-Востока на ближайшую перспективу.

К 2018 г. Далянь оставался лидером региона не только по количественным, но и по качественным показателям. В 2017 г. в городе насчитывалось около 18 000 предприятий с иностранным капиталом. Они давали 30% всех налоговых доходов города, обеспечивали более 48% городской внешней торговли, благодаря им было трудоустроено 500 тыс. человек⁶³.

Приморский пояс Дунбэя по характеру международных связей и большинству макроэкономических показателей в целом больше соответствует развитой восточной части страны, нежели северо-восточным провинциям (о региональном неравенстве в пров. Ляонин см. параграф 2.1. Его экономическое значение

настолько велико, что Ляонин часто относят не к северо-восточным, а к развитым восточным провинциям страны.

В большинстве прибрежных районов Китая иностранные инвестиции благоприятно сказывались на развитии не только территории — получателя инвестиций, но и соседних внутренних регионов за счёт сопутствующего эффекта⁶⁴. Однако привлечение приморской частью пров. Ляонин иностранного капитала имело негативные последствия для возрождения старых промышленных баз остальной части Северо-Востока. Это объясняется тем, что иностранные инвестиции в большинстве случаев шли в отрасли, которые отсутствовали или были слабо развиты во внутренних районах страны: в Дунбэе уже существовала мощная производственная база, которая не могла конкурировать с вновь создаваемыми или модернизируемыми предприятиями тех же отраслей на побережье Ляонина⁶⁵.

Россия не является ключевым партнёром ни во внешнеторговой, ни тем более в инвестиционной деятельности приморской зоны Северо-Востока. В 2016 г. торговля Даляня с Россией составила 2,2 млрд долл. США, т.е. чуть более 4,3% общего товарооборота города⁶⁶. По сравнению с 2010 г. товарооборот вырос почти в три раза, и Россия стала пятым партнёром города после Японии, США, Южной Кореи и Сингапура. Главным драйвером роста торговли с Россией является импорт сырьевых товаров.

Внутренние районы Северо-Востока

Внутренние районы Дунбэя своё вхождение на международный рынок начали значительно позже приморской зоны. Континентальную часть страны государство стало «открывать» для международного сотрудничества только с 90-х гг. XX в. В 1992 г.

Госсовет КНР принял решение предоставить преференции в области внешнеэкономической деятельности административным центрам внутренних провинций⁶⁷. К концу 1990-х гг. они были распространены практически на всю внутреннюю часть страны, однако преференциальная политика не носила комплексного характера и лишь отчасти могла копировать опыт развития приморской зоны. По расчётам сотрудников Китайской академии наук, построивших эконометрическую модель роста территорий Китая без учёта и с учётом эффекта политики внешней открытости, такая политика в приморской зоне в 90-е гг. XX в. давала прибавку к росту ВРП региона в размере 20%, а в центральных и западных районах Китая — всего лишь чуть более 4%⁶⁸.

Даже после начала реализации программы возрождения старых северо-восточных промышленных баз (2003) Пекин не предоставил внутренним районам каких-либо преференций в сфере внешнеэкономической деятельности, которые бы выгодно выделяли эти районы среди других территорий Китая. В целом, по мнению профессора Цзинь Фэнцзюня, степень внешней открытости внутренних районов Дунбэя уступала налоговым режимам, которые существовали в приморских и даже западных районах страны⁶⁹.

Во внутренних районах пров. Ляонин и Хэйлунцзян, а также в пров. Цзилинь торговое и инвестиционное сотрудничество сосредоточено в крупнейших промышленных городах Шэньян, Чанчунь, Цзилинь, Харбин, Дацин, Цицикар и т.д. Оно направлено в основном на импорт сырья, комплектующих (в частности — для Первого автомобильного завода в г. Чанчунь) и оборудования из развитых стран, однако в силу континентального положения этих городов не может сравниться с высокими показателями, которых достигла приморская часть

Северо-Востока (табл. 8). Эти территории характеризуются отрицательным сальдо. В 2016 г. в Дацине импорт превышал экспорт в 11 раз, в Чанчуне — в 6,5 раза, в Шэньяне — на 67%, в Харбине — на 36%.

Таблица 8

**Внешнеторговая деятельность
провинциальных столиц Северо-Востока в 2016 г.⁷⁰**

Город	Основные внешнеторговые партнёры (по убыванию объёмов торговли)	Объём внешней торговли, млрд долл. США	Доля России во внешней торговле, %
Шэньян	Германия, США, Южная Корея, Япония	11,3	0,6
Харбин	США, Бразилия, Германия, Япония, Турция	3,9	3,4
Чанчунь	Германия, Япония, Венгрия, Чехия, Бельгия	14,2	0,4

Как и в случае с приморской зоной, объёмы торговли с Россией занимают достаточно скромное место во внешнеторговом обороте этих территорий.

Не добились серьёзных успехов внутренние районы и в сфере привлечения иностранного капитала. Например, в 2016 г. доля пров. Цзилинь и Хэйлунцзян в общенациональном объёме инвестиций, произведённых компаниями с иностранным капиталом, составляла 0,6% и 0,5% соответственно⁷¹, что явно ниже доли хозяйства этих провинций в экономике страны. В этом же году внутренняя часть пров. Ляонин привлекла прямые иностранные инвестиции в размере 1 млрд долл. США (более 80% этой суммы принадлежало г. Шэньян)⁷². Внутренние районы Хэйлунцзяна накопили 5,1 млрд долл. США (из них более 60% приходится на г. Харбин)⁷³, Цзилинь — 2,3 млрд долл. США (на столицу провинции г. Чанчунь приходится 53%)⁷⁴.

Приграничная зона Северо-Востока

Третью зону международного экономического сотрудничества Дунбэя сформировали приграничные с Россией уезды и города. С середины 90-х гг. XX в. компании приграничных территорий получили право ввозить товары по сниженным вдвое налоговым ставкам, а на некоторые виды сырьевых товаров ставки были фактически обнулены. Более того, упрощение процедур ведения приграничной торговли и её поощрение со стороны местных властей позволяло частным лицам и компаниям платить намного меньше налогов, чем во внутренних районах страны⁷⁵. Помимо преференций в области международной торговли и инвестиционной деятельности, которые получали компании на всей территории страны, фирмам приграничных территорий предоставили также преференции в виде субсидирования экспорта и значительных премий от местных властей в зависимости от результатов международной экономической деятельности⁷⁶. В 1996 г. население приграничных территорий могло беспрошленно ввозить в Китай товары на сумму 1000 юаней, в 2008 г. — уже на сумму 8000 юаней⁷⁷. С середины 2000-х гг. многие налоговые преференции были заменены на целевые трансферты из центрального бюджета⁷⁸. Таким образом центральные власти Китая продолжили поддержку института приграничного сотрудничества в стране. В первые годы Пекин требовал направлять эти трансферты исключительно на совершенствование инфраструктуры и организацию работы приграничных территорий, а также на улучшение социальной сферы. Однако в дальнейшем, очевидно, в силу недовольства местных властей и бизнеса центральное правительство разрешило использовать получаемые деньги и для финансирования приграничных торгово-экономических компаний⁷⁹.

Географическое положение приграничной зоны Северо-Востока изначально дало транспортные преимущества региону в торговле с Россией. Например, в 2014 г. пров. Хэйлунцзян 86% всего стоимостного объёма товарооборота с РФ пропускала через Харбинскую таможенную (в неё входят пункты пропуска Суйфэньхэ, Хэйхэ и Тунцзян)⁸⁰.

В свою очередь, институт приграничной торговли позволил предприятиям городов и уездов, непосредственно граничащих с РФ, долгое время доминировать в товарообороте с Россией и её Дальним Востоком⁸¹ (табл. 9). Вплоть до конца 2000-х гг. на эти компании приходилось 60—90% от всего объёма торговли с Россией. И лишь с отменой прямой поддержки предприятий приграничной торговли, снижением спроса в России на китайскую продукцию сельского хозяйства и лёгкой промышленности, падением мировых цен на сырьевые товары,

Торговля Дунбэя с Россией,

Район	Год					
	2000	2002	2004	2006	2008	
Цзилинь	68	57	110	439	755	
Ляонин	236	129	532	1 007	1 603	
Внутренние районы пров. Хэйлунцзян	48	74	212	549	2 025	
Приграничная зона пров. Хэйлунцзян	1 326	2 258	3 611	6 137	9 037	
СВК, всего	1 679	2 520	4 465	8 133	13 421	
Доля предприятий приграничных территорий в торговле Хэйлунцзяна с Россией, %	96,4	96,8	94,4	91,8	81,7	
Доля предприятий приграничных территорий в торговле Дунбэя с Россией, %	79,0	89,6	80,8	75,4	67,3	

которые поставляла Россия в Китай, доля приграничной зоны Хэйлунцзяна (и Цзилини) снизилась до 28%.

Успех внешнеторговых компаний на окраинных территориях Дунбэя был обусловлен не только преференциями различного уровня со стороны правительства КНР, но и монополией этих компаний на различные неформальные практики торговли, сложившимися на российско-китайской границе⁸³. В результате этого многие предприятия внутренних районов КНР были вынуждены обращаться к посредническим услугам фирм приграничных уездов и городов Северо-Восточного Китая. Ещё в 2010 г. почти половина экспортируемых Хэйлунцзяном товаров была произведена в других провинциях⁸⁴. К 2016 г. ситуация изменилась: экспорт товаров, произведённых в провинции, и товаров, вывезенных провинциальными компаниями, достиг равновесия⁸⁵. В импорте же дисбаланс сохранился: хэйлунцзянские компании

Таблица 9

млн долл. США⁸²

	2010	2012	2014	2016
	624	822	577	435
	1 601	2 454	2 431	3 254
	1 345	7 928	12 991	5 531
	6 128	13 381	10 292	3 661
	9 698	24 585	26 291	12 881
	82,0	62,8	44,2	39,8
	63,2	54,4	39,1	28,4

завозили больше, чем оставалось в провинции. На уездном уровне такие данные отсутствуют, однако, учитывая характер внешнеэкономической деятельности предприятий приграничного пояса провинции, можно предположить, что именно они во многом обуславливали посредническую функцию Хэйлунцзяна во внешнеторговой статистике.

Благодаря контролю торговых потоков в 2004 г. 10 из 100 крупнейших частных экспортёров КНР располагались в приграничных с Россией уездах⁸⁶. К 2010 г. их число

сократилось до 7 (табл. 10), а в 2016 г. только две фирмы оказались в четвёртой сотне ведущих экспортёров страны. Это говорит о том, что российско-китайская приграничная торговля позволяла китайским компаниям наращивать внешнеэкономический капитал намного успешней, чем в целом по стране. Данная особенность сильно отличала приграничные с Россией территории Китая от приморских районов страны, где основную роль в формировании внешней торговли играли иностранные инвестиции, а крупнейшими внешнеэкономическими компаниями являлись компании с иностранным капиталом. Если в 2009 г. на долю иностранных компаний в целом по Китаю приходилось более 55% международного товарооборота, то в провинции Хэйлуцзян этот показатель составлял менее 5%⁸⁷.

Многие внешнеторговые компании китайского приграничья, накопив необходимый капитал и опыт, позднее стали осуществлять инвестиции в южную часть Дальнего Востока. В Примор-

Таблица 10

Фирмы приграничных с Россией провинций, входящие в число 100 крупнейших частных компаний-экспортёров Китая в 2009 г.⁸⁸

Город / уезд	Название компании	Место в рейтинге	Объём экспорта, млн долл. США
Дуннин	Торгово-промышленная компания «Хуаюй»	10	401,9
Хуньчунь	Торговая компания «Чжунэ Хуши»	20	316,9
Хэйхэ	Торговая компания «Хуатай»	25	289,5
Хэйхэ	Торговая компания «Чэнфэн»	26	289,5
Мишань	Торгово-экономическая компания «Дахуа»	83	154,2
Дуннин	Торгово-промышленная корпорация «Цзисинь»	95	145,6

ском крае, например, «Хуаюй» является главным инвестором зоны «Хуаюй» в Октябрьском районе, «Цзисинь» стала одним из основных инвесторов зоны «Канцзи» в г. Уссурийск, фирма «Хуасинь» создала группу компаний «Армада», которая занимается сельским хозяйством, строительством недвижимости, производством строительных материалов⁸⁹.

Накопленный капитал позволил компаниям приграничных городов и уездов Северо-Востока начать торговлю с другими странами. Если в 2000 г. на Россию приходилось более 91% их товарооборота, то в 2010 г. — только 42%⁹⁰. В 2017 г. около 13 млрд юаней, или 40% всего внешнего товарооборота компаний округа Муданьцзян (куда входят приграничные Суйфэньхэ и Дуннин), пришлось на неизвестные страны⁹¹. Ответ на вопрос о том, с кем и чем могут торговать города и уезды, находясь непосредственно на российско-китайской границе и не имея мощной промышленной базы, даёт официальная статистика г. Муданьцзян. Значительные объёмы внешней торговли пришлось на страны Африки и Латинской Америки⁹². Очевидно, поддерживаемые местными властями внешнеторговые компании приграничной зоны в последние годы активно осуществляют торговлю через порты приморской зоны. Дифференциация торговых связей позволила приграничным районам Дунбэя за последнее десятилетие вдвое увеличить свою долю экспорта в общенациональном объёме вывозимых товаров, в отличие от приморской и внутренней зон Северо-Востока, доля которых сократилась (рис. 8)⁹³.

Заключение

Рыночные реформы в Китае в целом негативно сказались на внешнеэкономическом положении Дунбэя. Регион первоначально мог встроиться в международную систему разделения труда только за счёт экспорта сырья и продукции сельского

хозяйства, в меньшей степени — трудоёмких производств. Доля региона во внешней торговле и привлечённых инвестициях Китая неизменно падала.

Старопромышленные базы не могли стать флагманом внешнеэкономических связей региона, так как в целом не были конкурентоспособными на мировом рынке. Для их возрождения также не удалось привлечь значительного количества иностранного капитала, хотя Пекин изначально предполагал, что важную роль в возрождении Северо-Востока будут играть зарубежные инвестиции и технологии.

По характеру внешнеэкономической деятельности Дунбэй не является однородным. Анализ на окружном и уездном уровнях показывает значительную концентрацию внешнеэкономической активности в приграничных уездах, портовых городах и провинциальных столицах макрорегиона.

В настоящее время нельзя говорить о полноценном торгово-экономическом сотрудничестве Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Фактически вся торговля между двумя макрорегионами сконцентрирована с китайской стороны в уездах и городах вдоль государственной границы, с российской — в административных центрах приграничных регионов. Во многом торговля является посреднической и мало связана с реальным сектором экономики Дунбэя, производителями и конечными получателями товаров являются восточные и центральные провинции КНР.

3.3. ТУРИСТИЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ

С конца XX в. туризм начал играть заметную роль в развитии регионов Китая. Эта индустрия способствует росту экономики не только через структуры, непосредственно с ней связанные (сеть гостиниц и т.п.), но и опосредованно, путём

улучшения транспортно-логистической сети, расширения производства и потребления товаров и услуг, привлечения инвестиций в смежные отрасли. В социальном плане происходит возрастание занятости населения, его доходов, что, в свою очередь, увеличивает внутреннее потребление и снижает напряжённость в обществе. Таким образом, туризм становится важным фактором экономического развития.

В КНР активизация данной отрасли приходится на начало эпохи реформ, когда правительство приступило к реализации политики открытости внешнему миру. Северо-Восточный Китай включился в этот процесс главным образом с 1990-х гг., когда на регион была распространена политика открытости. Например, в пров. Хэйлунцзян наибольшее развитие получил приграничный туризм, нередко прикрывавший «серые» схемы перемещения товаров на территорию России. Однако в результате роста доходов населения сопредельных территорий Дальнего Востока с начала 2000-х гг. постепенно увеличивалась доля поездок с познавательными, образовательными или медицинскими целями.

Численность иностранных туристов в провинциях Северо-Восточного Китая постоянно возрастала. Для Ляонина основным стал поток из Японии, который за 1990—2000-е гг. возрос более чем в 26 раз, однако его доля постепенно сокращалась (с 54,6% в 1990 г. и 43,3% в 2000 г. до 31,1% в 2011 г. и до 20,1% в 2016 г.)⁹⁴, что было вызвано наплывом туристов из других стран. Ввиду того что материалы официальной статистики не полны, мы не можем точно сказать, из каких государств увеличился приток туристов (например, направление из Республики Кореи в статистических материалах не указывалось, а прочие страны давали сравнительно небольшой поток путешественников). Российское направление, как указано в табл. 11, за весь рассматриваемый период занимало довольно скромный объём,

**Численность иностранных туристов трёх
(2000—2016),**

Годы	2000	2003	2005	2008	2009	2010	
Пров. Хэйлунцзян							
Всего	504,6	546,3	764,2	1933,3	1350,3	1648,3	
РК	22,7	18,6	22,2	76,9	117,2	146,1	
Япония	33,5	31,4	40,8	49,2	45,7	59,2	
Россия	425,7	462,4	648	1713,8	1070,9	1317,3	
Россия, %	84,3	84,6	84,7	88,6	79,3	79,9	
Пров. Цзилинь							
Всего	н/д	185,2	306,7	524,6	582,8	721,5	
РК	н/д	34,6	129,4	219,5	247,7	314,9	
Япония	н/д	23,2	45,1	69,5	70,2	73,5	
Россия	н/д	90,4	85,9	176,0	199,8	259,7	
Россия, %	н/д	48,8	28,0	33,5	34,2	36,0	
Пров. Ляонин							
Всего	500,5	668,0	1111,0	2072,7	2507,4	3070,0	
Япония	216,8	241,1	429,8	708,0	869,4	1018,9	
Россия	19,8	33,7	63,4	132,8	159,0	216,1	
Россия, %	3,9	5,0	5,7	6,4	6,3	7,0	
СВК							
Всего туристов	1005,1*	1399,5	2181,9	4530,6	4440,5	5439,8	

* без пров. Цзилинь

несмотря на более чем десятикратный рост. По некоторым данным, россияне интересуются парками развлечений, спа-курортами, автомобильным туризмом и др.⁹⁵

В 1990-е гг. постепенно возрастал поток туристов из России в приграничную пров. Хэйлунцзян. За весь период доля российских туристов в этом регионе была наибольшей, достигнув в 2008 г. 88,6%, но под влиянием мирового экономического кри-

Таблица 11

провинций Северо-Восточного Китая
тыс. чел. / раз⁹⁶

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	1978,4	1947,3	1450,1	1322,8	786,8	908,7
	210,8	194,2	185,7	178,9	122,8	111,1
	116,9	47,9	23,8	21,5	23,3	22,9
	1463,3	1527,8	972,8	919,0	609,6	741,7
	73,9	78,4	67,0	69,4	77,4	81,6
	854,9	1009,0	1104,5	1199,4	1292,0	1421,7
	377,9	443,4	524,9	612,3	786,5	853,0
	74,6	55,1	52,9	45,7	47,5	55,4
	317,0	319,7	341,8	290,7	248,8	187,9
	37,0	31,6	30,9	24,2	19,2	13,2
	3444,1	4731,3	5031,2	2607,0	2640,0	2736,6
	1072,9	1035,3	742,6	362,4	531,5	550,9
	224,8	276,8	323,3	170,4	202,1	224,5
	6,5	5,8	6,4	6,5	7,6	8,2
	6277,4	7687,6	7585,8	5129,2	4718,8	5067,0

зиса произошёл существенный спад числа посещений из нашей страны, и к началу 2010-х гг. эти значения не достигли докризисных показателей. В определённой мере это вызвано ростом курса юаня к рублю и в целом возрастанием индекса цен в КНР, что снизило покупательную способность российской валюты и привело к сокращению популярных шоп-туров в приграничные города китайского Приамурья. С 2013 г. число российских

туристов снова начало резко сокращаться; особенно обвальным стал 2015 г., когда было зарегистрировано лишь 609,6 тыс. пересечений границы россиянами. Причины «обвала» очевидны: резкая девальвация российской валюты и существенное сокращение покупательной способности граждан России.

В 1990-е и в первой половине 2000-х гг. второй по величине турпоток был из Японии, однако со второй половины 2000-х гг. на второе место вышла Республика Корея. Во многом такие изменения вызваны возрастанием торгово-экономических связей провинции с этой страной. Определённый «вклад» вносят и краткосрочные поездки с образовательными целями, а также бизнес-туры граждан Страны утренней свежести⁹⁷.

Турпоток в пров. Цзилинь рос медленно и до 2015 г. уступал потоку в Хэйлунцзян и тем более в Ляонин. Здесь, в отличие от соседей, количество иностранных туристов не «галопировало», увеличиваясь поступательно с 185,2 тыс. чел. в 2003 г. до 1421,7 тыс. чел. в 2016 г. (в 7,6 раза). При этом ни в период мирового экономического кризиса 2008—2009 гг., ни в последнее время (с 2014 г.) в регионе не наблюдалось падение числа гостей.

Республика Корея формирует основной поток прибывших в пров. Цзилинь, в 2016 г. на неё пришлось 60% турпотока (18,6% в 2003 г. и 43,6% в 2010 г.). В регионе расположены два автономных района окружного и уездного уровней и в целом на территории Цзилини проживает большая корейская диаспора⁹⁸, что усиливает притяжение гостей из Кореи.

На протяжении исследуемого периода заметна значительная численность туристов из России. В 2003 г. их доля составляла 48,8%, но к настоящему времени турпоток сократился, что вызвано теми же причинами, что и в пров. Хэйлунцзян. В 2000-е и в начале 2010-х гг. популярными среди россиян были краткосрочные шоп-туры в приграничные г. Хуньчунь

и Яньци (расположены в Яньбянь-Корейском автономном округе пров. Цзилинь), а также посещение гор Чанбайшань и местных достопримечательностей.

Развитие туризма стало неотъемлемой частью политики возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая и всемерного развития третичного сектора экономики, закреплённой в «Стратегии возрождения Северо-Востока и других старопромышленных баз» (2003), «Плане возрождения Северо-Восточного Китая» (2007) и других руководящих документах⁹⁹.

Как видно из данных табл. 12, доходы от туристической отрасли за рассматриваемый период существенно возросли. При этом наибольший рост связан с внутренним туризмом (в 7,8 раза в Хэйлунцзяне, 20,3 раза — в Цзилини и 10 раз — в Ляонине),

Таблица 12

**Доходы туристической отрасли по провинциям
Северо-Восточного Китая (2003—2012)¹⁰⁰**

Год	Внутренний туризм, млрд юаней			Внешний туризм, млн долл. США		
	Хэй- лунцзян	Цзилинь	Ляонин	Хэй- лунцзян	Цзилинь	Ляонин
2003	20,0	14,0	41,0	244	66,0	454,0
2005	25,0	22,0	67,0	340	120,0	738,0
2007	38,0	34,0	121,0	643	179,0	1228,0
2010	83,0	71,0	253,0	762	305,0	2259,0
2011	103,0	90,0	316,0	918	385,0	2713,0
2012	124,8	114,6	374,2	840	494,7	3183,0
2013	134,8	144,1	443,2	600	570,5	3477,1
2014	103,1	176,6	519,0	560	675,3	1618,0
2015	133,7	222,0	362,0	400	724,1	1682,7
2016	157,3	284,5	412,2	460	791,2	1741,4

что во многом определяется ростом благосостояния в китайском обществе и политикой расширения внутреннего спроса, активно проводимой руководством КНР с начала 2000-х гг. Пров. Ляонин — лидер в абсолютном приросте туристов из Китая, что объясняется целой серией причин: наличием выхода к морю и соответствующей рекреационной инфраструктуры (например, в районе города-порта Далянь), более высоким уровнем развития сервиса по сравнению с Цилинью и Хэйлунцзяном, размещением исторических достопримечательностей XVII—XVIII вв., таких как императорский дворец («шэньянский Гугун»), мавзолей Абахая в Шэньяне и др.

Помимо внутреннего, растёт и иностранный туризм (с 2003 по 2016 гг. доходы Хэйлунцзяна возросли в 1,8 раза, Цилини — в 11,9 раза и Ляонина — в 3,8 раза). Как видно из приведённых данных, Хэйлунцзян является аутсайдером в темпах прироста доходов. Во многом это объясняется снижением турпотока из России. Здесь, как уже отмечалось выше, снижение интереса вызвано сокращением «челночного» бизнеса, который фиксировался как «приграничный туризм», а также в целом падением привлекательности Хэйлунцзяна и КНР для россиян. По данным посольства РФ в КНР, в 2012 г. турпоток в Китай сократился на 12%, а количество всех поездок — на 5%¹⁰¹. В 2016 г., ввиду стабилизации социально-экономической обстановки в России, был зафиксирован взрывной рост поездок в КНР. Турпоток вырос с 1284,3 тыс. чел. до 1676,2 тыс. чел. (рост на 31%). В 2017 г. темпы роста сократились до 19,5% (въехало 2003 тыс. граждан РФ). Однако эти данные относятся к поездкам не в северо-восточный регион КНР, а в страну в целом, поэтому в региональном разрезе они не вполне репрезентативны¹⁰².

Аналогичные процессы заметны в поездках граждан КНР в Россию, основной поток которых направляется в Москву, Санкт-Петербург и Владивосток. По данным Ростуризма, всего

в РФ в 2015 г. въехало 1211,5 тыс. чел., в 2016 г. — 1288,7 тыс. чел. (рост 15%) и в 2017 г. — 1478 тыс. чел. (+14,7%)¹⁰³. В приграничные с Китаем регионы Дальнего Востока в 2015 г. въехало 209,7 тыс. чел. (120,9 тыс. чел. — в Приморский край, 70,1 тыс. чел. — в Амурскую область, 18,7 тыс. чел. — в Хабаровский край), в 2016 г. — 294,5 тыс. чел. (191,4 тыс. чел., 79,9 тыс. чел. и 23,2 тыс. чел. соответственно по регионам). В 2017 г. приграничные территории Дальнего Востока России посетило 333,1 тыс. чел. (212,6 тыс. чел., 94,9 тыс. чел. и 25,6 тыс. чел. соответственно)¹⁰⁴.

В 2012 г. доходы от туризма¹⁰⁵ трёх северо-восточных провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) достигли 644 млрд юаней (рост на 21,3% по отношению к 2011 г.), что составило 12,8% от регионального ВВП (5043 млрд юаней)¹⁰⁶. Этот показатель был существенно выше среднего значения по стране — 5% от ВВП. Таким образом, туризм стал играть довольно существенную роль для экономики региона. В связи с важностью рассматриваемой отрасли Государственное управление по туризму и Госкомитет по развитию и реформе в 2009 г. разработали «План развития туристической отрасли Северо-Восточного Китая» (далее — План)¹⁰⁷. Документ был принят в марте 2010 г.¹⁰⁸ Реализация настоящего плана была предусмотрена на период с 2010 по 2015 гг., а по важнейшим направлениям — до 2020 г.

Целью документа являлось ускорение развития «туристической экономики», повышение качества предлагаемого продукта, улучшение структуры туристической отрасли, совершенствование инфраструктуры. Основные индикаторы развития туристической сферы представлены в табл. 13. Исходя из них, к 2015 г. общие доходы от туризма должны были возрасти в 2,5 раза, а туристический поток — увеличиться в 2,2 раза.

Согласно Плану необходимо было повышать международную конкуренцию в сфере зимнего туризма и использовать

Таблица 13

**Основные показатели развития туристической отрасли
Северо-Восточного Китая на 2008—2015 гг.¹⁰⁹**

Экономические показатели	2008	2015	Среднегодовой прирост, в %
Общие доходы туристической отрасли, млрд юаней	342,3	856,0	14
Общее количество туристов, млн чел. / раз	350,0	800,0	13
Количество иностранных туристов, млн чел. / раз	6,6	13,7	11
Объём доходов от иностранного туризма, млрд долл. США	3,1	7,0	12

имеющиеся бренды для продвижения менее известных направлений. Например, в пров. Хэйлунцзян пользуется большой известностью Международный фестиваль снега и льда, проводимый в г. Харбине. Соответственно, предлагалось привлекать туристов не только на это мероприятие, но и на горнолыжный курорт Ябули. В пров. Цзилинь надлежало объединять спортивные мероприятия в г. Чанчуне и Цзилине с рекреационными зонами в районе оз. Бэйдаху. Отдых на горнолыжной базе в области горного хребта Чанбайшань предлагалось дополнить лечебными процедурами в термальных источниках. В целом планировалось создать четыре бренда зимних видов туризма мирового уровня.

Немалое внимание уделялось в документе формированию экотуризма. Основные базы, согласно требованиям Плана, предлагалось создавать в районе Большого и Малого Хингана, Чанбайшаня и Ляодуна, вдоль нижнего течения Ляохэ, Трёхречья (р. Ялуцзян, Сунгари и Амур). Всего на территории Северо-Восточного Китая и Восточной части Внутренней Монголии предстояло построить десять центров экологического туризма.

Особое значение в документе придавалось развитию приграничного туризма. Здесь предлагалось усилить сотрудничество посредством упрощения формальностей по пересечению границы и таможенных процедур. С Россией, КНДР и Монголией планировалось активно развивать сухопутные туристические коридоры, с Японией, Южной Кореей и с Россией — морские сообщения. В таких приграничных городах, как Маньчжоули, Аргунь, Эрлянь (Внутренняя Монголия), Хэйхэ, Суйфэньхэ, Тунцзян (Хэйлунцзян), Дандун (Ляонин) и Тумэнь (Цилинь) надлежало улучшать туристическую инфраструктуру и создавать сервисные центры. Не обойдены были вниманием и малые города и посёлки приграничья — Мохэ, Фуюань (Хэйлунцзян), Хуньчунь, Цзиань (Цилинь), привлечение туристов в которые дало бы толчок к их росту.

Развитие приграничного туризма руководство КНР считает необходимым разворачивать по нескольким линиям. Во-первых, это связь с КНДР (пров. Ляонин: г. Шэньян — Дандун — Пхеньян; пров. Цилинь: г. Яньци — Хуньчунь — Чхонджин — Раджин). Во-вторых, отношения с регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ (пров. Цилинь: г. Яньци — Хуньчунь — Владивосток; пров. Хэйлунцзян: г. Харбин — Муданьцзян — Суйфэньхэ — Владивосток, г. Харбин — Цзямусы — Фуюань — Хабаровск, г. Харбин — Удалянчи — Хэйхэ — Благовещенск; АРВМ: г. Хайлар — Аргунь — Чита, г. Маньчжоули — Забайкальск — Чита). В-третьих, необходимо развитие линии Аршань — Чойбалсан (МНР).

Сотрудничество с Россией является наиболее актуальным ввиду его большой роли в развитии приграничных территорий. Если для провинциальных центров (Шэньяна, Чанчуня и Харбина) привлечение россиян не имеет определяющего значения, то для соседних с Дальним Востоком Суйфэньхэ, Муданьцзяна и особенно Хэйхэ расширение такого сотрудничества необходимо.

В 1990-е гг. экономика приграничья строилась на полукустарном производстве товаров (в основном это была продукция волостно-поселковых предприятий), ориентированных на Россию, а в 2000-е гг. эти города и посёлки постепенно всё больше расширяли посредническую торговлю, прочие услуги, такие как пошив одежды под заказ, производство мебели, медицинские услуги, спа-салоны и т.п.

В сфере познавательного туризма Планом предусматривалось освещение истории региона, демонстрация культуры этнических меньшинств (маньчжуров, корейцев, эвенков, хэчжэ-нанайцев и др.). В частности, во всех провинциях действуют музеи национальностей.

Ещё одно направление — стимулирование приморского и «индустриального» туризма. В первом случае рекомендовалось диверсифицировать предложение услуг, во втором — создавать маршруты по основным промышленным объектам региона. Если приморский туризм можно развивать лишь на юго-востоке пров. Ляонин, то индустриальные объекты расположены во всех провинциях региона (благо Северо-Восточный Китай является крупнейшим промышленным центром КНР).

В целом, по мнению авторов Плана, результатом работы должно было стать появление бренда «Большой Дунбэй». Сам же План представлял собой довольно развёрнутую стратегию развития туристической отрасли на ближне- и среднесрочную перспективу.

Однако реальные и целевые показатели значительно разнятся. Регионы Дунбэя, несмотря на значительный рост в отрасли, не смогли достичь запланированных цифр¹¹⁰. Причинами такого провала стал ряд внешних и внутренних факторов. Внешние связаны с сокращением числа приезжих из России и других стран (кризис 2008 г., обвал рубля после 2013 г.). К внутренним можно отнести замедление экономики КНР и, как следствие,

уменьшение числа туристов. Также Дунбэю трудно конкурировать со многими другими регионами Восточного, Центрального и Северного Китая, в которых сосредоточено большинство исторических достопримечательностей, природных памятников, тёплых курортов.

Тем не менее туристическая отрасль в начале XXI в. заняла достойное место в экономике региона. К концу изучаемого периода её доля в хозяйстве Дунбэя была выше, чем в среднем по стране. Туристическая отрасль туристической отрасли уже принадлежит значительная часть третичного сектора, расширение которого способствует абсорбции значительных трудовых ресурсов, что снижает социальную напряжённость и в целом приводит к улучшению социально-экономической ситуации. Создание актуального туристического продукта привлекает гостей как из КНР, так и из зарубежных стран. Особую роль он играет для экономики российско-китайского приграничья, позволяя развиваться небольшим городам и посёлкам, вовлечённым в эту индустрию. Запланированный комплекс мероприятий, направленный на развитие туризма, свидетельствует о стремлении властей к увеличению экономического эффекта этой отрасли в социально-экономических процессах региона.

3.4. СТРАТЕГИИ И ПРОГРАММЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

В 2000—2010-е гг. сотрудничество Северо-Востока Китая с Россией концентрировалось на узкой полосе приграничных уездов пров. Хэйлунцзян и Цилинь (см. параграф 3.2). Было бы логичным предположить, что в Китае, где на рубеже 1980—1990-х гг. пограничные уезды получили преференции в сфере ВЭД и где с 1999 г. официально проводится политика

«возрождения окраин для процветания их жителей» (兴边富民行动), именно на этом уровне проводится основное планирование и анализ межрегионального взаимодействия с Россией. Но это не так.

В 2000-е и 2010-е гг. базовой территориальной единицей официальных программ, научных и экспертных исследований приграничного сотрудничества за редким исключением являлись отдельные провинции или весь северо-восточный макрорегион. Даже в самом близком по замыслу и содержанию к уездному уровню документе Госсовета — «Программе приграничной открытости и освоения провинции Хэйлунцзян и северо-восточных районов Внутренней Монголии»¹¹¹ — предлагаются способы развития сотрудничества с Россией на провинциальном, а не уездном уровне. Ключевые научные журналы, специализирующиеся на вопросах субнационального сотрудничества России и Китая — «Сиболия Яньцзю» (西伯利亚研究) или «Элосы чжунъя дуноу шичан» (俄罗斯中亚东欧市场) — в 2000-е и в 2010-е гг. редко публиковали статьи с анализом сотрудничества приграничных уездов и городов с Россией¹¹². В основном анализ концентрировался на изучении вопросов сотрудничества конкретной северо-восточной провинции с Россией, её Дальним Востоком или конкретным субъектом федерации.

Вышеуказанная особенность имеет несколько причин. Ключевые органы в сфере ВЭД, научные и экспертные структуры Китая сосредоточены на центральном и региональном уровнях. Они, соответственно, занимались проблемами всей страны, макрорегионов или провинций, рассматривая округа и уезды лишь для конкретизации анализа или планирования. По линии провинциальных органов власти проходили основные политико-административные контакты с Россией. К тому же доминирующая на уездном уровне посредническая торговля оказывала лишь ограниченный эффект на развитие региона. К этому

стоит добавить, что в целом узкое понимание приграничного сотрудничества как взаимодействия низших административных единиц становится всё менее популярным как в российской¹¹³, так и в китайской¹¹⁴ науке ещё в 2000-е гг.

В данном параграфе мы рассмотрим, как власти северо-восточных провинций планировали развивать связи с Россией: в первой части проанализируем стратегии хэйлунцзянских властей, во второй — место восточных районов России в туманганских инициативах пров. Цзилинь, в последней рассмотрим попытку скоррелировать программы развития восточных регионов РФ и северо-восточных провинций КНР. У ляонинских властей не было артикулированных представлений о сотрудничестве с Россией, поэтому анализ этой провинции опущен.

Россия в стратегиях провинции Хэйлунцзян

Фактически единственной провинцией, власти которой с начала XXI в. пытались выработать официальную стратегию экономических отношений с Россией, была пров. Хэйлунцзян. Регион ещё с конца 1980-х гг. позиционировал себя в качестве платформы для сотрудничества Китая с Россией и её восточными районами. Этому были подчинены многие механизмы международных связей, включая Харбинскую торгово-экономическую ярмарку, двусторонние административные контакты (табл. 14), побратимские связи (табл. 15).

В конце 2001 г., после заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, губернатор региона Сун Фатан провёл рабочее совещание по вопросам торгово-экономического сотрудничества. На нём руководитель провинции, отмечая высокий потенциал Хэйлунцзяна и возможность внести значимый вклад в дело укрепления дружбы

Таблица 14
 Действующие международные соглашения регионов Дальнего Востока России с регионами КНР¹¹⁵

Регион Дальнего Востока РФ	Год заключения	Регион КНР	Название соглашения
Амурская область	2009	Хэйлунцзян	Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
ЕАО	2010	Хэйлунцзян	Соглашение об установлении побратимских отношений
	2004, 2010	Хэйлунцзян	Соглашения с тремя городскими округами пров. Хэйлунцзян: Цзямусы, Хэган, Ичунь
Забайкальский край	2010	АРВМ	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
	2015	АРВМ	Соглашение о создании механизма регулярных встреч руководителей регионов
	2010	Хэйлунцзян	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
Камчатский край	2010	Хэйлунцзян	Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах
Приморский край	2000	Хэйлунцзян	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве
	1999	Цзилнь	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве
Республика Саха	2004	Хэйлунцзян	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
Сахалинская область	2014	Хэйлунцзян	Соглашение об установлении побратимских отношений
Хабаровский край	2012	Гуандун	Соглашение об установлении дружественных связей
	2016	Цзилнь	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве

Таблица 15

**Побратимские связи северо-восточных провинций Китая
с российскими регионами**¹¹⁶

Провинция КНР	Регионы-побратимы в РФ (год)
Хэйлунцзян	Амурская область (1995), Хабаровский край (1995), Еврейская автономная область (1995), Сахалинская область (2010)
Цзилинь	Приморский край (1990), Волгоградская область (1993)
Ляонин	Новосибирская область (1993), Иркутская область (1994)

КНР с РФ, поставил задачу подготовить местные «Предложения по ускоренному расширению торгово-экономического сотрудничества с РФ», выслать рекомендации в Пекин и создать руководящую группу по вопросам торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с РФ¹¹⁷. Идеи Сун Фатана по улучшению отношений включали реализацию крупных двухсторонних проектов, развитие научно-технического сотрудничества, развитие приграничной торговли, развитие и совершенствование пунктов пропуска на границе, создание полноценных механизмов взаимодействия с властями приграничных российских регионов. Из открытых источников ничего не известно ни о работе руководящей группы, ни о том, были ли подготовлены вышеуказанные предложения в начале 2000-х гг.

В дальнейшем обогащение идейного поля, касающегося сотрудничества с РФ, пришлось на середину 2000-х гг. и было вызвано появлением стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока Китая. В соответствии с новыми задачами, поставленными Пекином в рамках этой стратегии, в августе 2004 г. губернатор пров. Хэйлунцзян Чжан Цзоцзи потребовал от местных чиновников поднять на новый уровень стратегию развития торгово-экономических связей с Россией, пробиваться на российский рынок, вести торговлю товарами

и комплектующими, развивать инвестиционное сотрудничество, строить пограничные переходы, создавать структуры для торговли с Россией¹¹⁸. В «Общем плане по восстановлению старопромышленной базы провинции Хэйлунцзян», утверждённом в декабре 2004 г., была поставлена задача развития преимуществ в сотрудничестве с Россией, создания «окна», через которое будет проходить открытие Китаем России, и транспортно-го коридора, объединяющего Европу и Азию. Далее в этом же пункте выделялись три основные сферы сотрудничества: наука, разработка природных ресурсов и торговля¹¹⁹.

Более развёрнутые планы в отношении России в рамках стратегии возрождения старопромышленной базы были представлены в 2005 г. в отдельном документе — «Предложениях Народного правительства Хэйлунцзян по расширению стратегии сотрудничества с Россией в научно-технической и торгово-экономической сферах»¹²⁰ (далее — Предложения). В нём перед провинцией ставились четыре основные задачи-«прорыва»: 1) осуществить прорыв в инвестиционном сотрудничестве с Россией в области сырья и энергоресурсов; 2) осуществить прорыв в области создания обрабатывающей базы, ориентированной на экспорт в Россию и импорт из России; 3) осуществить прорыв в области создания производительной и обрабатывающей сельскохозяйственной базы, ориентированной на Россию; 4) осуществить прорыв в области создания базы научного сотрудничества с Россией¹²¹.

Каждая из вышеуказанных задач имела свой проект осуществления, который был оформлен в отдельные приложения к Предложениям хэйлунцзянского правительства. Например, к 2008 г. пров. Хэйлунцзян должна была построить обрабатывающую базу, ориентированную на экспорт в Россию, состоящую из пяти центров с разной специализацией: Харбин, Муданьцзян, Дуннин, Суйфэньхэ и Хэйхэ. Объём

инвестиций провинции в России должен был составить к 2007 г. 400 млн долл. США, к 2010 г. — 800 млн долл. США¹²².

В отличие от предыдущих документов провинциальных властей по вопросам взаимодействия с РФ в вышеуказанных Предложениях были достаточно чётко прописаны механизмы реализации проектов, под них в бюджете провинции официально выделялось финансирование. В начале 2005 г. в целях создания инфраструктуры экспортно-производственных баз, ориентированных на Россию, провинциальное правительство выделило 102 млн юаней¹²³. В первой половине 2007 г. провинцией было выделено 106 млн юаней на создание 20 промышленных объектов (не связанных с сотрудничеством с РФ) и формирование ориентированных на Россию экспортных производственных баз¹²⁴. Сколько из этой суммы ушло на финансирование последних, в отчёте о выполнении провинциального бюджета не указывалось. В 2009 г. из провинциального бюджета также было направлено 120 млн юаней на строительство бондовой зоны в г. Суйфэньхэ¹²⁵.

Выполнение этой стратегии взял под свой контроль губернатор провинции, возглавив межведомственную руководящую рабочую группу регионального уровня. Руководящая рабочая группа по сотрудничеству с Россией в торгово-экономической и научно-технической сферах, созданная в 2001 г. и возглавляемая вице-губернатором, была расформирована¹²⁶.

В конце 2009 г., реагируя на разразившийся мировой финансовый кризис и вызванное им сокращение торговли с Россией, правительство Хэйлуцзяна выпустило «Предложения по адаптивному регулированию стратегии сотрудничества с Россией». В основном документ повторял содержание первых «Предложений», однако в нём имелось несколько новых предложений правительства по активизации экономических обменов. В документе открыто заявлялось, что необходимо усилить работу

по получению финансирования из центрального бюджета, продвигать отдельные проекты (например, по созданию деревообрабатывающей базы) и программы (по учреждению приграничного пояса открытости) в ранг государственных, с получением преференций от Пекина. Новый документ предлагал муниципалитетам других провинций и внутренним уездам Хэйлуцзяна совместно осваивать различные зоны развития в приграничных с Россией городах. Взаимовыгодная кооперация обеспечивалась оригинальным способом: внешние территории могли записывать в официальную статистику своего муниципалитета половину стоимости регионального продукта и внешней торговли, созданной его предприятием в приграничье¹²⁷.

В ноябре 2014 г. правительство провинции Хэйлуцзян приняло «Рабочую программу строительства экономического пояса восточного мультимодального Шёлкового пути»¹²⁸. Формально она стала той частью общенационального проекта, которая предполагает создание транспортного коридора и единого экономического пространства между Китаем, Монголией и Россией. С содержательной точки зрения она не предложила ничего радикально нового во взглядах на сотрудничество с Россией — фактически её главные идеи совпадают с содержанием предыдущих стратегий. В ней перечисляются текущие идеи развития сотрудничества, не предлагаются конкретные механизмы их реализации, поэтому программа была больше похожа на документ, задающий ориентиры, нежели на программу реальных действий.

Можно выделить два направления сотрудничества, которые для властей провинции представлялись наиболее перспективными для своего ответвления Шёлкового пути:

1. Транзит. Власти провинции планировали в ближайшие годы наладить регулярные грузоперевозки по двум маршрутам: «Харбин — Маньчжоули — Россия — Европа»

и «Харбин — Суйфэньхэ / Тунцзян — Дальний Восток РФ — восточные провинции Китая / страны Северо-Восточной Азии». Текущая пятилетка провинции (до 2020 г.) предлагает «...искать пути и способы участия в строительстве транспортного коридора «Приморье-1» и портов Владивостока, их инвестировании и управлении»¹²⁹.

2. Инвестиции. Хэйлунцзянское правительство планировало поощрять массовый вывод провинциального капитала в освоение природных ресурсов, сельское и лесное хозяйство России и других соседних стран.

Хэйлунцзянский Шёлковый путь предполагал, что транспортный пояс и китайские инвестиции должны дополняться трансграничными товаропроизводящими цепочками. Звенья этих цепочек — торгово-экономические базы, зоны и парки. Базы по переработке российского сырья или продукции должны располагаться в самой провинции. На границе, соответственно, планировалось создание трансграничных экономических зон, наподобие проекта приграничной торгово-экономической зоны «Пограничный — Суйфэньхэ» (ПТЭК). В самой России их должны дополнить промышленные, сельскохозяйственные и высокотехнологические парки для китайских инвесторов.

В апреле 2015 г. хэйлунцзянский партком КПК и правительство совместно приняли «Программу строительства экономического пояса Хэйлунцзянского мультимодального Шёлкового пути „Экономического коридора Китай — Монголия — Россия“»¹³⁰. Документ не был опубликован в полном виде. Сокращённая для открытого доступа версия документа раскрывает видение текущих и будущих транспортных артерий, связывающих провинцию с внешним миром через Россию и Монголию¹³¹. Реализация программы намечена до 2025 г. и предполагает прохождение трёх этапов. На первом этапе (2014—2015 гг.) требовалось

связать провинциальную программу с общекитайской стратегией «Один пояс, один путь» («подготовительный этап»). На втором этапе (2016—2020 гг.) предполагается связать основные транспортные сети Хэйлунцзяна наиболее удобными транзитными коридорами с Европой и Азией. На третьем этапе (2021—2025 гг.) планируется завершить создание трансграничной транспортной сети через Россию в Европу, сформировать эффект масштаба и придать ускорение экспортно ориентированной экономической системе.

В последних важнейших программных документах Хэйлунцзяна российские регионы продолжают фигурировать в качестве ключевого международного партнёра. В 13-м пятилетнем плане провинции (2016—2020 гг.) Россия упоминается 60 раз. В нём указаны восемь базовых задач, которые должны быть выполнены в регионе. Вот одна из них:

«Требуется сформировать систему всесторонней внешней открытости с приоритетным развитием сотрудничества с Россией, включая: решительную реализацию проекта „Лунцзянского пояса Шёлкового пути“ и значительное продвижение строительства в рамках проекта „Три моста, один остров“ (железнодорожный мост Тунцзян — Нижнеленинское, автомобильный мост Хэйхэ — Благовещенск, автомобильный мост Дуннин — Полтавка и о. Большой Уссурийский. — *прим. С.И.*) в целях заметного повышения пропускной способности трансграничных транспортных коридоров. Необходимо всесторонне формировать ориентированные на весь Китай платформу услуг и каналы взаимодействия с Россией, активно развивать трансграничные производственные цепочки и кластеры для углубления всестороннего сотрудничества с Россией и осуществления новых прорывов в развитии связей с Японией, Республикой Кореей, Европой, США, Австралией, Новой Зеландией, Израилем, Гонконгом, Тайванем и Макао»¹³².

Цзилиньский взгляд на Россию

В отличие от хэйлунцзянских коллег цзилиньские власти никогда не стремились позиционировать себя в качестве форпоста Китая в сотрудничестве с Россией. В Цзилини с начала 1990-х гг. смотрели на российский Дальний Восток через призму туманганского проекта¹³³. В России он первоначально вызвал неоднозначную реакцию¹³⁴: боязнь утраты контроля над транспортной системой юга Приморья и конкуренции для существующих дальневосточных портов перевешивала потенциальные выгоды от экономической интеграции. Некоторые видели в нём борьбу Китая и Японии за региональное лидерство¹³⁵. В дальнейшем проект сильно эволюционировал¹³⁶ и с середины 2000-х гг. окончательно утвердился в роли программы «малых шагов» по стимулированию совместного процветания в Северо-Восточной Азии без претензий на быструю и радикальную интеграцию.

Как бы ни эволюционировал туманганский проект, для провинции Цзилинь он являлся ключевой идеей международного сотрудничества. Проект был внесён в текст 9-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР и программы долгосрочных целей Китая до 2010 г.¹³⁷ В 2005 г. он стал частью программы возрождения старопромышленной базы Северо-Востока Китая как одно из наиболее перспективных направлений политики внешней открытости в регионе¹³⁸. В 2009 г. в результате активных действий провинции Цзилинь китайские территории Тумангана стали объектом «Программы совместного освоения китайской зоны Тумангана», получившей наряду с другими шестью крупнейшими региональными программами Китая статус национальной стратегии¹³⁹. Однако, несмотря на общенациональный характер указанного документа, он нашёл отклик только среди ответственной¹⁴⁰ и интеллектуальной¹⁴¹ элит пров. Цзилинь.

В 2012 г. Канцелярия Госсовета КНР опубликовала «Некоторые предложения по поддержке создания Демонстрационной зоны международного сотрудничества (Хуньчунь) в районе Туманган Китая»¹⁴². Под зону отводилось 90 кв. км, и в её состав были включены ранее утверждённые особые экономические территории (включая зону приграничного сотрудничества и торговли, зону международной производственной кооперации, Хуньчуньскую зону российско-китайского экономического сотрудничества). Зона должна была превратиться в форпост внешней открытости Китая в Северо-Восточной Азии и интенсификации сотрудничества с Россией и Северной Кореей. В сфере сотрудничества с РФ она должна была активизировать мультимодальные перевозки, производство конечной продукции деревообработки и металлургии, приграничные торговлю и туризм.

С появлением национального проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП) Цзилинь стала позиционировать туманганскую зону в качестве важного опорного района экономического коридора «Китай — Монголия — Россия» проекта «Один пояс, один путь». Во второй половине 2010-х гг., помимо развития мультимодальных перевозок, провинция планирует подключиться к восточной части газотранспортной системы России, ускорить интеграцию с дальневосточным регионом РФ, активизировать сотрудничество в области сельского хозяйства, развивать особые экономические зоны провинции, ориентированные на российский рынок¹⁴³.

Несмотря на то, что проект Туманган сложно назвать успешным международным проектом, он крайне выгоден для пров. Цзилинь. Во-первых, он позволяет региону участвовать в различных внешнеэкономических проектах Китая и тем самым получать дополнительные преференции и финансирование из Центра¹⁴⁴. Во-вторых, привлекательная идея интеграции смежных зон России, Китая и Северной Кореи позволяет цзилиньским властям позиционировать провинцию в качестве центра регио-

нального сотрудничества в СВА и до сих пор становится объектом сосредоточения самых невероятных инфраструктурных объектов. Самый первый — строительство международного порта в дельте р. Туманной на территории России, Китая и Северной Кореи. Самый последний — создание сверхвысокоскоростной транспортной системы, построенной по технологии Hyperloop¹⁴⁵.

Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая

Идеи о необходимости развития экономических связей между Дальним Востоком СССР/РФ и Северо-Востоком КНР развивались в Китае и в России с конца 1980-х гг. Изначально о планах тесного сотрудничества регионов речи не шло. В 1989 г. в одной из первых работ о взаимодействии Дунбэя с СССР Лю Сююнь писал, что эти связи пока затрагивали узкую полосу торговли приграничных муниципалитетов, но уже наблюдался переход в новый период многосторонних глубоких связей¹⁴⁶. Во второй половине 1990-х гг. по вопросам экономического сотрудничества соседних макрорегионов России и Китая проходили конференции как в России¹⁴⁷, так и в Китае¹⁴⁸, где звучали призывы к координации деятельности центральных властей двух стран в области межрегионального сотрудничества¹⁴⁹.

В утверждённой в октябре 2003 г. стратегии возрождения Северо-Востока на политику внешней открытости как инструмент регионального развития возлагались большие надежды. Пекин указывал на необходимость расширения связей с соседними странами, развития трансграничной инфраструктуры (строительство и модернизация мостов, дорог, переходов через границу) и опоры на приграничные города (Суйфэньхэ, Хуньчунь и Хэйхэ) в расширении торгово-экономического сотрудничества с Россией¹⁵⁰.

Появление вышеуказанной стратегии (в России к этому времени действовала программа развития Дальнего Востока и Забайкалья) стимулировало идеи сопряжения отдельных межрегиональных проектов. В «Плане действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 годы)», утверждённом в октябре 2004 г., указывалась необходимость поддержки активного участия компаний двух стран в реализации программ развития соседних макрорегионов РФ и КНР¹⁵¹. В марте 2006 г. В. Путин отметил: «...важно наладить тесную координацию государственных региональных программ развития, в первую очередь это касается традиционных партнёров — российского Дальнего Востока и Сибири, а также промышленных баз северо-востока Китая и его западных районов»¹⁵². В августе 2007 г. председатель КНР Ху Цзиньтао также подчеркнул важность тесной координации планов по развитию российского Дальнего Востока и подъёму старопромышленной базы в северо-восточном районе Китая¹⁵³. В ноябре 2007 г. в Москве прошёл второй Российско-китайский экономический форум на высшем уровне, одна из конференций на котором была посвящена теме координации стратегий развития регионов России и Китая¹⁵⁴. В июне 2008 г. в рамках 19-й Харбинской торгово-экономической ярмарки также был проведён Форум по вопросам сотрудничества в области развития Дальнего Востока России и возрождения старопромышленной базы Северо-Востока Китая¹⁵⁵.

По данным китайских СМИ, проект Соглашения о сопряжении программ был подготовлен соответствующими ведомствами Госсовета КНР уже к ноябрю 2007 г. и передан российскому посольству в Пекине¹⁵⁶, а в конце 2007 — начале 2008 г. передан в Госсовет КНР на рассмотрение¹⁵⁷. В его подготовке принимали активное участие провинциальные власти и эксперты Китая.

В отличие от Китая и его северо-восточных провинций, в России этот вопрос не получил должного внимания, о чём косвенно свидетельствует крайне малое количество информационных и научных публикаций по теме. Опыт Амурской области и Приморского края показывает, что на российской стороне инвестиционные проекты для программы собирались «механически», т.е. Центр направлял запрос в регионы, администрация которых в ответ отсылала список стандартных предложений для крупных инвесторов¹⁵⁸ Российская сторона смогла подготовить свой вариант общего плана развития только к марту 2009 г. Наконец, 23 сентября 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг.» (далее — Программа) была официально подписана Д. Медведевым и Ху Цзиньтао.

Как отметил в феврале 2009 г. заместитель министра регионального развития М. Травников, основные задачи программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая состоят в том, чтобы «избежать излишней конкуренции, совместно развивать приграничную инфраструктуру, транспорт и энергетику <...> оборудовать приграничные пункты пропуска, развивать на российской территории деревообрабатывающую промышленность, добычу и переработку полезных ископаемых, а также реализовать ряд проектов на китайской территории»¹⁵⁹. В июне этого же года главы двух стран заявили, что координация стратегий регионального развития «...способна дать немалую отдачу для ускорения экономического развития соседних территорий»¹⁶⁰.

Позитивный настрой российских (как и китайских) представителей власти не мог повлиять на целый ряд факторов, которые снижали возможность реализации программы сотрудничества.

Во-первых, к концу 2000-х гг. чётко обозначилась противоречивость интересов развития Дальнего Востока РФ

и Северо-Востока КНР. Регионы не были прямыми конкурентами, так как Дальний Восток экономически был в разы слабее южного соседа. Проблема заключалась в том, что и Россия, и Китай для того, чтобы стимулировать развитие своих регионов на высшем уровне, проводили политику, которая сдерживала приграничное и межрегиональное взаимодействие территорий. Например, эта проблема остро ощущалась в лесоперерабатывающей отрасли. В 2007 г. российское правительство объявило о планомерном повышении пошлин на экспорт необработанной древесины. В то же время в Дунбэе с конца 1990-х гг. в результате ужесточения политики лесопользования¹⁶¹ в приграничной с Россией зоне стал активно формироваться деревообрабатывающий комплекс, ориентированный на российскую древесину. Например, к 2009 г. только в г. Суйфэньхэ, где расположена одна из основных деревоперерабатывающих баз, находилось около 400 предприятий по деревопереработке. Повышение российской стороной пошлин на древесину довольно сильно ударило по деревообрабатывающим предприятиям города: по данным управления статистики пров. Хэйлунцзян, к третьему кварталу 2008 г. около 30% предприятий города остановили, а некоторые предприятия частично сократили производство. Согласно заявлению торгпреда РФ в Китае С. Цыплакова, за январь — август 2008 г. импорт российского круглого леса в КНР сократился на 25%, а объём перевезённой через КПП «Гродеково — Суйфэньхэ» древесины за 2008 г. снизился на 1 млн т¹⁶².

Во-вторых, существовало значительное недоверие политической элиты Дальнего Востока к действиям Китая. Например, вопрос о строительстве моста через р. Амур в Амурской области или аренда порта Зарубино в Приморском крае с последующей реконструкцией порта и подъездной железной дороги вызывали алармистские настроения у политических лидеров российских регионов и даже Центра. Наконец, российская

сторона не могла финансово обеспечить многие проекты, предлагаемые китайской стороной. Примеров, подтверждающих данный факт, довольно много: приграничный торгово-экономический комплекс «Приграничный — Суйфэнхэ», строительство моста через р. Амур в районе г. Благовещенск и Хэйхэ и т.д.

Несмотря на эти препятствия, Программа стала прорывным для своего времени документом. Она имела уникальное содержание, так как не только затрагивала все аспекты межрегионального сотрудничества, но и включала список конкретных инвестиционных проектов. Содержание этого списка повлекло за собой антикитайскую риторику в российских СМИ и критику экспертов, потому что значительная часть проектов, планируемых к реализации на российской стороне, была связана с разработкой природных ресурсов или их первичной переработкой, в то время как в Китае намечалось развивать промышленность с высокой добавленной стоимостью¹⁶³. Тем не менее появление перечня конкретных проектов формально подтверждало желание властей обеих стран активизировать межрегиональное сотрудничество.

Однако в Программе не были указаны механизмы её реализации. Поэтому сразу после подписания документа чиновники различного уровня стали заявлять о важности создания таких механизмов¹⁶⁴. Соответственно, работа по реализации Программы развивалась в двух направлениях. Первое — экономическое, связанное с реализацией конкретных проектов, где ведущую роль должны были играть коммерческие структуры. Второе направление — бюрократическое, предполагавшее создание структур поддержки и регулирования межрегионального сотрудничества. В официальных документах эти два направления нередко представляли как единое целое, а успехи чиновничьей работы подменяли экономические результаты¹⁶⁵.

Эффективность экономического блока Программы невозможно оценить однозначно. Внешнеторговая и инвестиционная

статистика здесь бесполезна: субъекты федерации и провинции дают её лишь по странам, не спускаясь на межрегиональный уровень. Поэтому экономисты пытались оценить Программу, анализируя реализацию её инвестиционного перечня¹⁶⁶. По данным Минэкономразвития, к 2015 г. из 91 изначально заявленного проекта в восточных регионах России «на стадии реализации находилось 15, в том числе с участием китайских инвестиций — 11»¹⁶⁷. Еврейская автономная область (ЕАО) уже с 2011 г. стала работать только по двум проектам из семи¹⁶⁸. Магадан собирался заниматься инвестиционной частью Программы в целом, не публикуя детали¹⁶⁹. Другие администрации в принципе не разглашали данные о совместных инвестиционных проектах в рамках межгосударственного соглашения. Поэтому чиновники центрального уровня не раз указывали на необходимость «актуализировать» перечень проектов¹⁷⁰. Главной проблемой первоначального списка было отсутствие предварительных и тем более тщательных экономических просчётов со стороны региональных администраций и бизнеса.

Реализуемые проекты в основном были начаты ещё до появления Программы. У Приморского края три из пяти проектов были инициированы до 2009 г. (проект по сотрудничеству в сфере сельского хозяйства, промышленный район «Канцзи» в г. Уссурийск, промышленный парк в Михайловском районе¹⁷¹), и, как следствие, в 2014 г. регион был признан самым успешным при подведении промежуточных результатов межправительственного соглашения¹⁷². Схожая ситуация наблюдалась в ЕАО: до 2009 г. в области начали создавать деревообрабатывающие производства и было начато освоение Кимкано-Сутарского месторождения с горно-обогатительным комбинатом.

Программа оказалась эффективной в продвижении строительства или согласования крупных инфраструктурных объектов. К ним относятся подвижки в строительстве мостов

через р. Амур (в районах Нижнеленинское — Тунцзян и Благовещенск — Хэйхэ). Сюда же можно отнести также договорённости по созданию трансграничных транспортных коридоров через Приморье¹⁷³. Как и в случае с успешными инвестиционными проектами, эти пункты Программы также начинают свою историю до 2009 г., к тому же они будут завершены только в 2019—2020 гг. До сих пор сложно привести хотя бы один успешный пример углубления производственной кооперации, инициированной непосредственно Программой.

Политическая и бюрократическая составляющие Программы оказались намного более значимыми, чем экономическая. Во-первых, сама по себе идея централизованной интеграции смежных территорий была важна символически, так как укрепляла уверенность в добрососедстве и совместном процветании. Китай в последние годы пытается перенести опыт российско-китайского сотрудничества на другие соседние страны. В 2015 г. китайские власти поставили задачу распространить опыт Программы в рамках инициативы «Один пояс, один путь»¹⁷⁴, тем самым пытаясь укрепить свой курс на создание мирного и безопасного окружения.

Во-вторых, наличие общего документа в виде Программы прочно закрепило вопросы межрегионального взаимодействия в повестке диалога на высшем уровне. В 2013 г. появился Совет сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, а с конца 2016 г. начала действовать Межправительственная российско-китайская комиссия по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики¹⁷⁵. Государственные банки и фонды создали ряд общих финансовых инструментов для поддержки экономической интеграции. Если ранее центральные власти напрямую не участвовали в продвижении трансграничных проектов,

то необходимость выполнения Программы, точнее, попытки устранить препятствия в её реализации привели к выдвиганию профильных министерств, государственных фондов и корпораций на ведущие позиции в межрегиональном взаимодействии.

В-третьих, активизация центральных правительств привела к усилению контроля за деятельностью местных властей в российско-китайском сотрудничестве (по крайней мере, на российской стороне). В России субъекты Дальневосточного и Восточносибирского регионов стали регулярно предоставлять отчёты и планы реализации Программы, некоторые из них стали открыто публиковать такие материалы¹⁷⁶. Любой крупный российско-китайский проект в Дальневосточном регионе стал объектом контроля центральных властей. Безусловно, централизация повестки межрегионального сотрудничества явилась не следствием Программы, а, наоборот, причиной её появления, но наличие плана межрегионального сотрудничества позволяет в деталях контролировать деятельность местных правительств.

Заключение

В Дунбэе не было единого взгляда на сотрудничество с Россией. Хэйлунцзян, на которую приходится наиболее протяжённый отрезок российско-китайской границы, с начала 2000-х гг. публиковала планы своего сотрудничества с северным соседом и в целом позиционировала себя в качестве платформы межрегионального взаимодействия РФ и КНР. Эти документы редко приводили к конкретным действиям или финансовым обязательствам со стороны центральной или провинциальной власти. Цзилиньское правительство смотрело на Россию через призму проекта «Туманган», не предполагавшего в 2000-е и последующие годы тесной экономической интеграции, как это было

в первой половине 1990-х гг. Тем не менее стремление провинции организовать мультимодальные перевозки через юг Приморья или создать совместные экономические зоны осталось.

Программа сотрудничества Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая воплотила идею скоординированного развития соседних макрорегионов РФ и КНР. В течение нескольких лет после подписания документа существовала иллюзия, что он станет своего рода дорожной картой российско-китайского регионального сотрудничества, а достигнутый высокий уровень отношений между руководством двух стран воплотится в конкретные проекты, перечисленные в Программе. Но реализация документа оказалась слабой. Причинами этого стали ошибки в подходах к формированию Программы, отсутствие механизмов и размытость критериев, по которым можно было бы оценить реализацию совместных проектов. Тем не менее для центральных властей обеих стран Программа не оказалась пустым документом. Сама идея централизованной интеграции смежных территорий имела важный символический смысл, так как укрепляла уверенность в добрососедстве. Программа также способствовала развитию централизованной повестки межрегионального сотрудничества двух стран и росту контроля над действиями региональных властей со стороны Москвы и Пекина.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Составлено по: 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 17.11.2018); 2017年辽宁省国民经济和社会发展统计公报 = Статистическое коммюнике провинции Ляонин по социально-экономическому развитию в 2017 г. URL: <http://ln.people.com.cn/n2/2018/0225/c378317-31280899.html> (дата обращения: 17.11.2018); 中华人民共和国2017年国民经济和社会发展统计公报 = Статистическое коммюнике КНР по

социально-экономическому развитию в 2017 г. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201802/t20180228_1585631.html (дата обращения: 17.11.2018); 政府工作报告 — 2018年1月25日在黑龙江省第十三届人民代表大会第一次会议上省长陆昊 = Доклад о работе правительства. Зачитан губернатором Лу Хао на первой сессии Собрания народных представителей провинции Хэйлунцзян 13-го созыва 25 января 2018 г. 31.01.2018. URL: <http://epaper.hljnews.cn/hljrb/20180131/332734.html> (дата обращения: 17.11.2018); 景俊海: 吉林省政府工作报告—2018年1月26日在吉林省第十三届人民代表大会第一次会议上 = Цзин Цзюньхай: доклад о работе правительства провинции Цзилинь. Зачитан на первой сессии Собрания народных представителей провинции Цзилинь 13-го созыва 26 января 2018 г. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0202/c64102-29802690.html> (дата обращения: 17.11.2018).

² Стоит указать на особенность развития Северо-Востока. Если исходить из абсолютных показателей ВВП Китая и ВРП северо-восточных провинций, то мы наблюдаем значительное падение доли Дунбэя в экономике страны — с 9,3% в 2003 г. до 7% в 2016 г. (см. параграф 1.1). Соответственно, мы должны ожидать, что в этот период индекс физического объёма ВРП северо-восточных провинций (т.е. фактический годовой рост экономики региона) был ниже соответствующего индекса ВВП страны. Но данные китайской статистики говорят об обратном. С 2003 по 2016 гг. средний годовой рост китайской экономики составлял 9,6%, а Ляонина, Цзилини и Хэйлунцзяна — соответственно 10,2%, 10% и 11,6%. Причиной такого расхождения могла стать только более низкая инфляция на Северо-Востоке, чем в среднем по стране в 2003—2016 гг. См.: 国家数据 = Государственные данные...

³ Рецессия в провинции Ляонин в 2016 г. была технической, т.е. стала результатом переоценки статистических показателей развития предыдущих периодов.

⁴ Подробнее см.: Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы (в контексте строительства Нового Шёлкового пути) // Известия Восточного института. 2016. № 2. С. 4—12; Ставров И.В. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 39—50.

- ⁵ 2017年省政府工作报告—2017年1月17日在辽宁省第十二届人民代表大会第八次会议上 = Доклад в 2017 г. о работе правительства. Заслушан 17.01.2017 на 8-м заседании Собрания народных представителей 12-го созыва провинции Ляонин. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfgzbg/szfgzbg/201701/t20170123_2732001.html (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁶ Рис. 2—4 составлены по: 国家数据 = Государственные данные...
- ⁷ Ху Аньган. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 43.
- ⁸ 2011中国统计摘要 = Статистический справочник КНР за 2011 г. Пекин: 中国统计出版社, 2011. С. 17.
- ⁹ Китайская Народная Республика в 2000 г.: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 100.
- ¹⁰ Подробнее см.: Ставров И.В. Основные результаты социально-экономического развития Северо-Восточного Китая в 2012 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 138.
- ¹¹ Веремейчик А.С. Современные тенденции в развитии населения Северо-Восточного Китая // У карты Тихого океана. 2013. № 30 (228). С. 16—21; Веремейчик А.С. Современные миграционные процессы в Северо-Восточном Китае // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 112—120.
- ¹² Ши Чуньян. «Пять точек на одной линии»: стратегия провинции Ляонин в новой структуре открытости внешнему миру // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1. С. 86—92.
- ¹³ Подробнее см.: Ставров И.В. К проблеме устойчивого развития моногородов КНР (на примере северо-восточного региона) // Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность: XIV всерос. науч. конф. молодых учёных. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 15—18.
- ¹⁴ Александрова М.В. Внешнеэкономический комплекс провинции Ляонин: современное состояние и направления развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI. М., 2011. С. 185.
- ¹⁵ Составлено по: 2012年辽宁经济社会形势分析及预测. 辽宁蓝皮书 = Экономика и общество провинции Ляонин в 2012 г.: анализ и прогноз. Синяя книга по провинции Ляонин. Пекин: 社会科学文献出版社, 2011. С. 61.
- ¹⁶ В 2011 г. ВРП уже составлял 215,5 млрд юаней, а рост доходов бюджета — около 20%, что было выше средних значений по пров. Ляонин.

- Подробнее см.: 2013年辽宁经济社会形势分析及预测. 辽宁蓝皮书 = Экономика и общество провинции Ляонин в 2013 г.: анализ и прогноз. Синяя книга по провинции Ляонин. Пекин: 社会科学文献出版社, 2012. С. 60—69.
- ¹⁷ 中共辽宁省委辽宁省人民政府关于实施突破辽西北战略的若干意见. 辽委发〔2008〕19号 = Некоторые мнения партийного комитета и Народного правительства провинции Ляонин относительно реализации стратегии прорыва на Северо-Запад. Документ парткома провинции Ляонин № 19, 2008 г. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/lnsrmzfgb/2008/d23q/gwywj/200901/t20090114_324153.html (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁸ 辽宁省人民政府关于进一步深入实施突破辽西北战略的意见 辽政发〔2015〕4号 = Мнения Народного правительства провинции Ляонин относительно углубления реализации стратегии прорыва на Северо-Запад. Документ Народного правительства провинции Ляонин № 4, 2015 г. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfwj/szfwj/zfwj2011_106024/201501/t20150129_1563397.html (дата обращения: 15.11.2018).
- ¹⁹ Hu Xiaohui. State-Led Path Creation in China's Rustbelt: the Case of Fuxin // *Regional Studies, Regional Science*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 297.
- ²⁰ Подробнее о значении внешне ориентированных экономик см.: Портер М.Е. Экономическое развитие регионов // *Пространственная экономика*. 2006. № 4. С. 115—139; 2007. № 1. С. 108—132.
- ²¹ Китайская Народная Республика в 2004—2005 гг. Политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 122—123.
- ²² Чжан У. Проблемы развития уездной экономики провинции Цзилинь / пер. с кит. И.В. Ставрова // *Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее*. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 324—325.
- ²³ Составлено по: 国家数据 = Государственные данные...
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Подробнее см.: Александрова М.В. Северо-Восток Китая // *КНР: экономика регионов*. М.: Издательство МБА, 2015. С. 176—179.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Китайская статистика даёт данные по промышленным предприятиям «выше установленного масштаба». Масштаб определяется единственным критерием — доходом от основной деятельности. Предприятия с таким доходом от 20 млн юаней попадали в категорию

- «выше установленного масштаба», при этом это могли быть и микро-, и малые, и средние, и крупные предприятия. См.: 四、统计制度及分类标准 (12) = 4. Система статистики и стандарты классификации (12). 24.01.2018. URL: http://www.stats.gov.cn/tjzs/cjwtd/201308/t20130829_74318.html (дата обращения: 22.11.2018).
- ²⁸ Составлено по: 辽宁统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Ляонин (за соответствующие годы). URL: <http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/sjcx/ndsjsj> (дата обращения: 15.06.2018); 黑龙江统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян (за соответствующие годы). URL: <http://www.hlj.stats.gov.cn/tjnj> (дата обращения: 15.06.2018).
- ²⁹ 国家数据 = Государственные данные...
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве (1979—2009): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. С. 117—132.
- ³³ Вывод сделан на основе анализа статистических сборников провинции Цзилинь.
- ³⁴ 国家数据 = Государственные данные...
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ 中共中央、国务院关于实施东北地区等老工业基地振兴战略的若干意见。中发〔2003〕11号= Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о реализации стратегии возрождения северо-восточных и других старопромышленных баз. Документ ЦК КПК № 11, 2003 г. 22.10.2009. URL: <http://news.cctv.com/china/20091022/103699.shtml> (дата обращения: 14.11.2018).
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ 国务院办公厅关于促进东北老工业基地进一步扩大对外开放的实施意见。国办发〔2005〕36号 = Практические мнения Канцелярии Госсовета по активизации дальнейшего расширения внешней открытости старопромышленных баз Северо-Востока. Документ Канцелярии Госсовета № 36, 2005 г. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64320.htm (дата обращения: 10.11.2018).
- ³⁹ 靳颖姝。外资入股鞍钢子公司 蒂森克虏伯持有超三成股权 = Цзинь Иншу. Иностранный инвестор приобретает долю в дочерней компании Аньшанского металлургического комбината: ТюссенКрупп АГ теперь владеет более 30% акций // 21世纪经济报道. 14.05.2015. С. 18.

- ⁴⁰ 中航成飞哈飞和沈飞名列波音787独家供应商 = Чэндуская авиационная промышленная группа, Харбинская авиационная корпорация и Шэньянская авиастроительная корпорация Китайской авиационной промышленной корпорации в числе эксклюзивных поставщиков Боинг 787. 08.12.2011. URL: <http://mil.huanqiu.com/china/2011-12/2246481.html> (дата обращения: 09.09.2018).
- ⁴¹ 国家数据 = Государственные данные...
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ 中共中央国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见。中发〔2016〕7号 = Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о всестороннем возрождении северо-восточных и других старопромышленных баз. Документ ЦК КПК № 7, 2016 г. 26.04.2016. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm (дата обращения: 13.11.2018); 国务院关于深入推进实施新一轮东北振兴战略加快推动东北地区经济企稳向好若干重要举措的意见 = Мнения Госсовета по некоторым важным мерам реализации нового этапа стратегии возрождения Северо-Востока, стабилизации и улучшения экономики северо-восточного региона // *中华人民共和国国务院公报*. 2016. № 33. С. 22—26.
- ⁴⁵ 发改委:开展东北地区国企混改试点 营商环境不断改善 = Госкомитет по развитию и реформе: расширение реформы преобразования государственных предприятий в форме смешанной собственности способствует улучшению деловой среды. 23.01.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/fortune/2018-01/23/c_1122297619.htm (дата обращения: 10.11.2018).
- ⁴⁶ 国家发展改革委关于印发中国东北地区面向东北亚区域开放规划纲要(2012-2020年)的通知。发改东北[2012]2419号 = Уведомление Государственного комитета КНР по развитию и реформе об опубликовании Программы открытости Северо-Востока Китая в районе Северо-Восточной Азии. Документ Управления по вопросам возрождения северо-восточных и других старых промышленных баз Госкомитета КНР по развитию и реформе № 2419, 2012 г. 07.12.2012. URL: <http://fgw.hlbe.gov.cn/guihuadongtai/388.html> (дата обращения: 10.11.2018).
- ⁴⁷ 国务院办公厅关于支持中国图们江区域(珲春)国际合作示范区建设的若干意见。国办发[2012]第19号 = Некоторые мнения Канцелярии Госсовета о поддержке создания показательной зоны международного сотрудничества в районе р. Туманган Китая (Хуньчунь).

Документ Канцелярии Госсовета № 19, 2012 г. 25.04.2009. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-04/25/content_8203.htm (дата обращения: 10.11.2018).

⁴⁸ 国家数据 = Государственные данные...

⁴⁹ 大连统计年鉴2017 = Статистический ежегодник Даляня — 2017. Пекин: 中国统计出版社, 2017. С. 1.

⁵⁰ Далее в разделе при анализе приграничного пояса Северо-Востока будут рассматриваться только приграничные уезды и города пров. Хэйлунцзян без пров. Цзилинь и Ляонин. Мы признаём данное упущение, однако были вынуждены отказаться от учёта внешнеэкономической деятельности пограничных районов Цзилини и Ляонина с РФ и КНДР ввиду отсутствия или ненадёжности соответствующей статистики.

⁵¹ 国家数据 = Государственные данные...

⁵² Тамата; 长春统计年鉴2017 = Статистический ежегодник Чанчуня — 2017. Пекин: 中国统计出版社, 2017. С. 417; 长春统计年鉴2014 = Статистический ежегодник Чанчуня — 2014. Пекин: 中国统计出版社, 2014. С. 397; 长春统计年鉴2009 = Статистический ежегодник Чанчуня — 2009. Пекин: 中国统计出版社, 2009. С. 249; 长春统计年鉴2004 = Статистический ежегодник Чанчуня — 2004. Пекин: 中国统计出版社, 2004. С. 285.

⁵³ Пань Инли, У Синьжу. Китайская монетарная политика // Свободная мысль. 2011. № 2 (1621). С. 104.

⁵⁴ Всего на побережье пров. Ляонин находится 6 округов: Далянь, Дандун, Цзиньчжоу, Инкоу, Паньцинъ, Хулудао.

⁵⁵ Город независимого планирования (计划单列 — *цзихуа даньле ши*) — город, административно подчиняющийся провинциям, но имеющий идентичные провинциям полномочия в экономическом управлении (независимый от провинции план экономического развития, бюджет и т.д.).

⁵⁶ 李辉, 周亮亮. 大连经济开放度的评价 (2000—2009) = Ли Хуэй, Чжоу Лянлян. Оценка открытости экономики Даляня (2000—2009) // 辽宁师范大学学报 (社会科学版). 2011. № 3. С. 38.

⁵⁷ 辽宁沿海六市2010年实际利用外资总额132亿美元 = В 2010 г. в шести приморских городах Ляонина объём фактически использованных иностранных инвестиций составил 13,2 млрд долл. США. 07.02.2011. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2011-02/07/content_1799513.htm (дата обращения: 05.11.2017).

- ⁵⁸ С 2015 г. провинция Ляонин стала публиковать данные не по накопленным, а по полученным инвестициям, что, соответственно, делает невозможным сопоставление ляонинских ПИИ с Цзилинем и Хэйлунцзяном, которые продолжают публиковать данные только по накопленным инвестициям.
- ⁵⁹ 国家数据 = Государственные данные...
- ⁶⁰ 国务院关于同意设立大连金普新区的批复。国函〔2014〕76号 = Резолюция Госсовета о согласии с созданием новой зоны Цзиньпу в г. Далянь. Резолюция Госсовета № 76, 2014 г. 02.07.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-07/02/content_8916.htm (дата обращения: 10.11.2018).
- ⁶¹ 世界知名企业纷纷在大连金普新区增资扩产 = Всемирно известные предприятия массово увеличивают инвестиции и расширяют производство в новой зоне Циньпу Даляня. 17.03.2018. URL: http://m.xinhuanet.com/ln/2018-03/17/c_1122550213.htm (дата обращения: 13.11.2018).
- ⁶² 国务院关于印发中国(辽宁)自由贸易试验区总体方案的通知。国发〔2017〕15号 = Уведомление Госсовета об опубликовании комплексного проекта (Ляонинской) экспериментальной зоны свободной торговли Китая. Документ Госсовета № 15, 2017 г. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182284.htm (дата обращения: 10.11.2018).
- ⁶³ 刘玫君. 大连: 以更开放的姿态拥抱世界 = Лю Мэйцзюнь. Далянь: с большей открытостью встретить мир // 国际商报. 2018. № 8975. С. 7.
- ⁶⁴ Ouyang P., Fu S. Economic Growth, Local Industrial Development and Inter-Regional Spillovers from Foreign Direct Investment: Evidence from China // China Economic Review. 2012. Vol. 23. No 2. P. 445—460.
- ⁶⁵ Ibid. P. 455.
- ⁶⁶ 大连统计年鉴2017 = Статистический ежегодник Даляня — 2017 ... С. 443—444.
- ⁶⁷ 中国经济改革30年。对外开放卷(1978—2008) = 30 лет экономических реформ в Китае. Политика внешней открытости / под ред. Тан Жэнью, Ма Цзи. Чунцин: 重庆大学出版社, 2008. С. 63—67.
- ⁶⁸ 郭腾云, 陆大道, 甘国辉. 近20年来我国区域发展政策及其效果的对比研究 = Го Тэньюнь, Лу Дадао, Гань Гохуэй. Сравнительное исследование политики регионального развития Китая и её результатов за последние 20 лет // 地理研究. 2002. Т. 21. № 4. С. 507—508.

- ⁶⁹ 金凤君, 陈明星。“东北振兴”以来东北地区区域政策评价研究 = Цзинь Фэнцзюнь, Чэнь Минсин. Оценка региональной политики в отношении Северо-Восточного региона после начала реализации стратегии возрождения Северо-Востока // *经济地理*. 2010. № 8. С. 1263.
- ⁷⁰ Составлено по: 沈阳统计年鉴2017 = Статистический ежегодник Шэньяна — 2017. Шэньян: 沈阳统计局, 2017. С. 381; 哈尔滨统计年鉴2017 = Статистический ежегодник Харбина — 2017. Пекин: 中国统计出版社, 2017. С. 337—340; 长春统计年鉴2017 = Статистический ежегодник Чанчуня — 2017 ... С. 423.
- ⁷¹ 中国贸易外经统计年鉴2017 = Статистический ежегодник торговли и внешнеэкономической деятельности Китая — 2017. Пекин: 中国统计出版社, 2017. С. 601.
- ⁷² 国家数据 = Государственные данные...
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ 商庆军. 边境贸易税收激励问题解析 = Шан Цинцзюнь. Анализ проблем налоговых стимулов в сфере приграничной торговли // *改革与战略*. 2006. № 12. С. 53.
- ⁷⁶ Указ. соч. С. 53—54.
- ⁷⁷ 国务院关于促进边境地区经济贸易发展问题的批复. 国函〔2008〕92号 = Резолюция Госсовета по вопросу активизации развития торгово-экономической деятельности на приграничных территориях. Резолюция Госсовета № 92 от 2008 г. 25.12.2008. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/b/g/200812/20081205973610.html> (дата обращения: 03.11.2017).
- ⁷⁸ 财政部关于印发《边境地区专项转移支付资金管理办法》的通知. 财预〔2006〕62号 = Правила управления целевыми трансфертными выплатами для приграничных районов. Документ Министерства финансов КНР № 62, 2006 г. URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengwengao/caizhengbuwengao2006/caizhengbuwengao20064/200805/t20080519_24018.html (дата обращения: 13.12.2009).
- ⁷⁹ 关于印发《边境地区专项转移支付资金管理办法》的通知. 财预〔2009〕31号 = Уведомление об опубликовании «Правил управления целевыми трансфертными выплатами для приграничных районов». Документ Министерства финансов КНР № 31, 2009 г. 09.04.2009. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2009-04/09/content_1281376.htm (дата обращения: 05.07.2017).

- ⁸⁰ 黑龙江商务年鉴—2015 = Ежегодник коммерции Хэйлунцзяна 2015. Харбин: 黑龙江人民出版社, 2015. С. 225.
- ⁸¹ Мы не будем останавливаться на детальном разборе экономических связей Северо-Востока с Россией. Во-первых, провинциальная статистика Китая по конкретным показателям внешнеэкономической деятельности не унифицирована. Мы уже говорили, например, что цилиньские официальные данные полноценно не отражают даже товарную структуру внешней торговли. Напротив, Хэйлунцзян ежегодно выпускает информативное издание «Ежегодник коммерции провинции Хэйлунцзян», где представлены количественные и качественные данные о внешнеэкономической деятельности провинции за конкретный год. Во-вторых, даже если взять большой массив хэйлунцзянских данных об экономических связях с Россией, то его анализ введёт в заблуждение. Приграничные компании экспортировали в Россию в основном товары, произведённые не в Дунбэе, и импортировали российскую продукцию преимущественно для транзита за пределы Дунбэя. Другими словами, эти товарные потоки были мало связаны с народным хозяйством северо-восточных провинций.
- ⁸² Составлено по: 国家数据 = Государственные данные ...; Электронный архив ИИАЭ ДВО РАН (данные, размещённые на сайте департамента коммерции Хэйлунцзян, которые в последующем были удалены); 黑龙江商务年鉴—2015 = Ежегодник коммерции Хэйлунцзяна 2015 ... С. 201; 黑龙江商务厅 = Департамент коммерции провинции Хэйлунцзян. URL: <http://www.hljswt.gov.cn> (дата обращения: 10.11.2014); 黑龙江商务之窗 = Окно в бизнес Хэйлунцзяна URL: <http://heilongjiang.mofcom.gov.cn> (дата обращения: 10.11.2014).
- ⁸³ Олонцев С.О. Российско-китайское внешнеторговое сотрудничество: использование неформальных практик // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 33—35.
- ⁸⁴ 国家数据 = Государственные данные...
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ 2004年出口额最大的100家民营企业名单 = Список 100 частных компаний с наибольшими объёмами экспорта в 2004 г. URL: http://www.mofcom.gov.cn/table/0526_100.xls (дата обращения: 02.11.2011).
- ⁸⁷ 国家数据 = Государственные данные...
- ⁸⁸ 2009年出口额最大的100家民营企业名单 = Список 100 частных компаний с наибольшими объёмами экспорта в 2009 г. URL: <http://zhs.mofcom.gov.cn/accessory/201010/1286608004733.doc>

- (дата обращения: 02.11.2011); 2016年中国民营进出口额前500家企业排名 = Список 500 частных компаний Китая с наибольшими объёмами внешней торговли в 2016 г. URL: <http://tjxh.mofcom.gov.cn/article/n/201711/20171102665960.shtml> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁸⁹ 东宁境外园区加快转型发展构建更高水平对俄合作平台 = За рубежом парки Дуннина ускоряют преобразования и развитие для создания платформы сотрудничества с Россией более высокого уровня. 16.05.2017. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/difang/201705/20170502576655.shtml> (дата обращения: 13.11.2018).
- ⁹⁰ Электронный архив ИИАЭ ДВО РАН.
- ⁹¹ 2017年牡丹江市国民经济和社会发展统计公报 = Статистический бюллетень социально-экономического развития г. Муданьцзян в 2017 г. URL: <http://www.mdjtj.gov.cn/tongjishuju/tongjigongbao/mudanjiangshitongjigongb/201804/20738.html> (дата обращения: 15.11.2018).
- ⁹² 2015年牡丹江市对外贸易运行情况简析 = Анализ состояния внешней торговли г. Муданьцзян в 2015 г. URL: <http://www.mdjtj.gov.cn/tongjifenxi/201604/18995.html> (дата обращения: 15.11.2018); 张亮, 吕晓明. 前 10 个月牡丹江市外贸出口额同比增长三成 = Чжан Лян, Люй Сяомин. В первые 10 месяцев внешняя торговля г. Муданьцзян выросла на 30% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. 26.11.2014. URL: <http://www.mdjxc.gov.cn/Article/TypeArticle.asp?ModelID=1&ID=8620> (дата обращения: 09.09.2018); 牡丹江1月多项进出口贸易数据激增 = Данные внешней торговли г. Муданьцзян за январь резко возросли по многим параметрам. URL: <http://fortune.chinanews.com/cj/2018/03-07/8462222.shtml> (дата обращения: 10.11.2018).
- ⁹³ 2017年牡丹江市国民经济和社会发展统计公报 = Статистический бюллетень социально-экономического развития г. Муданьцзян в 2017 г. . .
- ⁹⁴ Подробнее см.: Ставров И.В. Политика по развитию туристической отрасли Северо-Восточного Китая как фактор экономического роста // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 57—64.
- ⁹⁵ Александрова М.В. Торгово-экономическое сотрудничество провинции Ляонин с российскими регионами // Китай, китайская цивилизация и мир. XIX междунар. науч. конф.: тез. докл. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 119—120.

- ⁹⁶ Составлено по: 国家数据 = Государственные данные...
- ⁹⁷ Имеются в виду поездки длительностью до месяца с оформлением туристической визы.
- ⁹⁸ Согласно всекитайской переписи населения 2010 г., в пров. Цзилинь проживало 56,8% корейцев КНР. Подробнее см.: Ставров И.В. Демографическое развитие корейцев КНР // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 269—280.
- ⁹⁹ Подробнее см.: Подробнее см.: Александрова М.В. Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 86—94; Ставров И.В. «Возрождение Северо-Восточного Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 69—87.
- ¹⁰⁰ Таблица составлена автором на основе источников: 黑龙江统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян (за соответствующие годы) ...; 吉林统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Цзилинь (за соответствующие годы). URL: <http://tjj.jl.gov.cn/tjnj> (дата обращения: 15.06.2018); 辽宁统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Ляонин (за соответствующие годы)...
- ¹⁰¹ Москва-Пекин: со всеми остановками. Туристические Годы должны расширить географию российско-китайского туризма. 31.07.2013. URL: <https://rg.ru/2013/07/31/moskva-pekini.html> (дата обращения: 12.02.2018).
- ¹⁰² Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с Официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdaninostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdneykh-turistskikh-poezdok> (дата обращения: 17.10.2018).
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Ма Юцзюнь, Суслов Д.В. Туристическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией в приграничных районах // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1. С. 10.
- ¹⁰⁵ Под доходами от (внутреннего) туризма в официальной статистике Китая понимаются все расходы туриста на транспорт, приобретение билетов, проживание, питание, покупки, развлечения и другие

услуги. При этом под туризмом понимается любой переезд с места на места (включая посещение конференций, поездки к друзьям и родственникам, участие в культурных и религиозных мероприятиях), не связанный с получением вознаграждения. В этом случае «доходы от туризма» нельзя рассматривать как чистые доходы туристической отрасли. См.: 住宿、餐饮业和旅游 = Гостиничные услуги, индустрия общественного питания и туризм. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zbjs/201310/t20131029_449426.html (дата обращения: 12.12.2018).

- ¹⁰⁶ Наибольшая доля туризма в ВРП в пров. Ляонин — 15,9%, в Цзилини — 9,9%, в Хэйлунцзяне — 9,5%.
- ¹⁰⁷ 东北地区旅游业发展规划 = План развития туристической отрасли северо-восточного региона. URL: <http://dbzxs.ndrc.gov.cn/cy fz/201003/W020100317350527522574.doc> (дата обращения: 20.09.2015).
- ¹⁰⁸ Кучинская Т.Н. Состояние и перспективы развития Северо-Восточного региона КНР в условиях трансграничного взаимодействия с РФ // Общество и государство в Китае. ХLI науч. конф. М.: Вост. лит., 2011. С. 219.
- ¹⁰⁹ Составлено по: 东北地区旅游业发展规划 = План развития туристической отрасли северо-восточного региона. URL: <http://dbzxs.ndrc.gov.cn/cy fz/201003/W020100317350527522574.doc> (дата обращения: 20.09.2015).
- ¹¹⁰ Интересно заметить, что через несколько лет после опубликования План фактически был предан забвению и не упоминался в официальных речах и документах. Вероятно, это связано с утратой его актуальности.
- ¹¹¹ 国务院关于黑龙江和内蒙古东北部地区沿边开发开放规划的批复。国函〔2013〕81号 = Резолюция Госсовета по программе освоения и открытия приграничных территорий Хэйлунцзяна и восточной части Внутренней Монголии. Резолюция Госсовета № 81, 2013 г. URL: <http://www.hlbfgw.gov.cn/upfile/201808/2018082835302749.doc> (дата обращения: 19.10.2018).
- ¹¹² Вывод по 2000-м гг. сделан на основе публикации С.А. Иванова (см.: Иванов С.А. Изучение проблем современного приграничного и межрегионального сотрудничества Востока России и Северо-Востока Китая (по материалам журнала «Сиболия яньцзю») //

- Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Серия: Востоковедение. Т. XV. Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей. Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 78—94.). Вывод по 2010-м гг. сделан на основе изучения материалов журналов «Сиболия яньцзю» и «Элосы чжунъя дуноу шичан».
- ¹¹³ Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. 2011. № 4. С. 8—21.
- ¹¹⁴ Иванов С.А. Изучение проблем...
- ¹¹⁵ Реестр соглашений субъектов Федерации. URL: <http://pravo-search.minjust.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 15.11.2018); Перечень меморандумов и соглашений, заключённых между Приморским краем и административно-территориальными образованиями зарубежных стран. URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php> (дата обращения: 15.01.2017)
- ¹¹⁶ 全国各省、区、直辖市建立友好城市关系统计 = Статистика побратимским связей провинций, районов и городов центрального подчинения Китая. URL: <http://www.cifca.org.cn/Web/ShowProFriendly.aspx> (дата обращения: 15.01.2017).
- ¹¹⁷ 宋法棠省长在全省发展对俄经贸工作座谈会上的讲话 (摘要) = Речь губернатора Сун Фатана на рабочем совещании по вопросам развития торгово-экономического сотрудничества с Россией в провинции (краткое изложение) // 黑龙江政报. 2001. № 24. С. 1.
- ¹¹⁸ Ларин В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 40—53.
- ¹¹⁹ 黑龙江省老工业基地振兴总体规划 = Комплексная программа возрождения старых промышленных баз провинции Хэйлунцзян. 06.09.2007. URL: <http://www.hlj.gov.cn/zwdt/system/2007/09/06/000138135.shtml>. (дата обращения: 22.01.2012).
- ¹²⁰ Стоит отметить, что Россия стала не единственной страной, по вопросам сотрудничества с которой была официально принята стратегия. Схожий документ был принят провинциальным правительством в отношении Республики Кореи.
- ¹²¹ 黑龙江省人民政府关于推进对俄经贸科技合作战略升级的意见。黑政发[2005]21号 = Мнения народного правительства провинции

- Хэйлуңцзян по совершенствованию стратегии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией. Документ правительства провинции Хэйлуңцзян № 21, 2005 г. // 黑龙江政报. 2005. № 9. С. 36—37.
- ¹²² Там же. С. 38—42.
- ¹²³ 黑龙江投入1亿多元资金打造对俄进出口加工园区 = Провинция Хэйлуңцзян вкладывает более 100 млн юаней в создание районов экспортной обрабатывающей промышленности. 21.03.2005. URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2005/03/21/050004007.shtml> (дата обращения: 18.01.2011).
- ¹²⁴ 关于黑龙江省2006年财政决算和2007年上半年预算执行情况的报告 = Отчёт о финансовом балансе в 2006 г. и исполнении бюджета в первой половине 2007 г. 02.03.2010. URL: http://www.hljcz.gov.cn/xxgk/zfxxgkml/czsj/201212/t20121204_5018.html (дата обращения: 16.11.2018).
- ¹²⁵ 关于黑龙江省2009年预算执行情况和2010年预算草案的报告 = Отчёт об исполнении бюджета в 2009 г. и подготовки проекта бюджета провинции Хэйлуңцзян на 2010 г. 23.03.2010. URL: http://www.hljcz.gov.cn/xxgk/zfxxgkml/czsj/201212/t20121204_5016.html (дата обращения: 16.11.2018).
- ¹²⁶ 黑龙江省人民政府关于成立黑龙江省对俄经贸科技合作战略升级工作领导小组的通知。黑政发〔2005〕55号 = Уведомление народного правительства провинции Хэйлуңцзян о создании малой руководящей группы по совершенствованию стратегии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией. Документ правительства провинции Хэйлуңцзян № 55, 2005 г. // 黑龙江政报. 2005. № 18. С. 10.
- ¹²⁷ 黑龙江省人民政府关于推进对俄合作适应性战略调整的意见。黑政发〔2009〕94号 = Мнения народного правительства провинции Хэйлуңцзян по адаптивному регулированию стратегии сотрудничества с Россией. Документ правительства провинции Хэйлуңцзян № 94, 2009 г. 07.01.2010. URL: <http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2010/01/07/000127444.shtml> (дата обращения: 10.07.2018).
- ¹²⁸ 黑龙江省人民政府办公厅关于印发推进东部陆海丝绸之路经济带建设工作方案的通知。黑政办发〔2014〕58号 = Уведомление Канцелярии Народного правительства провинции Хэйлуңцзян об опубликовании Рабочей программы строительства экономического пояса восточного мультимодального Шёлкового пути. Документ

- правительства провинции Хэйлунцзян № 58, 2014 г. 24.11.2014. URL: <http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2015/01/30/010705461.shtml> (дата обращения: 10.07.2018).
- ¹²⁹ 黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 = Программа 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян. 17.02.2016. URL: <http://www.hlj.gov.cn/szf/system/2016/02/17/010761251.shtml> (дата обращения: 10.09.2018).
- ¹³⁰ «中共黑龙江省委黑龙江省人民政府“中蒙俄经济走廊”黑龙江陆海丝绸之路经济带建设规划» 摘要 = Краткое изложение «Программы строительства экономического пояса Хэйлунцзянского мультимодального Шёлкового пути „Экономического коридора Китай — Монголия — Россия“». URL: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0415/c220027-24503827.html> (дата обращения: 15.05.2018).
- ¹³¹ Ставров И.В. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия... С. 39—50.
- ¹³² 黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 = Программа 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян ...
- ¹³³ Официально цзилиньские власти предложили проект «Туманган» в июле 1990 г., и через год идею поддержала Программа развития ООН, а в феврале 1992 г. состоялось первое заседание управляющего комитета туманганской программы, состоящего из представителей правительств России, Китая, Монголии, Республики Корея и КНДР. Проект предполагал самые разные идеи интеграции. Одна из наиболее радикальных — аренда Программой развития ООН территорий России, Китая и КНДР, примыкающих к устью р. Туманной и создание там особой экономической зоны. См.: Tsuji H. The Tumen River Area Development Programme: Its History and Current Status as of 2004 // ERINA Discussion Paper. No. 0404e / ERINA-Economic Research Institute for Northeast Asia, 2004. URL: <https://www.erina.or.jp/wp-content/uploads/2014/09/0404e.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).
- ¹³⁴ Показательна дискуссия в журнале «Проблемы Дальнего Востока», где московские учёные предлагали активно включиться в проект, а дальневосточные стояли на охранительных позициях, видя экономические и политические угрозы восточным регионам РФ. См.: Забровская Л. Проект «Туманган»: взгляд из Приморья // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 30—33; Коркунов И. О проекте

- СЭЗ «Туманган» на территории России, Китая и КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 14—17; Титаренко М.Л. Северо-Восточная Азия после «холодной войны» и интересы России // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 17—28.
- ¹³⁵ Саначев И.Д., Голодинкина С.О. Северо-Восток Китая и российский Дальний Восток: «глобальные» последствия региональной интеграции // Китай в мировой политике / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2001. С. 290—310.
- ¹³⁶ Гулидов Р.В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 90—108.
- ¹³⁷ 中华人民共和国国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要 = 9-й пятилетний план социально-экономического развития КНР и долгосрочная целевая программа до 2010 г. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-01/02/content_5003506.htm (дата обращения: 17.09.2016).
- ¹³⁸ 国务院办公厅关于促进东北老工业基地进一步扩大对外开放的实施意见. 国办发〔2005〕36号 = Практические мнения Канцелярии Госсовета по активизации дальнейшего расширения внешней открытости старопромышленных баз Северо-Востока...
- ¹³⁹ По этому поводу издание Центра изучения развития при Госсовете КНР «Новые экономические ведомости» опубликовало статью, по сути ставящую под сомнение современную региональную политику Китая. В публикации указывается, что в последние годы слишком большое количество территорий получили преференции от Пекина для своего экономического развития. См.: 区域政策是否遭遇“边际困境”? = Достигла ли региональная политика своего предела? // 新经济导刊. 2009. № 12. С. 46—48.
- ¹⁴⁰ По «Программе совместного освоения зоны Туманган Китая. Передовая зона освоения и развития Чанчунь — Цилинь — Тумэнь» были опубликованы лишь общие комментарии неназванных сотрудников Комитета развития и реформы Госсовета КНР (См.: 发改委就《中国图们江区域合作开发规划纲要—以长吉图为开发开放先导区》答问 = Госкомитет по развитию и реформе отвечает на вопросы по «Программе освоения и сотрудничества в районе Туманган Китая. Чанчунь — Цилинь — Тумэнь как пилотная зона освоения и открытости». 16.11.2009. URL: <http://finance.sina.com.cn/china/dfjj/20091116/17446971549.shtml> (дата обращения: 27.05.2017)). Официальная пресс-конференция по случаю принятия этого

- документа была проведена губернатором пров. Цзилинь, и в целом комментарии по Программе давала только цзилиньская сторона.
- ¹⁴¹ Если обратиться к статьям в центральных периодических изданиях Китая за 2009—2010 гг. (анализ проведён на основе базы данных CNKI), то лишь в единичных случаях проект «Туманган» рассматривается не цзилиньскими исследователями.
- ¹⁴² 国务院办公厅关于支持中国图们江区域（珲春）国际合作示范区建设的若干意见。国办发〔2012〕第19号 = Некоторые мнения Канцелярии Госсовета о поддержке создания показательной зоны международного сотрудничества в районе р. Туманган Китая (Хуньчунь)...
- ¹⁴³ 吉林省人民政府关于印发吉林省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要的通知。吉政发〔2016〕12号 = Уведомление народного правительства провинции Цзилинь об опубликовании Программы 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития провинции Цзилинь. Документ правительства провинции Цзилинь № 12, 2016 г. URL: <http://ghs.ndrc.gov.cn/ghwb/dfztgh/201606/P020160616606750244581.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).
- ¹⁴⁴ Например, по мнению некоторых китайских учёных, после утверждения Госсоветом «Программы совместного освоения китайской зоны Тумангана» в 2009 г., западная часть Цзилини стала районом с завидным для других регионов Китая набором льгот в области привлечения инвестиций, ведения международной торговли и т.д. См.: 刘丽琴, 刘晓辉. 论新时期图们江区域国际合作开发推进战略 = Лю Лицинь, Лю Сяохуэй. Стратегия активизации международного освоения и сотрудничества в зоне Туманган на новом этапе // 特区经济. 2010. № 10. С. 197.
- ¹⁴⁵ На путь из Хуньчуна в приморский порт Зарубино у капсулы Nureg-loop уйдёт 4,5 минуты. URL: <https://primamedia.ru/news/528767> (дата обращения: 16.11.2018).
- ¹⁴⁶ 刘秀云. 中国东北地区同苏联边境贸易的现状分析 = Лю Сююнь. Анализ состояния приграничной торговли северо-восточного региона Китая с СССР // 苏联东欧问题. 1989. № 4. С. 76—77.
- ¹⁴⁷ В июне 1998 г. в Хабаровске была проведена международная конференция «Дальний Восток России — Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества». См.: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайско-Восточной железной дороги

- и города Харбин / Дальневосточная государственная научная библиотека. Хабаровск, 1998. 320 с.
- ¹⁴⁸ Например, в мае 1995 г. в Харбине и Пекине прошла международная конференция по вопросам торгово-экономического сотрудничества Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. На конференции выступали американский политолог, бывший советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, чиновники правительства пров. Хэйлуцзян. См.: 中国东北地区和俄罗斯远东地区经贸合作国际研讨会纪要 = Протокол Международной конференции по вопросам торгово-экономического сотрудничества Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России // 现代国际关系. 1994. № 07. С. 33—35.
- ¹⁴⁹ 中国东北地区和俄罗斯远东地区经贸合作国际研讨会纪要 = Протокол Международной конференции по вопросам торгово-экономического сотрудничества Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России... С. 35.
- ¹⁵⁰ 中共中央、国务院关于实施东北地区等老工业基地振兴战略的若干意见。中发〔2003〕11号 = Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета о реализации стратегии возрождения северо-восточного региона и других старопромышленных баз ...
- ¹⁵¹ План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 годы). URL: <http://kremlin.ru/supplement/2056> (дата обращения: 16.11.2018).
- ¹⁵² Об участии Президента России В.В. Путина в Российско-китайском экономическом форуме, Пекин, 22 марта 2006 года. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/409230 (дата обращения: 16.11.2018).
- ¹⁵³ Для подъёма северо-восточного района Китая необходимо расширять сотрудничество с дальневосточным районом России. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6244603.html> (дата обращения: 16.11.2018).
- ¹⁵⁴ 宋魁专访：中俄地方间合作将有新突破 = Эксклюзив от Сун Вэя: межрегиональное сотрудничество России и Китая ждёт новые прорывы. 21.11.2017. URL: <http://www.eeo.com.cn/2007/1121/87982.shtml> (дата обращения: 11.11.2018).
- ¹⁵⁵ 俄远东开发与振兴东北老工业基地研讨对接会举行 = Пройдёт презентация сотрудничества по вопросам развития Дальнего Востока

- России и возрождения старопромышленных баз Северо-Востока. 15.06.2008. URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2008/06/15/051317807.shtml> (дата обращения: 11.12.2017).
- ¹⁵⁶ 宋魁专访: 中俄地方间合作将有新突破 = Эксклюзив от Сун Вэя: межрегиональное сотрудничество России и Китая ждёт новые прорывы...
- ¹⁵⁷ 东北地区振兴规划制定组在哈解读规划要点 = Группа по разработке Программы возрождения северо-восточного региона комментирует ключевые тезисы программы в Харбине. 21.03.2008. URL: <http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2008/03/21/000131231.shtml> (дата обращения: 11.11.2018).
- ¹⁵⁸ Интервью, представитель Правительства Амурской области, ноябрь 2008 г.; интервью, представитель Администрации Приморского края, июль 2010 г. // Материалы полевых исследований С.А. Иванова.
- ¹⁵⁹ Латухина К. Комиссия Игоря Шувалова подготовит стратегию развития Дальнего Востока и Забайкалья к концу марта. URL: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dv.html> (дата обращения: 15.02.2018).
- ¹⁶⁰ Совместное Российско-Китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/58> (дата обращения: 17.11.2017).
- ¹⁶¹ С 1998 г. в Китае на отдельных территориях стали вводить запрет на вырубку леса. В Северо-Восточном Китае, одном из крупнейших лесозаготовительных районов страны, снизили производство древесины. С 2014 г. в лесах государственной собственности (в Китае есть также леса, находящиеся в коллективной собственности) пров. Хэйлунцзян была запрещена заготовка деловой древесины. С 2016 г. эта политика была распространена на весь Китай. См.: 天然林: 停伐19年 受益17亿亩 = Природный лес: 19 лет запрета на рубку принесло пользу 1,7 млрд му. 28.11.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/energy/2017-11/28/c_1122020917.htm (дата обращения: 15.10.2018).
- ¹⁶² Иванов С.А. Корреляция программ развития Дальнего Востока России и возрождения Северо-Востока Китая: проблемы и перспективы // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 136.
- ¹⁶³ Кулешов В. и др. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 62—69.
- ¹⁶⁴ Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А.Д. Жуков принял участие в работе 5-го Российско-китайского

экономического форума. 24.11.2010. URL: <http://archive.government.ru/docs/13065> (дата обращения: 15.09.2017).

- ¹⁶⁵ Для иллюстрации отождествления бюрократической работы и экономического результата Программы можно привести пример с отчётного заседания Минвостокразвития России в мае 2017 г., где глава министерства заявил: «Также мы последовательно развиваем экономическое сотрудничество с Китайской Народной Республикой. В конце 2016 г. создана новая Межправительственная комиссия по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, которую возглавили вице-премьеры двух стран — Юрий Петрович Трутнев и господин Ван Ян» (См.: Итоговое заседание коллегии Минвостокразвития России: стенограмма. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/5197> (дата обращения: 17.10.2017)). Весь этот отрывок составляет единый абзац, и логика текста указывает, что второе предложение о создании новой межправительственной комиссии должно раскрывать тезис первого высказывания о последовательном развитии экономического сотрудничества. На практике, как мы знаем, создание какой-либо структуры совсем не тождественно получению экономического результата.
- ¹⁶⁶ Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между востоком России и северо-востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149—176.
- ¹⁶⁷ Отчёт о ходе реализации в 2014 году Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/monitoring/20160115798> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁶⁸ Постановление губернатора ЕАО от 9 июля 2010 г. № 203 «Об утверждении мероприятий по реализации на территории Еврейской автономной области положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы)». URL: <http://nra.eao.ru/law?d&nd=642217107> (дата обращения: 05.10.2016).
- ¹⁶⁹ Постановление Правительства Магаданской области от 13 марта 2014 года № 205-пп «О Плана реализации в 2014—2018 годах на территории Магаданской области Программы сотрудничества

- между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/438980649> (дата обращения: 05.10.2017).
- ¹⁷⁰ Подведены итоги участия Министерства регионального развития Российской Федерации в первом Российско-китайском ЭКСПО. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/396.html> (дата обращения: 14.07.2016); Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2016 № 2883-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 г. № 2193-р». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210523 (дата обращения: 01.09.2017).
- ¹⁷¹ Под проект промышленного парка в Михайловском районе официально закладывали камень три раза, но он так и не вступил в стадию реализации (Интервью представителя районных СМИ, Михайловский район, сентябрь 2014 г. // Материалы полевых исследований С.А. Иванова, А.Е. Савченко).
- ¹⁷² Все проекты Приморья с Китаем признаны эффективными. 03.07.2014. URL: http://primorsky.ru/news/66838/?sphrase_id=4645095 (дата обращения: 03.06.2018).
- ¹⁷³ Подписано соглашение о создании Центра привлечения и поддержки китайских инвесторов в ДФО. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/6245> (дата обращения: 07.11.2017).
- ¹⁷⁴ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road. URL: http://www.ndrc.gov.cn/gzdt/201503/t20150330_669392.html (дата обращения: 10.09.2017).
- ¹⁷⁵ Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2016 года № 2310-р «О подписании Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/X6iaaefIU8GC894n0D0X30YrHozE331w.pdf> (дата обращения: 23.09.2017).
- ¹⁷⁶ Реализация Программы сотрудничества между ЕАО и Северо-Востоком КНР. URL: <http://www.eao.ru/isp-vlast/upravlenie-ekonomiki-pravitelstva/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/realizatsiya-programmy-sotrudnichestva-mezhdu-eao-i-severo-vostokom-knr> (дата обращения: 23.09.2017).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В НАЧАЛЕ XXI в.

4.1. МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

К началу XXI в. Китай по ряду социально-экономических показателей вышел на новый этап развития. В социальной сфере закончился период «удовлетворения базовых нужд». Соответственно обновилась повестка развития страны, в том числе и в региональном контексте. Принятие стратегии возрождения северо-восточных и других старопромышленных баз в 2003 г. должно было ознаменовать новый этап социально-экономического роста в регионе и вывести задачи социального развития трёх провинций Дунбэя на новый уровень.

Стратегия возрождения Северо-Восточного Китая стала политическим и организационным оформлением идеи изменения механизмов хозяйственной деятельности в регионе, которая впервые высказывалась ещё в 1980-х гг., однако не смогла быть реализована в это время по ряду причин. Во-первых, в указанный период в экономике Северо-Востока наблюдались довольно стабильные показатели роста. Во-вторых, у государства не было чёткого плана реформирования, а также средств на его реализацию. В-третьих, центральное правительство не хотело нарушать относительное социальное равновесие в регионе,

понимая, что изменение механизма хозяйствования может привести к непредвидимым результатам из-за грубого вмешательства в создаваемую годами плановую экономику.

Ситуация начала меняться с 1994 г., когда стартовала реформа государственных предприятий, вызвавшая массовые увольнения работников. К 2001 г. доля госсектора в экономике Северо-Востока КНР составляла 73,2%, частный бизнес оставался неразвитым и не справлялся с решением экономических и социальных проблем в регионе. Сохранив государственный сектор, центральное правительство не освободило предприятия от социальных обязательств перед своими работниками, тем самым законсервировав их неэффективность.

Процессы экономической деградации привели к обвальному снижению уровня жизни, а локальные программы социальной поддержки не привели к ощутимому улучшению ситуации. К 2004 г. по уровню ВВП на душу населения пров. Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян занимали соответственно 8-е, 14-е и 10-е место из 31. В 1990-е гг. доходы городских жителей региона были ниже среднего уровня по стране и до 2000-го г. имели тенденцию к снижению. Из трёх провинций Северо-Востока наибольшее падение уровня доходов было зарегистрировано в Ляонине — с 96,8% в 1992 г. до 84,7% в 2002 г. Несмотря на то, что в пров. Цзилинь и Хэйлунцзян данное снижение было менее активным, в 2001 г. уровень доходов там составлял лишь 80% от среднего по стране. В 1993 г. выращивание одного гектара кукурузы давало 5000—6000 юаней прибыли, а к 2001 г. этот показатель упал до 100—200 юаней, что привело к значительному снижению уровня жизни фермеров: если в начале 1990-х гг. их чистый доход был выше средних показателей, то к 2000 г. он сократился на 20% от среднего уровня по стране¹.

В 2007 г. в «Плане возрождения Северо-Востока» (далее — План) было утверждено несколько важных социальных пока-

зателей. Они стали конечными индикаторами развития Дунбэя в период пятой пятилетки (2005—2010 гг.): 1) уровень безработицы к 2010 г. не должен превышать 5% (в 2005 г. он составлял 4,2%); 2) количество людей, охваченных пенсионным страхованием, — 3 млн 270 тыс. чел. (рост на 5% каждый год к уровню 2550 млн чел. в 2005 г.); 3) количество людей, охваченных медицинским страхованием на селе, — около 80%; 4) среднедушевой доход — 21 889 юаней (рост на 7,2% каждый год к уровню 15 316 тыс. юаней в 2005 г.)². Одной из целей Плана являлось сокращение межрегионального разрыва по ВРП, индивидуальному доходу и другим основным показателям. Чтобы ответить на вопрос, был ли План нацелен на развитие социальной сферы региона, необходимо сравнить показатели, выведенные в документе как индикаторы социального развития³, с соответствующими индексами, принятыми в мировой практике. В фокусе нашего анализа будут различия в благосостоянии и социальной защищённости граждан трёх провинций Северо-Восточного Китая.

В качестве сравнительного индекса, универсального и наиболее пригодного для оценки социального развития на уровне регионов, мы будем использовать индекс человеческого развития (ИЧР). Он публикуется в ежегодных докладах Программы развития ООН с 1990 г. и характеризуется детально разработанной методикой. Плюсами ИЧР являются чётко обоснованные приоритеты, минимальное число важнейших компонентов и принцип равнозначности при оценке каждого из трёх композитных индикаторов — доходы через ВРП и доходы на душу населения, образование, долголетие (продолжительность жизни, доступ к медицинским услугам)⁴.

Преимущество концепции человеческого развития (human development) состоит в выделении базовых критериев социального развития (доходы, продолжительность жизни,

образование, здравоохранение и т.д.), пригодных для количественных сопоставлений. Эта методика шире, чем измерение индекса Джини, и даёт больше материала для сравнения социального развития регионов, а также позволяет выявить социальное неравенство по нескольким аспектам: если демографические показатели относительно одинаковы, то может наблюдаться различие в уровне доступности услуг или уровне доходов (последний показатель важен при изучении миграционных процессов и выработке стратегии по борьбе с бедностью). Кроме того, существует проблема диагностики диспропорций отдельных компонентов, выявления факторов, оказывающих заметное воздействие на социальное развитие. На Северо-Востоке к таким факторам можно отнести большой государственный сектор (см. параграф 3.1), хотя степень его влияния на социальное развитие неравномерна для трёх провинций⁵.

Для Китая главную роль в социальном развитии играют следующие компоненты:

- 1) потребление (доходы) и доступ к базовым материальным благам и услугам (начальному образованию, первичной медицинской помощи, чистой воде и т.п.) — для большей части страны это было актуально в 80—90-е гг. XX в., в настоящее время данный показатель сохраняет значимость для мигрантов без прописки и жителей отдалённых бедных уездов;

Показатель ВРП на душу населения в

	2003	2004	2005	2006	2007
Хэйлунцзян	10 638	12 449	14 434	16 268	18 580
Цзилинь	9 853	11 536	13 347	15 625	19 383
Ляонин	14 270	15 834	18 983	21 802	26 057

2) возможности самообеспечения (доход и занятость), человеческий капитал, трансформация институтов и социальных функций государства — с 2000-х гг. по настоящее время⁶.

Социальное неравенство, являющееся закономерным результатом общественного развития, измеряется уровнем доходов, уровнем занятости, состоянием здоровья, индикатором младенческой смертности, индексом продолжительности жизни и уровнем образования. Изменение институтов и социальной инфраструктуры также даёт существенные основания для определения социального неравенства, но здесь возможно построение только длительных трендов с микроизменениями. Ключевыми индикаторами являются индекс доходов и лучший доступ к социальным (в данном контексте — к медицинским) услугам, так как они могут вызвать сильное смещение по ИЧР.

Отправным пунктом измерения межпровинциального неравенства на Северо-Востоке КНР стал показатель ВРП на душу населения (см. табл. 1). Определённая «заикленность» Китая на экономике в период реформ и зависимость социального развития страны от показателей ВВП на региональном уровне⁷ не позволяют игнорировать данный индикатор.

Можно проследить корреляционную связь роста ВРП (ВВП) с рядом других показателей: снижением уровня бедности (коэффициент — 0,52), сокращением неравенства по доходам (0,34)⁹, уменьшением младенческой смертности и увеличением продолжительности жизни.

Таблица 1

провинциях Северо-Востока Китая (2003—2015 гг.), в юанях⁸

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	21 740	22 447	27 076	32 819	35 711	37 696	39 226	39 461
	23 521	26 595	31 599	38 460	43 415	47 428	50 160	51 086
	31 738	35 149	42 355	50 760	56 649	61 396	65 201	65 354

Индекс доходов при расчёте общего коэффициента вносит основной вклад в показатели социального неравенства. Различия в ВРП на душу населения (скорректированном в соответствии с прожиточным минимумом) между тремя провинциями относительно невелики (например, в 2015 г. показатели пров. Ляонин оказались выше, чем в пров. Хэйлунцзян, в 1,6 раза). Изменение уровня доходов является более наглядным, хотя и подтверждает вышеуказанный тренд (см. рис. 1, 2).

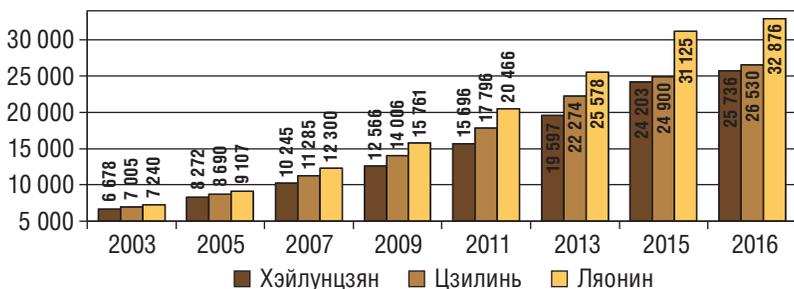

Рис. 1. Уровень располагаемого дохода (с вычетом налогов и социальных взносов) на душу городского населения северо-восточных провинций (2003—2016 гг.), в юанях¹⁰

Рис. 2. Уровень располагаемого дохода (с вычетом налогов) на душу сельского населения северо-восточных провинций (2003—2016 гг.), в юанях¹¹

Разрыв в доходах между городским населением трёх провинций намного выше (в 2016 г. — в 1,3 раза), чем между сельскими жителями (в 2016 г. — в 1,1 раза). При этом в северо-восточных городах уровень располагаемого дохода на душу населения был ниже, чем в целом в стране (в 2016 г. — 33 616 юаней). В Ляонине население располагало бóльшими средствами на проживание, чем в среднем в Китае (12 363 юаня), но в Цзилини и Хэйлунцзяне сельские жители в среднем жили беднее.

Следующий индикатор — уровень безработицы. Официальная статистика по ней практически ничего не даёт при оценке межрегионального неравенства. Во-первых, она сильно занижена и привязана к среднекитайскому показателю в 4% (хотя проблема трудоустройства является одной из самых острых). Во-вторых, полная статистика отражает только безработицу в городах, тогда как ситуация в сельской местности для среднеурбанизированных провинций Дунбэя остаётся нераскрытой. В-третьих, неравенство по показателю занятости сложно оценивать из-за цикличности рынка труда.

Из основных тенденций можно отметить резкое снижение показателя безработицы в пров. Ляонин — с 6,5% в 2003 г. (высокий уровень после массовых увольнений с государственных предприятий в 2001 г.) до самого низкого показателя среди трёх провинций в 2015 г. — 3,4%, постепенное снижение уровня безработицы в пров. Цзилинь — с 4,3 до 3,5% — и небольшие колебания данного показателя вокруг среднего уровня в 4,5% в пров. Хэйлунцзян¹².

Среди индикаторов качества жизни населения базовыми для расчёта социального неравенства являются: уровень младенческой смертности, доступность медицинских услуг, продолжительность жизни (уровень дожития) и уровень грамотности (данный показатель универсален, так как позволяет построить

и демографическую пирамиду)¹³. Демографические характеристики рассматриваются как фактор социального развития, воздействующий на благосостояние населения.

Средний показатель младенческой смертности в Китае упал с 15 на 1000 рождений в 2003 г. до 10,54 — в 2015 г.¹⁴ Несмотря на существенное расхождение в данных, которые приводят разные источники¹⁵, наблюдается устойчивое снижение этого уровня, что позволяет косвенно судить об улучшении жизненных условий и повышении качества медицины. Региональные данные отрывочны и в целом близки к общенациональному показателю.

Что касается уровня грамотности, то для Северо-Восточного Китая, как и для других регионов, в которых соответствующий индекс составляет больше 2/3, данный критерий не имеет содержательного смысла в контексте неравенства, так как приводит к сглаживанию межрегиональных разрывов в уровне образования. Кроме того, этот показатель чувствителен к возрастной структуре населения, хотя в северо-восточных провинциях он менее искажён вследствие завершения демографического перехода¹⁶. По количеству неграмотного населения Дунбэй относится к благополучным регионам. Например, согласно данным выборочных исследований (в данном случае — 1% населения), в пров. Хэйлуцзян количество безграмотных в возрасте 15 лет и старше в 2003 г. составляло 1835 чел., к 2009 г. этот показатель снизился до 1328 чел., а в 2014 г. он составил 764 чел. (для сравнения, в пров. Сычуань этот показатель в те же годы — 8046, 5503 и 4044 чел. соответственно)¹⁷.

Уровень продолжительности жизни в регионе практически не отличается от среднекитайского, хотя официальные данные в изучаемый период доступны только за 2010 г.: в пров. Хэйлуцзян — 75,98 лет, в пров. Цзилинь — 76,18 лет, в пров. Ляонин — 76,38 лет¹⁸.

Самым сложным из заявленных критериев является индикатор доступности медицинских услуг. Здесь необходимо рассчитывать два показателя — количество медицинских заведений в городе и деревне и долю расходов населения на медицинские услуги (см. рис. 3).

Во всех трёх провинциях траты на медицинские услуги в общем объёме расходов сельских жителей превышают аналогичные данные по городам. Например, в пров. Хэйлунцзян крестьянин в 2016 г. отдавал 10,7% своего дохода на медицинское обеспечение, а горожанин — 7,8%. Использование статистических данных

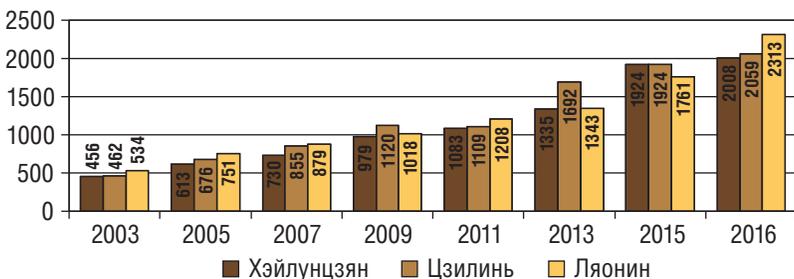

Рис. 3. Подушевые расходы городского населения северо-восточных провинций на медицинские услуги (2003—2016 гг.), в юанях¹⁹

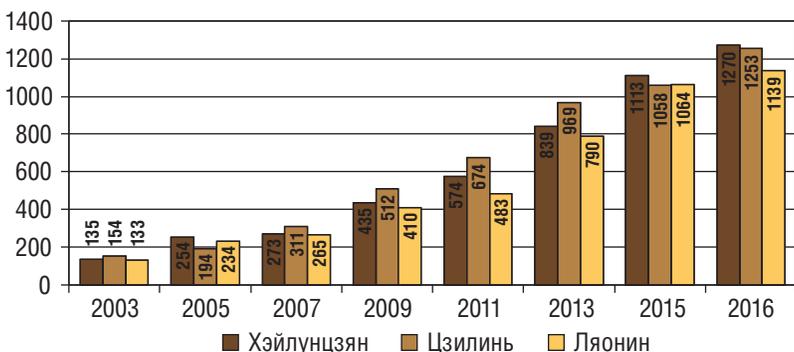

Рис. 4. Подушевые расходы сельского населения северо-восточных провинций на медицинские услуги (2003—2016 гг.), в юанях²⁰

с учётом подушевых показателей позволяет сделать вывод, что самым социально благополучным регионом Северо-Восточного Китая является пров. Ляонин.

Относительные цифры, основанные на среднедушевых показателях, косвенно подтверждаются показателями развития гармоничного общества, согласно которым среди 31 региона КНР Хэйлунцзян занимает 12-е место, Цзилинь — 9-е, а Ляонин — 6-е. В целом провинции Северо-Восточного Китая находятся в первой трети данного рейтинга, при этом Ляонин уступает только трём родам центрального подчинения и трём восточным провинциям²¹.

**Общая численность населения
в 2003—2015 гг.,**

	2003	2004	2005	2006	2007	
Ляонин	42 100	42 170	42 210	42 710	42 980	
Цзилинь	27 400	27 900	27 160	27 230	27 300	
Хэйлунцзян	38 150	38 170	38 200	38 230	38 240	

Однако абсолютные показатели, предполагающие учёт количества населения, корректируют предыдущие выводы. Сравнение числа городских и сельских жителей и выявление их доли в каждой провинции, а также сопоставление этих цифр с рассмотренными выше индикаторами качества жизни оказываются более показательными и продуктивными. Во-первых, мы рассматриваем внутрирегиональное неравенство между городом и деревней и затем — неравенство между провинциями Северо-Востока. Во-вторых, мы можем косвенно определить, существует ли связь между социальным развитием города и деревни, либо это два отдельных пространства, связующим звеном между которыми выступают мигранты, а решением социальных проблем последней является только урбанизация. Исследования современной деревни показывают

ослабевающую зависимость материального благосостояния её жителей от текущего дохода при гораздо более тесной связи с типом поселения, социально-профессиональным статусом семьи и её демографическими характеристиками.

Общее количество населения трёх провинций Северо-Востока даётся в справочном порядке, эти данные определяют общие рамки демографических показателей, представленных ниже. Кроме того, динамика численности свидетельствует ещё об одном тренде в развитии региона — постепенном и неуклонном снижении темпов прироста населения.

Таблица 2

северо-восточных провинций
тыс. чел.²²

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	43 150	43 140	43 750	43 830	43 890	43 900	43 910	43 820
	27 340	27 400	27 470	27 490	27 500	27 510	27 520	27 510
	38 250	38 260	38 330	38 340	38 340	38 350	38 330	38 120

Данные табл. 2 показывают, что в указанный период в пров. Хэйлунцзян сохранялись самые невысокие темпы прироста населения, а в пров. Ляонин — самые высокие, отчасти вследствие притока мигрантов из двух других провинций²³. В 2015 г. во всех трёх провинциях зафиксированы отрицательный прирост и убыль населения.

Для уточнения относительных показателей внутрипровинциального неравенства по уровню дохода необходимы сведения о соотношении сельского и городского населения в трёх провинциях. Несмотря на то, что официальная статистика преимущественно представляет данные выборочных исследований (1% жителей), она позволяет вычислить соотношение долей сельского и городского населения во всех провинциях Дунбэя. Проведённые расчёты представлены в табл. 3.

**Соотношение сельского и городского населения
с 2005 по 2015 г. (городское население)**

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Хэйлуцзян	1:0,88	1:0,86	1:0,85	1:0,81	1:0,80	1:0,79	
Цзилинь	1:0,90	1:0,89	1:0,88	1:0,87	1:0,87	1:0,87	
Ляонин	1:0,70	1:0,69	1:0,68	1:0,66	1:0,65	1:0,61	

Доля сельского населения устойчиво снижается по всему региону. Северо-Восточный Китай во второй половине XX в. был одной из самых урбани-

зированных территорий страны — как следствие, сравнительно высокая исходная база становится причиной относительно невысоких темпов урбанизации (самые низкие — в пров. Цзилинь). Тем не менее постепенно увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру городов, и в этом контексте можно сравнить уровень доступа городского и сельского населения трёх провинций к медицинским услугам.

Определение доступности медицинского обслуживания играет важную роль при анализе динамики расширения системы социального обеспечения как в городе, так и в селе. Учёт количества медицинских учреждений (в данном случае поликлиник) находит отражение в комплексной оценке качества жизни населения, а ввиду того что некоторые китайские эксперты называют недостаточное число медучреждений и, следовательно, высокую стоимость медицинского обслуживания одной из основных причин обеднения населения (70% случаев бедности)²⁵, этот показатель имеет ключевое значение при расчёте социального неравенства.

Количество сельских поликлиник

	2003	2004	2005	2006	
Хэйлуцзян	12 339	12 689	Н/д	Н/д	
Цзилинь	8 905	8 788	Н/д	Н/д	
Ляонин	19 423	19 944	Н/д	Н/д	

Таблица 3

северо-восточных провинций
принято за 1)²⁴

	2011	2012	2013	2014	2015
	1:0,77	1:0,76	1:0,74	1:0,72	1:0,70
	1:0,87	1:0,86	1:0,84	1:0,82	1:0,80
	1:0,58	1:0,52	1:0,50	1:0,49	1:0,48

Таблица 4

в провинциях Северо-Востока с 2005 по 2015 г.²⁶

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Н/д	Н/д	13 147	13 141	13 107	12 316	11 778	11 638	11 444
	Н/д	Н/д	8 978	9 862	11 612	11 475	11 527	11 225	10 209
	Н/д	Н/д	20 463	20 591	21 031	21 245	20 006	19 844	19 774

Приведённые в табл. 4 данные отражают две тенденции — увеличение числа сельских клиник в пров. Цзилинь и Ляонин до 2012 г. и затем, в связи с нарастанием урбанизации, сокращение их количества. В пров. Хэйлунцзян понижательный тренд наметился с 2009 г. Причины данной ситуации более подробно рассматриваются в параграфе 4.2.

В целом провинции Северо-Восточного Китая обладают схожими характеристиками по всем параметрам социального развития, даже различия в показателях доходов не являются критически значимыми. Это отчасти объясняется общностью географического положения и исторического пути развития, которые в свою очередь определяют единство хозяйственной специализации и ключевую роль государственного сектора в экономике.

Есть два пути смягчения социального неравенства в регионах: 1) перераспределительная социальная политика; 2) стимулирующая региональная политика, нацеленная на привлечение инвестиций и решение проблем трудоустройства. В 2012 г.

китайское правительство на фоне замедления темпов роста экономики и снижения эффективности стратегии создания новых рабочих мест сделало выбор в пользу первого пути и активизировало кампанию по борьбе с бедностью. Анализ социальной политики в контексте изменившихся политических установок и экономических условий с акцентом на региональные инициативы представлен ниже.

4.2. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Реформирование государственного сектора потребовало от правительства проведения особой политики, заключающейся в увеличении объёмов инвестиций в капитальное строительство и создании ряда специфических региональных проектов, в числе которых зона Тумэнь — Чанчунь — Цзилинь в пров. Цзилинь, «пять точек на одной линии» в пров. Ляонин и др. В целом на момент принятия стратегии возрождения старопромышленных баз Дунбэя в 2003 г. социально-экономическая ситуация на Северо-Востоке характеризовалась следующими проблемами:

- 1) низкой эффективностью государственного сектора и последствиями его реформирования;
- 2) нехваткой вложений в материальный и человеческий капиталы;
- 3) неразвитостью внутреннего рынка;
- 4) сложностью трудоустройства, особенно повторного;
- 5) неэффективностью моделей социальной поддержки уязвимых групп населения.

По мнению экспертов Всемирного банка, решение этих проблем было затруднено из-за ограниченной мобильности факторов производства, слабой интеграции в общенациональную экономику и отсутствия эффективных фискальных инструмен-

тов в системе межправительственных трансфертов²⁷. Стратегия возрождения старопромышленных баз была нацелена на устранение вышеуказанных пяти проблем.

Обычно самый главный недостаток подобных стратегических планов состоит в том, что в них отсутствует системность и без достаточных оснований используется метод следования «удачным прецедентам»²⁸. При разработке стратегии возрождения старопромышленных баз Северо-Востока, напротив, было рассмотрено множество проектов, предложений и моделей, которые не только не учитывали сложившееся положение, но и не коррелировали друг с другом. Результатом данного отбора стало создание ряда рамочных документов, конкретное содержание которых наполнялось местными властями с помощью региональных программ. В частности, с 2003 по 2011 г. Центром были одобрены три программы, направленные на решение социальных проблем: «Мнение народного правительства провинции Цзилинь об ускорении строительства системы социальной помощи в городских и сельских районах» (май 2006 г.)²⁹, проект народного правительства пров. Хэйлуцзян по внедрению экспериментальной системы социального обеспечения в городах и посёлках (май 2004 г.) и регламент по активизации реконструкции районов с ветхим жилым фондом в северо-восточном регионе (октябрь 2010 г.)³⁰.

Ориентиры для всех трёх провинций были выбраны одинаковые:

1. Расширение занятости, в том числе и за счёт самозанятости (решение этой задачи связано с изменением структуры экономики, в частности с развитием сферы услуг). Снижение доли нетрудоустроенных граждан — задача более сложная, так как безработица на Северо-Востоке носит системный характер, будучи вызванной изменениями в структуре спроса на потребительские товары и технологии производства. Данные изменения обуславливают

потребность в новых профессиях, при этом работники, не обладающие такими профессиями, высвобождаются и вынуждены переучиваться. В то же время, согласно отчётам местных властей, безработица в Дунбэе никогда не превышала 5% (за исключением ситуации в пров. Ляонин во время массовых сокращений работников государственных предприятий). Например, в период формирования стратегии возрождения старопромышленных баз зарегистрированный в 2005 г. уровень безработицы в пров. Цзилинь составлял 4,8%³¹.

2. Расширение системы социальной защиты (социального страхования). Учитывая, что социальные проблемы относятся к факторам ограничения общественного развития, результатом создания базовой системы социального обеспечения должно было стать сокращение и социального, и экономического неравенства. Тем более что индекс Джини в 2006 г. (основной индекс измерения неравенства в Китае) достиг 0,5 при кризисных значениях 0,4. Для решения этой задачи требовалось либо дальше реформировать госпредприятия, оставляя за ними часть социальной нагрузки³², либо создавать альтернативную систему социального страхования с помощью взносов граждан, отчислений работодателей и государственных субсидий. Такая система должна была стать единой для всех категорий горожан (в том числе не занятых на госпредприятиях) и крестьян, а также доступной для мигрантов, готовых платить взносы.
3. Расширение пенсионной системы.

С 2003 г. в течение 10-й и 11-й пятилеток во всех провинциях были приняты важные документы, касающиеся вопросов социального обеспечения. Их появление связано с изменением структуры занятости, развитием негосударственного сектора услуг, а также пониманием, что количественный рост доходов

не приводит к сокращению социального неравенства. Ключевая роль при этом отводилась пров. Ляонин, которая стала площадкой для экспериментального внедрения базовых схем социального обеспечения населения.

Главной задачей было объявлено увеличение показателей занятости и повторного трудоустройства. В 2006 г. региональные власти утвердили «Мнение народного правительства провинции Ляонин об укреплении работы по трудоустройству и повторному трудоустройству»³³. В документе были обозначены следующие цели: создание к 2010 г. 3,5 млн рабочих мест и снижение безработицы до 5%, предоставление работы 600 тыс. выпускникам средних специальных учреждений, решение в течение 2 лет проблемы застойной бедности и стимулирование городской и сельской занятости.

Власти пров. Ляонин предлагали следующие меры для расширения трудоустройства:

1. Предоставление налоговых льгот, финансовой и кредитной поддержки мелким и средним предприятиям; поощрение структурной перестройки крупных предприятий госсектора, реорганизации и разделения вспомогательных и основных производств.
2. Стимулирование развития третичного сектора с расширением спектра услуг — информационных, туристических и общественных.
3. Поощрение малых предприятий, принимающих работников на повторную занятость (после обучения и переподготовки либо с возможностью обучения на рабочем месте).
4. Разработка бизнес-проектов с учётом возможного привлечения работников, уволенных с предприятий в ресурсных городах; создание межрегиональных программ содействия занятости для перемещения избыточной рабочей силы в места, где она необходима.

5. Поощрение неполной, временной и сезонной форм занятости.
6. Создание условий для трудоустройства сельских мигрантов в городах с возможностью их интеграции в базовую систему пенсионного и медицинского страхования.
7. Поддержка занятости в деревне за счёт расширения производства, создания и развития новых форм в сфере услуг, в частности, «зелёного туризма» и агротуризма.

В документе были предусмотрены меры по повторному трудоустройству, включая:

- 1) контроль за системой выдачи «сертификатов на повторное трудоустройство»;
- 2) поощрение самозанятости уволенных работников, в том числе и освобождение от некоторых налогов и сборов в течение 3 лет при наличии вышеназванного сертификата;
- 3) предоставление микрокредитов (20 тыс. юаней на 2 года) для открытия своего дела в ряде отраслей (перечень довольно большой — от разведения аквакультуры до гостиничного бизнеса).

Ляонинские власти предлагали поощрять предприятия, принимающие работников на повторную занятость, через:

- 1) предоставление налоговых льгот в том случае, если между работодателем и сотрудником заключается контракт с условием выплаты социальных взносов;
- 2) предоставление субсидии на уплату социальных взносов за работника и членов его семьи;
- 3) стимулирование крупных и средних госпредприятий проводить оптимизацию и увеличение активов, введение независимого бухучёта и освобождение на 3 года от уплаты налога на прибыль.

В целях интеграции занятости городских и сельских районов предлагались следующие меры:

- 1) создание организационной системы по управлению трудоустройством, охватывающей сельские и городские районы, включая сельских мигрантов;
- 2) совершенствование системы государственной службы занятости, создание сети агентств по трудоустройству, обеспечение «единого» обслуживания в городе и на селе.

В период с 2006 по 2008 г. была запланирована переподготовка 700 тыс. работников, уволенных с госпредприятий, и 600 тыс. сельских мигрантов, желающих получить работу в городах. Для реализации данной программы власти намеревались: 1) составить на базе существующих образовательных учреждений программы переподготовки с учётом рыночной конъюнктуры и реального спроса на рынке труда; 2) использовать современные методы обучения; 3) увеличить объём инвестиций в фонды профессиональной подготовки. Меры по поощрению предпринимательства и открытия собственного дела уволенными работниками включали:

- 1) стимулирование бизнеса через систему госзаказов, создание банка предпринимательских проектов, уменьшение административных барьеров;
- 2) увеличение финансовой поддержки для обучения предпринимателей и предоставление им социальных льгот.

Одновременно с этим власти пров. Ляонин предлагали ряд мер по борьбе с безработицей:

- 1) создание механизма раннего предупреждения безработицы, совершенствование системы статистики трудоустроенности населения;
- 2) содействие реструктуризации госпредприятий и контроль за их банкротством;
- 3) стандартизация правил увольнения — выплата компенсации, выплата части зарплаты в течение определённого периода при увольнении сразу двух членов одной семьи и т.д.

Для совершенствования сферы социального обеспечения предлагалось оптимизировать систему страхования от безработицы и систему прожиточного минимума, а также включить самозанятых и лиц с гибким графиком работы в базовую схему социального страхования (медицинского и пенсионного).

Дополнительно к общим мерам по борьбе с безработицей было принято «Мнение народного правительства провинции Ляонин о создании долгосрочного механизма содействия занятости семей с „нулевой“ занятостью»³⁴. В преамбуле документа подчёркивалось: несмотря на то, что в течение 2005 г. 143 тыс. чел. из семей с «нулевой» занятостью получили рабочие места, ситуация с доходами и трудоустройством этой категории граждан продолжает оставаться напряжённой и нестабильной. Решить проблему предлагалось посредством:

- трудоустройства хотя бы одного члена семьи с «нулевой» занятостью (обеспечение таких граждан работой в течение 20 дней с момента обращения в службу занятости);
- стандартизации правил трудоустройства для данной категории населения: если происходит зачисление в штат предприятия, то обязательным является заключение трудового контракта сроком на один год (с возможным продлением); в случае самозанятости предоставляется лицензия на ведение предпринимательской деятельности и возможность внесения страховых взносов в фонды социального страхования;
- усиления контроля за занятостью граждан из названной категории: создания единого реестра и базы данных с динамическими таблицами;
- расширения возможностей трудоустройства: обеспечения членов семей с «нулевой» занятостью приоритетом при повторном трудоустройстве; при реконструкции трущоб (обычном месте проживания этой категории населе-

- ния) — выделения земли под средние и мелкие предприятия сферы услуг, с приоритетным правом трудоустройства данной категории граждан; увеличения возможностей фриланса и занятости с гибким графиком работы; активизации работы по перемещению «свободных рук» в районы с их нехваткой;
- оказания материальной помощи семьям с «нулевой» занятостью: выплаты до 70% субсидий по социальному страхованию семьям, проживающим в самых «трудных» ресурсных городах провинции — Фушунь, Фусинь, Бэньси, Чаоян; бесплатных переподготовки и переобучения (повышение квалификации); для начавших своё дело — налоговых льгот и временного освобождения от налога на прибыль физических лиц (порог необлагаемых доходов — 8 тыс. юаней);
  - создания системы раннего оповещения о потенциальном увольнении членов семьи с одним занятым: отделам кадров предприятий вменялось в обязанность обращать внимание при сокращении работников на их социальный статус и доходы семьи; не рекомендовалось увольнять единственного работника в семье, но если такое происходило, то наниматель был обязан выплачивать компенсацию.

В 2006 г. было выпущено «Руководящее мнение по дальнейшему совершенствованию базовой системы медицинского страхования для работников городов и посёлков нашей провинции Цзилинь». В документе подробно описаны принципы единого планирования, управления и порядок взимания страховых взносов в фонд медицинского страхования³⁵. Планировалось за два года создать систему базового медицинского страхования для городских и сельских жителей. Страховые взносы были разделены на три группы — 200, 150 и 120 юаней в год на человека. Для жителей городов, не имеющих льгот, взнос составлял от 150 до 200 юаней, для жителей уездов — от 120 до 150 юаней,

для учеников начальной и средней школы взносы не должны были превышать 50 юаней в год. Был установлен порядок выплат: их требовалось осуществлять в течение четвёртого квартала. С января следующего года наступал страховой период. Из фонда страхования можно было компенсировать 80% расходов на лечение. Также регламент фиксировал конкретные суммы на медицинские услуги: нижний порог составлял 300 юаней, а верхний — 45 тыс. юаней в год. Срок выплаты страховых сумм составлял 1 год. Документ устанавливал льготы для определённых групп населения: субсидию для пожилых (старше 60 лет) в размере 50 юаней, для учеников начальной и средней школы — 5 юаней, для лиц, получивших «сертификат на занятость», — 80 юаней. Особо оговаривалось, что работодатель может вносить страховые выплаты за своих работников и членов их семей.

В пров. Цзилинь к 2006 г. в систему медицинского страхования было включено 2,856 млн чел., а в систему базового пенсионного страхования — 3,21 млн чел.³⁶

В 2007 г. документ с почти таким же названием выпустило правительство пров. Ляонин³⁷. В нём изложены основные цели и механизмы медицинского страхования жителей городов и посёлков. Особо оговаривались принципы единого планирования, цель на полный охват городского и сельского населения, правила работы системы финансирования фонда базового медицинского страхования на основе личных взносов и госсубсидий. Документ устанавливал нижний порог взносов, исходя из сопоставимого показателя прожиточного минимума — 40 юаней в год на человека (с учётом разного экономического уровня отдельных территорий и разного спроса на медицинские услуги). Были также прописаны льготные категории населения, которым предоставлялись субсидии на медицинское страхование: 1) инвалиды и малоимущие граждане могли получать 40 юаней; 2) неработающие и малоимущие пожилые люди (старше 60 лет) — 60 юаней;

3) несовершеннолетние инвалиды — 10 юаней. Средства не выдавались на руки, а напрямую перечислялись в фонды медицинского страхования соответствующего уровня. Сроки и суммы взносов определялись рядом условий и варьировались в зависимости от возраста, рабочего стажа участника страхования и стоимости медицинских услуг.

Документ также содержал технический регламент работы медицинских учреждений и описание системы ответственности за внедрение его положений. В нём подчёркивалось, что работодатель может вносить страховые взносы за работника, получая взамен налоговые льготы.

В октябре 2007 г. аналогичный документ был принят и в пров. Хэйлунцзян³⁸. Хотя внедрение системы медицинского страхования было объявлено экспериментом (на начальном этапе он был запущен в трёх городах — в Харбине, Цицикаре и Цзиси), в тексте указывалось, что базовая страховая система для городского и сельского населения должна быть создана к 2010 г. К её основным принципам отнесены: принцип финансирования (на основе личных взносов и провинциальных субсидий), максимальный охват жителей, за исключением учеников начальной и средней школы, дошкольников и неработающих граждан, если они не платят страховые взносы. В документе отмечалось, что временно проживающие в городах граждане (т.е. сельские мигранты) могут быть внесены в реестр медицинского страхования при соответствующем решении местных властей. В зависимости от уровня экономического развития и потребности в медицинском обслуживании устанавливался размер взносов для взрослых и несовершеннолетних граждан: первые вносят 2% от доходов (зарплаты), за несовершеннолетних должно быть внесено 90 юаней в год. Документ также предусматривал меры поощрения для участников программы медицинского страхования и подчёркивал, что госпредприятия

не освобождаются от взносов. Субсидии государства распределялись по трём уровням власти: 20 юаней — взнос из бюджета центрального уровня, 20 юаней — из бюджета провинции и 20 юаней — из городского (уездного) бюджета. Дети из малоимущих семей и студенты-инвалиды получали субсидию в размере 75 юаней в год, другие категории малоимущих и пожилые люди — 50 юаней в год. Было оговорено, что страховой фонд оплачивает медицинские услуги из строго установленного перечня, а другие расходы могут быть оплачены за счёт дополнительного или коммерческого страхования и пожертвований.

Следующим шагом стало введение системы пенсионного страхования. В 2007 г. было обнародовано «Мнение народного правительства провинции Хэйлунцзян по некоторым вопросам базового пенсионного страхования»³⁹ — технический регламент, касающийся проблемных пунктов реализации вышеназванной системы. Перечень включал 28 проблем, среди которых было участие самозанятых граждан (индивидуальных работников), спортсменов и иностранных дипломатов в системе базового пенсионного страхования, сбор просроченных взносов, взыскание выплат с предприятий-банкротов, реструктурированных предприятий и упразднённых самофинансируемых организаций. И самое главное, был установлен срок непрерывного внесения платежей, дающий право на получение базовой пенсии, — 15 лет.

В 2009 г. цзилиньское правительство выпустило документ под названием «Пилотная схема совершенствования системы городского социального обеспечения в провинции Цзилинь»⁴⁰. Документ был принят с учётом целей стратегии возрождения старопромышленных баз Северо-Восточного Китая, опыта социального эксперимента пров. Ляонин и собственного опыта внедрения некоторых видов социального страхования.

Совершенствование системы социального обеспечения оставалось важным направлением деятельности правительств

северо-восточных провинций. Однако с начала 2010-х гг. в региональных планах пятилетнего развития Северо-Востока Китая (12-й пятилетний план) возросло внимание к другому направлению — борьбе с бедностью. До этого термин «бедность» в официальной риторике встречался редко, но в условиях замедления экономического подъёма и уменьшения роста доходов населения власти решили изменить фокус социальных реформ и начать борьбу с бедностью, в особенности — с устойчивой бедностью в деревнях центральных регионов страны. В 2011 г. Госсовет КНР опубликовал документ под названием «Программа сокращения бедности и развития в сельском Китае на 2011—2020 гг.»⁴¹. В нём приводятся различные меры — от постепенного повышения размера минимальной зарплаты и реализации программы ликвидации трущоб и лачуг до создания фондов взаимопомощи на селе и предоставления доверительных микрокредитов на открытие своего дела (речь идёт о самозанятости). Возможно, следующим шагом станет масштабное переселение людей⁴² в построенные «с нуля» города-спутники. Меры по борьбе с бедностью начали давать весомые результаты с 2015 г., хотя первые успехи появились уже в конце 2012 г.

В 2016 г. были приняты три региональных плана социально-экономического развития на 13-ю пятилетку (2016—2020 гг.). Анализируя цели и задачи социального развития пров. Ляонин в указанный период⁴³, можно увидеть, что они практически не отличаются от предыдущих планов:

- 1) ликвидация бедности — к трём самым бедным территориям отнесены уезды Исянь, Цзяньчан и Сифэн;
- 2) развитие образования — в качестве ключевого результата власти предлагают создание 15 региональных групп профессионального образования и закрепление системы «двойного сертификата»;

- 3) расширение трудоустройства — создание единой структуры занятости города и села;
- 4) увеличение доходов городских и сельских жителей;
- 5) совершенствование механизмов социального обеспечения — к 2020 г. планируется создать справедливую и устойчивую систему, охватывающую жителей городов и сельской местности⁴⁴;
- 6) совершенствование системы здравоохранения в Ляонине. Данный раздел наиболее насыщен конкретными задачами и прямыми указаниями, из чего можно заключить, что создание эффективной системы здравоохранения остаётся одной из самых трудноразрешимых задач. План предусматривает как установление вертикальных и горизонтальных связей между существующими медучреждениями, так и создание сети специализированных клиник;
- 7) улучшение «качества населения».

План пров. Хэйлунцзян на 13-ю пятилетку выглядит более детализированным и ориентированным на количественные данные. Отчасти это можно объяснить тем, что к 2020 г. провинция должна достигнуть показателей общества «сяокан»⁴⁵ (пров. Ляонин и Цзилинь достигли этого уровня в 2010 г.). В первой части документа сравниваются результаты 11-й и 12-й пятилеток, свидетельствующие о существенном росте количественных показателей за 10 лет. В нём также отмечается, что стратегия возрождения старопромышленных баз Северо-Восточного Китая является фактором развития региона. Во втором разделе приведены конкретные цифры, которые должны быть достигнуты к 2020 г., при этом ключевые из них (например, рост доходов населения) достигнуты досрочно. Однако показатели, касающиеся изменения экономической структуры, расширения занятости и охвата населения системой социального обеспечения, которые объявлены обязательными, на деле оказались

труднодостижимы, — прирост за годы 12-й пятилетки по ним был сравнительно небольшой. Значительное внимание в хэйлунцзянском плане уделяется оптимизации экономики, расширению третичного сектора, улучшению ситуации в городах ресурсного типа и брендированию туристической деятельности. Что касается социального развития, то цели и задачи остаются прежними:

- 1) ликвидация бедности: в провинции 28 бедных уездов и 2 млн 100 тыс. бедных крестьян;
- 2) развитие системы образования — к 2020 г. ставится задача обеспечить местами в яслях 80% детей;
- 3) стимулирование занятости — в контексте данной задачи выделено несколько направлений:
  - а) ставка на некоторые группы населения — выпускников вузов, людей, утративших работу в городах ресурсного типа, отставных военных,
  - б) совершенствование системы гарантированной занятости,
  - в) улучшение деятельности служб по трудоустройству;
- 4) совершенствование системы социального страхования — медицинским страхованием должно быть охвачено 95% населения;
- 5) обеспечение жильём лиц с низкими доходами — в рамках соответствующей программы, которая распространена на весь Северо-Восток, к 2017 г. в пров. Хэйлунцзян было перестроено 140 тыс. ветхих домов, к 2020 г. планируется довести этот показатель до 600 тыс.;
- 6) создание «здорового Лунцзяна» (ключевая задача, связанная с созданием системы современного здравоохранения);
- 7) содействие гармоничному развитию населения.

План на 13-ю пятилетку пров. Цзилинь отличается от двух вышеописанных: он насыщен идеологемами, лозунгами и теоретическими врезками. Кроме того, отдельные блоки выделены

не по тематическому принципу, а по приоритетам развития. Социальная проблематика разделена на три крупных блока:

1. Борьба с бедностью — выделено «6 уровней» борьбы с нищетой, один из которых предусматривает массовое переселение людей.
2. Улучшение материальных условий жизни. Одной из задач является расширение сферы трудоустройства за счёт увеличения доли малого и среднего бизнеса в экономике провинции и оказания адресной помощи домохозяйствам с «нулевой» занятостью — для этого к 2020 г. планируется создать 2,2 млн новых рабочих мест. Ещё одна ключевая задача — увеличение доходов населения и разработка системы региональных надбавок. Небольшой раздел посвящён совершенствованию системы социального обеспечения — к 2018 г. планируется довести стандарты минимального уровня жизни (в городе и в селе) до средних показателей по стране. Два самых больших и конкретизированных раздела касаются модернизации образования и медицинского обслуживания. Одной из задач объявлено совершенствование медицинской помощи на селе, в том числе ставится цель ежегодно обучать 100 сельских докторов. В пункте о здоровье появляется раздел, посвящённый спорту, — разрабатывается программа «Фитнес для всех», а также планируется к 2020 г. довести объём спортивной индустрии до 60 млрд долл.
3. Содействие «сбалансированному» развитию населения:
  - а) повышение общего уровня здоровья;
  - б) совершенствование политики планирования семьи, охраны здоровья матери и ребёнка и ухода за детьми в условиях старения населения;
  - в) защита интересов женщин и детей;
  - г) активное реагирование на старение населения.

Примечательно, что из всех планов на 13-ю пятилетку исчезла задача повышения спроса на товары отечественного производства, до 2010 г. считавшаяся одной из главных, снизилось внимание к проблеме расширения занятости, а на первый план вышла задача по ликвидации бедности.

В целом мероприятия социальной политики в регионе до 2012 г. можно разделить на две категории: 1) оптимизация рынка труда и расширение занятости, 2) создание базовой системы социального страхования. С 2012 г. добавилась новая задача — борьба с бедностью, которая постепенно замещает политику оптимизации трудовых отношений.

В Северо-Восточном Китае по-прежнему сильна связь между экономическим и социальным развитием. В то же время принятие и совершенствование новых норм и процедур социального обеспечения показывает, что именно социальная политика играет ключевую роль в сокращении неравенства и повышении качества жизни населения. Отказ от двухуровневой системы социального регулирования и появление в 2009 г. в сёлах социальных норм, сопоставимых с городскими, постепенно приводят к сокращению разрыва между городом и деревней.

Судя по представленным провинциальным планам на 13-ю пятилетку и заявленным в них целям и задачам, ставка делается на качественный рост, опирающийся на количественные показатели. До сих пор количество не перешло в качество даже в пров. Цзилинь и Ляонин, уже достигших по уровню доходов населения критериев общества «сяокан». По-прежнему главной целью социального развития остаётся создание эффективной системы социального обеспечения как в деревне, так и в городе. Всё это происходит в условиях возрастающего демографического давления, которое может изменить и экономическую, и социальную структуру страны, перечеркнув все прежние достижения.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Dong Lisheng. China's Drive to Revitalise the Northeast // China Perspectives. 2005. № 58. P. 2—17.
- ² 东北地区振兴规划 = План возрождения Северо-Востока. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content_721632.htm (дата обращения: 15.11.2018).
- ³ Под социальным развитием мы понимаем изменение благосостояния, структуры потребностей (расширение человеческого выбора) и форм жизнедеятельности населения в меняющейся социальной и экономической среде. См.: Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 28.
- ⁴ Зубаревич Н.В. Указ. соч. 264 с.
- ⁵ Степень влияния убыточного госсектора зависит не только от его доли в ВРП каждой провинции, но и от способности провинциальных властей грамотно регулировать бюджетные потоки. Этот пункт является существенным, так как основным инструментом социального развития остаются бюджетные расходы на социальную сферу.
- ⁶ Shi Tao, Zhao Eryng, Liu Dexin. Provincial Differences in Equalization and the Spatial Pattern of Urban Social Security in China // Population & Economics. 2015. No. 2. P. 1—19.
- ⁷ Валовой региональный продукт используется для измерения экономического неравенства и является показателем производства, а не потребления, кроме того, он не учитывает межрегиональное перераспределение ресурсов. Однако он необходим, чтобы показать общий уровень развития региона и рассчитать уровень доходов сельского и городского населения трёх провинций. Показатель конечного потребления, также используемый при измерении социального неравенства, искажается у регионов с большим притоком покупателей-нерезидентов, т.е. мигрантов. Это явление наблюдается, например, в пров. Ляонин.
- ⁸ 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).
- ⁹ Томас В. и др. Качество роста. 2000. М.: Весь Мир, 2001. 352 с.
- ¹⁰ 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Социальная демография и этнография: сб. методических указаний для обучающихся к внеаудиторной (самостоятельной) работе по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа (очная форма обучения) / сост. Н.А. Демина, Н.В. Тихонова. Красноярск: КрасГМУ, 2017. 58 с.

¹⁴ Коэффициент младенческой смертности. Китай. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/Демография/Смертность/Коэффициент-младенческой-смертности> (дата обращения: 21.05.2018).

¹⁵ Например, данные Всемирного банка отличаются от официальной статистики Китая. См.: Детская смертность в Китае в 2017 году. URL: http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/wdi?ref_area=CHN&series=SH_DTH_IMRT (дата обращения: 21.05.2018).

¹⁶ Веремейчик А.С. Демографическая политика в системе модернизации КНР // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2015. Т. XLV, ч. 2. С. 254—268.

¹⁷ 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ 东北蓝皮书 2016年. 中国东北地区发展报告= Синяя книга Северо-Восточного Китая. Доклад по развитию Северо-Восточного Китая за 2016 г. / под ред. Цзян Сяоцю. Пекин: 社会科学文献出版社, 2016. 421 с.

²² 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

²³ Подробнее см.: Веремейчик А.С. Регулирование внутренней миграции в КНР (на примере северо-восточного региона) // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 35—49; Веремейчик А.С. Современные тенденции в развитии народонаселения Северо-Восточного Китая // У карты Тихого океана. 2013. № 30 (228): Северо-Восток Китая в 2012 г.: политика, экономика и социально-демографическое развитие. С. 16—21.

²⁴ 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).

- ²⁵ Wu Fulong, Huang Ningying. New Urban Poverty in China // *Asia Pacific Viewpoint*. 2007. No. 2 (48). P. 168—185.
- ²⁶ 国家数据 = Государственные данные. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm> (дата обращения: 12.12.2018).
- ²⁷ Bourguignon F. Transition of China's Northeast: The Need for Combining Regional and National Policies. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/205361468769157519/pdf/28105.pdf> (дата обращения: 23.03.2013).
- ²⁸ Суспицын С.А. К вопросу о методологии разработки и оценки реализации стратегий и индикативных планов развития регионов // *Пространственная экономика*. 2009. № 2. С. 13—31.
- ²⁹ 吉林省人民政府加快推进城乡社会救助体系建设的实施意见 = Мнение народного правительства провинции Цзилинь об ускорении строительства системы социальной помощи в городских и сельских районах. Документ народного правительства провинции Цзилинь. URL: http://www.cdcpf.org.cn/zcwj1/dfzc/201407/t20140717_339977.shtml (дата обращения: 22.03.2017).
- ³⁰ 社会保障绿皮书 2012年. 中国社会保障发展报告 = Зелёная книга по социальному обеспечению. Доклад по развитию социального обеспечения в Китае за 2012 г. Пекин: 社会科学文献出版社, 2012. 306 с.
- ³¹ 2006 年吉林省经济社会形势分析与预测 = Анализ и прогноз социально-экономического положения провинции Цзилинь в 2006 году / под ред. Бин Чжэна. Чанчунь: 吉林人民出版社, 2005. 374 с.
- ³² Госпредприятия в КНР являлись основой системы социального обеспечения в городах вплоть до середины 1990-х гг.
- ³³ 辽宁省人民政府关于进一步加强就业再就业工作的实施意见 = Мнение народного правительства провинции Ляонин об укреплении работы по трудоустройству и повторному трудоустройству. URL: <http://ykrlyz.com/show.asp?id=132> (дата обращения: 12.04.2017).
- ³⁴ 辽宁省人民政府关于建立零就业家庭就业援助长效机制的意见 = Мнение народного правительства провинции Ляонин о создании долгосрочного механизма содействия занятости семей с «нулевой» занятостью. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfwj/szfwj/zfwj2006/201109/t20110908_698400.html (дата обращения: 12.04.2017).
- ³⁵ 关于加快推进城镇居民基本医疗保险制度建设的指导意见. 吉政发(2006)44号 = Руководящее мнение по дальнейшему совершенствованию базовой системы медицинского страхования для работников

- городов и посёлков нашей провинции. Документ народного правительства провинции Цзилинь № 44, 2006 г. URL: http://zb.jl.gov.cn/2007/200701/200701JZBF/200708/t20070828_299451.html (дата обращения: 14.03.2011).
- ³⁶ 吉林蓝皮书 2006 年. 经济社会形势分析与预测. = Синяя книга провинции Цзилинь, 2006. Анализ и прогноз социально-экономического положения провинции Цзилинь / под ред. Бин Чжэна. Пекин: 社会科学文献出版社, 2006. 307 с.
- ³⁷ 辽宁省人民政府关于建立城镇居民基本医疗保险制度的意见. 辽政发(2007)39号 = Мнение народного правительства провинции Ляонин о создании базовой системы медицинского страхования для жителей городов и посёлков. Документ народного правительства провинции Ляонин № 39, 2007 г. URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/zfwj/szfwj/zfwj2007/201109/t20110908_698357.html (дата обращения: 15.03.2012).
- ³⁸ 黑龙江省人民政府关于印发黑龙江省城镇居民基本医疗保险试点方案的通知. 黑政发(2007)78号 = Уведомление народного правительства провинции Хэйлунцзян о внедрении пилотной схемы базового медицинского страхования жителей городов и посёлков провинции Хэйлунцзян. Документ народного правительства провинции Хэйлунцзян № 78, 2007 г. URL: <http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2007/11/20/000073215.shtml> (дата обращения: 30.03.2011).
- ³⁹ 黑龙江省基本养老保险若干政策问题处理意见. 黑劳社发(2007)52号 = Мнение народного правительства провинции Хэйлунцзян по некоторым вопросам базового пенсионного страхования. Документ бюро по труду провинции Хэйлунцзян № 52, 2007 г. URL: http://www.360doc.com/content/14/0501/16/4346133_373741623.shtml (дата обращения: 06.10.2017).
- ⁴⁰ 吉林省完善城镇社会保障体系试点实施方案. 吉政发(2009) = Пилотная схема совершенствования системы городского социального обеспечения в провинции Цзилинь. Документ народного правительства провинции Цзилинь, 2009 г. URL: <http://www.icbc.com.cn/icbc/%C6%F3%D2%B5%C4%EA%BD%F0/%D5%FE%B2%DF%B7%A8%B9%E6/%B5%D8%B7%BD%D5%FE%B2%DF%B7%A8%B9%E6/%BC%AA%C1%D6/%BC%AA%C1%D6%CA%A1%CD%EA%C9%C6%B3%C7%D5%F2%C9%E7%BB%E1%B1%A3%D5%CF%CC%E5%CF%B5%CA%D4%B5%E3%CA%B5%CA%A9%B7%BD%B0%B8.htm> (дата обращения: 11.12.2017).

- ⁴¹ 中国农村扶贫开发纲要 (2011—2020年)。国务院公报(2011) 35号 = Программа сокращения бедности и развития в сельском Китае на 2011—2020 гг. Коммюнике Госсовета КНР № 35, 2011 г. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2011/content_2020905.htm (дата обращения: 12.04.2016).
- ⁴² Китай переселяет большое количество число людей в рамках борьбы с бедностью. URL: http://russian.news.cn/2017-08/01/c_136491628.htm (дата обращения: 30.10.2017).
- ⁴³ 辽宁省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要。辽政发 (2016) 20号 = План социально-экономического развития провинции Ляонин на 13 пятилетку (2016—2020 гг.). Документ народного правительства провинции Ляонин № 20, 2016 г. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/fzgggz/fzgh/ghwb/dfztgh/201607/P020160713591742548178.pdf> (дата обращения: 12.08.2017).
- ⁴⁴ Там же. С. 75.
- ⁴⁵ 黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要。黑政发 (2016) 36号 = План социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян на 13 пятилетку (2016—2020 гг.). Документ народного правительства провинции Хэйлунцзян № 36, 2016 г. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/fzgggz/fzgh/ghwb/dfztgh/201607/P020160713591456104485.pdf> (дата обращения: 13.08.2017).

КУЛЬТУРА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В НАЧАЛЕ ХХІ в.

5.1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

В ходе осуществления реформ в КНР культура приобрела особое социально-политическое значение и вес. В начале 80-х гг. прошлого века с быстрым развитием рыночных отношений в китайском обществе возникли опасения за судьбу социализма. Распространилось мнение о важности не только материального, но и духовного. В результате обсуждения этих вопросов руководство КНР выработало концепцию двух цивилизаций: первая включала сферу материального производства, а ко второй относилось всё, что непосредственно связывалось с культурой. Создание подобной концепции было необходимо в условиях формирования новой модели общественного развития. В дальнейшем сохранение баланса двух цивилизаций стало важным направлением политики КПК и выражалось в постоянном внимании к сфере культуры, принятии необходимых решений и мер для её поддержания.

Постепенно рыночные отношения всё больше проникали в эту сферу. Прибыль превратилась в один из показателей деятельности творческих организаций. Шло формирование рынка культуры. Власти целенаправленно его поддерживали, так как это соответствовало идее рыночного социализма. Однако, в связи с тем, что не все отрасли и учреждения культуры могут быть прибыльными, часть из них осталась на государственном

финансировании. В начале нового века учреждения разделили на две категории: дело культуры — музеи, библиотеки, дома и станции культуры, некоторые художественные коллективы, — и культурное производство (индустрия) — всё, что может приносить прибыль, включая кино, театр, исполнительскую деятельность.

В русле новых тенденций осуществлялось реформирование: для повышения эффективности стала вводиться контрактная система приёма на работу, начали использоваться различные виды материального поощрения. Большое значение придавалось наградам, которых удостоивались творческие работники на многочисленных местных, региональных и общекитайских конкурсах и фестивалях. Внедрялись новые для культуры формы организации — компании, корпорации. Укреплялись позиции частного предпринимательства в данной сфере.

С 2003 г. начался новый этап реформирования, связанный с широким внедрением рыночных отношений. При этом китайское руководство хорошо понимало значение культуры для развития общества и придерживалось подхода, учитывающего различные аспекты культурного строительства. На прошедшем в конце 2002 г. XVI съезде КПК говорилось о значении культуры в усилении совокупной мощи государства, культивировании национального духа, выражающегося в сплочённости, миролюбии, трудолюбии, мужестве и неустанном стремлении вперёд. К представителям искусства был обращён призыв «дарить народу ещё больше произведений, достойных своей эпохи». Журналистам, работникам издательств, а также радиовещания, кино и телевидения следовало правильно ориентировать общественность, а интернет-сайтам — заниматься распространением передовой культуры. Подчёркивалась необходимость развития лучших традиций национальной культуры и заимствования лучшего, что есть в мире¹.

В 2003 г. вышли в свет три правительственных документа, которые касались съёмок, распространения и демонстрации фильмов и разрешали создание частных кинокомпаний, обладающих равными правами и ответственностью с государственными. По данным за 2006—2010 гг., в Дунбэе был снят 81 кинофильм при участии 148 организаций, из них 12 являлись государственными, 79 — частными, остальные 57 — компании, получившие поддержку местных правительств и различных ведомств. Хотя лент вышло много, высокое качество, отмеченное наградами, оказалось только у семи, которые в большинстве случаев созданы государственными студиями и в сотрудничестве с частными предприятиями².

Реформирование, запущенное в 1978 г., прошло несколько этапов. Первый (1978—1992) характеризовался восстановлением культурной системы, разрушенной в период «культурной революции». На состоявшемся в конце 1992 г. XIV съезде КПК были поставлены цели углубления экономических реформ и открытости. Так с 1993 г. начался второй этап: включение культуры в рыночную систему. После XVI съезда КПК, с 2003 г., наступил третий: в условиях утвердившихся рыночных отношений на первый план вышли задачи повышения силы и конкурентоспособности китайской культуры.

В июне 2003 г. в Пекине на рабочем совещании было принято решение в экспериментальном порядке начать реформирование в 35 учреждениях 9 провинций и городов, в том числе в Шэньяне. На созванном в марте 2006 г. рабочем совещании результаты эксперимента обобщили и оценили положительно, что дало старт его постепенному расширению. Следующий рубеж — совещание по обмену опытом в Нанкине в августе 2009 г., после которого реформы стали повсеместными³. Их основным содержанием были активное внедрение рыночного подхода и повышение эффективности управления.

Одним из способов адаптироваться к новым условиям и получить необходимое финансирование являлось укрупнение учреждений культуры. Так, например, к харбинскому театру «Лунцзян» в качестве филиалов присоединили восемь художественных коллективов из провинции. В Муданьцзяне путём объединения нескольких творческих организаций и кинотеатра «Синьхуа» был образован городской театр оперы и балета. Произошло укрупнение театров пекинской оперы в Харбине и Цзиси⁴. Шэньянский большой театр создал «Северный театральный союз»⁵. Некоторые исполнительские коллективы получили поддержку от промышленных предприятий⁶.

Большим качественным сдвигом в реформировании стало начавшееся преобразование организаций культуры в компании. Нередко оно сопровождалось дальнейшим укрупнением. Так, в Шэньянскую кинокомпанию вошли 14 учреждений⁷. При создании интернет-рынка был взят курс на упорядочение, стандартизацию. В результате повышения требований к интернет-барам их число сократилось на 1/3⁸.

В компаниях, занятых художественной деятельностью, для большей эффективности внедрялись методы производственного управления с ориентацией на рынок сбыта. Использование системы акционирования программ и привлечение сторонних средств дали впечатляющие результаты. Цирковая труппа Шэньяна в сотрудничестве с местной строительной компанией смогла привлечь 3 млн юаней. Доход от концертов американской программы классической музыки в этом же городе составил 5 млн юаней. Благодаря 2 млн юаней Ляонинской компании развития и средствам датского Фонда Андерсена была осуществлена постановка сказочного циркового представления «Соловей», подготовленного к 200-летию со дня рождения писателя, с прямой трансляцией на весь мир⁹.

Следующим шагом рыночных преобразований стала организация ярмарок культуры, на которых в качестве товара предлагались художественные программы. В Шэньяне первая прошла в 2005 г. На ней было заключено контрактов на 120 млн юаней¹⁰. Постепенно такого рода деятельность расширялась, росли число участников и суммы сделок.

Необходимым условием успешности реформ было их кадровое обеспечение. В провинциях создавались руководящие группы по осуществлению преобразований. В организациях больше свободы для деятельности получили директора, таким образом у них появилась возможность учреждать должности в соответствии с потребностями и выбирать на них сотрудников по конкурсу. Контрактная система распространилась как на административных, так и на творческих работников. Долговременной акцией, рассчитанной на 5—10 лет, стал проект «Группа четырёх». В его рамках осуществлялась подготовка кадров для всекитайской системы пропаганды культуры, включая специалистов в области теории, журналистики, издательского дела, а также экономики и техники.

К 30-летию реформ (2008) рыночные преобразования глубоко проникли в сферу культуры. В Северо-Восточном Китае сформировались девять видов рынков: кино, художественные выступления, развлечения, аудио- и видеопродукция, книжные издания, изобразительные искусства, предметы материальной культуры, культурные обмены, обучение искусствам. Однако, по сравнению с более развитыми районами страны, в регионе оставались нерешёнными серьёзные проблемы. Специалисты КНР формулировали их так: «отсталость системы управления культурой, при которой предпочтение отдавалось административным методам; одноканальное, государственное финансирование; приоритет идеологии и ограничение доступа на рынок отдельным организациям и частному капиталу»¹¹.

В таких условиях культурные продукты не могли получить соответствующих путей сбыта, что давало возможность обогащаться посредникам¹².

Развитие культурной сферы Северо-Востока, как и всей КНР, шло по двум направлениям, охватывающим дело культуры и культурное производство. Если второе являлось новым и активно включалось в рыночные отношения, то первое по-прежнему в основном опиралось на поддержку государства. Впрочем, и здесь осуществлялся поиск более эффективных путей и форм деятельности.

Значительный прогресс наблюдался в финансировании. В Хэйлуцзяне было решено в течение пяти лет, начиная с 2003 г., выделять деньги театральным труппам на закупку книг, строительство и ремонт объектов культуры, ежегодно увеличивая сумму на 10 млн юаней¹³. Цзилинь также наращивал капиталовложения. После завершения строительства провинциального центра культуры приступили к расширению провинциальной библиотеки, сети уездных домов культуры, музеев¹⁴. Ляонин кроме государственных средств стремился привлечь новые источники финансирования. В Шэньяне был составлен список из 100 объектов культуры, предлагаемых для инвестирования частному бизнесу. Вёлся поиск зарубежных инвесторов¹⁵.

В Харбине развернулось строительство одного из крупнейших объектов культуры — Библиотеки провинции Хэйлуцзян. Капиталовложения составили 170,4 млн юаней, хранилища рассчитаны на 3,5 млн томов, читальные залы — на 1200 мест¹⁶. Также создавались многочисленные филиалы крупных библиотек. Сама Хэйлуцзянская библиотека в 2011 г. стала первым филиалом Китайской государственной цифровой библиотеки¹⁷.

Появились новые формы обслуживания. Открылись читальные залы для родителей с детьми. Налажено обслуживание детей-инвалидов. В Даляньской библиотеке создано общество

читателей-инвалидов. Их первая группа состояла из 115 чел. В определённые дни сотрудники библиотеки доставляют им книги, а в самом здании устранены все препятствия для передвижения и созданы необходимые удобства¹⁸.

Настоящий бум переживало музейное дело. Постоянно росло число музеев — не только государственных, но и частных, а также устроенных при предприятиях. Новые здания получили музеи пров. Ляонин и Хэйлуцзян. Велась активная выставочная деятельность. К 60-летию победы в Антияпонской войне (1937—1945) совместно с Россией в Харбине была организована выставка «Момент истории — советская Красная армия в Северо-Восточном Китае». Музей памяти вождей революции и Библиотека провинции Хэйлуцзян совместно провели «Образовательную выставку-предостережение против разложения и коррупции», которую посетили более 30 тыс. чел.¹⁹

Большие усилия прилагались в деле сохранения памятников материальной культуры, таких как Верхняя столица государства Бохай в Хэйлуцзяне, столица правителя Когурё в г. Цзиань пров. Цилинь и др.²⁰ В соответствии с принятой в 2003 г. Международной конвенцией об охране нематериального культурного наследия в качестве его ценного объекта учтена культура рыболовства и охоты нанайцев²¹. Также в итоге проведённого поиска были учтены десятки других объектов. Проспект России в Цицикаре включили в государственный перечень исторических и культурных названий улиц²².

Обширным полем деятельности центральных и местных властей стала работа по подъёму культурного уровня деревни. Предприятия спонсировали бесплатные выступления артистов и показы кинофильмов. Районные отделения Федерации литературы и искусства в рамках акции «Три в деревню» (где три — это культура, наука и техника, здравоохранение) регулярно организовывали поездки творческих работников в село.

Таблица 1

**Количество библиотек и музеев в Северо-Восточном Китае
(1980—2015)²³**

Год	Хэйлунцзян		Цзилинь		Ляонин		Всего в СВК	
	библиотeki	музеи	библиотeki	музеи	библиотeki	музеи	библиотeki	музеи
1980	83	1	нет данных	нет данных	85	8	нет полных данных	нет полных данных
1985	90	15	54	нет данных	121	21	нет полных данных	нет полных данных
1990	96	20	49	16	123	25	268	61
1995	96	29	51	16	127	26	274	771
2000	97	46	60	16	128	30	285	92
2003	97	45	62	22	128	35	287	1102
2004	96	46	63	18	126	37	285	1101
2005	96	46	63	18	126	37	285	1101
2006	96	47	64	18	126	37	286	1102
2007	98	53	64	21	128	37	290	1111
2008	101	56	64	26	128	37	293	1119
2009	100	71	66	нет полных данных	128	54	294	нет полных данных
2010	107	76	65	52	128	61	300	189
2011	107	103	65	58	128	61	300	222
2012	106	104	66	68	128	61	300	233
2013	107	156	66	73	129	62	302	2291
2014	107	157	66	77	129	63	302	297
2015	107	158	66	78	129	63	302	299

Продолжалось осуществление проекта «2131» — в каждой деревне показывать по одному фильму в месяц. Благодаря рыночному подходу в начале второго десятилетия XXI в., по утверждениям китайских авторов²⁴, поставленная цель была достигнута. Были созданы 10 сетей сельских кинотеатров, сформировался рынок показа фильмов в деревне.

Распространённой формой поддержки культурной жизни в деревне являлись «подарки» театров. Свыше 200 художественных коллективов на субсидии правительства давали спектакли в сельской местности. С 2011 г. это движение стало упорядоченным: слово «подарки» заменили на «семена», одновременно с показом спектаклей серьёзное внимание стали уделять воспитанию местных творческих сил, привлечению их к участию в выступлениях, что оказало существенную поддержку сельской самодеятельности²⁵.

Отдельное направление культурно-просветительской работы в деревне — правовая пропаганда. Положительный опыт в этом накоплен в пров. Цзилинь, где в местных бюджетах предусмотрены целевые расходы на проведение соответствующих мероприятий. Театральные труппы уезда Юнцзи каждый год давали в нём по 10 бесплатных представлений на правовые темы. Проводились акции «Право и культура идут рядом» и др. В посёлках и деревнях городского уезда Пяньши развёрнут проект правового обучения, чтобы в каждой семье был хотя бы один юридически грамотный человек. Городской уезд Гунчжулин поставил цель сделать 100 деревень образцами демократии и верховенства закона. В каждой из них имеется по 100 ярких надписей, которые содержат те или иные его положения²⁶.

Опорными пунктами культурно-просветительской работы в деревне являются станции культуры. Они небольшие и обладают ограниченными возможностями для выполнения своих функций. Поэтому возникла потребность создавать более

крупные комплексные заведения для проведения выступлений и культурно-спортивных мероприятий, занятий прикладным искусством. Они должны были отвечать пяти требованиям: иметь специально огороженное место, специального человека для управления, основное оборудование, постоянное субсидирование, вести постоянную деятельность. Такие комплексные заведения — особенность Северо-Восточного Китая. По статистике, в 2013 г. их было уже более 500 тыс., они охватывали 20 млн чел.²⁷

В 2006 г. под руководством местных правительств и при общественной поддержке начал осуществляться проект создания сельских библиотек. В 2012 г. он завершился: все административные деревни региона покрыла сеть библиотек. Каждая из них имела 1500 экз. книг 1200 названий, более 100 видов аудио- и видеопроодукции, свыше 20 газет, а также аудио- и видеооборудование. Таким образом, в целом были созданы условия для удовлетворения читательских интересов крестьян и их культурного досуга. Но проявились и трудности. Большинство ведущих библиотек — совместители, они не могут обеспечить необходимое время работы. Крестьяне постоянно заняты сельскохозяйственным и другим трудом и не проявляют активности. Главная же проблема, которая касается всей культурной ситуации в деревне, — социально-демографическая. Это так называемое явление пустого гнезда: молодёжь ушла на заработки, а большинство оставшихся — старики и дети²⁸.

Наряду с развитием современной культуры, в регионе начали уделять внимание возрождению её традиционных форм. В 2003 г. в Шэньяне отметили первый храмовый праздник, посвящённый Празднику весны. Главная храмовая ярмарка была устроена у кумирни Цисы в районе Шэньхэ, а 26 её филиалов — ещё в 13 районах города и уездах. Также по всему Шэньяну прошло свыше 1 тыс. различных культурных, спортивных

и торговых мероприятий, в выступлениях приняли участие более 12 тыс. чел. Вскоре разнообразными культурными мероприятиями с размахом отметили самый большой со времени основания города праздник фонарей Юаньсяо. Было вывешено более 10 тыс. фонарей всех видов, 4 тыс. из них жители изготовили самостоятельно²⁹. На следующий год в Шэньяне состоялся Первый китайский праздник фонарей, он продолжался 26 дней, а число зрителей составило 7 млн чел.³⁰

Весной 2007 г. в волости Сыцзя района Эрдао г. Чанчуня прошла большая церемония открытия Первого чанчуньского фестиваля шаманской культуры. Под звуки бубнов и поясных колокольчиков свыше 40 чел. в нарядах «священных соколов» исполняли песенно-танцевальную композицию «Поиски места, откуда восходит солнце»³¹.

Очень важным общекультурным делом является морально-нравственное воспитание народа. В Китае ему традиционно уделяется большое внимание. В XXI в. продолжились мероприятия по пропаганде образов высокоморальных личностей, нравственной оценке семей, распространению норм гражданской нравственности. В этой деятельности также появилось немало нового.

Задачи строительства общества средней зажиточности («сяокан»), поставленные XVI съездом КПК, были тесно связаны с дальнейшим развитием духовной цивилизации, повышением морального уровня населения, формированием гармоничных отношений в семьях, общинах, деревнях. Молодёжь приучали «помнить о других, о коллективе, родине», «делать хорошие дела для страны, коллектива, других людей». Развернулась работа по строительству цивилизованных малых городов и посёлков, цивилизованных экологических деревень. На северо-западе Ляонина осуществлялся проект создания «пояса зажиточности и цивилизованности» из 100 деревень³².

В условиях проникновения рыночных отношений во все сферы общества, в том числе и в культуру, проявился очевидный переко́с в ценностных ориентирах человека. Приоритетом стали материальные блага, а строительство духовной цивилизации оказалось под угрозой. Поэтому государство нацеливалось на то, чтобы не сбиться с пути в формировании двух цивилизаций. Способствовать этому должны были концепции «гармоничного общества», «общества средней зажиточности» и т.п.

Решительным поворотом в сторону традиционных ценностей и своеобразным моральным кодексом стали выдвинутые Ху Цзиньтао в 2006 г. «Восемь правил чести и славы, стыда и позора»: люби Родину, не делай Ей вреда; служи народу, никогда не предавай его; следуй за наукой, не будь невеждой; будь прилежным, а не ленивым; будь отзывчивым и помогай каждому, не наживайся за счёт других; будь честным и порядочным, не поступайся принципами ради наживы; будь дисциплинированным и законопослушным, нет — хаосу и беззаконию; живи просто и трудись усердно, не валяйся в роскоши и наслаждениях³³. Подобная идеологическая установка являлась сочетанием естественных представлений людей о морали и нравственности и традиционных духовных ценностей конфуцианства. В реализации концепций морально-нравственного воспитания народа ведущая роль отводилась культуре.

По всей стране развернулась кампания по пропаганде «Правил» Ху Цзиньтао. В Северо-Восточном Китае также шло горячее обсуждение моральной проблематики, устанавливались тематические стенды, открывались специальные рубрики в СМИ, был издан учебник «Социалистические представления о славе и позоре». В школах организовывались конкурсы рисунков, каллиграфии, фотографии «Знать честь и стыд». Подросткам бесплатно раздали 300 тыс. экземпляров зелёных карманных книжечек «Восемь образцов славы», «Рассказы о Великом походе»³⁴.

С августа 2007 г. года во всех новостных СМИ началась концентрированная пропаганда под единой рубрикой «Образцы нравственности, цивилизованные нравы», в которой внимание было сфокусировано на 19 именах типичных представителей «образцового поведения пяти видов»: уважения к своему делу, помощи другим, честности и заслуженного доверия, почтительного отношения к старшим и любви к родственникам, добродетельности³⁵. Так создавалась позитивная атмосфера для формирования общественного мнения в соответствии с принципом «знай о славе и позоре, будь честным, поддерживай новое, способствуй гармонии»³⁶.

Проводились и массовые мероприятия: дни пропаганды гражданской нравственности; вечера на площадях культуры, посвящённые обещаниям различных организаций работать добросовестно. Последнее было особенно актуальным, поскольку отдельные фирмы не брезговали предлагать некачественные товары. В Ляонине, чтобы справиться с такими негативными явлениями, предприятия, производящие продукты, лекарства, сельскохозяйственные препараты, семена, а также таксомоторные компании выступили с обещаниями добросовестной работы, открытости и принятия общественного контроля. В 2012 г. в Чанчуне Ассоциация потребителей, Контрольная палата качества товаров и газета «Чанчунь ваньшан бао» провели совместную акцию, развернув полотно длиной 315 м с пропагандой добросовестности³⁷.

На следующий год Управление коммерции Хэйлунцзяна объявило о мерах по усилению доверия в торговле в период 12-й пятилетки³⁸. В духе государственного документа «Контуры плана строительства системы гражданского доверия на 2014—2020 гг.» пров. Ляонин выдвинула «Соображения об ускорении продвижения строительства добросовестного Ляонина»³⁹.

Морально-нравственное воспитание населения — важная составляющая вклада культуры в проект «Возрождение старопромышленной базы Северо-Востока». Секретарь парткома пров. Ляонин Ли Кэцян, ставший впоследствии председателем Госсовета КНР, в этой связи говорил о необходимости «развивать образование, направленное на общественную мораль, профессиональную этику, семейные добродетели, укреплять идейно-нравственное воспитание молодёжи; создавать обстановку, способствующую гармоничным отношениям между людьми»⁴⁰.

Инициативу возрождения старопромышленной базы поддержали и работники культуры. В Чанчуне прошла конференция, где рассматривалась роль культуры в этом начинании⁴¹, состоялся большой концерт художественной самодеятельности⁴². В Ляонине были организованы различные общественно-культурные мероприятия под девизом «Новый облик старой базы»⁴³. Обсуждались различные варианты, как распорядиться индустриальным наследием. Предлагалось использовать его для промышленного туризма или — по примеру других городов — создать креативные колонии, как в пекинском «Районе искусств 798» или в шанхайском районе Тяньцзыфан. Однако более чем за 10 лет это дело существенно не продвинулось. Города старых промышленных баз продолжали деградировать⁴⁴. Очевидно, предстоит приложить много усилий для их культурного развития. Серьёзные препятствия здесь связаны с уже сложившимися традициями, идущими вразрез с рыночными реформами. Это и привычка жить в системе плановой экономики, и нежелание предприятий подвергать себя рискам конкуренции. Несмотря на сравнительно развитую промышленность, Дунбэй в целом ещё сохраняет атмосферу сельской культуры⁴⁵.

С начала XXI в. ведущую роль в развитии рынка культуры в Китае играет культурное производство (индустрия), «представляющее обществу культурные, развлекательные продукты

и мероприятия по обслуживанию, а также деятельность, связанную с этими мероприятиями»⁴⁶. Как и в любом виде индустрии, здесь является основным подход, направленный на достижение максимальной экономической эффективности, внимание сосредоточено на инвестициях, акциях, брендах. В стране индустрию культуры — как одну из самых высокодоходных — называют «обращённой к солнцу», «золотой». Её развитию способствовало принятие в 2005 г. Госсоветом КНР решения о вхождении негосударственного капитала в данную сферу предпринимательства⁴⁷. В 2011 г. культурное производство в Хэйлунцзяне составило 2,27% ВВП, в Цзилини — 2,59%, в Ляонине — 3,1%. Но это меньше, чем в Гуандуне, Цзянсу и некоторых других провинциях, где оно достигло 5% ВВП⁴⁸.

Из всех видов искусства наиболее коммерциализированным стал цирк. Это произошло благодаря его способности привлекать массового зрителя и, соответственно, получать крупный доход. Распространилось акционирование программ, что превращало отношения найма в сотрудничество и стимулировало приток инвестиций. Так, цирковая труппа Хэйлунцзяна смогла привлечь 800 тыс. юаней частных вложений для подготовки программы «Северное сияние на льду». Большую прибыль приносили зарубежные гастроли⁴⁹. Шэньянская корпорация циркового искусства пошла по пути использования брендов. Под торговой маркой «Волшебство» были созданы цирковые представления «Небесное волшебство», «Небесное волшебство II», «Волшебство дракона» и др.⁵⁰

Индустриальный размах приобрела анимация. Быстрыми темпами росло производство игр. В Ляонине, преимущественно в Даляне и Шэньяне, насчитывалось 325 анимационных предприятий, где было занято 16,8 тыс. чел.⁵¹ Анимационное производство считалось лучшим в культурной индустрии Цзилини: общая стоимость произведённых там игр и другой подобной

продукции превысила 1 млрд юаней, а созданный мультипликационный 3D-фильм «Королевство лягушек» прошёл по всей стране. В Хэйлунцзяне насчитывалось 380 анимационных предприятий, на которых работало около 20 тыс. чел.⁵²

Успешно развивались художественные ремёсла, особенно в Ляонине с его богатыми традициями⁵³. 100 тыс. ремесленников производили продукцию на 2 млрд юаней в год. Продвижению таких изделий на рынок способствовало проведение различных выставок и ярмарок, в том числе регулярных региональных выставок индустрии культуры Северо-Востока⁵⁴.

Эффективность рыночного подхода в культуре проявилась и в сфере телерадиовещания. Об этом свидетельствует соотношение числа занятых и полученного дохода. В Ляонине: 28 тыс. чел. и 7,09 млрд юаней; в Цзилини: 20 тыс. чел. и 3,85 млрд юаней; в Хэйлунцзяне: 19 тыс. чел. и 5,25 млрд юаней. Значительным экономическим потенциалом обладает издательская деятельность. Из трёх таких корпораций Северо-Восточного Китая особенно выделялась цзилиньская, включавшая 24 дочерние компании и занимающая второе место в стране по приходящейся на неё доле рынка⁵⁵.

Наряду с уже зарекомендовавшими себя мероприятиями культурного производства, такими как многообразная деятельность под общим брендом «Харбинский мир льда и снега», появлялись новые. Одним из них стал фестиваль «Сетевое лето» в пров. Цзилинь, направленный на развитие рынка интернет-культуры. В ходе его состоялись представление интернет-игр и сопутствующих товаров, различные соревнования и конкурсы. Обсуждались вопросы модернизации интернет-баров, общедоступного использования культурных информационных ресурсов⁵⁶.

Разрабатывались новые формы продвижения к более высокому уровню индустрии культуры. В Ляонине осуществлялся

городской проект «Четыре в одном». Он предполагал формирование одного парка (базы) культурного производства, далее — «выращивание» одного лучшего предприятия, создание одного лучшего культурного продукта, строительство одной выставочной площадки для демонстрации достижений. Всё это вместе должно было способствовать развитию культурного производства в провинции⁵⁷.

Показатели успешности индустрии культуры — это ещё и вопрос статистики. Впервые данные систематизировали в 2004 г., а в 2012 г. вышла исправленная методика. Согласно ей, в производство культурной продукции кроме того, что непосредственно связано с художественным творчеством, а также со СМИ, интернетом и рекламой, включён широкий ассортимент товаров и услуг, используемых культурой: полиграфия, музыкальные инструменты, игрушки, бумага, мебель, фейерверки, петарды, канцелярские товары и многое другое. При таком подходе трудно отделить то, что обычно относится к культуре, от промышленного производства, других сфер деятельности, и возникает вопрос о достоверности статистики⁵⁸. Например, согласно принятой в КНР методике, продукция фабрики пианино в Инкоу однозначно относится к индустрии культуры. Но как разграничить производство товаров для сферы культуры и собственно культуру? Или как учесть изменения в направлениях деятельности организаций, к примеру, включение газеты «Цзилинь жибао» в строительный и другие виды бизнеса, ставшие для неё преобладающими?⁵⁹

Трудности, с которыми пришлось сталкиваться при развитии индустрии культуры Дунбэя, в самом Китае связывают с недостаточно глубоким реформированием данной системы, сохраняющимся влиянием плановой экономики и явлениями противодействия маркетинга, а также с малыми расходами населения на культуру. По мнению экспертов из КНР, на Северо-Востоке

низкая степень концентрации культурного производства, слабые доходность и конкурентоспособность, мало крупных предприятий, обладающих влиянием на всю страну, и известных брендов, существуют трудности с обеспечением квалифицированными кадрами⁶⁰.

Однако представляется, что имели место и другие причины. Во-первых, рынок культуры непрерывно расширялся, захватывая прежде защищённое пространство дела культуры. В 2012 г. завершилось преобразование почти всех государственных исполнительских коллективов в компании. При этом многие из них ликвидировали, что не могло не вызвать противодействия тотальной маркетинга. Так, в Хэйлунцзяне из 79 государственных художественных коллективов в прежнем статусе остался лишь один, а 27 расформировали⁶¹.

Во-вторых, рыночный подход в культуре, как бы усиленно его ни насаждали, всё же имеет ограниченное влияние. Очень скоро стало ясно, что роль творчества остаётся ведущей. Появилось понятие «креативная индустрия». Специалисты начали обращать внимание на связь культуры с наукой и техникой, что нашло отражение в официальных документах, в частности в плане Министерства науки и техники на 12-ю пятилетку. В качестве воплощения данной концепции в КНР были созданы 16 показательных баз соединения культуры с наукой и техникой, в том числе Харбинская⁶².

В-третьих, как показали в своём труде Р. Инглхарт и К. Вельцель, которые проводили социологическое исследование в 81 стране мира, в наше время у людей на смену ценностям выживания, т.е. связанным с экономикой, приходят «постматериалистические ценности самовыражения»⁶³. Социально ориентированная политика Пекина нацелена в том числе на обеспечение широкого доступа к культуре народных масс. Так, в разных формах продолжается субсидирование культуры, постоянно

расширяется сфера бесплатного доступа к её ресурсам. Кроме библиотек бесплатными стали большинство музеев, на общественные средства устраиваются городские и сельские праздники. Богатым источником бесплатной культурной информации является интернет. На государственном уровне поддерживается общедоступность культурных ресурсов⁶⁴.

Таким образом, предпринимаемые действия государства по преобразованию культурной сферы Северо-Восточного Китая носили характер комплексного и всестороннего её включения в рыночные отношения. Идеологическим обоснованием данного решения стала концепция строительства двух цивилизаций: духовной и материальной. Культуре предназначалось внести свой вклад не только в создание первой, но и в развитие второй. Однако предпринятых усилий оказалось мало. По уровню маркетизации культурная сфера региона отставала от показателей экономически более развитых провинций. В самой КНР подобный исход списали на недостаточно «рыночное мышление» жителей Северо-Востока, засилье прежних форм государственной поддержки культуры.

5.2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Современная художественная культура сочетает традиционные представления о прекрасном, творческие инновации и личное видение автора, являя собой образно-творческое воспроизведение действительности. Политика «открытости внешнему миру», проводящаяся в КНР с 1978 г., способствовала обогащению китайской культуры, однако в условиях глобализации важно также сохранять свою национальную специфику, и эта задача успешно решается. Влияние рыночной экономики в стране распространяется на все сферы жизни, в том числе на культуру.

Оно является сложным и противоречивым, требует внимания к экономическим показателям при учёте закономерностей и особенностей творческого процесса. Культура рассматриваемого региона развивалась в русле общих тенденций, наблюдаемых по всей стране, а также имела некоторые особенности. Чтобы показать современное состояние художественной культуры в Северо-Восточном Китае, возьмём наиболее массовые виды искусства: литературу, театр и кинематограф.

Литература

Тенденции всеобъемлющей глобализации повлияли на специфику литературного творчества, развитие которого шло в трёх направлениях. Во-первых, большой интерес для писателей представляли темы «общечеловеческого масштаба», которые будут актуальны и для читателей за пределами Китая. Во-вторых, внимание авторов концентрировалось на национальной культуре, местной специфике. И в-третьих, литераторы продолжали в своих произведениях отражать партийно-государственные задачи конкретного периода, такие работы назывались «ключевые», или «лейтмотивные».

Влияние политики «открытости внешнему миру», активное знакомство с достижениями мировой литературы вызвали в КНР споры относительно постмодернизма и его интерпретации. Появились как активные сторонники, так и рьяные оппоненты. Приверженцы видели достоинство постмодернизма в безверии, антитрадиционности, разложенчестве, оценивали его как величайшее новаторство, всемирное явление, причисляя к нему даже тех писателей, кто к данному направлению не относился. Постмодернизм считали мейнстримом современной китайской литературы как части основного потока мировой

литературы. Его критики, придерживаясь традиционной нравственности и духовных ценностей, указывали на такие недостатки, как «вседозволенность», «развлекательность»⁶⁵.

Социальные проблемы и противоречия китайского общества обусловили появление нового направления — «литературы дна» («дицен вэньсюэ»). Его произведения рассказывают о трудностях, угнетённом настроении, крушении надежд представителей социального «дна». Авторы выступают против приоритетов современного общества, главные из которых: успешность, девиз «всё ради денег», личная выгода⁶⁶. В Северо-Восточном Китае остро ощущались такие проблемы, как закрытие градообразующих промышленных предприятий, отсутствие чётких перспектив для населения и, как следствие, пессимистические настроения в состоянии неизвестности и неопределённости. Эти вопросы поднимали авторы региона в своих произведениях. Широкую известность и высокие литературные награды получили работы ляонинских писателей Ма Цюфэнь и Се Юиня, обратившихся к теме «дна»⁶⁷. В произведении «Муравьи на деревне» Ма Цюфэнь, метафорически изображая городских жителей и сельских рабочих-мигрантов, раскрывает диалектику отношений города и деревни. Се Юинь в своих текстах стремится выразить «дунбэйский дух», насыщая их разнообразными идиоматическими выражениями и характерными диалектизмами.

В литературе также сохранялась преемственность тематики. Прямо или косвенно сказывалось влияние «культурной революции». Чжан Канкан в рассказе «Засохшие колодцы» о производственной бригаде начала 1970-х гг. в аллегоричной форме осуждает политику «перевоспитания» образованной молодёжи⁶⁸. Гао Мань в романе «Порыв северного ветра», также посвящённом образованной молодёжи, сосланной в деревню, повествует о юных годах этого поколения. На примере трёх героев и их переживаний демонстрируются абсурдность и безысходность

эпохи⁶⁹. Авторы не только рассказывали о человеческих трагедиях, но и прямо выражали критическое отношение к событиям того периода.

Оставалась популярной любовная тема, находившаяся под запретом во времена «культурной революции». Авторы углубляются в свой внутренний мир, пишут о чувствах и эмоциях. В романе «Стать женщиной» Чжан Канкан повествует о женщине с точки зрения психологии и физиологии, раскрывает её сложное и изменчивое современное сознание, стремление к независимости. Произведение Чжан Канкан было издано на Тайване, а затем там сняли одноимённый сериал. Книги этого автора пользовались популярностью не только в Китае — после выхода её сборника повестей большую их часть перевели на иностранные языки⁷⁰.

Ярким примером гуманистических тенденций в литературе является роман Чи Цзыцзянь «Белый снег, чёрный ворон»⁷¹. В центре внимания автора человеческие взаимоотношения в период борьбы с эпидемией чумы в Харбине в начале XX в. Прослеживается, как изменялось восприятие героями смерти и жизни. Если в начале эпидемии людьми овладел страх, то постепенно, когда смерть превратилась в рядовое явление, он стал уходить, а на смену ему пришло понимание ценности жизни. Осознание хрупкости последней заставило жителей сплотиться. После эпидемии многие конфликты и обиды в сравнении с тем, что людям пришлось пережить, потеряли всякий смысл. Враги прекратили вражду, то, что раньше казалось важным, стало ничтожным, произошла коренная переоценка ценностей.

Современной действительности, её противоречиям, особенностям человеческого характера посвящены роман «Секретарь уездного парткома» и повести «Шаг за шагом», «Застенчивое дерево» писателя из пров. Ляонин Сунь Чуньпина. Произведение Лю Чжаолиня «Записки без раскаяния» о жизни современной

интеллигенции реалистично описывает отношения в коллективе ассоциации писателей, возникающие в нём противоречия и конфликты⁷². По-новому зазвучала производственная тема, обнажившая противоречия труда и капитала, в повести Ли Те «Контракт шефа»⁷³. Автор затронул конкретные проблемы, связанные с принятием новой системы назначения на должности. Ли Те — приверженец идеи поиска вдохновения в народе, он искренне поддерживает призыв Си Цзиньпина, высказанный на симпозиуме по литературной и художественной работе, углубляться в жизнь для расширения и более глубокого исследования творческих тем. Сюжеты, описанные автором, особенно реалистичны, так как основаны на его жизненном опыте: в течение 20 лет он трудился на электростанции. Герои Ли Те — прообразы реальных людей, с которыми ему приходилось работать бок о бок⁷⁴.

Из продолжающихся тем в новом веке важной оставалась война против Японии. В 2005 г. в связи с 60-летием её окончания ассоциации писателей проводили множество мероприятий. Журнал «Бэйфан взньсюэ» («Литература Севера») выпустил специальный номер с произведениями об антияпонской войне. Одним из лучших художественных текстов на военную тематику, по мнению редакции журнала «Бэйцзин взньсюэ» («Литература Пекина»), стала повесть А Чэна «Сом»⁷⁵. Автор, не ограничиваясь описанием военных действий, расширяет рамки повествования, включая сюжет о рыбалке, на который нанизывает события военного периода.

Начало XXI в. в творчестве литераторов региона было довольно успешным и плодотворным. По итогам четвёртого конкурса «Литература Северо-Востока» 2006 г., проводившегося в Чанчуне, три первых премии получили: Чжан Сяотань — за роман «Государство тайпинов», в котором описаны подъём, рост и упадок революционного движения Тайпинского государства;

Ма Чжао — за роман «Ворота века»; Цзинь Е — за сборник детских рассказов «Детство в городе». Трёх вторых премий удостоены: Сухэбалу — за биографический роман «Волшебная кисть Мо Наня» об известном дунбэйском писателе; Лю Цин — за роман «Белый ильм, одолевающий ветер»; Ду Баопин — за роман «Женщина с улицы без названия». В пров. Цзилинь первым автором, во второй раз получившим премию Лу Синя, стал Цюй Ююань за сборник своих избранных стихов⁷⁶. В Ляонине продолжали творить Ван Чунчан, Го Синвэнь, Лю Чжаолин, Хуа Шу, Чжу Цинчан, Дэн Ган и др. Писатели для сбора материала «углублялись в жизнь» — коллективно выезжали в разные места и на предприятия⁷⁷. Организационную поддержку в этом оказывала Федерация литературы и искусства. Так, в апреле 2004 г. с её помощью и при участии отдела пропаганды горкома партии состоялась творческая поездка более 70 писателей и деятелей искусств на Первый автомобильный завод для сбора материала о реализации проекта по возрождению старопромышленной базы. 17 мая того же года вышел специальный номер газеты «Чанчунь жибао», где были опубликованы подготовленные работы. В них авторы выражали разные взгляды на развитие региона и возрождение старых промышленных баз. Образы героев произведений представляли порой диаметрально противоположные позиции: от положительно настроенных активистов до депрессивных, разочарованных и опустошённых личностей⁷⁸.

В целях сохранения культуры малочисленных народов в Хэйлунцзяне в 2005 г. впервые был организован конкурс литературы малочисленных народов. Премии получили произведения корейского писателя Цзинь Юнсяня, маньчжуров Сюй Яня и Чжан Тэчэна, представителя народности хуэй Ян Хайцзюня⁷⁹.

Среди других заметных достижений можно отметить «Серию романов об истории Харбина». Писатель Юань Бин получил

«Золотого воробья» на всекитайском конкурсе короткого рассказа. Его и Хоу Дэюня из Ляонина, а также Юй Дэвэя из Цзилуны называют тремя мастерами этой литературной формы из Дунбэя⁸⁰. Вышли новый роман Чи Цзыцзянь «Правый берег Аргуни», удостоенный премии Мао Дуня, «Избранные рассказы А Чэна», повести Чжан Канкан «На пекинской золотой горе» и «Иссякший», повесть Ван Цзохуна «Солнце на небе». Рассказы Чан Синьгана «Восемнадцать дождей весны», «Одинокая лодка» вошли в сборник 100 лучших рассказов за 100 лет. Вызвала большой резонанс совместная работа Чжу Тяньшаня и Линь Хэпина — роман «Священная западная земля», который повествует о событиях, связанных с освоением карамайского нефтяного месторождения в Синьцзяне — первого нефтяного месторождения в Китае, до обнаружения нефти в Дацине. На основе романа был снят телесериал⁸¹.

Литературное творчество развивалось не только в крупных городах. В Цицикаре издали сборник произведений местных писателей, в г. Цзямусы — публицистический роман Лю Эркэ «Высокий-высокий белый тополь» и сборник стихов Цзян Фэнцюня «Идущий к весне север». Публиковались произведения местных писателей в Дацине, Цзиси, Ичуне и других городах. На большой литературный конкурс в Муданьцзяне было подано 3257 сочинений.

В январе 2005 г. Федерация литературы и искусства пров. Хэйлунцзян отметила 20-летие большого литературного журнала «Классический многоглавный роман». За это время вышло более 150 номеров, содержащих 20 романов, множество повестей, рассказов. По 15 произведениям были сняты фильмы. Многие известные в стране писатели публиковали в журнале свои произведения.

Совершенно новым явлением стало развитие сетевой литературы. Возникла новая форма публикации — размещение художественного текста в интернете, — а также новый способ заработка.

Писатели получают деньги от рекламодателей, а иногда просят и читателей внести символическую плату за доступ к очередному отрывку. В 2005 г. на большой интернет-конкурс в Хэйхэ поступило свыше 500 произведений⁸². В 2008 г. Чжан Канкан, как заместитель председателя Ассоциации китайских писателей, принимала участие в саммите сетевых писателей в Шанхае⁸³.

Всплеск литературного творчества наблюдался в 2008 г. в связи с отмечаемыми памятливыми датами и таким важным событием, как проходящие в стране Олимпийские игры. Городские и провинциальные ассоциации писателей организовывали разнообразные литературные конкурсы под названиями «Мой взгляд на 30 лет (реформ)», «Очарование Харбина», «Я и Олимпийские игры», «Сердце Олимпийских игр» и др.⁸⁴ Помимо этого 2008 год в пров. Хэйлунцзян объявили годом большого литературного творчества: всего за его период было издано 178 книг (романов, сборников повестей, эссе). Чи Цзыцзянь за роман «Правый берег реки Аргунь» получила награду на седьмом конкурсе им. Мао Дуня. Из более чем 200 романов, написанных в 2003—2006 гг., жюри выбрало всего четыре, в число которых вошло и её произведение. Чи Цзыцзянь повествует о жизни эвенков на протяжении целого столетия, о традиционном быте этого народа, демографических проблемах, тяжёлых исторических периодах (японская агрессия, «культурная революция», а также давление современной цивилизации), когда эвенкам приходилось выживать, демонстрируя стойкую жизнеспособность малочисленных народов и неукротимый национальный дух. Ранее работы Чи Цзыцзянь трижды получали литературные награды им. Лу Синя. Её произведения переведены на английский, голландский, итальянский, испанский, корейский, французский и японский языки⁸⁵. Тем не менее российскому читателю её имя почти неизвестно. На русском опубликованы лишь два рассказа: «Месяц туманов» (1996) в переводе А.В. Неклюдовой и «Горшок

свиного жира» (2008) в переводе Е.А. Завидовской. Последний текст — квинтэссенция творческих тем, характерных для региона и времени. В рассказе Чи Цзыцзянь затрагивает проблему семейных ценностей, касается и взаимоотношений в рабочем процессе, описывает природу родного края, контакты с границей, «культурную революцию», — ничто не ускользает от внимательного взгляда автора⁸⁶. В том же 2008 г. в русле тенденций по формированию и развитию индустрии культуры в Хэйлунцзяне учредили Креативный провинциальный центр литературы и Провинциальный творческий центр анимационной и сетевой литературы с целью более тщательного изучения имеющихся исторических и культурных ресурсов.

Велась работа по ознакомлению старшего поколения писателей с новыми технологическими достижениями. В частности, группу литераторов направили в район Пинфан г. Харбина на анимационную базу, где им показали возможности новых технологий и рассказали о потребностях анимационной литературы. В то же время молодых писателей возили в районы, чтобы они узнали о деятельности революционеров и разрабатывали исторические темы⁸⁷.

В 2009 г. в пров. Хэйлунцзян из 115 опубликованных книг большинство удостоилось наград. Произведение Чжун Лю «Идти к высокому» получило награду на всекитайском конкурсе. Автор затрагивает актуальные проблемы морали и нравственности в условиях рыночных отношений, пишет о коррупции в партийных рядах⁸⁸. Проблема коррупции в современной КНР занимает центральное место в романе известного цзилиньского писателя Ли Фасяо. Его роман «Переселение» был удостоен первой премии на третьем литературном конкурсе пров. Цзилинь (2011)⁸⁹. Произведение обращается к проблемам, возникающим при строительстве в больших городах и связанным со сносом жилья, переселением жильцов и фактами коррупции.

Показывая отрицательных персонажей в лице некоторых чиновников, Ли Фасяо в интервью газете «Гуанчжоу жибао» тем не менее отмечает, что не ставит цель обвинить во всех проблемах госслужащих: они такие же люди, которые могут ошибаться. Главная сложность, по мнению писателя, состоит в том, что в строительстве и получении жилья задействовано очень много звеньев, и это не одни чиновники. Поэтому следует более тщательно подходить к решению вопроса, работать на всех уровнях⁹⁰. Роман вызвал большой резонанс не только в связи с острой темой, но и потому, что сам Ли Фасяо — бывший начальник секретариата народного правительства Чанчуня, хорошо знающий отношения чиновников и народа. По завершении служебной карьеры он активно занялся литературным творчеством. За 10 лет им написано шесть романов, по трём из которых созданы киносценарии.

В последние годы в литературе наблюдается настоящий бум художественных текстов, посвящённых Северо-Востоку Китая — территории со сложной историей и специфической культурой. Достойное место среди них занимает роман Чжан Хайцина «Большой Гуаньдун»⁹¹. Работа над этим эпическим произведением, охватывающим драматические события новой и новейшей истории региона, продолжалась 12 лет. В конкурсе сетевой литературы «Книга завоёвывает мир» «Большой Гуаньдун» занял второе место. Роман ляонинского писателя Гао Маня «Рвущиеся в Гуаньдун» рассказывает о времени, когда многие жители Шаньдуна под давлением жизненных трудностей покидали свои деревни и устремлялись на Северо-Восток. Судьбы героев показаны на фоне разнообразных социальных взаимоотношений с большой художественной выразительностью⁹². Тема романа непосредственно связана с судьбой самого автора: он родился в г. Пинду пров. Шаньдун, однако всю свою сознательную жизнь провёл в пров. Ляонин.

Интерес к национальной истории и культуре во многом связан с тенденциями глобализации. Понимание своего места в мировой литературе и культуре в целом содержится в китайском выражении «Быть вместе, но не сливаться воедино» (和而不同). Разрабатывая местную тематику, писатели Северо-Востока вносят свой оригинальный вклад не только в национальную, но и в мировую литературу.

Активную деятельность продолжали вести ассоциации писателей. Так, Хэйлуунцзянская ассоциация провела конференцию в связи с 98-й годовщиной со дня рождения одной из талантливейших китайских писательниц 30-х гг. XX в. Сяо Хун (2009). Были учреждены «Общество изучения (творчества) Сяо Хун», «Литературный институт Сяо Хун», «Музей Сяо Хун». Памятные мероприятия прошли на родине писательницы, в Хулуани⁹³. Всё это стало хорошей подготовкой к предстоящему 100-летию юбилею. Несмотря на то, что творческий и жизненный путь писательницы был очень коротким (1911—1942), её вклад в литературу огромен, что отражает масштаб празднования дня рождения Сяо Хун. В 2012 г. та же ассоциация писателей организовала выпуск серии сборников лучших произведений молодых и среднего возраста авторов «Дикая земляника» с периодичностью в два года. Харбинская ассоциация писателей издаёт серию книг «На Сунгари», Дацинская — сборник в двух частях «Писатели Севера», в Суйхуа выходит серия «Цветы литературы на холодной земле Черноземья». Чжан Канкан, Ван Ачэн, Чан Синьган и другие публиковали свои повести и рассказы в различных центральных и местных издательствах. Увидел свет роман Чан Синьгана «Мчашийся через ночь», получивший первую премию пров. Хэйлуунцзян. Романы Ван Цзохуна «Потому что есть ты», «Величайшая ложь», «Прощание с весной», подборки стихов Ли Цзи «Станция в больших снегах», «Время молчания», «Харбинские записки» публиковались в журналах поэзии и газетах «Жэньминь жибао»,

«Гуанмин жибао». В то же время ассоциации писателей организовывали работу авторов, принятых в них по контракту. Таких сотрудников в 2012 г. отправили в поездку с целью сбора материала в Яньбянь — Корейский автономный округ пров. Цзилинь. Ассоциация писателей-инвалидов объявила конкурс на тему «Сила морали». Регулярно проводились конференции и заседания, посвящённые очередным годовщинам выступлений Мао Цзэдуна в Яньяни по вопросам литературы и искусства⁹⁴.

Ситуация в области литературы постепенно менялась в лучшую сторону. Проблемы, связанные с коммерциализацией творчества, остро проявившиеся на рубеже веков, в некоторой степени были сглажены благодаря возможностям интернет-публикаций. К 2015 г. более 4 млн чел. из разных слоёв общества являлись авторами сетевой литературы. Если в мире самые высокооплачиваемые писатели — авторы, чьи произведения выходят в печатном виде, то в КНР, наоборот, половина литераторов, получающих самый высокий доход, публикуется в интернете. За рубежом китайская сетевая литература является феноменом популярной культуры Северо-Восточной Азии. Сотни произведений переводятся ежегодно. В США порой разворачивается конкурентная борьба среди переводчиков за работу над тем или иным художественным текстом. Специалисты КНР указывают на невысокое качество такой литературы, выражая сомнения, может ли она представлять лицо Китая⁹⁵. Однако, несмотря на стереотип о недостаточном профессионализме «сетевых авторов», они представлены в составе Всекитайского комитета Союза китайских писателей (СКП), что свидетельствует об официальном признании этого вида литературы. С 2007 по 2011 г. почти 2000 писателей стали членами СКП, более 20 из них — популярные сетевые писатели⁹⁶.

В новом веке в некоторой степени изменилось содержание понятия «ключевые произведения». Термин сформировался

в эпоху Мао, активно использовался в период «культурной революции». Тогда литература, обозначаемая им, имела определённую функциональную нагрузку: пропагандировала культ Мао Цзэдуна и его разрушительные идеи. В настоящее же время идеология в КНР ориентирована на созидательные задачи, важными признаны общечеловеческие ценности, во главу угла ставятся морально-нравственное воспитание, сохранение традиционной национальной культуры, создание гармоничного общества. Правительство всячески поддерживает произведения данной тематики, теперь они становятся ключевыми.

Особенностью литературы северо-восточного региона (по сравнению с другими территориями) является преобладание ключевых текстов. Такая ситуация сохраняется. Согласно «Уведомлению Союза китайских писателей о поддержке ключевых произведений в 2018 году»⁹⁷, основные темы, заявленные Ассоциацией писателей провинции Ляонин, следующие: 40-летие реформы и открытости, 70-летие со дня образования КНР, достижения в строительстве социализма с китайской спецификой и др. Поощряется раскрытие темы «китайской мечты». Конечно, не обошлось без прославления партии. Данная тематика направлена на создание положительного образа КНР, но, как видно из некоторых названных выше произведений, вполне приемлема и критика.

Таким образом, художественная литература северо-восточного региона КНР в начале XXI в. сохраняла преемственность тематики, отражала местную специфику, живо откликалась на актуальные проблемы общества, исследовала внутренний мир человека. Произошло изменение тематики и содержания ключевых произведений: акцент сместился на гуманистические ценности и созидательные цели общественного развития. Очень активной была литературная жизнь на местном, провинциальном

и региональном уровнях. Новым, быстро развивающимся направлением стала сетевая литература. Достигнутые литературой Северо-Востока успехи подтверждают интерес читателей, как в КНР, так и за рубежом, многочисленные награды.

Театр

Дунбэйский театр сочетает в себе традиционные виды народного искусства и элементы современного китайского театра, причём в каждой провинции имеется свой вид театрального искусства.

Пров. Хэйлунцзян представляет Лунцзянскую оперу (лунцзянцзюй), которая имеет 200-летнюю историю и является результатом исторической эволюции эржэньчжуань⁹⁸. А в основе эржэньчжуань лежит традиционное песенно-танцевальное искусство Северо-Восточного Китая — янгэ⁹⁹. Лунцзянская опера преимущественно распространена в Харбине, Нунцзяне, Суйхуа, Дэду и Фуцзине. В октябре 1958 г. на совещании по сотрудничеству трёх провинций Северо-Востока первый Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай предложил развивать местную дунбэйскую драму в Хэйлунцзяне. Это стало началом формирования лунцзянцзюй.

В основе ляонинской драмы — традиции шуточного театра теней района Ляонань. В 1961 г. в Шэньяне была создана «Опытная труппа ляонаньского театра провинции Ляонин», с тех пор ляонаньский шуточный театр теней стали официально называть ляонаньским театром. В соответствии с необходимостью развития театрального жанра в 2002 г. его официально переименовали в ляонинскую драму (ляоцзюй). Ляоцзюй сохранила изящество театра теней, вобрала в себя элементы эржэньчжуань, народных песен, современной модной музыки, создав неповторимый стиль¹⁰⁰.

Цзилиньская опера (цзицзюй) также сформировалась на основе эржэньчжуань. Искусство выступления в ней основано на пяти видах действий эржэньчжуань — пении, нарядах, танцах, декламации, жестикуляции (с использованием платков, вееров). Использование платков — особенность цзилиньской оперы. Приём махания длинными рукавами также перенят из искусства танца эржэньчжуань с платками и длинными отрезами шёлка.

В связи с тем, что в КНР в XXI в. в активную фазу вступила реализация политики «мягкого культурного влияния» как на внешнем, так и на внутреннем направлении, развитие местных национальных видов искусства, в том числе и театра, находилось под пристальным вниманием руководства. В 2003 г. для развития театрального дела и осуществления стратегии парткома и правительства пров. Хэйлунцзян по формированию культуры приграничных территорий Федерация литературы и искусства провинции и Ассоциация театральных деятелей учредили конкурс «Гвоздика», который впервые прошёл в сентябре этого же года. Были установлены общие награды, а также индивидуальные, за драматургию, за теоретические и критические статьи о театре¹⁰¹.

В том же году, 17 сентября, в Шэньяне Управлением культуры и Федерацией литературы и искусства города в целях процветания там рынка эржэньчжуань в качестве традиционного источника культуры был организован первый конкурс на лучший эржэньчжуань под названием «Предвестник гармонии». За 6 дней прошло 22 выступления, 18 участников конкурса получили звание «звезда эржэньчжуань»¹⁰².

Наряду с инициированием развития театрального искусства региона как источника традиционной культуры, реформы, начатые в конце XX в., создали сложную ситуацию. Художественные коллективы, переведённые на самоокупаемость, боролись за выживание. Чуть лучше была обстановка в труппах,

оставшихся на гособеспечении. Однако несмотря на проблемы организационно-финансового характера, в театральном творчестве наблюдалось разнообразие постановок, от классических до современных, что явилось следствием продвижения лозунга «два сто» — «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Среди широкого круга жанровых вариаций деятели искусства отдавали предпочтение творческому методу реализма. Произведения отражали общественные отношения, современную действительность. Во вновь поставленном спектакле «Премьер переулка» показан яркий образ коммуниста нового времени — Тань Чжуцина, руководителя парткома одного из кварталов Чанчуня¹⁰³.

У государственных коллективов, имевших пусть небольшую, но определённую финансовую поддержку, было меньше свободы в выборе репертуара, так как продолжалась практика создания ключевых произведений, начатая ещё в прошлом веке. И, конечно, в первую очередь выполнение данной задачи возлагалось на государственные театры. Также их коллективы составляли авангард движения «культура в деревню». Например, театральные труппы Даляня в 2004 г. дали 40 представлений в сельской местности¹⁰⁴.

В связи с 60-летием окончания Второй мировой войны повсеместно шли лучшие спектакли и программы на военную тематику: «Кровавая битва за мост через реку Нунцзян», пинцзюй (восточно-хубэйская музыкальная драма) «Маленький герой Ван Эньсяо», пекинская опера «Дочь Черноземья». Заметным событием стала постановка Харбинского оперного театра «Восемь женщин бросаются в реку»¹⁰⁵. История об отважных юных девушках из секретного гарнизона Северо-Восточной антияпонской объединённой армии, боровшихся с японской интервенцией периода Второй мировой войны и отдавших жизнь за свободу родины, была представлена на Четвёртом всекитай-

ском конкурсе лучших музыкальных, драматических, танцевальных программ и удостоилась награды 3-й степени¹⁰⁶. Также эта пьеса легла в основу драматической постановки Харбинского театра. Сцены из пьесы были показаны на концерте, посвящённом юбилею образования КНР, на котором присутствовал В.В. Путин. Харбинский театр драмы получил звание «Всекитайский перодовой коллектив культурной работы». История о самоотверженных защитницах родины получила продолжение в пров. Ляонин. Один из лучших коллективов в стране — Ляонинская балетная труппа поставила балет по этой пьесе и получила наивысшие награды. В 2017 г. постановку представили российскому зрителю на Приморской сцене Мариинского театра оперы и балета во Владивостоке. Достичь высокого мастерства артистам помогли специалисты из России, США, Франции, Италии, Канады и других стран. Ориентируясь на традиции классического балета, имея в репертуаре постановки мировой классики («Дон Кихот», «Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта»), коллектив также стремится к сохранению особенностей национального искусства, использует традиционные китайские сюжеты.

К 100-летию юбилею разговорной драмы была подготовлена специальная программа, куда вошла постановка труппы из Дацина «Железные дела железного человека»¹⁰⁷. Это патриотичная история о нефтянике Ван Цзинси, который, обладая сильным характером и твёрдой волей, сумел поднять коллектив на самоотверженную работу в трудных условиях освоения нового месторождения. Ван Цзинси стал национальным героем, о нём писали книги, снимали фильмы и ставили спектакли. Произведения о таких образцовых героях, как правило, входили в число ключевых, поддерживаемых государством.

Театр разговорной драмы Чанчуня в своём репертуаре имеет постановки, которые продолжают ставиться долгие годы. Стоит упомянуть о спектаклях «Упавшая с неба Линь Мэймэй», «Тихие

слёзы». Впервые их представили публике ещё в 1997 г., и в течение многих лет они входили в репертуар театра. Постановки получили большое число наград, в том числе и индивидуальных¹⁰⁸.

В спектакле «Упавшая с неба Линь Мэймэй» поднимается вопрос морального выбора. Члены одной семьи пытаются решить судьбу внезапно появившейся неизвестно откуда крупной суммы денег. Мэн Фэнъюн, глава семьи и начальник отдела образования, считает, что всё следует отдать народу, однако его родственники против. Название спектакля связано с сюжетом из классического китайского романа «Сон в красном тереме», в котором в какой-то момент столь же неожиданно перед главным героем появляется его сестра. Название отражает степень внезапности возникшей проблемы.

Театру, существующему в системе рыночных отношений, приходится помимо творческого поиска находить источники финансирования, способы привлечения зрителя. Например, Харбинский театр разговорной драмы инициировал проект «супермаркет разговорной драмы», суть которого состоит в том, чтобы максимально расширить репертуар и число представлений. При этом использовался метод недельного обращения, в соответствии с которым репертуар обновлялся каждые семь дней¹⁰⁹.

Несмотря на отчаянные попытки государства привлечь внимание к классическому китайскому театру, он продолжает терять зрителей. Более того, молодое поколение просто его не понимает. И в этой ситуации большой вклад в сохранение традиционного театра и поддержание к нему интереса вносят деятели искусства Северо-Восточного Китая.

Ключевую роль сыграли известные артисты дунбэйского черноземья, такие как Чжао Бэньшань, Фань Вэй, Хуан Хун. Свой творческий путь они начали в 80-е гг. XX в., когда на китайской сцене преобладал так называемый пекинский стиль. Дунбэйский стиль с окраины переместился в центр и стал глав-

ным. Он формировался путём плавного включения в пьесы элементов эржэньчжуань, янгэ и т.п., что с восторгом принимается зрителем. Первопроходцы стиля считали, что надо развивать культуру Северо-Востока, вплавляя эржэньчжуань в пьесу, способствуя таким образом познанию эржэньчжуань соотечественниками, популяризируя этот жанр.

Уже в 90-е гг. XX в. дунбэйский стиль стал гегемоном на культурной сцене, в дальнейшем он удерживал свои позиции. Его влияние распространилось на большое количество фильмов и телеспектаклей — последних, созданных на Северо-Востоке, было особенно много на центральном телевидении. Самый значительный вклад принадлежит пров. Цзилинь. Чжао Бэньшань и Хуан Хун являлись самыми желанными звёздами, их хотели видеть на новогодних гала-концертах. Бум дунбэйского стиля позволил народу всей страны по-настоящему узнать северо-восточную культуру, проникнуться её юмором и комедийным духом. Этот стиль стал важной составляющей духовной жизни людей. Образность языка, его схожесть с путунхуа во многом способствуют пониманию дунбэйской культуры и дунбэйцев всем Китаем. Типичные для региона диалектизмы стали распространяться по всей КНР.

В целом можно сделать вывод о ключевой роли господдержки в развитии театральной сферы. Успешны были коллективы, у которых она сохранилась. Большая же часть театров, переведённых на самофинансирование, продолжала испытывать трудности в поиске необходимых средств. Общими проблемами для всех театров региона и страны стали падение интереса к классическому репертуару, высокая конкуренция кино и телевидения. Выход из сложной ситуации обеспечила творческая деятельность артиста Чжао Бэньшаня и нескольких его коллег. Не только театральное искусство, но и в целом культура Северо-Востока вызвала интерес по всей стране.

Кинематограф

Возможности развития кино тесно связаны с экономическими условиями и техническим оснащением этой индустрии. Коренные изменения в кинематограф КНР принесло открытие первого кинорынка в стране в 2002 г. В официальной газете, издаваемой Управлением кинематографии государственного управления радио, кино и телевидения (ГУ РКТ), сообщалось, что данное событие «вдребезги разбило айсберг плановой экономики китайского кинорынка»¹¹⁰. В начале 2004 г. заработали рынки, на которых предлагались фильмы, уже демонстрировавшиеся в кинотеатрах первой категории, но не принёсшие ожидаемого дохода. В 2004 г. более 80% кинокартин были сделаны либо небольшими негосударственными производителями, либо государственными студиями, но при участии частных инвесторов, как отечественных, так и зарубежных. Контроль за основной массой кинолент (кроме картин важной революционной и исторической тематики, юбилейных документальных фильмов и лент, субсидируемых государством) спускался из правительственных органов на уровень провинции.

В постановлении ГУ РКТ от 8 января 2004 г. «Некоторые соображения относительно ускоренного развития кинематографии» внимание было сосредоточено на вопросах рынка, управления, международной конкурентоспособности китайского кино. Предлагалось расширить формы собственности, возможности самоуправления, равно развивать все жанры, совершенствовать структуру конкурсов и премий. Также рекомендовалось повышать комфортность кинотеатров, строить мультиплексы и уделять серьёзное внимание цифровой кинематографии и развитию технической составляющей отрасли. Последнему значительно способствовала отмена в конце 2003 г.

постановления 2000 г., ограничивавшего долю участия иностранного капитала в строительстве кинотеатров 49%.

Проблемы, связанные с функционированием кинотеатров, окупаемостью фильмов, снижением зрительского потока, в некоторой степени нивелировала государственная поддержка. При этом большую роль в развитии кинематографа играл киноканал Центрального телевидения. Ежедневно он демонстрировал по 20 часов кинофильмов и сам начал их производить. Охват зрительской аудитории составил около 800 млн чел. Следуя его примеру, провинциальные телецентры также открывали киноканалы¹¹¹.

Корпорация Чанчуньской киностудии создала Цзилиньский телевизионный киноканал, начавший вещание с первого дня 2004 г. Он круглосуточно транслировал программы через провинциальную компанию сетевой трансляции, покрывал 50 городов и уездов провинции. Использовались преимущественно кинофонды Чанчуньской кинокорпорации и глобальной сети, каждый день демонстрировалось 9 зарубежных и отечественных полнометражных фильмов и телеспектаклей. 31 декабря 2004 г. канал был переименован в Канал Чанчуньской киностудии¹¹².

С согласия парткома пров. Цзилинь корпорация Чанчуньской киностудии, реформируя кинопроизводство, создала две фирмы по выпуску фильмов. Капиталовложения корпорации составили 40%, остальные инвестиции поступили от частных и акционерных компаний. Главные задачи фирм — выполнять планы корпорации, заниматься производством и распространением продукции. Заместитель директора корпорации киностудии Хань Чжицзюнь стал председателем правления одной фирмы и её генеральным директором, а другой заместитель — Сун Цзянбо — занял такие же должности во второй.

Важное событие 2004 г. — создание в октябре в г. Фушане Азиатского совета по кино (сокращённое английское название — AFCNet). В него вошли 18 участников — Китай, Индонезия,

Малайзия, Япония, Южная Корея, Россия и др. КНР представляла Чанчуньская киностудия. В течение 2004 г. ею было снято 15 художественных и 7 научно-образовательных фильмов, 8 телеспектаклей, дублировано 5 иностранных лент. Большой резонанс вызвала картина «Замечательная пора»: сюжетом послужила получившая хороший отклик в обществе инициатива парткома и правительства Чанчуня, а также Федерации женщин по проведению акции «временная мама». Это обычная история о том, как осуществляются надзор за детьми, потерявшими обоих родителей, их материальная и духовная поддержка. В фильме создаётся образ современной матери. Картина получила награду 10-го Всекитайского кинофестиваля за лучший художественный фильм и за лучшую женскую роль, была удостоена награды на 8-м конкурсе в области литературы и искусства «Чанбайшань».

Событием международного значения стало участие Чанчуньской киностудии в кинофестивале в южно-корейском г. Тэчжоне — «Тэчжон 2004». На открытии фестиваля были показаны пять её фильмов: «Идущие к океану», «Красивая соседка», «Замечательная пора», «Женщина-полицейский в большом городе», «Нахмуренные брови на смеющемся лице», — они демонстрировались в пяти кинотеатрах и, согласно китайским СМИ, получили горячий отклик зрителей¹¹³. В 2005 г., в 100-летнюю годовщину китайского кино, рядом мероприятий отмечалась 60-я годовщина создания Чанчуньской киностудии. В период празднования эта киностудия и четыре крупных издания — газеты «Синьвэнь хуабao», «Чэнши ваньбао», «Чанчунь ваньбао», «Дунъя цзинмао синьвэнь» — провели опрос: «Мой самый любимый художественный фильм», «Мой самый любимый киноартист», «Мой самый любимый саундтрек к фильмам Чанчуньской киностудии», «Мой самый любимый дублированный фильм Чанчуньской киностудии». В десятку любимых художе-

ственных фильмов вошли: «Лю Саньцзе», «Праздник образования государства», «Седая девушка», «Выстрел в секретном отделе», «Человек, приближающийся к среднему возрасту» и др.

29 мая 2005 г. начал работу первый в стране туристический объект кино, известный как «Восточный Голливуд», — парк развлечений мирового уровня на территории Чанчуньской киностудии. На открытии присутствовал губернатор провинции Ван Минь и другие почётные гости. Всего в 2005 г. было снято 13 художественных и 6 научно-образовательных фильмов, 3 телесериала (продолжительностью по 30, 31, 21 серию), продублировано 5 зарубежных картин. Пекинские журналы «Искусство кино» и «Кино» провели конференцию, посвящённую новым фильмам киностудии: было представлено 10 лент, снятых за два года, в мероприятии приняли участие более 20 специалистов и критиков, одобдивших показанные картины.

К 60-летию Чанчуньской киностудии приурочили награждение деятелей кино, внёсших значительный вклад в её художественное творчество, 570 чел. получили «Почётный кубок Чанчуньской киностудии». Были выпущены памятный почтовый конверт и марка, посвящённые юбилею¹¹⁴.

В декабре 2005 г. отмечалось 100-летие китайского кино. Праздничные мероприятия продолжились в начале 2006 г. Официальные инстанции составили список 100 лучших фильмов и 100 лучших кинематографистов.

Ещё в 2005 г. КНР вышла на третье место в мире (после США и Индии) по производству фильмов. Однако при значительных расходах на производство китайское кино приносит не слишком большой доход по мировым стандартам. Средние затраты на фильм составили 15 млн долл., а прибыль не превышала 20 млн долл. В рамках кампании по увеличению прибыльности фильмов инвесторы из Гонконга, Макао и Тайваня получили разрешение открывать независимые кинотеатры

с капиталом до 1 млн юаней, однако государственной доле по-прежнему следовало составлять не меньше 51%.

2006 г. был объявлен в мире Годом цифрового кино, поэтому серьёзное внимание уделялось внедрению прогрессивных цифровых технологий. По количеству цифровых экранов КНР заняла первое место в Азии¹¹⁵.

Также 2006 г. был назван Годом России в Китае, в связи с чем в рамках VIII Чанчуньского международного кинофестиваля состоялся показ российских фильмов. С 1992 г. Чанчуньская киностудия проводит данный кинофестиваль с периодичностью раз в два года¹¹⁶. В 2006 г. были представлены такие киноленты, как «Бой с тенью», «Время собирать камни», «Последний уик-энд».

В январе 2007 г. в Пекине прошло ежегодное Всекитайское совещание по работе кинематографии, в котором участвовало свыше 100 чел. из различных связанных с кино организаций. Начальник ГУ РКТ Ван Тайхуа в своём докладе говорил о том, что следует активнее использовать кинематографию при формировании «социалистической гармоничной культуры», подчёркивал необходимость борьбы с «тремя отступлениями» — от жизни, от действительности, от масс, — ведущими к упрощению искусства в погоне за кассой, к пренебрежению мейнстримом эпохи, игнорированию реалистического метода, с помощью которого только и можно решать насущные проблемы общества. На 2007 г. были поставлены задачи углубления структурной реформы производства и проката, расширения сети кинотеатров, активизации кинорынка, дальнейшего развития цифрового кино¹¹⁷.

Процесс возрождения старых промышленных баз Северо-Востока получил отражение в кинематографе. В 2007 г. в Шэньяне были запланированы съёмки сериала «Красивая вещь». Режиссёром выступил известный специалист Гао Сиси, роли играли популярные артисты, показ запланировали на осень 2008 г.

по центральному телевидению. Создание сериала стало возможным благодаря поддержке Шэньянского телевидения, которое вложило в производство 10 млн юаней, и отдела пропаганды парткома Шэньяна, выделившего 1 млн юаней. «Красивая вещь» — это 25 серий о механическом заводе Шэньяна, находившемся в трудном положении. Авторы создали оптимистическую историю о том, как знания и энтузиазм группы женщин-инженеров позволяют добиться больших производственных успехов. Выпускаемая на заводе продукция получила марку не как обычно «сделано в Китае», а «создано в Китае»¹¹⁸. Это отражает официальную установку на дальнейшее развитие экономики КНР.

Другую сторону процесса возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая можно наблюдать в документальном кино известного режиссёра Ван Бина. Фильм «К западу от железной дороги» рассказывает о последних месяцах жизни сталелитейного завода в Шэньяне. В прошлом процветающий индустриальный район Теси во времена развития высоких технологий переживает упадок. Закрываются производства, деградирует инфраструктура. Люди находятся в ситуации неопределённости, но продолжают ходить на работу. Вопрос выживания поднимается на протяжении всего фильма, который длится 551 минуту. В 2014 г. картина была представлена на кинофестивале «Меридианы Тихого» во Владивостоке. Мировое признание режиссёра и его работ подтверждают и серьёзные награды различных международных кинофестивалей, в том числе Венецианского и Роттердамского¹¹⁹.

На основе результатов развития киноиндустрии 2007 г. ГУ РКТ определило новые кинематографические задачи на 2008 г. по 5 направлениям: 1) повышать художественный уровень; 2) продолжать повсеместное техническое перевооружение; 3) развивать цифровое кино; 4) расширять сельский прокат; 5) выходить в мир.

В 2008 г. кинематограф подводил итоги 30-летия реформ. За этот период дело кино прошло большой путь: от узкополитизированных функциональных картин к киноискусству, наполненному формой и образами, глубоким содержанием. Благодаря комплексному подходу в развитии, кино из КНР стало чаще появляться в прокате разных стран мира. Однако пока китайские фильмы, выходящие в широкий прокат, представляют собой преимущественно совместную работу с зарубежными партнёрами, либо являющимися частью творческого союза, либо выступающими в качестве инвестора. Главным изменением стало то, что кино в Китае превратилось из политико-пропагандистской отрасли в сложный конгломерат рыночных и художественных аспектов и вышло из узконациональной замкнутости на общемировой простор.

В 1990-е гг. в китайском кино постепенно сформировалось разделение на категории: фильмы лейтмотива (основной темы), развлекательные, художественные. С XXI в. стали развиваться развлекательность основной темы, политизация развлекательного кино. Однако картины Дунбэя заметно отличаются от китайского кино в целом. В 2006—2010 гг. там было снято только 11 развлекательных фильмов (13,6%). Это были картины о любви «Маршрут номер три» (2006), «Любовь — это ты» (2006), «Благоухание» (2008), «Пойдём на берег моря» (2009), «Любовь в Чанбайшане» (2009); комедии — «Большие уши — к счастью» (2007), «Цветущий персик» (2008), «Императорская наложница возвращается на родину» (2009), «Упрямая редька» (2009), «Четыре Купидона» (2009), «Путь изучения Конфуция» (2010). Художественных фильмов было выпущено только два: «Факультет танцев» (2010), «Железная цитра» (2010). Основной теме (лейтмотиву) посвящены 68 картин — 84%, т.е. абсолютное большинство¹²⁰.

Связано это, видимо, с тем, что в регионе преобладает сельская культура и вопросы развития деревни стоят наиболее

остро. Курс государства на поддержку села совпал с нуждами региона и его культурой, пропитанной сельским духом. Поэтому преобладание лейтмотивных произведений на Северо-Востоке нельзя однозначно сводить к политическому давлению в кинематографии региона. Это обманчивое впечатление. В данном случае наблюдается удачный пример совпадения интересов государства и творческих работников.

В июле 2008 г. на Чанчуньской киностудии была создана первая база государственного уровня по созданию фильмов на сельскую тему. Государство предоставило 100 млн юаней в фонд развития базы. С 2006 по 2010 г. вышли 24 картины. В них под разными углами зрения показаны политика КПК в деревне, образы дунбэйских крестьян, воплощён дух эпохи реформ. В фильме «Луна и ветка вербы» рассказывается о том, как пожилой дунбэйский крестьянин на склоне лет в погоне за счастьем попадает в разные перипетии. «Может быть, виноград созрел» — комедия о взрослении простого человека в ходе социалистического строительства в деревне. Многие фильмы о селе сняты на основе реальных событий. Кроме картин о деревне снималось кино о трудностях жизни отдельного человека в современном городе. «Путь изучения Конфуция» — о том, как учитель и ученик в процессе своих отношений столкнулись с социальной драмой. В «Железной цитре» показаны трудности жизни городских низов¹²¹.

Мировой финансовый кризис притормозил, но не остановил развитие кинематографии в стране. В ноябре 2008 г. в рамках его преодоления правительство объявило об инвестировании 4 трлн юаней в развитие экономики, в том числе и в кинематографию¹²².

На Северо-Востоке ляонинская корпорация «Шаньчуань-мэй» является одним из ведущих предприятий кино и телевидения трёх провинций. Лучшие её сериалы: «Крестьянин

Лю Лаогэнь», «Маршал Ма», «Сельская любовь», — прошли по центральному телевидению. Вместе с их показом росло влияние в стране сельской культуры Дунбэя. Добрые истории о простых людях, рассказанные простым, доступным языком, наполненные живописными пейзажами региона, стали привлекательны для китайского зрителя. Кроме того, использование местного диалекта (дунбэйхуа) имело большое значение в распространении и популяризации этих телесериалов. Данный диалект рассматривают как лингвистический феномен, распространивший своё влияние далеко за пределы Дунбэя¹²³. Отличительная особенность дунбэйхуа заключается не в произношении, а в особенности языка, большом количестве синонимов, что нехарактерно для других диалектов Китая. На дунбэйхуа говорят более 100 млн чел., проживающих в пров. Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, а также в восточных областях автономного округа Внутренняя Монголия. Сходство дунбэйхуа и путунхуа облегчает распространение культурной продукции Северо-Восточного Китая по всей стране.

Крупнейшая в пров. Цзилинь корпорация Чанчуньской киностудии была создана как акционерная компания, контролируемая государством. За 12-ю пятилетку (2011—2015) она выпустила 120 теле- и кинопроизведений, из которых 26 удостоились различных наград.

Кино и телевидение Хэйлунцзяна в 2015 г. также получило очень хорошие результаты: создано 10 фильмов, большое число сериалов, 4 работы удостоены награды «Пять лучших произведений»¹²⁴.

На этапе возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае развитие кинематографа можно также обозначить термином «возрождение». Рассматриваемый период стал очень успешным и плодотворным для развития киноиндустрии региона. Основные реформы и связанные с этим слож-

ности пришлось на 90-е гг. XX в. К 2003 г. современная база киноиндустрии сформировалась, далее осуществлялось её совершенствование. Появилось некоторое разнообразие в выборе тем, но основные направления сохранились: по-прежнему затрагивались проблемы, связанные с «культурной революцией» и её последствиями, периодом сопротивления японской агрессии, успехами реформаторов и трудностями, с которыми им приходилось сталкиваться. Не обошлось, конечно, без влияния современных тенденций мирового кинематографа, проявившихся в усилении зрелищности и развлекательности.

В XXI в. художественная культура развивалась в условиях утвердившихся рыночных отношений. Помимо творческих задач приходилось решать непростые финансовые вопросы. В литературе выход был найден благодаря интернет-публикациям. Сетевая литература стала новым явлением для авторов и для читателей, постепенно его масштабы расширились, в интернете стали выходить работы членов Союза китайских писателей, что заметно подняло статус такой формы публикаций. Театрам существовать в рыночных условиях было значительно сложнее. Развитие телевидения и интернета, современные достижения видеотехники обострили проблему посещаемости театров и снижения интереса к классическому репертуару. Но показ телеспектаклей всё же помог расширить зрительскую аудиторию. Решающая роль в улучшении ситуации в театральном искусстве принадлежит Чжао Бэньшаню, который смог сделать традиционный вид театрального искусства Северо-Восточного Китая популярным по всей стране. Кинематограф региона представляли крупнейшая в КНР Чанчуньская киностудия и ряд новых кинокорпораций. Развитие шло по пути совершенствования художественного содержания, а также технической составляющей. Постепенно кино Северо-Востока продвигалось на зарубежные экраны, получало награды международных кинофестивалей.

В целом достижения художественной культуры региона и решение проблем, возникающих в процессе её развития, свидетельствуют об успешной адаптации к идущим в стране реформам и нахождении в общем русле китайской культуры. При этом заметной особенностью является приверженность традициям, местной специфике, сохранению культурного единства Северо-Востока Китая.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК. URL: <http://bg.china-embassy.org/bjly/zgzt/zggcddslcqqgdbdh/t138984.htm> (дата обращения: 14.08.2014).
- ² 张芳瑜. 中国东北电影研究 (1978—2010). 博士论文 = Чжан Фаньюй. Изучение кинематографа Северо-Восточного Китая (1979—2010). Докторская диссертация. Чанчунь: 东北师范大学出版社, 2015. С. 63, 68.
- ³ 文化体制改革 = Реформирование системы культуры // 人民日报. 23.10.2012.
- ⁴ 黑龙江年鉴 2003 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2003. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2003. С. 290.
- ⁵ 辽宁年鉴 2006 = Ежегодник Ляонина: 2006. Пекин: 中国统计出版社, 2006. С. 35.
- ⁶ 吉林年鉴 2005 = Ежегодник Цзилиня: 2005. Чанчунь: 吉林人民出版社, 2005. С. 244.
- ⁷ 沈阳年鉴 2006 = Ежегодник Шэньяна: 2006. Пекин: 中国统计出版社, 2006. С. 283.
- ⁸ 吉林年鉴 2005 = Ежегодник Цзилиня: 2005... С. 244.
- ⁹ 沈阳年鉴 2005 = Ежегодник Шэньяна: 2005. Пекин: 中国统计出版社, 2005. С. 314.
- ¹⁰ 辽宁年鉴 2006 = Ежегодник Ляонина: 2006... С. 35.
- ¹¹ 曹晓风、方晓林、长若民. 2006—2007 年辽宁经济社会形势与原则 = Цао Сяофэн, Фан Сяолинь, Чжан Жомин. 2006—2007 г.:

- социально-экономическое положение Ляонина в 2006—2007 и прогноз. Пекин:社会科学文献出版社, 2007. С. 317—320.
- ¹⁴ 历史性的巨变: 解读辽宁改革开放三十年的伟大实践 = Огромные исторические перемены: объяснение тридцатилетней великой практики реформ и открытости в Ляонине. Пекин:社会科学文献出版社, 2008. С. 397.
- ¹⁵ 黑龙江年鉴 2004 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2004. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2004. С. 314.
- ¹⁶ 吉林年鉴 2005 = Ежегодник Цзилиня: 2005... С. 244.
- ¹⁷ 沈阳年鉴 2005 = Ежегодник Шэньяня: 2005... С. 317.
- ¹⁸ 黑龙江年鉴 2004 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2004... С. 320.
- ¹⁹ 黑龙江年鉴 2012 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2012. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2012. С. 386.
- ²⁰ 大连年鉴 2005 = Ежегодник Даляня: 2005. Далянь: 大连海事大学出版社, 2005. С. 333.
- ²¹ 黑龙江年鉴 2006 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2006. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2006. С. 365.
- ²² 吉林年鉴 2005 = Ежегодник Цзилиня: 2005... С. 246.
- ²³ 黑龙江年鉴 2006 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2006... С. 360.
- ²⁴ 黑龙江年鉴 2011 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2011. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2011. С. 407.
- ²⁵ Таблица составлена по: 吉林省统计信息网 = Информационная сеть статистики Цзилиня. URL: <http://tjj.jl.gov.cn/> (дата обращения: 12.08.2017); 黑龙江统计年鉴 2002 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2002. Харбин, 2002. С. 351; 黑龙江统计年鉴 2010 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2010. Пекин, 2010. С. 484; 辽宁统计年鉴 2001 = Ежегодник Ляонина: 2001. Пекин, 2001. С. 323; 辽宁统计年鉴 2011 = Ежегодник Ляонина: 2011. Пекин, 2011. С. 554.
- ²⁶ 王一。东北三省公共文化服务体系问题研究 = Ван И. Изучение проблем системы общественного культурного обслуживания трёх провинций Северо-Востока // 中国东北地区发展报告 (2014) = Доклад о развитии Северо-Восточного Китая (2014) / под ред. Ма Кэ. Пекин:社会科学文献出版社, 2014. С. 175
- ²⁷ Там же. С. 174—176.
- ²⁸ 张鑫、于晓光。吉林省农村法治文化建设研究 = Чжан Сянь, Юй Сяогуан. Исследование правовой системы культурного строительства в сельской местности провинции Цзилинь // 2014 年吉林经济社会形

- 势分析与预测 = Анализ и прогноз социально-экономического положения провинции Цзилинь в 2014 г. / под ред. Ма Кэ. Пекин: 社会科学文献出版社, 2014. С. 237—249.
- ²⁷ 王一... = Ван И. Указ. соч. С. 174.
- ²⁸ 王晓峰。关于黑龙江省农家书室管理使用情况的调研报告 = Ван Сяофэн. Обзорный доклад об управлении сельскими библиотеками и их использовании в провинции Хэйлунцзян // 黑龙江文化发展报告 2013 = Доклад о развитии культуры Хэйлунцзяна в 2013 г. Харбин: 黑龙江人民出版社, 2014. С. 201—202.
- ²⁹ 沈阳年鉴 2004 = Ежегодник Шэньяна: 2004. Пекин: 中国统计出版社, 2004. С. 302—303.
- ³⁰ 沈阳年鉴 2005 = Ежегодник Шэньяна: 2005... С. 315.
- ³¹ 长春年鉴 2008 = Ежегодник Чанчуня: 2008. Чанчунь: 长春出版社, 2008. С. 473.
- ³² 辽宁年鉴 2006 = Ежегодник Ляонина: 2006... С. 36.
- ³³ 辽宁年鉴 2007 = Ежегодник Ляонина: 2007. Пекин: 中国统计出版社, 2007. С. 49
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ 辽宁年鉴 2008 = Ежегодник Ляонина: 2008. Пекин: 中国统计出版社, 2008. С. 279.
- ³⁶ 历史性的巨变... = Огромные исторические перемены... С. 397.
- ³⁷ 孙鑫。长春红旗街万达举办“全城印证•诚信吉林”活动 = Сунь Сянь. В Чанчуне на улице Хунци и площади Ваньда проведена акция «Весь город за добросовестный Цзилинь». URL: http://www.wanda.cn/2012/2012latest_0315/23370.html (дата обращения: 13.10.2017).
- ³⁸ 省商务厅关于«十二五»期间加强商领域信用建设的事实意见 = Мнение управления коммерции провинции о мерах по усилению доверия в торговле в период 12-й пятилетки. URL: <http://www.hljswt.gov.cn/sczxctztg/9985.jht> (дата обращения: 13.10.2017).
- ³⁹ 中共辽宁省委, 辽宁省人民政府关于加快推进诚信辽宁建设的意见 (2014 年 12 月 12 日) = Мнения парткома КПК провинции Ляонин, народного правительства провинции Ляонин об ускорении продвижения строительства добросовестного Ляонина (12.12.2014). URL: http://www.ln.gov.cn/zfxx/lnsrmzfgb/2015/d2q/gwywj_106343/201501/t20150123_1558919.html (дата обращения: 13.10.2017).
- ⁴⁰ 辽宁年鉴 2007 = Ежегодник Ляонина: 2007... С. 5.

- ⁴¹ 长春年鉴 2005 = Ежегодник Чанчуня: 2005. Чанчунь: 长春出版社, 2005. С. 454.
- ⁴² 长春年鉴 2006 = Ежегодник Чанчуня: 2006. Чанчунь: 长春出版社, 2006. С. 449.
- ⁴³ 辽宁年鉴 2005 = Ежегодник Ляонина: 2005. Пекин: 中国统计出版社, 2005. С. 225.
- ⁴⁴ 冯浩城、杨青山. 文化创意对东北老工业基地振兴的作用机理探究 = Фэн Хаочэн, Ян Циншань. Исследование механизма культурных и креативных индустрий в возрождении старопромышленной базы на Северо-Востоке // 资源开发与市场. 2015. № 7. С. 847–849.
- ⁴⁵ 邵红侠. 东北经济振兴的地域文化障碍及对策研究 = Шао Хунся. Изучение культурных препятствий возрождению экономики Северо-Востока и альтернатив // 大庆师范学院学报. 2008. № 3. С. 123.
- ⁴⁶ 沈阳年鉴 2005 = Ежегодник Шэньяна: 2005... С. 317.
- ⁴⁷ 国务院关于非公有资本进入文化厅产业的若干决定 = Некоторые решения Госсовета о вхождении негосударственного капитала в культурное производство. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2008-03/28/content_5680.htm (дата обращения: 16.04.2016).
- ⁴⁸ 黄牡丹. 关于黑龙江省文化产业发展调研报告 = Хуан Мудань. Информационно-исследовательский доклад о развитии культурного производства в провинции Хэйлунцзян. URL: <https://wenku.baidu.com/view/78f4f1f27cd184254a3535da.html> (дата обращения: 02.04.2016).
- ⁴⁹ 黑龙江年鉴 2007 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2007. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2007. С. 347.
- ⁵⁰ 东北文化产业: 人才、品牌、创新都不能少. 东北文化产业怎样才能走出低迷 = Культурные индустрии Северо-Востока: не может быть мало кадров, брендов, новаций. Как можно вывести из депрессии культурные индустрии Северо-Востока // 中国文化报. 24.03.2017.
- ⁵¹ 辽宁年鉴 2012 = Ежегодник Ляонина: 2012. Пекин: 中国统计出版社, 2012. С. 283.
- ⁵² 刘伟民、王力力. 东北三声文化产业发展研究 = Лю Вэйминь, Ван Лили. Изучение развития культурного производства Северо-Востока // 中国东北地区发展报告 2016 = Доклад о развитии Северо-Восточного региона Китая 2016 / под ред. Цзян Сяоцю. Пекин: 社会科学文献出版社, 2017. С. 317.

- ⁵³ Тремя культурными драгоценностями Ляонина называют изделия из аньшаньского горного нефрита, фусиньского агата, ляосские тушечницы из Бэнси. Известны также фушуньская резьба по углю, даляньская гравировка по бронзе, маньчжурская вышивка из Цзиньчжоу.
- ⁵⁴ 辽宁年鉴 2012 = Ежегодник Ляонина: 2012... С. 283.
- ⁵⁵ 刘伟民、王力力... = Лю Вэйминь, Ван Лили. Указ. соч. С. 313—322.
- ⁵⁶ 吉林年鉴 2006 = Ежегодник Цзилиня: 2006. Чанчунь: 吉林人民出版社, 2006. С. 300.
- ⁵⁷ 辽宁年鉴 2011 = Ежегодник Ляонина: 2011... С. 288.
- ⁵⁸ 文化及相关产业分类 (2012) = Классификация культуры и связанных с ней производств (2012) // 国家统计局设管司 = Национальное бюро статистики КНР. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjbz/201207/t20120731_8672.html (дата обращения: 30.08.2017).
- ⁵⁹ Королюк В. Провинциальный рупор // Арсеньевские вести. 13—19 сент. 2017 г.
- ⁶⁰ 刘伟民、王力力... = Лю Вэйминь, Ван Лили. Указ. соч. С. 319.
- ⁶¹ 黑龙江年鉴 2013 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2013. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2013. С. 393.
- ⁶² 向勇、陈名杰. 文化创性战略,创意与科技 = Сян Юн, Чэн Минцзе. Стратегия культурных инноваций: креативность, наука и техника. Пекин: 联合出版公司, 2013. С. 48—49.
- ⁶³ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. С. 171.
- ⁶⁴ В апреле 2017 г. был принят «Закон КНР о гарантиях общественного культурного обслуживания», который обязал местные власти выше уездного уровня публиковать каталоги общественных культурных объектов. Некоммерческим учреждениям культуры предписано создать условия для бесплатного или льготного показа фильмов, художественных выступлений, выставок, обучения искусствам. Государство также поощряет коммерческие организации бесплатно или на льготных условиях осуществлять культурную деятельность. Комплексные центры общественного культурного обслуживания низового уровня обязаны предоставлять гражданам возможность читать газеты, книги, смотреть спектакли, телевизор, слушать радио, пользоваться интернетом, заниматься спортом. Общественные культурные объекты должны каждый месяц на определённое время открывать бесплатный доступ для школьников. См.: 中华人民共和国公共

- 文化服务保障法 = Закон КНР о гарантиях общественного культурного обслуживания. URL: http://wht.jl.gov.cn/ztlz/xxxxgc/201704/t20170412_2617155.html (дата обращения: 27.09.2017).
- ⁶⁵ Китайская Народная Республика в 2004—2005 гг.: политика, экономика, культура. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005. С. 306—307.
- ⁶⁶ Китайская Народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура. М.: Русская панорама, 2008. С. 266.
- ⁶⁷ 辽宁年鉴 2007 = Ежегодник Ляонина: 2007... С. 75.
- ⁶⁸ Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. С. 325.
- ⁶⁹ 东北文学六十年 (1949—2009) = 60 лет литературы Северо-Востока (1949—2009) / под. ред. Хэ Цинчжи. Чанчунь: 吉林文学出版社, 2009. С. 381.
- ⁷⁰ 黑龙江年鉴 2004 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2004... С. 316.
- ⁷¹ 迟子建新作《白雪乌鸦》用灾难考量人性 = Новое произведение Чи Цзыцзянь «Белый снег, чёрный ворон» использует трагедию, рассматривая человеческую природу. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/news/2010/2010-10-18/90505.html> (дата обращения: 17.06.2017).
- ⁷² 东北文学六十年 (1949—2009) = 60 лет литературы Северо-Востока (1949—2009)... С. 382, 397.
- ⁷³ 辽宁年鉴 2007 = Ежегодник Ляонина: 2007... С. 76.
- ⁷⁴ 李铁在辽宁繁荣发展社会主义文艺工作会议上的发言债登 = Речь Ли Те на конференции о процветании и развитии социалистической литературы и искусства в Ляонине. URL: <http://www.liaoningwriter.org.cn/a/xinwen/html/8908.html> (дата обращения: 10.04.2016).
- ⁷⁵ Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура... С. 322.
- ⁷⁶ 吉林年鉴 2002 = Ежегодник Цзилиня: 2002. Чанчунь: 吉林人民出版社, 2002. С. 208.
- ⁷⁷ 辽宁年鉴 2007 = Ежегодник Ляонина: 2007... С. 75.
- ⁷⁸ 长春年鉴 2005 = Ежегодник Чанчуня: 2005... С. 450.
- ⁷⁹ 赵勇. 中国当代文学编年史 (第9卷) (2000.1—2009.6.) = Чжао Юн. Летопись современной китайской литературы. Т. 9. 2000.1—2009.6. Цзинань: 山东文艺出版社, 2012. С. 329.
- ⁸⁰ 哈尔滨年鉴 2004 = Ежегодник Харбина: 2004. Харбин: 哈尔滨年鉴社, 2004. С. 334.

- ⁸¹ 黑龙江年鉴 2006 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2006... С. 363.
- ⁸² Там же. С. 364.
- ⁸³ 赵勇... = Чжао Юн. Указ. соч. С. 583.
- ⁸⁴ 黑龙江年鉴 2009 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2009. Харбин: 黑龙江年鉴社, 2009. С. 338, 339.
- ⁸⁵ Там же. С. 339.
- ⁸⁶ Диалоги о Китае. Чи Цзыцзянь — яркое имя на литературном небосклоне Китая. 02.01.2016. URL: <http://russian.cri.cn/1281/2016/01/26/1s572668.htm> (дата обращения: 05.11.2017).
- ⁸⁷ 黑龙江年鉴 2009 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2009... С. 339.
- ⁸⁸ 黑龙江年鉴 2010 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2010... С. 351.
- ⁸⁹ 李发锁著 《动迁》: 直面拆迁痛点 = Ли Фасяо «Переселение»: перед лицом болевых точек при сносе. URL: http://news.163.com/10/0411/10/63VVPJ0K000146BD_3.html (дата обращения: 15.04.2017).
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Гуаньдун — историческое название Северо-Восточного Китая. Означает: «к востоку от заставы». Имеется в виду застава Великой Китайской стены в г. Шаньхайгуань.
- ⁹² 东北文学六十年 (1949—2009) = 60 лет литературы Северо-Востока (1949—2009)... С. 381.
- ⁹³ 黑龙江年鉴 2010 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2010... С. 351.
- ⁹⁴ 黑龙江年鉴 2013 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2013... С. 394—395.
- ⁹⁵ Китайская сетевая литература завоевывает зарубежных читателей. 07.04.2017. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-04/07/content_40574842.htm (дата обращения: 03.11.2017).
- ⁹⁶ В Китае быстрыми темпами развивается сетевая литература. URL: <http://russian.peopledaily.com.cn/31516/7686962.html> (дата обращения: 03.11.2017).
- ⁹⁷ 关于我省2018年度中国作家协会重点作品扶持征集的通知 = Уведомление Союза китайских писателей о поддержке ключевых произведений в 2018 г. URL: <http://www.liaoningwriter.org.cn/a/xinwen/html/12739.html> (дата обращения: 22.01.2018).
- ⁹⁸ Эржэньчжуань — комическое выступление двух артистов (мужчины и женщины), мужской персонаж восхваляет женщину, превозносит её красоту, привлекательность, манеры.
- ⁹⁹ Янгэ — песенно-танцевальное представление с инструментальным сопровождением. В переводе с китайского — «пахотная песня».

- На Северо-Востоке Китая история янгэ охватывает более 300 лет. Возникновение янгэ связано с сельскохозяйственными работами, а также обрядами жертвоприношений природным божествам, которые сопровождались пением и ритуальными танцами. Позже в янгэ вошли элементы песенного фольклора, цирковой, театральной культуры и некоторые адаптированные приёмы боевых искусств (См.: Ян Сяосюй. К вопросу об истории северо-восточных янгэ // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1(20). С. 57—59).
- ¹⁰⁰ 辽宁日报 = Ляонин жибао. 23.07.2007.
- ¹⁰¹ 黑龙江年鉴 2004 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2004... С. 317.
- ¹⁰² 沈阳年鉴 2004 = Ежегодник Шэньяна: 2004... С. 303.
- ¹⁰³ 长春年鉴 2007 = Ежегодник Чанчуня: 2007. Чанчунь: 长春出版社, 2007. С. 378.
- ¹⁰⁴ 大连年鉴 2005 = Ежегодник Даляня: 2005... С. 328.
- ¹⁰⁵ 黑龙江年鉴 2006 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2006... С. 360.
- ¹⁰⁶ 黑龙江年鉴 2007 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2007... С. 346.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ 长春年鉴 2007 = Ежегодник Чанчуня: 2007... С. 471.
- ¹⁰⁹ 黑龙江年鉴 2010 = Ежегодник Хэйлунцзяна: 2010... С. 349.
- ¹¹⁰ 中国电影报 = Чжунго дяньинбао. 28.05.2004.
- ¹¹¹ Китайская Народная Республика в 2004—2005 гг.: политика, экономика, культура... С. 311—313.
- ¹¹² 吉林年鉴 2005 = Ежегодник Цзилиня 2005... С. 248—249.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ 吉林年鉴 2006 = Ежегодник Цзилиня: 2006... С. 305—306.
- ¹¹⁵ Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура... С. 338—340.
- ¹¹⁶ Сайт Чанчуньского кинофестиваля. URL: <http://www.chinafest.ru/site/events/chanchun.php> (дата обращения: 12.05.2009).
- ¹¹⁷ Китайская Народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура... С. 278—279.
- ¹¹⁸ 沈阳年鉴 2008 = Ежегодник Шэньяна: 2008. Пекин: 中国统计出版社, 2008. С. 336.
- ¹¹⁹ Мерекина О. Жизнь и смерть глазами Ван Бина. 18.08.2017. URL: <https://magazeta.com/2017/08/art-wangbing/> (дата обращения: 20.08.2017).
- ¹²⁰ 张芳瑜... = Чжан Фанъюй. Указ. соч. С. 67.

¹²¹ Там же. С. 68.

¹²² Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 411—414.

¹²³ Моисеев С. Дунбэйхуа: художественно-изобразительные особенности. URL: <https://magazeta.com/2013/04/dongbeihua2/> (дата обращения: 04.02.2017).

¹²⁴ “五个一工程” = «Пять лучших произведений» — высшая награда в области культуры, учреждённая в 1991 г. Изначально было всего пять категорий произведений, позже их количество увеличивалось, но название оставалось прежним. Каждый год отбирались лучшие кинофильм, книга, шоу-программа, спектакль, статья, телесериал, песня и т.п.; 刘伟民、王力力... = Лю Вэйминь, Ван Лили. Указ. соч. С. 313—322.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XX в. стал для Китая временем больших перемен. III Пленум ЦК КПК 11-го созыва ознаменовал начало политики реформ и открытости. За первые два десятилетия её реализации КНР вошла в число ведущих экономик мира. Однако к началу XXI в. обострились факторы «зависимости от пути», включая старый и неповоротливый госсектор экономики, нарастающие диспропорции территориального развития. В результате в новом столетии китайское правительство начало претворять политику по выравниванию социально-экономического неравенства регионов страны, а также связанную с ней стратегию возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая, изучению которой посвящена настоящая монография.

В книге проблемы развития Дунбэя в начале XXI в. рассматриваются, во-первых, через анализ декларативной составляющей политики, выраженной в многочисленных партийных, государственных и региональных документах, во-вторых, через исследование результатов воплощения деклараций. Для этого были рассмотрены вопросы внутри- и внешнеэкономического развития Северо-Восточного Китая, политические факторы, социальная политика и отдельные аспекты культурной сферы региона.

На основе изучения официальных документов удалось достаточно чётко проследить три периода в реализации стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока, отчасти совпадающих с традиционными этапами социально-экономического планирования КНР. В течение первого периода (2003—2007 гг.) происходило формирование концепции новой политики, которая была оформлена в соответствующем

программном документе ЦК КПК. Второй этап пришёлся на период с 2007 по 2015 г. и был отражён в двух Планах возрождения Дунбэя и планах 11-й и 12-й пятилеток КНР. В это время общие положения стратегии были дополнены системой индикаторов социально-экономического развития северо-восточного региона. Третий период оформляется в 2016 г., когда новый правительственный курс был закреплён в 13-м пятилетнем плане и других документах ЦК КПК и Госсовета.

В содержательном плане политика возрождения Северо-Восточного Китая была направлена на то, чтобы приблизить Дунбэй по уровню развития к успешным восточным провинциям. Правительство предполагало достичь этой цели посредством осуществления комплекса мероприятий, таких как реструктуризация госпредприятий, повышение доли третичного сектора, создание высокотехнологичной индустрии. С развитием политики наблюдался постепенный отход от количественных индикаторов развития и увеличение числа качественных показателей, многих из которых удалось достичь.

Стратегия возрождения старопромышленной базы Северо-Востока не стала объектом масштабного финансирования Пекином. В значительном объёме деньги направлялись только посредством инвестиций центральных ведомств и государственных корпораций в основные фонды региона в 2000-е гг. Эти средства не попадали в руки местных органов власти или хозяйственной бюрократии госсектора. Стратегия никак не повлияла на финансовые потоки, распределяемые Центром в рамках государственного бюджета и банковского сектора. Налоговые преференции и административные послабления для Северо-Востока оказывались недолговечными и через несколько лет после их принятия распределялись на другие районы Китая.

Анализ дискурса центральных властей показал, что последние не видели необходимости выделять регион при распределении ресурсов в качестве приоритетного. Пекинские чиновники были уверены: ключевые проблемы региональной экономики лежат в плоскости мышления местных элит, и достаточно навянуть им передовую систему ценностей, чтобы подстегнуть социально-экономическое развитие. Через реализацию стратегии возрождения старопромышленной базы Пекин пытался стимулировать провинциальные, городские и уездные правительства действовать более решительно в реформировании госпредприятий, а хозяйствующую бюрократию — следовать законам рынка и учиться работать в конкурентной среде.

Местные власти оказались в сложной ситуации: с одной стороны, усилились требования Центра по ускоренному проведению реформ госсектора, с другой — быстрый перевод старых заводов на рыночные рельсы был невозможен, прежде всего из-за угрозы социальных потрясений. Реализация политики возрождения Северо-Востока сопровождалась фальсификацией отчётности, коррупцией (которая явилась не столько средством обогащения, сколько способом обхода рыночных правил), игнорированием директив Пекина, ростом долгов местных правительств. Эти проблемы носили общенациональный характер, но проявлялись в большем масштабе в Дунбэе. При Си Цзиньпипе была предпринята попытка исправить ситуацию путём формирования лояльной местной элиты, «закручивания гаек» в плане ужесточения дисциплины и усиления вертикали власти. Результат этих действий пока невозможно оценить, но представляется, что они, решая задачу сохранения стабильности режима, всё же не способны обеспечить опережающее социально-экономическое развитие отстающего периферийного региона.

Экономика Северо-Восточного Китая в период возрождения старопромышленной базы, сохраняя свою индустриальную специализацию, характеризовалась несбалансированностью производственной структуры и сравнительно большими меж- и внутрирегиональными диспропорциями. Среди тенденций последних полутора десятков лет можно назвать некоторое сокращение вторичного сектора и существенное расширение сферы услуг. Дунбэй не избежал общекитайской тенденции к замедлению темпов роста экономики, при этом в регионе данный тренд весьма негативно сказался на наиболее развитой провинции — Ляонине. Заметный подъём наблюдался в аграрном секторе: в пров. Хэйлунцзян произошло даже увеличение доли сельского хозяйства в экономике. Регион по-прежнему занимает ведущие позиции в производстве зерновых и мясомолочной продукции.

Политика возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая не сильно повлияла на индустриальный сектор, хотя отчасти преобразовала его организационные формы. К середине 2010-х гг. доля госпредприятий в регионе была незначительна, однако число акционерных обществ с преобладанием государственного капитала было велико. С начала XXI в. немного снизилось значение тяжёлой промышленности, но, тем не менее, этот сектор всё ещё доминирует в экономике региона.

Рыночные реформы в Китае в целом негативно сказались на внешнеэкономическом положении Дунбэя. Регион мог встроиться в международную систему разделения труда в основном за счёт экспорта сырья и продукции сельского хозяйства, в меньшей степени — трудоёмких производств. Доля региона во внешней торговле и привлечённых инвестициях Китая неизменно падала. Старопромышленная база не могла стать флагманом внешнеэкономических связей Северо-Востока, так как в целом

не была конкурентоспособной на мировом рынке. В неё также не удалось привлечь значительное количество иностранного капитала, хотя Пекин изначально предполагал, что важную роль в возрождении региона будут играть зарубежные инвестиции и технологии.

Связи с Россией и её дальневосточным регионом также не стали важным фактором развития Дунбэя. К концу второго десятилетия XXI в. между восточными районами РФ и Северо-Востоком КНР так и не сложилось глубоких кооперационных связей. Фактически вся торговля между двумя макрорегионами сконцентрирована с китайской стороны в уездах и городах вдоль государственной границы, с российской — в административных центрах приграничных регионов. Во многом торговля была посреднической и мало связанной с реальным сектором экономики Дунбэя, а производители и конечные получатели товаров находились в восточных и реже центральных провинциях КНР.

В условиях накопления издержек при реформировании госсектора давление на систему социального обеспечения значительно возросло. Тем не менее, как показывают официальные данные, государство смогло взять под контроль безработицу и снизить социальную напряжённость за счёт постоянного совершенствования программ социальных гарантий и расширения независимой от предприятий системы социального страхования. Социальное развитие северо-восточных провинций имело общие паттерны, даже различия в показателях доходов не были значительными. В 2012 г. китайское правительство на фоне замедления темпов роста национальной и региональной экономики сделало выбор в пользу перераспределительной социальной политики и активизировало кампанию по борьбе с бедностью. Мероприятия социальной политики в регионе

до 2012 г. проходили по двум направлениям: оптимизация рынка труда и расширение занятости и совершенствование базовой системы социального страхования.

В Северо-Восточном Китае по-прежнему сильна связь между экономическим и социальным развитием. Социальная политика играет ключевую роль в сокращении неравенства и повышении качества жизни населения. Отказ от двухуровневой системы социального регулирования и появление в деревне в 2009 г. форм социальной защиты, сопоставимых с городскими, постепенно приводит к сокращению разрыва между этими двумя типами поселений.

Предпринимаемые действия государства по преобразованию культурной сферы северо-восточного региона носили характер комплексного и всестороннего её включения в рыночные отношения. Идеологическим обоснованием такого решения стала концепция строительства двух цивилизаций: духовной и материальной. Культура должна была внести свой вклад не только в создание «духовной цивилизации», но также способствовать развитию «материальной цивилизации». Однако предпринятых усилий оказалось недостаточно. По уровню маркетизации культурная сфера региона отставала от экономически более развитых провинций. В Пекине подобный исход списали на недостаточное «рыночное мышление» жителей Северо-Востока, засилье прежних форм государственной поддержки культуры.

Таким образом, развитие Северо-Восточного Китая в начале нового столетия остаётся противоречивым. Нельзя сказать, что регион застыл и не может идти вперёд под давлением неконкурентоспособного госсектора, бременем моногородов и лавиной социальных проблем. В Дунбэе наблюдаются очевидные изменения: сократилась доля госсектора, некоторые моногорода

нашли успешные пути для перепрофилирования местной экономики, сформировалась система социального обеспечения, которая способствовала повышению уровня благосостояния населения. Однако исследование показало, что многие проблемы Северо-Востока были обусловлены не конъюнктурными, а фундаментальными факторами: зависимостью экономического развития от прошлого «пути», в значительной мере периферийным географическим положением (торговля с Россией и КНДР не идёт ни в какое сравнение с внешнеэкономическими связями с Японией, Южной Кореей и Тайванем). В связи с этим стратегия возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая с самого начала была обречена на скромные результаты.

Научное издание

История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.

Книга 5

**Северо-Восточный Китай в период
возрождения старопромышленной базы**

Главный редактор член-корреспондент РАН *В.Л. Ларин*

Авторский коллектив

*С.А. Иванов, И.В. Ставров, И.Ю. Зуенко,
О.Н. Рисухина, Г.В. Кондратенко*

Ответственные редакторы

кандидат исторических наук *И.В. Ставров*,
кандидат исторических наук *С.А. Иванов*

Редакторы:

*Д.С. Гусарова, М.С. Киселёва, О.П. Кормазина,
О.Н. Мальцева, Е.В. Откидыч*

Редактор электронной вёрстки *А.С. Иванов*

Подписано к печати 28.12.2018 г. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 20,69. Уч.-изд. л. 15,74. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Отделе информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН.

690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Тел.: (423) 222-05-07.

E-mail: ihae@eastnet.febras.ru